Генералъ-Адъютантъ

Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ

Составилъ В. Потто

ТИФЛИСЪ
Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій просп., № 81.
1900

Дозволено Цензурою. Тифлисъ, 24 Декабря 1899 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Глава I.

Откуда ведетъ начало фамилія Лазаревыхъ.—Карабагъ XVI вѣка.—Армянскія меликства.—Каспаръ-ага и образованіе имъ въ Зангезурѣ новаго тегскаго меликства.—Политическія событія въ странѣ до смерти Шахъ-Надира въ 1747 году.—Панахъ-ханъ Карабагскій.—Борьба съ нимъ армянскихъ меликовъ.—Шамхоръ и его воинственные обитатели.—Маилъ-бекъ и сынъ его Ахназаръ—предводители армянскихъ партизановъ.—Пораженіе татарской конницы надъ Шамхоромъ и смерть Маила.

Генералъ-адъютантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ выдающихся дѣятелей, которые невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе современниковъ, а потомъ передаютъ свои имена исторіи, чтобы стать примѣромъ грядущимъ поколѣніямъ.

Фамилія Лазаревыхъ происходитъ отъ стародавняго благороднаго рода Зангезура (Верхняго Карабага) и ведетъ своё начало отъ нѣкоего Каспаръ-аги, перешедшаго сюда изъ Лори (Сомхетіи) въ первой половинѣ XVII вѣка.

Кто былъ Каспаръ-ага и въ какихъ именно узахъ родства находилась съ нимъ нынѣшняя фамилія Лазаревыхъ,—никакихъ письменныхъ свѣдѣній не имѣется. Въ такой странѣ, какъ Карабагъ, гдѣ никогда не существовало ни церковныхъ метрическихъ записей, ни родословныхъ книгъ или грамотъ, гдѣ все основывалось только на преданіяхъ старыхъ людей, да, пожалуй, еще на нѣкоторыхъ шахскихъ фирманахъ, прослѣдить исторію какого либо рода, чтобы добраться до его родоначальника по восходящей линіи, трудъ почти невозможный. И первымъ, *несомнѣнно историческимъ*, лицомъ изъ рода Каспаръ-аги, въ фамиліи Лазаревыхъ, является нѣкто Маилъ-бекъ, прадѣдъ Ивана Давыдовича, жившій въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Старики Карабага хорошо помнили этого Маила, оставившаго послѣ себя въ народѣ память

отважнаго партизана, сложившаго свою голову въ борьбѣ за независимость родного Зангезура. Но еще большею военною извѣстностью пользовался одинъ изъ сыновей его Ахназаръ (родной дѣдъ нашего генерала), погибшій вмѣстѣ со своею храброю дружиной уже при нашествіи Аги-Магометъ-хана.

Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ предкахъ Ивана Давыдовича, мы должны сказать нѣсколько словъ вообще о судьбахъ самаго Карабага со времени переселенія въ него Каспаръ-Аги, съ которымъ связываются фамильныя преданія Лазаревыхъ. Вотъ что извѣстно намъ изъ достовѣрныхъ историческихъ документовъ, а также изъ разсказовъ старыхъ людей Карабага и семейныхъ записей.

Среди обломковъ нѣкогда великаго Армянскаго царства, Карабагъ, принадлежавшій тогда персіянамъ, одинъ сохранилъ у себя, какъ памятники минувшаго величія, тѣ родовые удѣлы армянскихъ меликовъ, которые занимали собою все пространство отъ рѣки Аракса до Куракъ-чая, что въ 20 верстахъ отъ Ганжи, нынѣшняго Елисаветполя. Въ Арцахѣ, или въ Нижнемъ Карабагѣ, эти родовые удѣлы были: Дизакъ, Варанда, Хаченъ, Чаропертъ и Гюлистанъ, собственно и составлявшіе Карабагское владѣніе, какъ говорятъ о томъ русскіе историческіе акты. Горная часть Карабага, или Зангезуръ, заключала въ себѣ только одно значительное меликство —Кштахское, окруженное землями другихъ, болѣе мелкихъ армянскихъ владѣльцевъ; а часть, прилегавшая къ самому Араксу и въ древности извѣстная подъ именемъ Утикъ, по преимуществу была населена кочевыми татарскими племенами. Среди разрушенія и общаго погрома Армянскаго царства владѣтели этихъ удѣловъ, мелики, одни съумѣли сохранить за собою свои старинныя наслѣдственыя права и даже удержать въ странѣ, до самаго конца XVIII вѣка, тотъ политическій строй ко-

торый сложился сдѣсь со временъ персидскихъ царей Сефовидовъ. Какъ вассалы Персіи, они утверждались въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ персидскими шахами и платили имъ дань, но зато сохраняли полную самостоятельность во внутреннемъ управленіи своими землями, имѣли свой судъ и расправу, свои укрѣпленные замки и даже собственныя дружины, которыя охраняли край отъ лезгинъ и турокъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ началѣ XVII вѣка нѣкто Каспаръ-ага со всѣми своими родичами и подвластными деревнями вышелъ изъ Лори сначала въ Гокчинскій округъ, а черезъ два года перешелъ въ Зангезуръ, гдѣ занялъ разоренное селеніе Тегъ и поселилъ съ собою цѣлую деревню Харатъ, выведенную имъ изъ Гокчи. Родичи его, къ которымъ принадлежали и предки Ивана Давыдовича, приняли тогда достоинство бековъ (дворянъ) и основалисъ по близости отъ Тега въ селеніи Халякъ, существующемъ и понынѣ. Что же касается до остальныхъ деревень, то они, занявъ бассейнъ рѣки Акары, составили лигу съ мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ и, такимъ образомъ, среди Зангезурскихъ горъ, на самой границѣ сльнаго Кштахскаго меликства, возникло новое небольшое владѣвіе, которое, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія для своего существованія, среди разражавшихся тогда политическихъ бурь, просуществовало почти три столѣтія.

Въ сосѣдствѣ съ Тегомъ, какъ мы уже сказали, лежало значительное Кштахское меликство съ городкомъ Ханацекъ, владѣтель котораго меликъ Гайказъ, современникъ шахъ-Аббаса, пользовался въ краѣ особымъ значеніемъ по древности своего рода, и не безъ основанія титуловался: „садиръ-нишынъ“ и „милюкюль-милюкъ“, т.-е. князь князей или владыка владыкъ *).

*) Садиръ-Нишынъ въ переводѣ значитъ: „сидящій въ присутствіи шаха выше всѣхъ, или занимающій послѣ него первое мѣсто.

По исторіи Сюника, составленной въ XIII вѣкѣ митрополитомъ Стефаномъ Орбеліани, большая часть знатныхъ и благородныхъ фамилій Зангезура ведетъ свое начало именно отъ этаго владѣтельнаго дома „Гайказуникъ“, и есть основаніе думать, что Каспаръ-ага, поселившійся въ бассейнѣ рѣки Акары, также принадлежалъ къ этому знатному и почетному роду. Легенда, записанная о его переселеніи изъ Лори, не можетъ служить доказательствомъ, что онъ былъ уроженецъ Сомхетіи, потому что въ тѣ времена почти всѣ знатныя фамиліи Карабага покидали родину во дни невзгодъ и возвращались назадъ по миновеніи злосчастной эпохи. На этотъ вопросъ отчасти проливаетъ свѣтъ и тождественная легенда о родѣ дизакскихъ меликовъ, которые также уходили въ Лори и также, какъ Каспаръ-ага, возвратились въ свои наслѣдственныя владѣнія черезъ Гокчинскій округъ. Тождественность этихъ двухъ легендъ даетъ право заключить, что Каспаръ-ага или его предки были зангезурцы и вернулись изъ Лори опять къ своимъ, давно покинутымъ, роднымъ очагамъ. Иначе трудно допустить, чтобы кштахскіе мелики при той самостоятельности, которою пользовались они у персидскаго правительства, дозволили бы устраиваться на своихъ границахъ какимъ-то новымъ, никому невѣдомымъ пришельцамъ.

Но какъ ни сильно было Кштахское меликство, оно съ теченіемъ времени стало клониться къ упадку, и не прошло столѣтія, послѣ переселенія сюда Каспаръ-аги, какъ потомки мелика Гайказа уже сошли съ политической сцены и по превратностямъ судьбы утратили родовыя достоянія предковъ. Въ Зангезурѣ самостоятельныя меликства только и остались тогда, что въ Тегѣ, да еще въ Хинзырякѣ, извѣстномъ неприступностью своего мѣстоположенія.

Надо сказать, что переселеніе Каспаръ-аги въ Зан-

гезуръ совпало въ Карабагѣ съ тревожнымъ и смутнымъ временемъ, когда преобладающее значеніе въ немъ получали то персіяне, то турки, то лезгины, оспаривавшіе другъ у друга владычество надъ Закавказьемъ. И всѣ эти народы одинаково оставляли послѣ себя только опустошенныя поля и сожженыя деревни. Изъ года въ годъ, цѣлыя столѣтія тянулась эта несмолкаемая, мучительная борьба, и маленькій христіанскій народъ героически держался среди окружавшаго его мусульманскаго міра.

Единственнымъ свѣтлымъ лучемъ, прорѣзавшимъ черныя тучи, для этого христіанскаго народа является въ половинѣ минувшаго вѣка царствованіе въ Персіи побѣдоноснаго Шахъ-Надира, который, цѣня услуги и мужество карабагскихъ меликовъ, не только укрѣпилъ за ними ихъ родовые удѣлы, но и поставилъ ихъ въ непосредственную зависимость отъ одного себя.

Счастливая пора эта продолжалась однако недолго и кончилась вмѣстѣ со смертью шаха, погибшаго, какъ извѣстно, въ 1747 году. Послѣ него въ Персіи начинаются междоусобныя войны за обладаніе престоломъ, а, пользуясь этимъ, возникаютъ смуты и въ самомъ Закавказьѣ, гдѣ многіе честолюбцы прокладываютъ путь себѣ къ отличіямъ и становятся властителями провинцій, отторгнутыхъ ими отъ Персіи. Такъ было и въ Шекѣ и Ширвани, и точно такая же судьба постигла Карабагъ въ 1748 году, когда одинъ изъ старшинъ джеванширскаго племени, нѣкто Панахъ, поднялъ своихъ кочевыхъ татаръ и провозгласилъ себя карабагскимъ ханомъ. При единодушіи армянъ, коренныхъ аборигеновъ края, конечно, этого никогда не могло бы случиться; но причиною новыхъ бѣдствій страны именно послужили ихъ внутренніе раздоры.

Исторія разсказываетъ, что два арцахскіе мелика Адамъ и Іосифъ, владѣтели Чароперта и Гюлистана, воз-

будили къ себѣ вражду сильнаго варандинскаго мелика Шахназара, который, чтобы одолѣть своихъ противниковъ, вошелъ въ тѣсную связь съ Панахомъ и далъ ему право построить среди своихъ владѣній на неприступной скалѣ грозную крѣпость Шушу *).

Тогда остальные мелики вынуждены были уступить обстоятельствамъ и признать Панаха, но далеко не всѣ сдѣлали это искренно. Старые беки, видѣвшіе въ немъ только узурпатора, не могли примириться съ новымъ положеніемъ и считали позоромъ признавать главенство надъ собою простого татарина. И они воспользовались первымъ случаемъ, чтобы стать на сторону его противниковъ. Поводомъ къ этому послужило нашествіе на Карабагъ урмійскаго Фет-Али-хана, къ которому пристали мелики Адамъ и Іосифъ, а на помощь къ нимъ явились и зангезурцы. Вотъ здѣсь-то, впервые, въ числѣ предводителей армянскихъ дружинъ, мы и встрѣчаемъ имя Маила-бека (прадѣда Ивана Давыдовича), явившагося сюда съ тремя сыновьями и зятемъ Арасханомъ, за которымъ была въ замужествѣ его единственная дочь, Арзія. Этотъ Арасханъ принадлежалъ къ прямымъ потомкамъ владѣтельнаго рода мелика Гайказа и не утратилъ еще вліянія среди зангезурцевъ, помнившихъ дѣянія его славныхъ предковъ.

Война, поведенная Фет-Али-ханомъ, окончилась однако мирнымъ договоромъ, по которому Панахъ обязался заплатить ему контрибуцію и дать въ заложники старшаго сына своего, Ибрагима. Совсѣмъ не такихъ результатовъ ожидали мелики, домогавшіеся совершеннаго иизложенія узурпаторскаго ханства. Покинутые союзникомъ, они не хорѣли уже остаться въ Карабагѣ и обратились къ ганжинскому хану съ просьбою уступить подъ ихъ поселеніе Шамхорскій округъ. Просьба

*) Собраніе актовъ, относящихся къ исторіи армянскаго народа.

эта была исполнена, и цѣлыя два меликства, Чаропертъ и Гюлистанъ, удалились въ Шамхоръ, куда вслѣдъ за ними послѣдовали и наши зангезурцы. Холякъ опустѣлъ и былъ занятъ могаурскими курдами, которые остаются въ немъ и до настощаго времени.

Такимъ образомъ, въ Шамхорѣ сложилось новое владѣніе, родъ военнаго братства, поставившаго себѣ задачей непримиримую вражду съ Карабагомъ. Но Панахъ умеръ, и войну пришлось вести уже его сыну Ибрагиму, наслѣдовавшему по смерти отца карабагское ханство. Это была война чисто партизанская, война засадъ и набѣговъ, въ которыхъ никто не превосходилъ зангезурцевъ, выросшихъ среди опасностей суровой горной природы. Они появлялись вездѣ, какъ неуловимыя призрачныя тѣни, какъ грозные духи отмщенья, и наводили страхъ, распространявшійся до самыхъ стѣнъ неприступной Шуши. Они держали въ трепетѣ все населеніе, и имена Арасхана, Маила и, въ особенности, младшаго сына его Ахназара получили въ народѣ широкую извѣстность. Война эта велась семь лѣтъ, и семь лѣтъ рѣчка Теръ-Теръ составляла запретную грань, черезъ которую не смѣлъ переступить ни одинъ караванъ съ карабагскими товарами. Внутренняя производительность страны съ каждымъ годомъ падала, торговля остановилась.

Ибрагимъ-ханъ видѣлъ бѣдствія, причиняемыя его народу горстью отважныхъ людей, и рѣшилъ покончить съ нею однимъ ударомъ. Лѣтомъ 1767 года десять тысячъ конныхъ татаръ, предводимыхъ самимъ Ибрагимомъ, выступили изъ Карабага и двинулись черезъ Караязскую степь, распуская слухъ, что идутъ на шамшадыльскихъ курдовъ. Они хотѣли усыпить бдительность шамхорцевъ и захватить ихъ врасплохъ. Но едва вошли они въ Шамшадылъ, какъ пришло извѣстіе, что армяне приготовились къ бою и ждутъ ихъ въ своихъ укрѣп-

леніяхъ. Открытый приступъ не входилъ въ расчеты Ибрагима, и онъ, повернувъ на Гокчу, внезапно бросился на курдскія качевья, подвластныя чаропертскому мелику, чтобы этимъ разгромомъ подорвать матеріальныя средства возставшихъ. Набѣгъ былъ удачный. Обремененные добычей и плѣнными, татары возвращались уже назадъ, какъ вдругъ четырехъ-тысячная армянская конница преградила имъ путь невдалекѣ отъ Шамхора. Слабѣйшіе числомъ, но движимые ненавистью къ татарамъ, армяне бросились въ рукопашный бой и нанесли имъ такое пораженіе, что самъ Ибрагимъ едва ускакалъ, а его татары усѣяли своими тѣлами все шамхорское поле; добыча была отбита, полóнъ освобожденъ, и армяне привели съ собой до тысячи плѣнныхъ. Гордые своею побѣдой, они однако возвратились въ Шамхоръ далеко уже не въ томъ числѣ, въ какомъ изъ него вышли: потери ихъ оказались значительными, и въ числѣ убитыхъ былъ поднятъ Маилъ. Такъ окончилъ свою жизнь этотъ старый боецъ и легъ въ чужую землю, гдѣ время изгладило даже могилу его, затерявшуюся въ массѣ другихъ магилъ столѣтняго шамхорскаго кладбища.

Глава II.

Возвращеніе шамхорскихъ выходцевъ на родину.—Ахназаръ—Дѣдъ Ивана Давыдовича.—Геройская смерть его при защитѣ Шуши.—Давидъ—единственный сынъ Ахназара.—Его безрадостное дѣтство.—Переселеніе въ Нуху и событія, которыхъ Давидъ былъ свидѣтелемъ.—Возвращеніе въ Шушу.—Новая жизнь на родинѣ.—Хозяйственныя заботы.—Кончина Давида.

Побѣда, одержанная шамхорцами, повела за собою перемѣну во внутренней политикѣ каробагскаго ханства. Ибрагимъ понялъ, что ему не справиться съ возставшими армянами, и предложилъ имъ вернуться на родину, обѣщая полное забвеніе прошлаго. Мелики, съ своей стороны доведенные войною до крайности, приняли это предложеніе, съ условіемъ однако, чтобы ханъ не вмѣшивался въ ихъ внутреннее управленіе. Условія эти были скрѣплены присягою. Тогда Арасханъ и Ахназаръ вмѣстѣ съ другими вернулись въ Карабагъ, но старшіе братья Ахназара, Сафаръ и Халафъ, предпочли поселиться въ Ширвани.

Кстати замѣтимъ, что сынъ этого Сафара, Рустемъ-бекъ (слѣдовательно, двоюродный дядя Ивана Давыдовича), служилъ въ 1829 году въ армянской сотнѣ 2-го конно-мусульманскаго полка, сформированнаго Паскевичемъ изъ жителей Ширванской провинціи, и былъ извѣстенъ своими подвигами во время турецкой кампаніи. Онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи 19 іюля подъ Хартомъ, и похороненъ въ Бейбуртѣ, въ оградѣ тамошней армянской церкви. Тамъ и теперь стоитъ его памятникъ съ слѣдующею надгробною надписью: „Я, Рустемъ-бекъ, шемахинецъ, сынъ мелика Сафара, жестоко раненъ въ великой битвѣ близъ деревни Хара, 1829 г.“

Вернувшись въ Карабагъ, Ахназаръ, или какъ его называли армяне, Егіазаръ (т. е. Лазарь), нашелъ Хо-

лякъ уже занятымъ курдами и поселился въ новомъ Ханацекѣ, въ предѣлахъ Хаченскаго меликства. Старики разсказываютъ, что жилъ онъ въ Ханацекѣ, вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ Арасханомъ, и оба пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ, какъ люди, пріобрѣтшіе извѣстность своими военными подвигами. Ханъ также зналъ имена ихъ, а одно случайное обстоятельство способствовало и къ болѣе близкому знакомству его съ Ахназаромъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ:

Однажды, вскорѣ послѣ своего возвращенія, Ахназаръ вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей проѣзжалъ мимо татарскаго кочевья, охраняемаго большими овчарками. Злобныя собаки напали на нашихъ путниковъ съ такимъ остервенѣніемъ, что едва не разстерзали ихъ лошадей. Дѣло было подъ вечеръ; невдалекѣ горѣлъ костеръ, и девять человѣкъ татаръ, варившихъ ужинъ, съ видимымъ удовольствіемъ любовались всей этою сценой, не отгоняя собакъ. Но едва ахназаръ, схватившій тяжелую палицу, висѣвшую у него за сѣдломъ, убилъ одну изъ овчарокъ, какъ татары съ крикомъ и бранью набросились на нашихъ всадниковъ. Товарищъ Ахназара ускакалъ въ ближайшую деревню, чтобы вызвать помощь, а Ахназаръ, перебившій и переранившій нѣсколько человѣкъ, получилъ одинадцать ранъ, и его выручили уже подоспѣвшіе армяне. Тогда онъ приказалъ имъ снарядить арбу и вести себя прямо въ Агдамъ, гдѣ находилась лѣтняя резиденція хана.

— Я требую, ханъ, твоего правосудія, сказалъ ему Ахназаръ. Мы послѣдовали твоему совѣту и вернулись на родину. И вотъ, взгляни на эти раны: девять человѣкъ твоихъ татаръ напали наменя одного.

Разгнѣванный ханъ приказалъ собрать къ себѣ ближайшія кочевья, и когда Ахназаръ указалъ на двухъ отмѣченныхъ его тяжелою палицей, ханъ вызвалъ ихъ впередъ и сказалъ народу:

— „Они поступили, какъ трусы и подлые разбойники; ихъ было девять человѣкъ, и они не постыдились напасть на одного героя, съ которымъ я только что примирился. Да будетъ память ихъ покрыта позоромъ“. Онъ махнулъ рукой, и ханскіе палачи тутъ же ихъ обезглавили. Народъ разошелся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ суроваго правосудія.

Ахназаръ, благодаря богатырской натурѣ, скоро излѣчился отъ ранъ, а между тѣмъ случай этотъ сблизилъ его съ наслѣдникомъ Ибрагима, Мамедъ-Гасанъ-агою, который сохранилъ къ нему дружбу до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни. Ахназаръ умеръ въ 1795 году, когда на горизонтѣ Карабага появилась черная туча, грозившая не только ниспроверженіемъ мусульманскаго ханства, но и окончательнымъ истребленіемъ всего татарскаго и христіанскаго населенія, равно ненавистныхъ жестокому властителю Ирана. То было грозное нашествіе Аги-Магомета-хана, еще разъ выдвинувшее на историческую сцену знакомое намъ имя Ахназара.

Новый властитель Ирана, Ага-Магометъ-ханъ, превосходившій своею жестокостью всѣхъ бывшихъ властителей Персіи, заботился не о томъ, чтобы самому утвердиться на престолѣ, а чтобы возвратить Персіи всѣ потери, понесенныя ею во времена междуусобій, и далъ обѣтъ до тѣхъ поръ не принимать титула шаха, пока власть его не будетъ признана на всемъ пространствѣ обширнаго Ирана.

Грузія, въ которой шахъ, конечно, видѣлъ только свою отложившуюся провинцію, первая должна была испытать на себѣ страшную мѣсть за сношенія съ русской державой. Но на пути въ Грузію лежали еще сопредѣльныя съ нею магометанскія ханства. Впрочемъ, ни одно изъ нихъ не осмѣлилось противиться грозному завоевателю, и только одинъ владѣтель Карабага, ханъ Ибрагимъ, наотрѣзъ отказался войти въ переговоры и,

укрѣпившись въ Шушѣ, готовился къ отчаянной обо-
ронѣ.

Высоко, до самыхъ облаковъ, говоритъ лѣтописецъ, поднималась гранитная шушинская крѣпость, построенная среди утесистыхъ горъ, образующихъ между собою только одинъ узкій проходъ, который брать открытою силой было почти немыслимо. Даже вершина отвѣсной скалы, гдѣ стоялъ ханскій дворецъ, могла служить прекраснымъ редюитомъ, не сокрушимымъ при мужествѣ его защитниковъ. И ханъ, и карабагцы справедливо гордились неприступностью этого мѣста и съ презрѣніемъ относились къ угрозамъ Аги-Магомета-хана, сказавшаго разъ, что онъ нагайками своей кавалеріи закидаетъ шушинское учелье. И вотъ, лѣтомъ 1795 года, персидскія войска вошли въ Карабагъ и обложили Шушу. Крѣпость они нашли готовою къ защитѣ. Но такъ какъ на добровольную сдачу ея расчитывать было нельзя, а длить осаду являлось невозможнымъ, то ханъ рѣшился пожертвовать своимъ самолюбіемъ и, обойдя ее стороною, двинулся прямо на Грузію. Шуша на этотъ разъ отстояла свою независимость, но за то страна буквально лежала въ развалинахъ. Вотъ, во время этой-то кратковременной осады, при самомъ ея началѣ, и произошелъ одинъ эпизодъ, на которомъ мы должны остановить вниманіе читателей.

Еще въ то время, какъ главныя персидскія силы только что переправлялись черезъ Араксъ, передовой отрядъ, высланный Ага-Магометомъ-ханомъ, дошелъ уже до Шуши и расположился лагеремъ у Ханъ-Кенды, всего верстахъ въ семи отъ крѣпости. Ибрагимъ-ханъ хотѣлъ воспользоваться тотчасъ его изолированнымъ положеніемъ, но, не рискуя сдѣлать вылазку съ значительными силами, отправилъ противъ него только своихъ четырехъ сыновей съ татарскою конницей. Старшій изъ нихъ, Мамедъ-Гассанъ-ага, вспомнилъ тогда о старомъ

бойцѣ Ахназарѣ и просилъ его придти на помощь съ дружиною пѣшихъ охотниковъ. Ахназаръ тотчасъ собралъ 250 человѣкъ отборныхъ армянъ и двинулся съ ними за конницей, чтобы въ случаѣ надобности послужить для нея опорой. Выступили на разсвѣтѣ, но едва миновали мостъ черезъ рѣчку Кайбала-чай, протекающую въ узкомъ оврагѣ между двумя отвѣсными скалами, какъ неожиданно встрѣтились съ непріятелемъ. Персіяне, очевидно предупрежденнные о намѣреніи шушинцевъ, сами вышли навстрѣчу и устроили засаду. Ошеломленная внезапнымъ залпомъ, татарская конница смѣшалась и обратилась въ бѣгство. Трое ханскихъ сыновей ускакали первыми. Четвертый, Мамедъ-Гассанъ, не хотѣвшій послѣдовать примѣру братьевъ, напрасно старался образумить бѣгущихъ. Онъ остался одинъ и, видя, что дорога къ мосту уже захвачена непріятелемъ, не раздумывая долго, далъ нагайку коню, и добрый гнѣдой жеребецъ, какъ птица, перенесъ его черезъ пропасть съ одной скалы на другую. Такимъ образомъ, дружина Ахназара очутилась одна лицомъ къ лицу съ непріятелемъ; но она не подалась ни шагу назадъ и два часа билась съ огромными персидскими силами. Напрасно персіяне требовали сдачи. Армяне отвѣчали выстрѣлами, и когда не стало зарядовъ, дружина была истреблена до послѣдняго человѣка. Двѣсти пятьдесятъ тѣлъ, скученныхъ на тѣсномъ пространствѣ, краснорѣчиво говорили о совершенномъ здѣсь подвигѣ. Одинъ трупъ былъ безъ головы, и только по клочкамъ оборванной и перепачканной кровью одежды узнали въ немъ трупъ Ахназара. Персіяне замѣтили въ лицо отважнаго предводителя, и голову его, какъ трофей побѣды, повергли къ стопамъ Аги-Магомета-хана. Тѣло Ахназара предано было землѣ въ Новомъ-Ханацекѣ, и обрядъ погребенія совершалъ надъ нимъ священникъ теръ-Іосифъ—старецъ, дожившій до пятидесятыхъ годовъ нашего сто-

лѣтія и скончавшійся въ Ханацекѣ болѣе чѣмъ 110 лѣтъ отъ роду.

Такова была судьба Ахназара, память о которомъ и доселѣ живетъ среди карабагцевъ. Отъ его то имени Егіазаръ и произошла нынѣшняя фамилія Лазаревыхъ.

Послѣ смерти Ахназара остался единственный сынъ его Давидъ, шести лѣтъ, и дочь Арзія, находившаяся тогда уже въ замужествѣ за племянникомъ извѣстнаго варандинскаго мелика Шахназара. Давидъ остался на рукахъ своей матери Тамары, которая во время нашествія Аги-Магомета-хана лишились всего своего состоянія. Впрочемъ, тяжелые дни, переживаемые тогда Карабагомъ, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, и безъ Аги-Магометъ-хана, не могли не отразиться на благосостояніи и даже на разореніи частныхъ семей. Какъ мелкій азіятскій деспотъ. Ибрагимъ не могъ выносить вокругъ себя ничьей самостоятельности, а тѣмъ болѣе никогда не могъ примириться съ самостоятельностью христіантскихъ меликовъ, которымъ имѣлъ достаточныя основанія не вѣрить. Окончательный разрывъ между ними произошелъ еще въ 1783 году, когда русская императрица приняла подъ свое покровительство Грузію. Тогда и карабагскіе мелики, составившіе между собою тайный договоръ, присягнули на подданство Россіи. Ибрагимъ молчалъ, пока ему грозила близость русскихъ штыковъ, но едва войска, стоявшіе въ Тифлисѣ, возвратились на линію, какъ онъ поторопился наложить на меликовъ свою тяжелую руку. Одни изъ нихъ были умерщвлены наемными убійцами, другіе, арестованы, иные бѣжали въ Грузію или въ сосѣднія ханства, и ихъ имущество конфисковалось въ пользу ханской казны. Даже маленькое меликство, державшееся въ Тегѣ со временъ Каспаръ-аги, дожило

въ то время свои послѣдніе дни, и уничтожилось вмѣстѣ съ бѣгствомъ послѣдняго мелика Давида, нашедшаго убѣжищѣ въ Эчміадзинѣ. Такъ одни за другими пали и послѣдніе остатки древнихъ родовыхъ удѣловъ Арменіи, На мѣсто бѣжавшихъ или истребленныхъ меликовъ Ибрагимъ назначилъ новыхъ, но уже изъ простыхъ старшинъ, не имѣвшихъ въ глазахъ народа ни малѣйшаго авторитета. И народъ самъ называлъ ихъ „меликами ханскими", въ отличіе отъ прежнихъ своихъ родовыхъ владѣльцевъ.

Въ такомъ положеніи находилась страна, когда повторилось нашествіе Аги-Магомета-хана въ 1797 году. На этотъ разъ Ибрагимъ, лишенный поддержки своихъ подданныхъ, бѣжалъ къ джарскимъ лезгинамъ, и Шуша была занята персіянами безъ боя. Жестокій шахъ, конечно, не оставилъ бы отъ Карабага даже слѣдовъ, если бы внезапная смерть не положила конецъ его жестокостямъ: онъ былъ убитъ въ ханскомъ дворцѣ своими собственными слугами, и войско его, пораженное паникой, бѣжало въ Персію. Тогда Ибрагимъ возвратился назадъ, но возвратился уже грознымъ мстителемъ за пережитое имъ униженіе. Теперь онъ уже не довольствовался истребленіемъ знатныхъ армянскихъ родовъ, но еще съ большимъ ожесточеніемъ началъ преслѣдовать людей состоятельныхъ, заставляя ихъ подъ пытками открывать свои богатства, которыя и переходили въ его жадныя руки. Къ этимъ народнымъ бѣдствіямъ прибавился еще страшный голодъ, вызванный двукратнымъ нашествіемъ персовъ и продолжавшійся цѣлые три года. Народъ тысячами покидалъ Карабагъ и уходилъ въ разныя стороны; многіе умирали отъ голода на дорогахъ, и трупы ихъ валялись не прибранными. Въ эту несчастную годину появилась чума, нашедшая свои безчисленныя жертвы, и христіанское населеніе Карабага, какъ говорятъ старики, уменьшилось почти на сорокъ тысячъ дымовъ.

Таковы были впечатлѣнія, вынесенныя маленькимъ Давидомъ изъ его, не знавшаго радостей, дѣтства. Мать его, Тамара, также умерла отъ эпидеміи въ 1798 году, и его взяла къ себѣ сестра его, Арзія, жившая съ мужемъ въ Чинахчахъ, родовомъ помѣстьи варандинскихъ меликовъ. Но черезъ два года умерла и Арзія. Малолѣтній Давидъ, оставшійся круглымъ сиротой и безъ всякихъ средствъ къ жизни, былъ отвезенъ въ Нуху.

Давиду было уже шестнадцать лѣтъ, когда въ судьбахъ Карабага совершилась новая перемѣна. Ибрагимъ-ханъ былъ убитъ въ перестрѣлкѣ съ русскими войсками, и Карабагъ, подъ управленіемъ сына его Мехти-Кули-хана, поступилъ въ число русскихъ владѣній. Вслѣдъ за Карабагомъ пала и самостоятельность Шекинскаго ханства; въ Нуху вступили русскія войска, и съ этого дня Давидъ фактически становится русскимъ подданнымъ. Въ Нухѣ, лежавшей въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій, народная жизнь текла ровнѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ Карабагѣ, находившемся какъ разъ на пути персидскихъ вторженій въ Грузію. Нуху тревожили только разбойничьи набѣги лезгинъ, а Карабагъ служилъ постоянною ареной для столкновеній двухъ могущественнѣйыхъ державъ Востока и Сѣвера. Въ немъ и теперь находилась сильная персидская армія, призванная сюда для защиты противъ русскихъ еще Ибрагимомъ. И русскимъ не дешево досталось пріобрѣтеніе Карабага. Въ то время, какъ горсть нашихъ солдатъ, въ четыреста человѣкъ, подъ начальствомъ безсмертнаго Карягина, билась при Аскаранѣ съ 20-ю тысячной персидской арміей, весь Карабагъ уже перешелъ на сторону нашихъ враговъ, и татарская конница находилась въ персидскомъ станѣ. Иціановъ пытался призвать къ оружію армянское населеніе. „Неужели вы, армяне Карабага,—писалъ онъ въ одной изъ своихъ прокламацій,—доселѣ славившіеся своею храбростью, перемѣнились и сдѣлались женоподоб-

ными. Вспомните прежнюю вашу славу, будьте готовы къ побѣдамъ и покажите, что вы все тѣ же храбрые армяне-карабагцы, которые всегда были грозою для персидской конницы".

Но въ опустошенной странѣ не было теперь ни старыхъ бойцовъ, ни отважныхъ предводителей ихъ— меликовъ. Одни лежали въ могилахъ, другіе были разорены, и горькая борьба съ нуждою оковывала ихъ, когда то, могучія силы; большинство и совсѣмъ покинуло родину, разбредясь по сосѣднимъ владѣніямъ. Въ равнинахъ Карабага, прилегавшихъ къ персидскимъ границамъ, никто не осмѣливался даже селиться, и тамъ повсюду виднѣлись только развалины селъ, остатки обширныхъ шелковичныхъ садовъ, да запущенныя и брошенныя поля. Тѣмъ не менѣе нѣсколько сотенъ конныхъ армянъ тотчась откликнулись на призывъ Циціанова, и подъ предводительствомъ Джамшида, примкнули къ русскимъ войскамъ.

Если Давидъ, при его склонности къ военному дѣлу, не присталъ тогда къ этой дружинѣ, то только потому, что былъ далеко отъ родины, въ Нухѣ, гдѣ ханъ шекинскій, уже замышлявшій измѣну, учредилъ за армянами самый строгій надзоръ. Давидъ помнилъ, какъ гордо выступило изъ городскихъ воротъ шекинское войско, вѣя безчисленными знаменами, чтобы идти на Тифлисъ, и какъ это войско, разбитое на голову, въ ужасѣ бѣжало обратно въ Нуху, а по его пятамъ явились и русскіе. Городъ былъ взятъ штурмомъ, и ханскій дворецъ сдѣлался добычей побѣдителей. Вообще, судьба поставила Давида очевидцемъ и современникомъ многихъ событій той легендарной эпохи, когда гремѣли имена Циціанова, Карягина, Небольсина, Лисаневича, Несвѣтаева, Портнягина и Котляревскаго.

Въ 1813 году персидская война наконецъ окончилась, и всѣ мусульманскія ханства, прилегавшія къ Гру-

зіи, на вѣчныя времена были закрѣплены за Россіею. Съ этихъ поръ для Закавказья начинается эпоха внутренняго развитія, нарушаемаго еще по временамъ только дикими проявленіями ханскаго своеволія. Но и ханская власть доживала въ краѣ уже свои послѣдніе годы. Въ эти дни наступившаго спокойствія и мира Давидъ, съ умѣвшій своими трудами пріобрѣсти уже небольшой капиталъ, порѣшилъ заняться торговлей съ Персіей, и этимъ путемъ скоро составилъ себѣ значительное состояніе, которое обратилъ на удовлетвореніе своей страсти къ породистымъ верховымъ лошадямъ.

Обезпечивъ себя матеріально, Давидъ возвратился въ Шушу и въ 1815 году женился на Маріи Калантаровой, дочери Агабека Калантарова, арендовавшаго ханскій монетный дворъ. Тогда же онъ выстроилъ себѣ большой каменный домъ въ европейскомъ стилѣ, считавшійся въ то время единственнымъ въ той части города, гдѣ все еще жило въ сакляхъ съ плоскими крышами и неогороженными дворами. У Давида домъ былъ обнесенъ каменною оградой, и тамъ же выстроена была просторная конюшня, гдѣ стояли его любимыя верховыя лошади.

Въ этомъ домѣ, который существуетъ и понынѣ, 17-го ноября 1820 года и родился Иванъ Давыдовичъ, которому судьба отводила такое выдающееся мѣсто среди побѣдоносныхъ русскихъ вождей.

Въ 1824 году лѣтомъ Давидъ, объѣзжая свои табуны, попалъ подъ страшный ливень съ грозой и бурей, простудился и, несмотря на свою богатырскую натуру, скончался въ Нухѣ отъ воспаленія легкихъ, когда ему не было и тридцати шести лѣтъ отъ роду.

Этимъ мы можемъ закончить родословную Ивана Давыдовича, и дѣдъ, и прадѣдъ, и двоюродный дядя котораго погибли въ бояхъ, оставивъ послѣ себя почетную память въ потомствѣ. И самъ Иванъ Давыдовичъ, унаслѣдовавшій отъ нихъ, вмѣстѣ съ богатырскою наружностью, и богатырскій духъ, и страстную любовь къ военному дѣлу, является достойнымъ носителемъ ихъ славнаго имени, и какъ бы прямымъ продолженіемъ ихъ доблестныхъ семейныхъ традицій.

Глава III.

Семья Лазаревыхъ послѣ смерти Давида и заботы о ней Агабека Калантарова.—Дѣтскія воспоминанія Ивана Давыдовича о блокадѣ Шуши персіянами и впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ стѣнъ осажденнаго города.—Мирные дни Карабага.—Какъ и чему начали обучать Ивана Давыдовича.—Желаніе Агабека подготовить его къ духовному сану.—Неподатливость въ этомъ случаѣ натуры молодого Лазарева, стремившагося къ военному поприщу.—Его забавы, игры и сближеніе съ русскимъ солдатомъ.—Пріѣздъ въ Шушу старшаго брата его—Бабаджана.—Составленіе имъ подробной родословной таблицы фамиліи Лазаревыхъ.—Офиціальная провѣрка собранныхъ и представленныхъ имъ документовъ,—Ханское свидѣтельство, и причисленіе фамиліи Лазаревыхъ къ русскому потомственному дворянству.—Отправленіе въ кадетскій корпусъ младшаго брата—Якова.—Иванъ Давыдовичъ принимаетъ твердое рѣшеніе опредѣлиться въ военную службу.—Отъѣздъ въ Кубу и зачисленіе его въ Ширванскій полкъ рядовымъ на трехълѣтнемъ правѣ.

Давидъ оставилъ послѣ своей смерти трехъ сыновей: Бабаджана, Ивана и Якова, и дочь Арзію. Заботы объ осиротѣвшей семьѣ и воспитаніи сыновей, изъ которыхъ старшему было уже восемь лѣтъ, принялъ на себя родной дѣдъ ихъ по матери Агабекъ Калантаровъ, и этотъ-то почтенный, всѣми уважаемый старецъ положилъ въ основу семьи крѣпкія нравственныя начала. Судьба ихъ однако же была не одинаковая: старшій, Бабаджанъ, служившій по гражданской части, умеръ въ 1872 г. въ чинѣ статскаго совѣтника; младшій, Яковъ—теперь отставной полковникъ—извѣстенъ, какъ историкъ, посвятившій себя изученію древнихъ памятниковъ Дагестана и Закавказья, и, наконецъ, средній, Иванъ, является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ вождей кавказской арміи: онъ былъ генералъ-адъютантомъ, имѣлъ Георгія 2-го класса и тѣсно связалъ свое имя сначала со славою дагестанскихъ походовъ, а затѣмъ съ блестящими побѣдами на высотахъ Авліяра и при взятіи Карса.

Никто не будетъ отрицать, что впечатлѣнія дѣтства

—впечатлѣнія самыя сильныя, а дѣтство Ивана Давыдовича, также какъ дѣтство его отца, совпало съ эпохою персидскаго нашествія, которое, сдѣлавъ его свидѣтелемъ доблестей русскаго войска, вмѣстѣ съ тѣмъ поселило въ немъ убѣжденіе и въ неизмѣнной преданности русскому дѣлу его соотечественниковъ.

Ивану Давыдовичу было шесть лѣтъ, когда персидская армія внезапно вошла въ Карабагъ и, безъ объявленія войны, двинулась прямо къ Шушѣ. Это было лѣтомъ 1826 года. Шесть ротъ 42-го егерскаго полка, стоявшія въ Чинахчахъ, успѣли поспѣшно сосредоточиться въ крѣпость; но три, занимавшія Зангезурскій магалъ, были отрѣзаны персіянами. Въ дѣтскую память Ивана Давыдовича хорошо врѣзалось, какъ, однажды, въ сумеркахъ 24 Іюля, къ нимъ прибѣжалъ оборванный, измученный донельзя татаринъ, въ которомъ едва-едва признали извѣстнаго Сафаръ-Али-Бека,управлявшаго тогда Зангезуромъ. Онъ принесъ печальную вѣсть о гибели нашихъ ротъ и о захватѣ персіянами двухъ русскихъ орудій. Вся крѣпость точно вздрогнула отъ этого нежданнаго удара. Извѣстіе дѣйствительно казалось поразительнымъ, тѣмъ болѣе, что Сафаръ, самъ участвовавшій въ дѣлѣ, утверждалъ, что роты могли бы спастись, если бы только командовавшій ими подполковникъ Назимка довѣрился армянамъ, которые хотѣли зарыть орудія въ своей деревнѣ, а отрядъ провести въ Шушу по горнымъ тропамъ, какъ нѣкогда сдѣлали это ихъ соотечественники съ отрядами Карягина, Котляревскаго и Ильяшенки. Назимка не принялъ ихъ предложеній, и, встрѣченный на рѣчкѣ Акары-чай цѣлою персидскою арміею, вынужденъ былъ положить оружіе.

Сафаръ разсказывалъ также, что изъ всего отряда спаслись только два офицера и шесть нижнихъ чиновъ, которыхъ одинъ армянинъ, по имени Автандилъ, спряталъ въ деревнѣ Каладерасы, рискуя за это разумѣется

собственною своею головою. Персіяне нѣсколько разъ требовали выдачи русскихъ, но армяне не только отказали, но даже съ оружіемъ въ рукахъ отразили персидскій отрядъ, посланный взять и привести ихъ силою Такъ, въ домѣ Автандила они пробыли желанными гостями до самаго изгнанія персіянъ изъ Карабага и, впослѣдствіи, благополучно присоединились къ своему полку.

Истребленіе цѣлаго отряда, почти въ тысячу человѣкъ, было дѣломъ неслыханнымъ, и естественно вызвало въ населеніи панику, сказавшуюся однако различно: татары поголовно примкнули къ персидскому стану, армяне—бѣжали въ Шушу. Дворъ Лазаревыхъ переполнился бѣглыми сельчанами. Отстрѣливаясь кое-какъ отъ преслѣдовавшихъ ихъ татаръ, они успѣли спасти свои семьи, но за то едва наступила ночь, какъ часовые съ высокихъ шушинскихъ башенъ увидѣли огромное зарево, охватившее полъ-неба къ той сторонѣ, гдѣ были армянскія деревни: тамъ горѣли покинутые ими дома, имущество, хлѣбъ—все, что составляло достояніе бѣднаго населенія.

На утро, когда блѣдный разсвѣтъ еще не согналъ окончательно потухавшаго зарева, весь горизонтъ вдругъ зачернѣлся персидскими полчищами. Аббасъ-Мирза подошелъ къ Шушѣ,—и крѣпость была обложена.

Иванъ Давыдовичъ, конечно, былъ слишкомъ малъ, чтобы понимать опасное положеніе города, защищаемаго шестью слабыми ротами противъ пятидесяти-тысячной арміи, располагавшей значительною артиллеріею,—да его и не интересовали тогда эти вопросы. Онъ просто, какъ ребенокъ, радовался этой новой кипучей жизни, охватившей крѣпость, и то и дѣло бѣгалъ на городскія стѣны, гдѣ видѣлъ своихъ армянъ не за мирными промыслами, за которыми привыкъ ихъ видѣть обыкновенно, а съ ружьями въ рукахъ, готовыхъ наравнѣ съ солдатами къ отчаянной оборонѣ города. Дѣдъ Ивана Давыдовича старый Агабекъ Калантаровъ, былъ также вызванъ къ

полковнику Реуту, который лично поручилъ ему начальство надъ однимъ изъ оборонительныхъ фасовъ, прилегавшихъ къ елисаветпольскимъ воротамъ. Возлѣ этихъ воротъ находилась высокая скала, и Агабекъ часто водилъ на нее своихъ внуковъ, чтобы показать имъ персидскій лагерь, раскидывавшійся по скатамъ и ущельямъ горъ. Оригинальную и крайне живописную картину представлялъ собой этотъ станъ, съ его пестрыми и разнообразными палатками, то спускавшимися въ долины, то взбиравшимися на самое темя горъ, и, какъ пологомъ, закрывавшимися отъ насъ густою зеленью кустарниковъ. Не одинъ разъ Иванъ Давыдовичъ видѣлъ съ этой скалы и знакомую ему карабагскую конницу, гарцовавшую на статныхъ коняхъ подъ самыми стѣнами крѣпости, а однажды ему довелось быть даже свидѣтелемъ, какъ жители-армяне, вышедшіе на фуражировку, внезапно были атакованы этою же самою конницею. На помощь къ нимъ изъ елисаветпольскихъ воротъ сдѣлали вылазку; но пока фуражиры, отстрѣливаясь, отступали въ городъ, рота выдержала горячую схватку и въ крѣпости появились убитые и раненные. Это былъ первый настоящій бой, который пришлось Ивану Давыдовичу увидѣть въ своей жизни; потомъ онъ видѣлъ ихъ много, но едва-ли какой нибудь изъ нихъ произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе.

Возвращаясь со своихъ прогулокъ домой, ребенокъ проводилъ разумѣется большую часть времени среди одноземцевъ, наполнявшихъ ихъ дворъ, и съ дѣтскимъ любопытствомъ прислушивался къ народному говору; но изъ этого говора онъ выносилъ впечатлѣнія далеко уже не дѣтскія. Разговоры касались, конечно, болѣе всего интересовъ дня, и Иванъ Давыдовичъ здѣсь, отъ этихъ простыхъ людей, учился преданности долгу и самоотверженію, выказываемымъ армянами на каждомъ шагу. Онъ слышалъ напр., что въ крѣпости не было пороха и что

барутчи Погосъ безвозмездно вызвался приготовлять его въ самой Шушѣ, и доставлялъ войскамъ каждый день отъ 20 до 30 фунтовъ прекраснаго пороха. Это была услуга важная; но другую, еще болѣе важную услугу оказалъ тогда армянинъ Арутинъ Алтуновъ, вызвавшійся добровольно пробраться сквозь персидскую армію, чтобы доставить Ермолову свѣдѣнія о положеніи осажденной крѣпости. Онъ причастился Святыхъ Тайнъ и, напутствуемый благословеніями, ночью былъ спущенъ съ крѣпостной стѣны на веревкѣ. Черезъ нѣсколько дней путешествія, сопровождавшагося на каждомъ шагу опасностями для жизни, онъ, весь разбитый, оборванный и истомленный, прибылъ къ Ермолову, а еще черезъ четыре дня тѣмъ же путемъ принесъ отъ него записку полковнику Реуту. Иванъ Давыдовичъ хорошо помнилъ этого Алтунова, украшеннаго георгіевскимъ крестомъ и золотою медалью на шеѣ.

А осада между тѣмъ продолжалась уже много дней; запасы стали истощаться; войска вступили въ крѣпость только съ восьми-дневнымъ провіантомъ, а жители не успѣли запастись ничѣмъ до начала блокады. Весь скотъ, который принадлежалъ сельчанамъ, въ количествѣ пяти или шести сотъ головъ, давно уже былъ отданъ на общее пропитаніе; его съѣли, а конца осады все таки не предвидѣлось. Тогда выступили на помощь мѣстные богачи баба-Ахумовъ, Бегранбекъ меликъ Шахназаровъ, Зограбъ-ага-Тарумовъ и другіе, предоставившіе также на общее пользованіе всѣ, имѣвшіеся у нихъ значительные запасы хлѣба. Но хлѣбъ былъ въ зернѣ, а перемалывать его было нечѣмъ; къ счастію, въ нашемъ распоряженіи находилось еще нѣсколько мельницъ, принадлежавшихъ деревнѣ Шуша-кентъ, помѣщавшейся въ такомъ неприступномъ ущельи, что персіяне, два раза нападавшіе на пещеру, гдѣ укрѣпились жителю, и два раза отбитые, должны были оставить ее въ покоѣ. На этихъ-то мельни-

цахъ мы и принялись перемалывать наше зерно, которое туда и назадъ переносили по ночамъ на своихъ плечахъ армяне. Не будь этого, гарнизону никогда не выдержать бы шести-недѣльной осады. Аббасъ-Мирза неоднократно пытался взять ненавистную ему пещеру, но всѣ его усилія разбивались о стойкость жителей, которые, подъ предводительствомъ своихъ старшинъ Сафара и Ростома Тархановыхъ, не только отражали враговъ, но время отъ времени, спускаясь съ горъ, и сами тревожили персидскій лагерь своими набѣгами. Даже женщины ихъ являлись героинями, и одну изъ нихъ, по имени Хатаи, зналъ тогда весь Карабагъ.

Изъ воспоминаній этого времени Иванъ Давыдовичъ разсказывалъ о томъ, какъ однажды къ крѣпости подъѣхалъ самъ Мехти-Кули-ханъ карабагскій и вызвалъ къ себѣ Агабека Калантарова. Агабекъ вышелъ съ разрѣшенія Реута, и ханъ, обращаясь къ нему, какъ къ человѣку, пользовавшемуся когда-то его особымъ расположеніемъ *), долго уговаривалъ его отступить отъ русскихъ и склонить армянъ на то, чтобы сдать крѣпость. „Нѣтъ, ханъ, отвѣчалъ ему Агабекъ: это сдѣлать невозможно; мы присягали русскому государю и сохранимъ ему вѣрность до послѣдняго издыханія. Если бы вы лично захотѣли вернуться въ Шушу, мы васъ примемъ, ханъ, но персіянъ не пустимъ“.

Это свиданіе, кажется, и послужило началомъ къ тѣмъ переговорамъ, которые Реутъ потомъ уже старался поддерживать самъ, чтобы выиграть время и затянуть осаду. Но когда Аббасъ-Мирза увидѣлъ, что ни переговоры, ни перемиріе не приводятъ его ни къ какимъ результатамъ относительно сдачи Шуши, то приказалъ поставить батареи и бомбардировать городъ. Ядра ложились

*) Во время управленія Карабагомъ Мехти-Кули-хана Агабекъ былъ арендаторомъ ханскаго монетнаго двора.

преимущественно въ армянскій кварталъ, какъ расположенный на болѣе возвышенной мѣстности, открытой для выстрѣловъ, и дѣтей въ эти дни разумѣется никуда уже не пускали. Персидская артиллерія хотя и не отличалась особенною мѣткостью, но снаряды ея, крестившіе воздухъ, все же грозили городу и смертью и разрушеніемъ. Разъ ядро ударило въ самый домъ Лазаревыхъ, пробило крышу насквозь и пролетѣло во дворъ, гдѣ къ счастью никого не убило. Оно и до сихъ поръ хранится въ ихъ домѣ, какъ памятникъ тяжелыхъ дней шушинской осады.

Вслѣдъ за бомбардированіемъ надо было ждать уже приступа,—и это тѣмъ болѣе, что ходили какіе то слухи о подкопахъ, которые персіяне вели подъ крѣпостныя стѣны. И вотъ, однажды, Иванъ Давыдовичъ разбуженъ былъ ночью грохотомъ ружейной и пушечной пальбы, отъ которой сотрясались окна и стѣны. Въ домѣ у нихъ всѣ уже поднялись на ноги, засвѣтились огни, и страшное слово „штурмъ! штурмъ!“ здѣсь и тамъ повторялось съ таинственнымъ шопотомъ. Всѣмъ было не по себѣ, всѣмъ было жутко. Это былъ дѣйствительно штурмъ, или вѣрнѣе—его заключительный актъ. Дѣло въ томъ, что персіяне выбравъ темную ночь, подползли подъ самыя стѣны и стали приставлять къ нимъ лѣстницы. Къ счастію, гарнизонъ, предупрежденный съ вечера все тѣми же братьями Тархановыми, былъ на готовѣ и стоялъ подъ ружьемъ. Какъ только послышался шорохъ, часовые мгновенно сбросили въ ровъ зажженныя нефтяныя тряпки,—и мѣстность освѣтилась разомъ на большое пространство. Персіяне до того были поражены этимъ явленіемъ, что бросились бѣжать, провожаемые со стѣнъ картечными и ружейными залпами. Лѣстницы, покинутыя у стѣнъ, шушинцы перетащили къ себѣ и долго потомъ топили ими свои камины.

Такъ проходили дни въ осажденномъ городѣ, не принося никакой надежды на спасеніе, какъ вдругъ 5-го

сентября вся персидская армія поднялась съ своихъ позицій и потянулась отъ крѣпости. Потомъ оказалось, что это былъ результатъ шамхорской побѣды князя Мадатова; но въ Шушѣ узнали объ этомъ только на слѣдующій день, а черезъ двѣ недѣли пришло извѣстіе и о елисаветпольской побѣдѣ, закончившей собою кампанію 1826 года. Иванъ Давыдовичъ помнилъ, какую торжественную встрѣчу приготовилъ народъ князю Мадатову, возвращавшемуся въ Шушу прямо съ поля елисаветпольской битвы. По его разсказамъ, полковникъ Реутъ, въ сопровожденіи всего армянскаго духовенства, въ полномъ облаченіи, и массы народа, среди которыхъ находилось и семейство Лазаревыхъ, встрѣтилъ его въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости. Глубоко растроганный выраженіемъ народнаго чувства, князь сошелъ съ коня и, приложившись къ иконамъ, слѣдовалъ пѣшкомъ до самаго города. Со стѣнъ шушинской крѣпости гремѣли пушечные выстрѣлы, въ городѣ играла музыка, войска стояли шпалерами въ ружьѣ, а народъ, особенно дѣти и женщины, тѣснились вокругъ Мадатова, благословляя его имя, какъ избавителя отъ бѣдствій продолжительной осады.

Но тутъ же, среди тріумфовъ и ликованій, многимъ изъ жителей пришлось услышать роковую вѣсть и о своемъ разореніи, такъ какъ персіяне сожгли и истребили все, что не могли увезти съ собою. Семейство Лазаревыхъ находилось также въ числѣ пострадавшихъ, но съ покорностью къ судьбѣ перенесло тяжелый ударъ, скорбя о тѣхъ, которые лишились при этомъ и послѣдняго куска насущнаго хлѣба. Всю зиму не могло улечься броженіе, вызванное нашествіемъ персіянъ, и только извѣстная экспедиція князя Мадатова, дошедшаго почти до воротъ Ардебиля, успокоила наконецъ умы, и жизнь Карабага вошла въ свою обыденную, будничную коллею.

По окончаніи персидской войны Ивана Давыдовича начали по немногу учить дома и заставляли его ходить

въ школу шушинскаго дѣвичьяго монастыря. Дѣдъ его Агабегъ хотѣлъ видѣть своего внука непремѣнно священникомъ, и когда Иванъ Давыдовичъ подросъ, онъ перевелъ его къ Базельскимъ миссіонерамъ, устроившимъ въ Шушѣ безплатныя школы, съ цѣлью проповѣдывать магометанамъ истины св. евангелія. Потомъ оказалось однако, что Базельцы, не успѣвъ привлечь къ себѣ ни одного шушинскаго татарина, обратили все свое вниманіе на армянское населеніе, стараясь совратить его въ лютеранство. Конечно, имъ удобнѣе всего было дѣйствовать черезъ школы, а когда это выяснилось, то Агабекъ поторопился взять отъ нихъ внука и поручилъ его извѣстному оратору архимандриту Погосу Нерсесіяну. Но надо сказать, что Иванъ Давыдовичъ, ни чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ духовному сану, хотя и усвоилъ себѣ ораторскіе пріемы своего почтеннаго наставника. Впечатлѣнія войны, видѣнной имъ въ дѣтствѣ, оставили въ немъ такіе глубокіе слѣды, что даже дѣтскіе игры его носили на себѣ все тотъ-жс отпечатокъ ратныхъ потѣхъ, гдѣ можно было выказать присутствіе духа, ловкость и силу. Любимымъ развлеченіемъ Ивана Давыдовича было водить своихъ сверстниковъ „улица на улицу“ или „кварталъ на кварталъ“, при чемъ пускались въ ходъ не только кулаки, но даже деревянныя сабли и пращи съ мелкими камешками. Не далеко отъ ихъ дома находился глубокій оврагъ Акулисскій, отдѣлявшій ихъ кварталъ отъ другого, и на его-то скатахъ чаще всего происходили сраженія, изъ которыхъ Иванъ Давыдовичъ нерѣдко возвращался домой съ черезъ-чуръ явными знаками рукопашныхъ схватокъ. Дѣду его, Агабеку, не очень нравились подобныя забавы, совсѣмъ не подходившія къ духовному сану, къ которому онъ готовилъ внука, но за то для Ивана Давыдовича эта была настоящая школа, какъ бы предрекавшая ему его блестящую военную ка-

рьеру. Нельзя не сказать также, что на сближеніе Ивана Давыдовича съ русскимъ солдатомъ имѣло большое вліяніе и то обстоятельство, что въ ихъ домѣ нѣсколько лѣтъ кряду помѣщалась полковая церковь 42-го егерскаго полка, куда онъ ходилъ молиться и гдѣ онъ видалъ тѣхъ самыхъ героевъ, съ которыми когда-то встрѣчался на шушинскихъ стѣнахъ при иной, болѣе грозной и внушительной обстановкѣ.

Въ 1832 году дѣдъ его Агабекъ Калантаровъ скончался, не успѣвъ осуществить завѣтныхъ желаній относительно своего второго внука, и Иванъ Давыдовичъ долженъ былъ самъ прокладывать себѣ дорогу въ жизни.

Какъ бы сложилась дальнѣйшая жизнь Ивана Давыдовича, объ этомъ судить трудно, но одно обстоятельство дало ему сильный толчекъ и заставило идти уже неуклонными шагами къ разъ намѣченной цѣли. Это былъ пріѣздъ въ Шушу старшаго брата его Бабаджана, который, окончивъ курсъ въ Тифлисской гимназіи, вернулся штатнымъ учителемъ Елизаветпольскаго городского училища. Въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена, когда люди жили при старыхъ патріархальныхъ понятіяхъ, и общество въ каждомъ правительственномъ чиновникѣ видѣло лицо привилегированное, стоявшее выше всѣхъ туземныхъ агаларовъ и бековъ,—Бабаджана окружили почетомъ. Этотъ почетъ до того щекоталъ самолюбіе молодого Лазарева, что онъ рѣшилъ непремѣнно стать русскимъ офицеромъ, который въ глазахъ народа былъ еще выше чиновника. Но для этого прежде всего нужно было имѣть извѣстныя сословныя права, а семейство Лазаревыхъ до тѣхъ поръ о нихъ не заботилось. Дѣлу этому, однако, помогъ Бабаджанъ, который, благодаря своему дѣду Агабеку, направившему его на изученіе арабскаго и персидскаго языковъ, въ совершенствѣ зналъ не только языки, но и литературу восточныхъ народовъ. Впослѣдствіи, онъ сталъ извѣстенъ своими историческими статья-

ми, которыя до сихъ поръ служатъ цѣннымъ матеріаломъ при изученіи или описаніи тогдашней эпохи.

По пріѣздѣ въ Шушу Бабаджанъ тотчасъ занялся розысканіемъ родовыхъ документовъ, писанныхъ большею частью на персидскомъ и арабскомъ языкахъ, и по нимъ составилъ подробную генеалогію рода Лазаревыхъ, начавъ съ его родоначальника Каспаръ-аги и кончивъ покойнымъ отцомъ своимъ Давидомъ. Этотъ цѣнный и документальный трудъ, къ сожалѣнію, былъ утраченъ самимъ Иваномъ Давыдовичемъ во время его службы, и возстановить его во всѣхъ подробностяхъ теперь нѣтъ никакой возможности. Остались клочки у брата его Якова, который, на сколько возможно, дополнилъ ихъ своими трудами*). Но какъ не достовѣрны и не подробны были документы, собранные Бабаджаномъ, они требовали въ офиціальномъ порядкѣ еще удостовѣренія многихъ знатныхъ лицъ, и Бабаджанъ обратился за этимъ прежде всего къ самому Мехти-Кули-Хану, печально доживавшему свой старческій вѣкъ на пенсіи русскаго правительства въ томъ самомъ дворцѣ, изъ котораго онъ и его предки когда-то властвовали надъ всѣмъ Карабагомъ. Ханъ, лично знавшій Ахназара, погибшаго почти на его глазахъ въ Ханкендынской сѣчѣ, и хорошо помнившій о происхожденіи его изъ древняго зангезурскаго рода, тотчасъ выдалъ слѣдующее свидѣтельство:

„Я, бывшій Карабагскій владѣлецъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ Мехти-Кули-Ханъ, по самой сущей справедливости свидѣтельствую въ томъ, что Бабаджанъ Лазаревъ съ братьями своими происходитъ изъ благородныхъ и древнихъ бековъ, такъ что предки его, служа карабагскимъ владѣльцамъ, дѣду моему Пана-хану и покойному отцу генералъ-лейтенанту Ибрагиму-хану, ими были

*) Пользуемся случаемъ выразить глубокую признательность Якову Давыдовичу Лазареву, давшему намъ возможность пользоваться этимъ матеріаломъ, безъ чего не могло бы появиться настоящее жизнеописаніе.

весьма уважаемы и приняты съ большою честью, а въ особенности при правленіи моемъ они были изъ числа карабагскихъ бековъ, въ удостовѣреніе чего прикладываю именную свою печать. 9-го августа 1838 года.“

Это свидѣтельство быдо утверждено печатями всѣхъ ханскихъ родственниковъ, а также многихъ знатнѣйшихъ бековъ, помнившихъ не только Ахназара, но даже Маила, приходившагося Бабаджану уже прадѣдомъ. Всѣ эти документы были представлены въ Карабагскій провинціальный судъ, который, по надлежащей провѣркѣ и удостовѣреніи, утвердилъ этотъ фамильный актъ 30-го августа 1838 года, и на основаніи его потомки Ахназара тогда же причислены были къ русскому потомственному дворянству.

Съ признаніемъ этихъ правъ, главноначальствующій тогда на Кавказѣ генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ вошелъ съ ходатайствомъ объ опредѣленіи въ кадетскіе корпуса обоихъ сыновей покойнаго Давида Лазарева, Ивана и Якова. Ивану было отказано, такъ какъ „лѣта его вышли“, а Якова опредѣлили въ Дворянскій полкъ и отправили туда въ началѣ 1839 года. Прощаясь съ братомъ, Иванъ Давыдовичъ произнесъ пророческое слово: „Меня не приняли въ кадетскій корпусъ, но я и безъ Дворянскаго полка буду русскимъ генераломъ.“ И пророчество это сбылось скорѣе, чѣмъ можно было того ожидать: черезъ 24 года онъ дѣйствительно явился въ Шушу генераломъ, имя котораго было извѣстно тогда уже всему Дагестану.

Еще со времени пріѣзда въ Шушу своего старшаго брата, Иванъ Давыдовичъ прилежно началъ учиться русскому языку и въ то же время пригласилъ унтеръ-офицера, квартировавшаго въ крѣпости линейнаго батальона, съ которымъ проходилъ все, что необходимо знать молодому солдату, желая явиться на службу не рекрутомъ, а уже подготовленнымъ воиномъ. Онъ давно намѣтилъ для

своето поступленія 42-й егерскій полкъ, много лѣтъ квартировавшій въ ихъ городѣ; но такъ какъ полкъ этотъ былъ расформированъ, то онъ избралъ Ширванскій, куда поступилъ весь 1-й батальонъ егерей, тотъ самый, который защищалъ Шушу и который перенесъ съ собою въ новый полкъ и свое георгіевское знамя, памятникъ шушинской обороны, и полковую церковь, съ которой у Ивана Давыдовича соединялось такъ много дѣтскихъ воспоминаній. Надо сказать, что Ширванскій полкъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ полковъ на Кавказѣ. Его боевая лѣтопись начинается извѣстнымъ сраженіемъ на Іорѣ 7-го ноября 1800 года*), и съ тѣхъ поръ имя его не употреблялось въ реляціяхъ иначе, какъ съ лестнымъ эпитетомъ „храбрый“. Ермоловъ называлъ этотъ полкъ „10-мъ легіономъ“. А грозный штурмъ Ахалцыха, когда ширванцы пошли на приступъ съ пѣснями, доставилъ ему такую извѣстность, что императоръ Николай назначилъ шефомъ его графа Паскевича, выразившись, что „полкъ и вождь достойны другъ друга“. Съ тѣхъ поръ въ длинной эпопеѣ кавказской войны онъ такъ и становится извѣстнымъ подъ именемъ „графцевъ“. Когда Ивану Давыдовичу исполнилось 18 лѣтъ, онъ въ тайнѣ отъ родныхъ отправилъ свое прошеніе именно въ этотъ самый полкъ, квартировавшій тогда въ Кубѣ, и 2-го декабря 1839 года зачисленъ былъ на службу рядовымъ на четырехъ-лѣтнемъ правѣ.

---

*) Полкъ назывался тогда еще Кабардинскимъ.

Глава IV.

(1840—1842).

Первыя впечатлѣнія Лазарева въ полку.—Мирный годъ его службы.—Производство въ унтеръ-офицеры.—Первый военный походъ и бой 15 мая 1841 года на Хубарскихъ высотахъ.—Экспедиціи 1842 года.—Штурмъ Гергебиля, и награда Лазарева знакомъ Отличія Военнаго Ордена.—Аварская экспедиція Фези.—Походъ въ Кумухъ.—Охрана границъ.—Кровавая ичкеринская экспедиція.

Ширванскій полкъ, въ который Иванъ Давыдовичъ зачисленъ былъ на службу, только что возвратился тогда изъ ахульгинской экспедиціи и былъ разстроенъ огромною убылью какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Батальоны его уменьшились до состава комплектныхъ ротъ, люди были утомлены, одежда и обувь въ лахмотьяхъ. Но возвратившіеся ширванцы и въ своихъ лахмотьяхъ глядѣли героями. Тѣмъ не менѣе приходилось полкъ укомплектовывать на-ново, и для этого поджидали только прибытія маршевыхъ батальоновъ, которые уже направлены были изъ Россіи. Роты между тѣмъ разошлись по окрестностямъ Кубы на зимовыя квартиры, и Иванъ Давыдовичъ, тогда еще юноша, полный энергіи и вѣры въ самого себя, съ жадностью слушалъ разсказы старыхъ воиновъ о грозномъ ахульгинскомъ штурмѣ. Тамъ графскіе батальоны, засыпаемые непріятельскими пулями, буквально скатились внизъ на дно страшной пропасти, взобрались потомъ по веревкамъ на отвѣсный утесъ и кинулись на приступъ ахульгинскаго замка. Ровъ и боковыя башни были ими взяты; но здѣсь столпившійся на тѣсной площадкѣ, полкъ очутился подъ перекрестнымъ огнемъ и тщетно стремился проложить себѣ дорогу впередъ. Передъ нимъ стоялъ двухъ-саженный капониръ, защищавшій новый и еще болѣе глубокій ровъ, а пули градомъ сыпались на нихъ изъ бойницъ и заваловъ. Храбрый командиръ ихъ полковникъ Врангель

былъ раненъ пулею въ грудь, батальоны остались безъ офицеровъ и, разстрѣливаемые со всѣхъ сторонъ, безотвѣтно, какъ часовой на посту, гибли, не будучи въ состояніи даже поражать закрытаго врага. До самой ночи держались они на занятой ими позиціи, но наконецъ подъ покровомъ глубокаго мрака отошли назадъ, вынося своихъ убитыхъ и раненыхъ. Командиръ полка, 36 офицеровъ и болѣе восьми-сотъ нижнихъ чиновъ изъ тысячи пятисотъ, участвовавшихъ на штурмѣ, выбыли изъ строя. Разстроенные батальоны уже не могли принять участія въ послѣдующихъ штурмахъ; но они, облившіе своею кровью ахульгинскія скалы, проложили другимъ войскамъ путь къ побѣдѣ.

Таковы были первыя впечатлѣнія Лазарева въ полку, которому суждено было стать колыбелью его будущей военной извѣстности.

Повидимому наступившій годъ обѣщалъ быть годомъ относительнаго покоя, но и на этотъ разъ ширванцамъ не только не пришлось отдохнуть послѣ перенесенныхъ ими трудовъ, но даже не пришлось дождаться своего укомплектованія. Въ февралѣ 1840 года вспыхнуло возстаніе въ Чечнѣ, тотчасъ же отразившееся опять въ горахъ Дагестана, и три батальона Ширванскаго полка, наскоро укомплектованные на счетъ четвертаго, разошлись изъ Кубы по военнымъ отрядамъ. Кадры 4-го остались въ Кубѣ, а вмѣстѣ съ ними остался и Иванъ Давыдовичъ, которому, такимъ образомъ, не пришлось участвовать съ ширванцами ни подъ Валерикомъ, воспѣтымъ Лермонтовымъ, ни подъ Ишкартами, прославившими Клюки-фонъ-Клугенау. Осенью потребовали однако же и кадры 4-го батальона. Они выступили 1-го сентября, и въ Дербентѣ встрѣтили наконецъ маршевыя роты, слѣдовавшія въ Кубу изъ войскъ 6-го пѣхотнаго корпуса. Здѣсь кадры укомплектовались до полнаго состава, по военному времени, и уже цѣлымъ батальономъ, въ тысячу штыковъ,

вступили въ Темиръ-Ханъ-Шуру въ то время, когда наши войска выступили изъ нея въ осеннюю экспедицію къ Гимрамъ. Батальонъ остался въ Шурѣ единственнымъ боевымъ резервомъ Сѣвернаго Дагестана. Но какъ ни почетна и ни важна была эта роль въ общей цѣпи нашихъ военныхъ дѣйствій, она не могла удовлетворить пылкихъ стремленій молодого Лазарева, которому такъ и пришлось вернуться въ Кубу все тѣмъ же не обстрѣленнымъ и не окуреннымъ порохомъ. Боевое крещеніе ему суждено было принять только въ слѣдующемъ 41-мъ году, и принять его на глазахъ самаго корпуснаго командира, когда ширванцы брали Хубарскія высоты.

Но и самое начало этого 41-го года ознаменовано было для Ивана Давыдовича важнымъ событіемъ въ его военной жизни—производствомъ въ унтеръ-офицеры за отличное знаніе фронта и своихъ служебныхъ обязанностей. Съ этимъ поздравилъ его самъ генералъ Фези, извѣстный дагестанскій герой, инспектировавшій полкъ и съумѣвшій угадать въ то время въ Лазаревѣ не дюженную личность. Нельзя не отмѣтить также, что производство въ унтеръ-офицеры было первой и послѣдней наградой его, полученной имъ внѣ ратнаго поля. Всѣ послѣдующія затѣмъ награды до чина генералъ-лейтенанта и Георгія 2-го класса включительно, были имъ получены за боевыя отличія.

Между тѣмъ наступила весна - пора открытія военныхъ дѣйствій, и первый батальонъ Ширванскаго полка, въ которомъ Лазаревъ служилъ тогда унтеръ-офицеромъ, выступилъ въ Шуру, гдѣ собирались войска, назначенныя въ составъ Дагестанскаго отряда. Въ этомъ году предполагалось прежде всего возстановить прерванное сообщеніе Сѣвернаго Дагестана съ Кавказскою линіею, а для этого надо было овладѣть Черкеемъ, большимъ и многолюднымъ ауломъ, стоявшимъ въ Салатавіи, въ самомъ узлѣ горныхъ дорогъ, гдѣ Шамиль въ короткое

время могъ собирать многочисленныя скопища. Корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Головинъ самъ прибылъ въ Шуру, и 7-го мая повелъ дагестанскій отрядъ въ Черкею. Мосты и переправы на Сулакѣ всѣ были уничтожены, и нашимъ войскамъ приходилось идти кружнымъ путемъ черезъ Кумыкскую плоскость, гдѣ путь въ Черкею запирался грозною Хубарскою позиціею. Горцы знали, что только черезъ эти высоты русскіе могли войти въ Салатавію, и цѣлыя тысячи рукъ всю зиму работали надъ ихъ укрѣпленіями. Когда весною Шамиль прибылъ сюда съ 15-ти тысячнымъ скопищемъ и осмотрѣлъ позицію, онъ послалъ сказать черкеевцамъ: „Пусть спятъ спокойно; русскіе никогда не перейдутъ Хубара: взять его нельзя, а перелетѣть черезъ него у нихъ нѣтъ крыльевъ". Но другаго пути для русскихъ не было—и штурмъ высотъ назначенъ былъ утромъ 15 мая.

Ивану Давыдовичу много пришлось увидѣть потомъ крѣпкихъ дагестанскихъ позицій, но крѣпче Хубара онъ ничего не помнилъ. Это была просто узкая тѣснина, перерѣзанная въ глубинѣ изъ края въ край широкимъ ложементомъ, съ громаднымъ брустверомъ, со рвомъ и палисадомъ. Съ обѣихъ сторонъ его стѣною поднимались крутыя, лѣсистыя горы. Ихъ скаты и гребни усѣяны были завалами, и тысячи винтовокъ, наведенныхъ внизъ на дорогу, грозили смертью всему, что осмѣлилось бы стать подъ этотъ убійственный перекрестный огонь. Головинъ видѣлъ, что, атакуя тѣснину, можно положить половину отряда, и все таки не взять Хубарскихъ высотъ, такъ какъ остальной половинѣ, пожалуй, и не управиться бы съ 15 тысячнымъ скопищемъ. Надо было прежде всего овладѣть верхними завалами и сбить непріятеля съ горъ. За это дѣло взялись два лучшихъ кавказскихъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау и Лабинцевъ. Первый батальонъ Ширванскаго полка, въ которомъ находился Лазаревъ, назначенъ былъ къ Клугенау, въ лѣ-

вую колонну, противъ которой сосредоточились всѣ силы Салатавіи, Гумбета и Андіи, подъ предводительствомъ Ахверды-Магомы, однаго изъ лучшихъ наибовъ Шамиля. Тутъ же развѣвалось и большое зеленое знамя самого имама. Слѣдовательно, на этомъ пунктѣ должна была рѣшиться участь сраженія, и, какъ увидимъ, ширванцы и тифлисцы на своихъ плечахъ вынесли всю тяжесть Хубарскаго боя. Атака поведена была ими съ чрезвычайною энергіею. Изъ завала въ завалъ бѣжали передъ ними горцы, и, подымаясь по скатамъ горы все выше и выше, загнаны были наконецъ подъ самый гребень. Но тутъ остановилась наша пѣхота. Передъ нею стоялъ огромный завалъ, и, въ окутавшихъ его облакахъ бѣлаго дыма, только и видно было, какъ безпрерывно сверкали ружейные выстрѣлы, опоясывая его точно огненною лентою. Задумываться было нельзя. Тифлисцы бросились съ фронта, и, пока на валахъ шла штыковая свалка, ширванцы обѣжали завалъ, и ударомъ во флангъ сразу вырвали его изъ рукъ непріятеля. Но за этимъ заваломъ стоялъ другой, котораго прежде у насъ не замѣтили. Онъ былъ еще выше, еще грознѣе перваго, и оттуда доносилось къ намъ тихое, заунывное пѣніе молитвъ, съ которыми мюриды обыкновенно готовятся къ смерти или къ побѣдѣ. Измученные боемъ, солдаты наши между тѣмъ прилегли во взятомъ ими укрѣпленіи и молча внимали этимъ торжественнымъ звукамъ. Вдали видны были еще два батальона, которые спѣшно велъ самъ Клугенау на помощь къ передовымъ частямъ. Но они еще были далеко, какъ храбрый маіоръ Бельгардтъ, командовавшій ширванскимъ батальономъ, вдругъ крикнулъ: „Ура“! и кинулся къ завалу. За нимъ толпами понеслись ширванцы, и черезъ минуту уже ворвались въ окопъ. Тифлисцы съ своей стороны дружно ихъ поддержали,—и завалъ былъ взятъ тѣми-же двумя батальонами, которые начали, и теперь окончили бой. Лабинцевъ къ этому времени так-

же управился съ правыми высотами, и подъ прикрытіемъ этихъ отрядовъ, стоявшихъ на гребняхъ, главная колонна прорвалась черезъ тѣснину почти безъ потери. Разбитый на голову, Шамиль бѣжалъ за Андійскій хребетъ, и Черкей сдался безъ битвы.

Таковъ былъ первый бой, въ которомъ Лазаревъ участвовалъ вмѣстѣ съ ширванцами.

По взятіи Черкея Лазаревъ, въ рядахъ 1-го батальона, участвовалъ въ работахъ по возведенію сильнаго Евгеніевскаго укрѣпленія, а затѣмъ въ небольшой экспедиціи къ ауховцамъ, окончившейся истребленіемъ главнаго ауховскаго селенія Кишень-Ауха.

Только позднею осенью вернулся наконецъ батальонъ въ Кубу, но едва разошелся по квартирамъ, какъ въ февралѣ 1842 года Шамиль со всѣми силами бросился въ наши предѣлы и овладѣлъ Гергебилемъ. Сообщенія наши съ Аваріей были перерваны. Тревога опять охватила весь Дагестанъ, и два батальона Ширванскаго полка, поднятые съ своихъ зимовыхъ квартиръ, снова форсированными маршами явились въ Шуру, гдѣ Фези быстро формировалъ отрядъ, чтобы какъ можно скорѣе вырвать Гергебиль изъ рукъ непріятеля. Иванъ Давыдовичъ пришелъ въ Шуру вмѣстѣ съ 1-мъ батальономъ и помнилъ, какъ войска по глубокимъ снѣгамъ, среди бушевавшихъ метелей, перевалили Кутишинскій хребетъ и спустились съ него къ Гергебилю. Фези не хотѣлъ терять времени даромъ и въ тотъ же день приказалъ первому батальону Ширванскаго полка идти на приступъ. Ширванцы охватили передовыя высоты съ двухъ сторонъ, сбили съ нихъ непріятеля и на плечахъ бѣгущихъ ворвались въ Гергебиль, окруженный стѣнами и башнями. Жители, видя пораженіе мюридовъ, бѣжали за Койсу, но ширванцы смѣло устремились въ бродъ и, настигнувъ бѣгущихъ, отбили все ихъ имущество. Такъ

палъ Гергебиль, а вслѣдъ за нимъ безъ выстрѣла покорилось все Койсубулинское общество.

Это молодецкое дѣло, случившееся 20 февраля 1842 года, доставило Ширванскому батальону девять знаковъ отличія Военнаго Ордена, и одинъ изъ нихъ (подъ № 76803) по единогласному приговору нижнихъ чиновъ возложенъ былъ на унтеръ-офицера Ивана Давыдовича Лазарева. Это была первая его боевая награда.

Между тѣмъ Фези, не давая остыть впечатлѣнію гергебильскаго штурма, быстро пошелъ впередъ и 2-го марта занялъ главное селеніе Андаляла, Чохъ. Но тутъ ему пришлось остановиться. Въ горахъ разыгрались такія метели, которыя грозили войскамъ безусловною гибелью, если бы они двинулись дальше въ глубь Андаляльскаго общества. Уже на пути къ Чоху мы потеряли больше 20-ти лошадей, свалившихся въ пропасти, а дальше могли растерять и половину отряда, даже безъ боя съ непріятелемъ.

Между тѣмъ Шамиль съ огромнымъ скопищемъ стоялъ у Гуниба и только выжидалъ минуты, когда отрядъ повернетъ назадъ, чтобы кинуться и истребить эту смѣлую, но малочисленную горсть, забравшуюся Богъ знаетъ въ какія трущобы. Фези это понялъ и, вмѣсто того, чтобы идти назадъ, бросился на Карадагскій мостъ, взялъ штурмомъ окружавшіе его утесы и прорвался въ Аварію, откуда уже кружнымъ путемъ вернулся въ Шуру 20-го марта. Отрядъ, такимъ образомъ, былъ спасенъ, но за то походъ черезъ Аварію, по словамъ Ивана Давыдовича, былъ одинъ изъ труднѣйшихъ походовъ въ его жизни, морозы все время держались свыше 25 градусовъ, а войскамъ приходилось переходить заоблачные хребты, тонуть въ глубокихъ снѣгахъ, бороться со страшными вьюгами и дѣлать сорока-верстные переходы по такимъ мѣстамъ, по которымъ не всегда отваживались ходить зимою даже пѣшіе горцы. Вдобавокъ, солдаты

по нѣсколько дней не могли развести костровъ, не имѣли ни водки, ни горячей пищи и питались только сухарями, размачивая ихъ въ таломъ снѣгу.

По возвращеніи изъ этого похода, Шура показалась всѣмъ настоящимъ раемъ. Но и въ Шурѣ измученнымъ батальонамъ не пришлось отдохнуть, такъ какъ на слѣдующій же день получено было извѣстіе о вторженіи Шамиля въ Казикумыкское ханство и объ отчаянномъ положеніи небольшого русскаго гарнизона, запершагося въ ханскомъ дворцѣ. Фези тотчасъ двинулся къ Кумуху, но на пути ему сообщили, что дворецъ уже взятъ, и русскіе или истреблены, или захвачены въ плѣнъ. Отрядъ Фези былъ слишкомъ слабъ, чтобы дѣйствовать противъ главныхъ скопищъ Шамиля, а потому онъ ограничился только демонстраціей къ сторонѣ Талитля и затѣмъ возвратился въ Шуру, откуда Ширванскіе батальоны тотчасъ ушли на Самуръ, гдѣ ихъ присутствіе было необходимо для охраны Южнаго Дагестана.

Тамъ они были расположены поротно на всемъ протяженіи нашей границы, и Лазареву почти два мѣсяца пришлось провести на этихъ передовыхъ кордонахъ, опасныхъ и требовавшихъ крайняго напряженія физическихъ и нравственныхъ силъ, такъ какъ непріятель во всякую минуту могъ сосредоточить противъ каждаго изъ нихъ значительныя силы, а наши слабые отряды не могли даже поддерживать другъ друга. Такимъ образомъ, Ивану Давыдовичу не пришлось участвовать въ освобожденіи Кумыкскаго ханства княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ, тогда только что появившемся еще на театрѣ горной войны, въ скромной роли начальника Самурскаго отряда. Но за то едва въ Кумухѣ водворилось относительное спокойствіе, какъ 1-й батальонъ Ширванскаго полка былъ снятъ съ кардонной линіи, и форсированными маршами направлся въ Герзель-аулъ, въ составъ Чеченскаго отряда генерала Граббе. Тамъ подготовлялась большая

ичкеринская экспедиція, составившая въ лѣтописяхъ нашей Кавказской войны едва-ли не самый кровавый ея эпизодъ, ужасный даже въ разсказахъ. Задача передъ отрядомъ лежала не легкая: ему предстояло пройти черезъ страшный ичкеринскій лѣсъ прямо въ Дарго, къ новой резиденціи Шамиля, разрушить этотъ очагъ мюридизма, и во второй разъ подорвать какъ матеріальныя средства, такъ и нравственное вліяніе имама. Это было повтореніе Ахульгинской экспедиціи. Шли тѣ же войска, былъ тотъ же начальникъ, и только природа, окружавшая насъ, смотрѣла совершенно иначе. Тамъ мы сражались въ подоблачныхъ высяхъ, среди утесовъ и скалъ, а здѣсь растилалась передъ нами безпрозсвѣтная глушь, и стояли дремучія вѣковыя дебри. Не даромъ ичкеринскіе лѣса и пользовались на Кавказѣ такою повсемѣстною и грозною извѣстностью.

До Дарго считалось съ небольшимъ сорокъ верстъ. Казалось, какъ бы не перейти такое разстояніе, когда тѣже Ширванцы еще не давно, въ аварскомъ походѣ, дѣлали сорока верстные переходы зимою, да еще по такимъ мѣстамъ, передъ которыми останавливались сами горцы. „Постарайтесь, братцы!“ говорили офицеры, сидя у потухавшихъ костровъ вмѣстѣ съ солдатами; „постарайтесь, и если уже не завтра къ вечеру, то послѣ завтраго непремѣнно будемъ въ этомъ проклятомъ Дарго.“ Никто не зналъ, какія препятствія ожидали насъ на этомъ пути, и какую горькую, кровавую чашу отрядъ долженъ былъ выпить до дна. И вотъ, наступило это роковое завтра. Войска выступили изъ Герзель-аула 30 мая. Оба ширванскіе батальона, назначенные въ боковыя цѣпи, вытянулись въ нитку, чтобы прикрыть движеніе громаднаго транспорта. Но какъ ни бился отрядъ, онъ къ вечеру едва-едва одолѣлъ только семь верстъ, да еще при сравнительно сносной дорогѣ. Здѣсь и тамъ показывались партіи, здѣсь и тамъ раздавались одиночные ружейные вы-

стрѣлы, но непріятель не предпринималъ ничего рѣшительнаго. За то на слѣдующій день, 31 мая, какъ только войска втянулись въ лѣсъ, и зеленая чаща его скрыла отъ взоровъ боковыя цѣпи, кругомъ загремѣла перестрѣлка. За вѣковыми деревьями чеченцевъ не было видно, но пули сыпались градомъ со всѣхъ сторонъ и даже сверху, съ развѣсистыхъ вершинъ чинаръ и дубовъ. Съ нашей стороны отвѣчали залпами; орудія въѣзжали въ цѣпь и сыпали картечью; но картечь, со свистомъ прорѣзывавшая лѣсную чащу, очевидно била въ пустыя пространства. А между тѣмъ едва ослабѣвала цѣпь, разстраивались гдѣ нибудь пары, – чеченцы выростали какъ изъ земли, и съ пронзительнымъ гикомъ бросались въ кинжалы и шашки. Ширванцы отражали ихъ штыками. Непріятель мгновенно исчезалъ, но только для того, что бы черезъ минуту появиться снова. Такъ наступила непроглядно-темная ночь; дальше идти было нельзя, и войска остановились. Но что это была за страшная, безотрадная ночь! Измученные солдаты не могли даже подумать объ отдыхѣ, такъ какъ малѣйшій шорохъ заставлялъ ихъ вскакивать и настораживаться: они знали, что чеченцы умѣли подползать, какъ тигры, и какъ тигры проворны и кровожадны.

Едва наступилъ разсвѣтъ 1-го іюня, какъ войска опять продолжали движеніе. Но теперь чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще и недоступнѣе, поляны попадались рѣже, потери наши росли и достигли такой огромной цифры, что для несенія раненыхъ потребовалось отдѣлить изъ строя болѣе двухъ тысячъ здоровыхъ людей. Отрядъ шелъ, буквально разстрѣливаемый непріятелемъ.

Третья ночь опять застигла отрядъ въ лѣсу, и опять пришлось проводить ее безъ сна и даже безъ воды и пищи, стоя на самой дорогѣ, которую съ обѣихъ сторонъ обрамляли овраги и рытвины. Всѣ были ужасно утомлены. Въ эти три тяжелые дня отрядъ прошелъ

только 22 версты, а до Дарго оставалось еще столько же. Всѣ сознавали, что идти впередъ съ такимъ количествомъ раненыхъ было нельзя, что рано или поздно, а ихъ придется бросить въ жертву непріятеля, такъ какъ въ концѣ концовъ не достало бы рукъ для ихъ переноски, или некому было бы драться. Благоразуміе требовало отказаться отъ движенія въ Дарго, и Граббе рѣшилъ отступить.

Наступило 2-е іюня—четвертый день похода. Это былъ самый тяжелый день изъ всей экспедиціи. Какъ только войска повернули назадъ, жестокій рукопашный бой начался и уже не прекращался ни въ арьергардѣ, ни въ боковыхъ цѣпяхъ. Сдвинувъ папахи на затылокъ или засунувъ ихъ за поясъ, засучивъ рукава по локоть и подобравъ полы черкесокъ, чтобы не мѣшали движенію, разсвирѣпѣвшіе чеченцы прыгали, какъ барсы, и сильною привычною рукою наносили смертельные удары своими на-диво отточенными шашками. День былъ знойный, и солдаты, измученные боемъ и жаждой, едва-едва отбивались. Въ одномъ мѣстѣ, когда отрядъ переходилъ оврагъ и правая цѣпь нѣсколько отстала, чеченцы кинулись всею массой, изрубили двѣ роты Навагинскаго полка и ворвались въ самый обозъ. Это были ужасныя минуты! Дорога загромоздилась трупами людей, лошадей, изломанными повозками, брошенными патронными и зарядными ящиками. Отрядъ понесъ полное пораженіе. Къ счастію, наступившая ночь пріостановила бой, и чеченцы, утомленные не менѣе насъ, рѣшили покончить съ отрядомъ на утро. Но едва они разошлись на отдыхъ, какъ наши войска, побросавъ въ пропасть всѣ свои тяжести и размѣстивъ кое-какъ раненыхъ и артиллерію внутри каре, двинулись дальше, и къ разсвѣту выбрались наконецъ изъ полосы дремучихъ лѣсовъ. Въ открытыхъ мѣстахъ горцы преслѣдовали слабо, и 4-го іюня отрядъ возвратился въ Герзель-аулъ, оставивъ въ рукахъ не-

пріятеля тѣла своихъ убитыхъ, одно орудіе и почти всѣ обозы. Ширванцы потеряли въ этой экспедиціи 5 офицеровъ и болѣе двухсотъ нижнихъ чиновъ*). Замѣтимъ, что въ своемъ представленіи Граббе, въ числѣ особенно отличившихся, называетъ унтеръ-офицера Лазарева, „который служилъ примѣромъ храбрости и самоотверженія для всѣхъ рядовыхъ“.

Черезъ два дня ширванцы отпущены были въ Шуру, гдѣ полкъ, вслѣдствіе сильной убыли, опять пришлось переформировать въ трехъ-батальонный составъ. Сколько разъ уже укомплектовывался полкъ, а между тѣмъ никогда не удавалось довести его до полнаго штатнаго числа штыковъ. Черезъ нѣсколько дней въ Шуру прибылъ генералъ Граббе и снова повелъ ширванцевъ къ Игали, гдѣ предполагалъ построить укрѣпленіе для прикрытія Андійскаго Койсу. Аулъ взятъ былъ штурмомъ, но всѣ потери и жертвы наши оказались напрасными: устроить здѣсь укрѣпленіе было нельзя, и отрядъ 29 іюня возвратился назадъ, потерявъ во время отступленія еще 11 офицеровъ и болѣе двухъ сотъ пятидесяти солдатъ. Здѣсь въ ночномъ бою едва не погибъ Иванъ Давыдовичъ, котораго спасло только необычайное присутствіе духа.

За эту экспедицію молодой Лазаревъ представленъ былъ къ офицерскому чину.

---

*) Общая потеря отряда состояла изъ 66 офицеровъ и 1720 нижнихъ чиновъ.

Глава V

(1843—1845).

Производство Лазарева въ офицеры.—Командировка его въ Таганрогъ и возвращеніе въ полкъ.—Тревожное начало 1844 года.—Битвы подъ Дювекомъ и у д. Марги.—Погромъ Сюргинцевъ.—Участіе Лазарева въ военныхъ дѣйствіяхъ Дагестанскаго отряда.—Бой 8 іюля и первая боевая награда.—1845-й годъ.—Блокада Тилитля.—Отступленіе князя Аргутинскаго.—Пораженіе имъ Кибитъ-Магомы и Хаджи-Мурата.—Штурмъ заваловъ.—Лазаревъ надъ тѣломъ убитаго товарища.—Производство въ подпоручики.

Въ сороковыхъ годахъ на Кавказѣ существовало правило, по которому всѣ, удостоившіеся къ производству въ офицеры, предварительно отсылались въ полки внутренней Россіи для выдержанія экзамена и изученія строевыхъ уставовъ, которыми на Кавказѣ занимались мало. По примѣру другихъ, Иванъ Давыдовичъ въ іюнѣ 1843 года также отправленъ былъ въ 6-й резервный батальонъ Апшеронскаго полка, квартировавшій въ Таганрогѣ. Но тамъ ему дѣлать было нечего: къ экзамену онъ былъ подготовленъ довольно основательно, а строевую службу зналъ еще лучше, благодаря своему шушинскому ментору. Такимъ образомъ, не прошло и полгода со времени его прикомандированія, какъ 1-го декабря уже состоялся Высочайшій приказъ о производствѣ его въ прапорщики со старшинствомъ со 2-го іюня 1842 года, т. е. со времени оказаннаго имъ отличія въ Ичкеринскомъ лѣсу.

Въ Кубу онъ возвратился уже офицеромъ 31 декабря и встрѣтилъ новый 1844 годъ въ кругу своихъ полковыхъ товарищей, изъ которыхъ многихъ не засталъ въ живыхъ; да и тѣ, которые прошли черезъ всѣ катастрофы и испытанія, разразившіяся тогда надъ Дагестаномъ, находились въ тревожномъ состояніи духа. Много печальныхъ событій совершилось въ краѣ въ короткій промежутокъ времени, который Лазаревъ провелъ въ

Таганрогѣ, и, хотя эти событія были особенно обильны подвигами русскихъ войскъ, съ геройскою стойкостью умиравшихъ подъ развалинами утлыхъ своихъ укрѣпленій, но въ концѣ концовъ компанія 43-го года была нами проиграна, и значеніе Шамиля въ горахъ возросло до небывалыхъ размѣровъ.

Довольно взглянуть на карту тогдашняго Дагестана, чтобы оцѣнить всю важность сдѣланныхъ нами потерь: Аварія и Койсубу остались въ рукахъ у Шамиля; всѣ мелкія общества, лежавшія за Казикумыкскимъ Койсомъ, и горные магалы Казикумыкскаго ханства отъ насъ отложились; Акуша была занята непріятелемъ; Кайтагъ и Табасарань готовились къ возстанію. Съ минуты на минуту ожидали, что Шамиль, пользуясь центральнымъ положеніемъ, которое давала ему Аварія, кинется на какой либо пунктъ русскихъ владѣній и прорветъ наши растянутыя и слабыя линіи.

Лазаревъ нашелъ Ширванскій полкъ въ полной готовности къ походу; и, дѣйствительно, едва встрѣтили новый годъ, какъ пришло извѣстіе, что непріятель вошелъ въ приморскую полосу Дагестана, и первый батальонъ, въ которомъ служилъ Иванъ Давыдовичъ, поспѣшно вышелъ изъ Кубы для прикрытія Дербентскаго округа. Тамъ онъ поступилъ въ отрядъ полковника Заливкина и занялъ передовые посты въ селеніи Великентѣ. Февраль былъ уже на исходѣ, какъ вдругъ среди глубокой зимы, когда поля и горы были завалены еще снѣговыми сугробами, дали знать, что 25 наибовъ, имѣя во главѣ Кибитъ-Магому, прошли Акушу и идутъ къ Дербенту. Малочисленный отрядъ Заливкина долженъ былъ отступить на встрѣчу къ князю Аргутинскому, который форсированнымъ маршемъ шелъ отъ Самура и уже вступилъ въ предѣлы Южной Табасарани. Оба отряда соединились, и 4-го марта грянулъ бой подъ Дювекомъ, сразу погасившій возстаніе въ Южномъ Дагестанѣ.

Разбитый на голову, Кибитъ-Магома бѣжалъ въ Акушу, а грозный князь приказалъ уничтожить Дювекъ и срыть его до основанія, оставивъ только мечеть съ ея высокимъ минаретомъ, которая, какъ надгробный памятникъ, издали указывала-бы горцамъ мѣсто, гдѣ нѣкогда стояло ихъ богатое селеніе.

Но едва отдѣлались отъ одного врага, какъ 6-го апрѣля непріятель снова вторгся въ Казикумыкское ханство и, пользуясь отсутствіемъ войскъ, захватилъ большую часть магаловъ. Самый Кумухъ былъ обложенъ. Ширванцы опять двинулись туда форсированнымъ маршемъ, но на пути получено было приказаніе—первому батальону остановиться и идти въ Чирахъ, чтобы загородить непріятелю путь къ Кюринскому ханству. Туда, дѣйствительно, бросилась большая партія, но, встрѣченная нашимъ батальономъ, повернула въ Кайтагъ и скрылась въ горахъ Сюргинскаго общества. Между тѣмъ, Аргутинскій съ остальными войсками быстро шелъ впередъ, и роковой вопросъ, кому владѣть Казикумыкомъ, рѣшенъ былъ 21-го апрѣля разгромомъ всѣхъ непріятельскихъ скопищъ, собранныхъ у д. Марги. Казикумыкъ былъ очищенъ, и въ нашихъ предѣлахъ осталась только та партія, которая заблаговременно укрылась въ Кайтагѣ. Но о Кайтагѣ пока думать было нѣкогда: Аргутинскій предвидѣлъ, что непріятель на этомъ не остановится, и, отойдя къ Чираху, сталъ на стражѣ Казикумыкскаго ханства.

Маргинская побѣда имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія: она развязала намъ руки въ минуты крайне для насъ затруднительныя, и, не испытай ея горцы въ разгарѣ своихъ блестящихъ надеждъ, они, быть можетъ, и повторили бы предыдущій годъ со всѣми его катастрофами. Но теперь нравственныя силы ихъ были подорваны. Правда, Кибитъ-Магома, не желая упустить изъ рукъ Южнаго Дагестана, еще два раза вторгался въ

наши предѣлы, но Самурскій отрядъ зорко сторожилъ малѣйшее его движеніе и преграждалъ ему путь всякій разъ, когда онъ являлся у Кумуха или передъ Чирахомъ. Южный Дагестанъ прикрытъ былъ прочно, и Кибитъ-Магома, вынужденный наконецъ отказаться отъ своего намѣренія, отступилъ въ Акушу.

Тогда князь Аргутинскій повернулъ въ Кайтагъ, и всѣ мятежныя шайки, встрѣтившія его на границѣ Сюргинскаго общества, были разбиты на голову въ кровавой битвѣ на хребтѣ Дукель-Баръ. Ивану Давыдовичу не пришлось участвовать въ этомъ памятномъ штурмѣ, такъ какъ первый батальонъ, въ которомъ онъ находился, оставленъ былъ въ резервѣ; но за то на его долю выпало преслѣдованіе сбитаго скопища,—преслѣдованіе, которое, по словамъ Аргутинскаго, превратилось въ настоящую травлю, благодаря тому, что ширванцы на протяженіи нѣсколькихъ верстъ ни на шагъ не отставали отъ бѣгущихъ горцевъ.

Этимъ закончился первый періодъ кампаніи 1844 года. Аргутинскій уже собирался идти въ Акушу, чтобы окончательно изгнать изъ нея непріятеля, какъ вдругъ по цѣлому краю пронеслась молва, что елисуйскій султанъ Даніель-бекъ, генералъ русской службы, со всѣмъ своимъ народомъ передался Шамилю. Дѣло это, собственно говоря, касалось Лезгинской кордонной линіи, но такъ какъ владѣнія султана, именно Рутульскій магалъ, примыкалъ къ самымъ границамъ Южнаго Дагестана, то волненіе легко могло распространиться на Самурскій округъ, и Аргутинскій остановился въ Чирахѣ.

Прошло двѣ недѣли. Волненія, начавшіяся было кругомъ, мало по малу затихли; а между тѣмъ въ Акушу вступилъ уже главный дагестанскій отрядъ, подъ личной командой корпуснаго командира генерала Лидерса, и Аргутинскій получилъ приказаніе соединиться съ нимъ у Цудахара. Отсюда соединенные отряды двинулись впе-

редъ и дошли до самыхъ Кегерскихъ высотъ, послѣ чего имъ оставалось только овладѣть Карадагскимъ мостомъ, чтобы вторгнуться въ Аварію и вырвать ее изъ рукъ непріятеля. Но Лидерсъ не рѣшился форсировать переправу и приказалъ отступать.

Вечеромъ 7 іюля войска снялись съ позиціи и двинулись обратно къ Салтинскому мосту. Князь Аргутинскій прикрывалъ отступленіе. Но едва съ разсвѣтомъ 8-го числа онъ занялъ перевалъ къ дер. Мурады, какъ явился Шамиль и всѣми силами атаковалъ его лѣвый флангъ, гдѣ находился 1-й батальонъ Ширванскаго полка. Молодой Лазаревъ, командовавшій стрѣлковою цѣпью, первый встрѣтилъ напоръ непріятеля; но, пока онъ удерживалъ свою позицію, Шамиль занялъ высоты, лежавшія въ тылу батальона, и поставилъ его подъ убійственный перекрестный огонь. Положеніе было отчаянное. Къ счастію, 2-я рота, кинувшись въ штыки, сбила непріятеля съ горъ и сама утвердилась на этомъ опасномъ пунктѣ. Тогда вся тяжесть боя снова легла на стрѣлковую цѣпь Лазарева, которой не одинъ разъ приходилось выдерживать рукопашныя схватки. Бой длился до вечера, но, въ концѣ концовъ, ширванцы сломили упорство врага, и Шамиль прекратилъ нападенія. Только тогда князь Аргутинскій рѣшился отступить и, перейдя Салтинскій мостъ, соединился съ Лидерсомъ.

Бой 8 іюля, въ которомъ Иванъ Давыдовичъ является уже въ отвѣтственной роли начальника стрѣлковой цѣпи, доставилъ ему первую награду въ офицерскихъ чинахъ — орденъ Св. Анны 4-й степени съ надписью „За храбрость".

Такъ какъ военныхъ дѣйствій въ этой части края больше не предвидѣлось, то Самурскій отрядъ снова возвратился въ Чирахъ, гдѣ простоялъ до осени, когда предпринята была новая большая экспедиція въ горы, при чемъ князь Аргутинскій долженъ былъ демонстрировать противъ Тилитля и Андаляла. Лазареву не при-

шлось, однако, участвовать въ этомъ походѣ, такъ какъ первый батальонъ дошелъ только до Чоха и здѣсь оставленъ былъ для прикрытія обратной переправы черезъ Кара-Койсу. Этимъ движеніемъ и закончилась боевая жизнь Ивана Давыдовича въ 1844 году. 20-го сентября, по возвращеніи Аргутинскаго, первый батальонъ отпущенъ былъ на зимовыя квартиры въ Самурскій округъ и Иванъ Давыдовичъ провелъ наступившую зиму въ д. Зейхура.

Экспедиціи 1844 года не дали намъ въ военномъ отношеніи никакихъ положительныхъ результатовъ. Правда, Аргутинскій отстоялъ Кази-Кумыкъ и не далъ распространиться мюридизму въ Кюрѣ, въ Кайтагѣ и Табасарани, но главная цѣль—возвращеніе утраченныхъ нами территорій—не была достигнута. Огромныя, никогда не виданныя на Кавказѣ, силы въ 22 батальона, съ массою артиллеріи, съ двумя корпусными командирами (Лидерсъ и Нейдгартъ), не только не могли проникнуть въ Аварію, но даже не могли вырвать изъ рукъ непріятеля Койсубулинскую землю, и весь походъ окончился занятіемъ одной Акуши. Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ осталось то же, что и въ концѣ 1843 года. Послѣдствіемъ этого было отозваніе Нейдгарта и назначеніе на мѣсто его генералъ-адъютанта графа Воронцова, но уже съ правами намѣстника и главнокомандующаго. Онъ долженъ былъ привести въ исполненіе то, чего не могъ сдѣлать Нейдгартъ, т. е. проникнуть въ самый центръ горъ и сокрушить могущество Шамиля въ стѣнахъ его резиденціи. Это было повтореніемъ ичкеринской экспедиціи Граббе. Но и на этотъ разъ тѣ же условія, и тѣ же ичкеринскіе лѣса, снова облившіеся русскою кровью, сдѣлали всѣ наши усилія и жертвы безплодными.

Ширванскій полкъ, назначенный по прежнему въ

составъ Самурскаго отряда, долженъ былъ выступить съ зимовыхъ квартиръ къ 1-му мая, а тѣмъ временемъ приводилъ въ порядокъ свою одежду, обувь и боевое снаряженіе, пришедшія отъ безпрерывныхъ походовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ такое состояніе, что генералы, пришедшіе изъ Россіи съ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, нерѣдко принимали Кавказскія войска не за войска, а за толпы ограбленныхъ переселенцевъ, бѣжавшихъ отъ Шамиля. Начавшаяся зима какъ бы благопріятствовала этимъ мирнымъ занятіямъ, проходя безъ обычныхъ тревогъ и даже безъ тѣхъ грозныхъ слуховъ, которыми такъ охотно снабжали насъ услужливые вѣстовщики. Иванъ Давыдовичъ назначенъ былъ въ это время батальоннымъ адъютантомъ, и хотя заботы и занятія, сопряженныя съ этою должностью, отнимали у него много времени, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать надъ изученіемъ кумыкскаго языка, чтобы не прибѣгать въ разговорахъ къ сомнительнымъ услугамъ переводчиковъ.

Но зима еще не прошла, какъ въ самомъ началѣ 1845 года, въ районѣ Самурскаго отряда, вдругъ произошла тревога, поднявшая на ноги всѣ войска Средняго и Южнаго Дагестана. Это была осада и взятіе мюридами Чоха, съ паденіемъ котораго все Андаляльское общество безповоротно перешло въ руки Шамиля. Чохцы защищались 18 дней, ни минуты не сомнѣваясь, что будутъ выручены русскими. Но, къ сожалѣнію, Аргутинскій находился въ то время въ Тифлисѣ, а безъ него войска двинуты были слишкомъ поздно, и 4 марта, когда первый батальонъ Ширванскаго полка прибылъ въ Кумухъ, —Чоха уже не существовало: онъ палъ, и Шамиль приказалъ казнить его жителей. Аргутинскій былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, и тогда же предсказалъ всѣ печальныя послѣдствія нашей оплошности. Исправить ее, однако, было нельзя, и, поздѣе, ему самому пришлось пережить не мало кровавыхъ дней при осадѣ Гергебиля,

Салтовъ и того же Чоха,—дней, которыхъ не было бы вовсе, если бы только чохцамъ подана была помощь во́-время.

Паденіе Чоха не замедлило отразиться на всѣхъ мелкихъ обществахъ, которыя оставались еще намъ вѣрными, и вызвало новое возстаніе въ Акушѣ и Цудахарѣ. Въ этихъ видахъ 30 мая весь Самурскій отрядъ сосредоточился на Турчидагскихъ высотахъ, чтобы отсюда грозить всѣмъ этимъ обществамъ въ то время, когда наши главныя силы, подъ предводительствомъ графа Воронцова, двинутся въ Андію. Такимъ образомъ, на долю Самурскаго отряда выпадала второстепенная, вспомогательная роль; но эта роль проведена была имъ съ такою настойчивою энергіею, что онъ приковалъ къ себѣ трехъ лучшихъ наибовъ—Кибитъ-Магому, Хаджи-Мурата и Даніель-султана, отсутствіе которыхъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій было для Шамиля весьма ощутительно.

Какъ только пришло извѣстіе, что графъ Воронцовъ прошелъ Салатавію, князь Аргутинскій 1-го іюля спустиля въ долину Кара-Койсу и сталъ готовить переправу у Руджи; но переправа была сильно укрѣплена непріятелемъ и, судя по числу значковъ, вѣявшихъ надъ завалами, здѣсь можно было предположить отъ 6 до 8 тысячъ горцевъ. Аргутинскій попытался было поднять первый батальонъ Ширванскаго полка вмѣстѣ съ горною батареею на Хиндакскія высоты, чтобы сбить непріятельскія орудія, но оказалось, что наши снаряды не долетали до цѣли, и отъ попытки пришлось отказаться. Аргутинскій не сталъ упорствовать. Онъ отозвалъ батальонъ назадъ и, сдѣлавъ демонстрацію къ сторонѣ Салтовъ, поднялся опять на Турчидагъ, тѣмъ болѣе, что, 9 іюня неожиданно выпалъ глубокій снѣгъ, и движенія стали затруднительны. Непріятель торжествовалъ и разослалъ повсюду гонцовъ съ вѣстью о побѣдѣ. Но, по-

среди своихъ ликованій, онъ не замѣтилъ, какъ князь Аргутинскій двинулся кружнымъ путемъ черезъ Мукратль и тамъ, переправившись черезъ Кара-Койсу, внезапно вышелъ въ тылъ непріятельской позиціи. Тогда Кибитъ-Магома вмѣстѣ съ наибами Караха, Мукратля и Тлессеруха кинулся на защиту Тилитля, а Даніель-бекъ поспѣшилъ въ свой аулъ Гачада и едва успѣлъ вывести изъ него семейство, такъ какъ черезъ два часа послѣ его бѣгства Самурскій отрядъ уже занялъ селеніе. Жители просили пощады. „Вы укрывали измѣнника", отвѣчалъ имъ суровый князь: и „не должны ожидать пощады". Онъ приказалъ уничтожить аулъ до основанія, а затѣмъ двинулся дальше, и 24 іюня сталъ на Тилитлинскихъ высотахъ.

Тилитль былъ резиденціею Кибитъ-Магомы и славился въ горахъ своими укрѣпленіями. Толстыя каменныя стѣны его, съ фланговой обороной и блиндированными галлереями, опоясывали селеніе такъ, что самый аулъ, находившійся внутри, представлялъ изъ себя огромный блокгаузъ, гдѣ каждая сакля была приспособлена къ оборонѣ. Штурмовать такую крѣпость, не имѣя при себѣ даже полевыхъ орудій, было слишкомъ рисковано, и Аргутинскій ограничился только истребленіемъ тилитлинскихъ окрестностей. Иванъ Давыдовичъ хорошо помнилъ этотъ походъ, потому что войска доходили до самаго Гидатля и видѣли новыя страны, дотолѣ намъ совершенно невѣдомыя.

Вернувшись подъ Тилитль, Аргутинскій простоялъ здѣсь два дня, высылая колонны для истребленія полей, а затѣмъ опять отступилъ къ Руджѣ, чтобы встрѣтить транспортъ, который шелъ къ нему изъ Кумуха. Транспортъ прибылъ благополучно, и Аргутинскій 17 іюня въ третій разъ подступилъ къ Тилитлю, но нашелъ его еще грознѣе, чѣмъ прежде. Въ то время, какъ онъ ходилъ къ Руджѣ, на помощь къ Кибитъ-Магомѣ явился

Хаджи-Муратъ, и число защитниковъ Тилитля почти удвоилось. Къ этому невыгодному для насъ обстоятельству прибавились ненастная погода, проливные дожди, бури и грозы. Цѣлую недѣлю простоялъ Аргутинскій, не предпринимая ничего противъ Тилитля, но и тилитлинцы были настолько осторожны, что ничего не предпринимали противъ русскихъ; обѣ стороны точно высматривали и выжидали, что будетъ? Аргутинскій, впрочемъ, и не торопился начинать военныхъ дѣйствій, зная уже о неудачномъ ходѣ главной экспедиціи. Онъ только дождался, когда графъ Воронцовъ вышелъ изъ ичкеринскихъ лѣсовъ на линію, и, считая свою задачу оконченной, приказалъ отступать.

Но едва отрядъ тронулся съ мѣста, какъ непріятель вышелъ изъ своихъ укрѣпленій и 24 іюня всѣми силами атаковалъ нашъ арьергардъ. Бой завязался жаркій. Иванъ Давыдовичъ находился въ этотъ день на ординарцахъ при полковомъ командирѣ полковникѣ Плацъ-Бекъ-Кокумѣ и не одинъ разъ передавалъ его приказанія подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Между тѣмъ, Аргутинскій, замѣтивъ, что горцы слишкомъ далеко отошли отъ Тилитля, воспользовался этой минутой и, вдругъ повернувъ назадъ, стремительно атаковалъ непріятеля. Картечный залпъ и ударъ въ штыки мгновенно опрокинули скопище, а тутъ подоспѣла конница и, не давая опомниться, врѣзалась въ бѣгущія толпы. Все это произошло такъ быстро, что самъ Кибитъ-Магома очутился среди нашихъ всадниковъ и, если избѣгнулъ смерти, то благодаря необычайной смѣлости и присутствію духа. Видя, что пробиться нельзя, онъ поднялъ коня на дыбы и ринулся съ нимъ въ страшную пропасть. Изумленные всадники столпились надъ кручей, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился послѣдовать за отважнымъ наибомъ. Удачный прыжокъ спасъ ему жизнь, но мюриды, окружавшіе наиба, всѣ были изрублены.

Стремительный ударъ нашихъ войскъ разрѣзалъ непріятеля на двѣ части: скопище Кибитъ-Магомы бѣжало въ Тилитль, а Хаджи-Муратъ бросился въ Куядинское ущелье, гдѣ засѣлъ въ наскоро-устроенныхъ завалахъ. Тогда Плацъ-Бекъ-Кокумъ послалъ Лазарева къ капитану Левину сказать, чтобы онъ съ своимъ 2-мъ батальономъ тотчасъ атаковалъ завалы. Лазаревъ исполнилъ приказаніе, но остался при батальонѣ и вмѣстѣ съ нимъ очутился въ Куядинскомъ ущельѣ. Передовая позиція взята была почти моментально; но горцы, сбитые съ гребня, быстро заняли другую террасу и встрѣтили ширванцевъ убійственнымъ огнемъ. Левинъ, бросившійся на завалы верхомъ, былъ убитъ, и Иванъ Давыдовичъ, подбѣжавшій къ нему, нашелъ его уже мертвымъ. Въ это время горцы выскочили изъ завала, чтобы захватить тѣло офицера, и былъ моментъ, когда Лазаревъ одинъ очутился лицомъ къ лицу съ цѣлою толпою разъяренныхъ фанатиковъ. Его колоссальная фигура, стоявшая надъ трупомъ товарища съ обнаженною шашкою, его энергичное, дышавшее непреклонною волею лицо могли бы послужить прекрасной темой для художника. По всей вѣроятности, Иванъ Давыдовичъ здѣсь же и легъ бы рядомъ со своимъ другомъ, но въ эту минуту подоспѣли ширванцы и штыками отстояли тѣло любимаго начальника. Тѣмъ не менѣе штурмъ былъ отбитъ, и батальонъ отошелъ назадъ, горячо преслѣдуемый мюридами. Среди сумятицы рукопашнаго боя, Иванъ Давыдовичъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ, подпоручикомъ Кегамовымъ, подняли на руки убитаго Левина и, отбиваясь на каждомъ шагу отъ горцевъ, вынесли его изъ боя.

За этотъ подвигъ Лазаревъ былъ произведенъ въ подпоручики.

Глава VI.

(1846—1847)

Начало 1846 года.—Лѣтняя стоянка на Турчидагѣ.—Вторженіе Даніельбека въ Дусраратскій магалъ и экспедиція князя Аргутинскаго въ Тлессерухъ.—Битвы 23 и 25 іюня.—Награда Лазарева.—1847 годъ.—Стоянка въ Рутулѣ.—Иванъ Давыдовичъ при осадѣ Салтовъ.—Особое отличіе и производство въ поручики.—Штурмъ Салтовъ.—Послѣдній ударъ, нанесенный Лазаревымъ салтинскому гарнизону.—Награжденіе Лазарева ордедомъ св. Владиміра.—Зимняя экспедиція въ Висцхинскій магалъ.—Четырехъ-мѣсячный отпускъ.

Зимою, въ самомъ началѣ 1846 года, когда ширванскій полкъ расположенъ былъ на зимнихъ квартирахъ, Иванъ Давыдовичъ назначенъ былъ командиромъ 1-й мушкетерской роты и стоялъ съ нею недалеко отъ Чираха, въ селеніи Харабъ-кенты. Военныя дѣйствія въ этомъ году начались въ Дагестанѣ поздно. Сначала вторженіе Шамиля въ Кабарду, а потомъ нашествіе на Кумыкскую плоскость и осада Внезапной потребовали съ его стороны значительнаго напряженія силъ, и Дагестанъ на время оставленъ былъ имъ въ покоѣ. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ пришло, наконецъ, приказаніе выдвинуть Самурскій отрядъ на Турчидагскія высоты, чтобы не дозволять непріятелю собирать значительныя силы противъ нашихъ линій.

Въ этихъ видахъ Аргутинскій сдѣлалъ нѣсколько поисковъ, и Иванъ Давыдовичъ съ своею ротой участвовалъ въ походахъ на Мукаркъ, а потомъ къ Кудали и къ Салтамъ, двумъ богатымъ и многолюднымъ ауламъ, лежавшимъ въ сосѣдствѣ съ нашимъ Цудахаромъ. Кудали были заняты и поля ихъ выкошены при небольшой перестрѣлкѣ. Но Салты взять было трудно, и Аргутинскій ограничился тѣмъ, что четыре дня бомбардировалъ селеніе, а войска тѣмъ временемъ ходили по окрестностямъ, истребляя поля, и только когда послѣд-

ній посѣвъ былъ уничтоженъ, они поднялись опять на Турчидагскія высоты.

Здѣсь Аргутинскій узналъ, что во время его отсутствія Даніель-султанъ, назначенный наибомъ Тлессеруха, занялъ Дусраратскій магалъ, жители котораго намъ измѣнили и вмѣстѣ съ нимъ готовились къ вторженію въ Казикумукское ханство. Дусраратъ и прежде доставлялъ намъ не мало хлопотъ, но съ тѣхъ поръ, какъ на границахъ его, въ Тлессерухѣ, поселился Даніель-султанъ, хорошо знакомый съ мѣстными условіями края и съ его боевыми рессурсами, онъ принялъ относительно насъ даже угрожающее положеніе. Аргутинскій рѣшилъ поэтому немедленно пройти его изъ конца въ конецъ, а если представится возможность, проникнуть въ самый Тлессерухъ, чтобы опустошеніемъ страны подорвать матеріальныя и нравственныя силы султана. Въ походъ назначенъ былъ и 1-й батальонъ, въ составъ котораго входила рота Ивана Давыдовича.

Дорога черезъ Дусраратскій магалъ проходила по самымъ глухимъ, дикимъ мѣстамъ Дагестана, и войска три дня двигались посреди вѣчныхъ тумановъ и тучъ, окутавывавшихъ горы. Сопротивленія они нигдѣ не встрѣчали, потому что Даніель-султанъ очистилъ уже Дусраратъ, а жители не смѣли обороняться. На четвертый день, когда отрядъ перевалилъ высокій хребетъ Тлій и очутился въ границахъ Тлессеруха, войска увидѣли, наконецъ, непріятеля, стоявшаго въ завалахъ по ту сторону рѣчки, гдѣ пролегала дорога въ Ирибъ. Это была резиденція Даніель-султана. Часть непріятельскихъ силъ переправилась однако на нашу сторону и заняла горы, примыкавшія почти къ нашему правому флангу. Такъ какъ присутствіе здѣсь непріятеля значительно стѣсняло наши дѣйствія, то Аргутинскій приказалъ 1-му батальону Ширванскаго полка овладѣть высотами. Казикумыкская конница, бросившаяся было впередъ, не выдержала, од-

нако, залпа и обратилась въ бѣгство, Но батальонъ, во главѣ котораго шла первая рота Ивана Давыдовича, не смотря на убійственный огонь, медленно, но твердо продолжалъ взбираться на крутую гору, и едва штыки его появились на гребнѣ, какъ непріятель поспѣшно перебрался за рѣку. На правомъ берегу не осталось никаго, и наши войска безпрепятственно истребили нѣсколько значительныхъ селеній.

Переправляться за Тлессерухъ-чай Аргутинскій считалъ безполезнымъ, такъ какъ цѣль экспедиціи была достигнута тѣмъ, что Даніель-султанъ для защиты Ириба стянулъ сюда всѣ силы центральнаго Дагестана и не могъ уже противодѣйствовать нашимъ операціямъ на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Аргутинскій, дѣйствительно, хотѣлъ притянуть къ себѣ непріятеля, но притянулъ его уже черезъ-чуръ много, такъ какъ, кромѣ Даніель-султана, сюда явился Кибитъ-Магома тилитлинскій, Муртазали, и наибы изъ Гидатля, Караты и даже изъ Анкратля. Толпы эти постепенно переправлялись на правый берегъ, и пока однѣ двигались, чтобы захватить въ нашемъ тылу переправу черезъ Дусраратъ-чай, другія поднимались на хребетъ Тлій и занимали такую позицію, съ которой одинаково удобно могли броситься въ тылъ, если бы мы пошли на Ирибъ, или во флангъ, если бы мы предприняли отступленіе. Положеніе отряда, запертаго между двумя рѣками, было опасно; но Аргутинскій, не колеблясь, приказалъ штурмовать хребетъ, чтобы проложить себѣ дорогу оружіемъ.

Непріятельская позиція тянулась по самому кряжу горъ и замыкалась на флангахъ двумя отдѣльными пиками, на которыя и были направлены двѣ штурмовыя колонны. Рота Ивана Давыдовича, оставленная сначала въ резервѣ, приняла горячее участіе въ бою только въ разгарѣ самаго штурма, когда передовыя части были отбиты и понесли огромныя потери. Резервы, введенные въ бой, вырвали, наконецъ, побѣду изъ рукъ непріятеля, и путь былъ очищенъ.

За оба штурма 23-го и 25 іюля Иванъ Давыдовичъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

Дальнѣйшія дѣйствія Самурскаго отряда въ этомъ году не представляютъ особаго интереса. Лазаревъ съ своею ротою ходилъ въ Согратль и Чохъ, гдѣ истребили такое громадное количество запасовъ, которое могло бы прокормить нѣсколько тысячъ шамилевской конницы; а потомъ весь Самурскій отрядъ былъ двинутъ форсированнымъ маршемъ въ Даргинскій округъ, по случаю вторженія Шамиля; но войска дошли только до Кумуха, какъ получили извѣстіе о пораженіи Шамиля подъ Кутишами, и были возвращены назадъ.

Давно уже въ Южномъ Дагестанѣ не было такой спокойной зимы, какая выдалась съ 1846-го на 1847-й годъ, благодаря молвѣ, предрекавшей на лѣто большія военныя дѣйствія въ долинѣ Кара-Койсу. Тамъ, въ числѣ стратегическихъ пунктовъ, на которые опирался Шамиль при вторженіи въ наши предѣлы, едва-ли не самое видное мѣсто занималъ Гергебиль, утраченный нами въ 1843 году. Природа сдѣлала многое для его обороны, но Шамиль довершилъ его неприступность еще усиленными фортификаціонными работами, которыя неустанно продолжались цѣлую зиму. Между тѣмъ наступила весна, и въ Темиръ-Ханъ-Шуру прибылъ самъ князь Воронцовъ, чтобы руководить военными дѣйствіями. Самурскій отрядъ получилъ приказаніе идти къ Гергебилю. Но войска не тронулись еще съ своихъ зимовыхъ квартиръ, какъ Шамиль, желая отвлечь наше вниманіе въ другую сторону, приказалъ Даніель-султану вторгнуться въ Джаро-Бѣлоканскую область и произвесть въ ней общее возмущеніе. Султанъ выѣхалъ изъ Ириба 30 апрѣля въ сопровожденіи только пяти-сотъ всадниковъ, расчитывая,

что въ Елису къ нему пристанутъ тысячи приверженцевъ. Въ этомъ онъ и не ошибся. Спустя нѣсколько дней, всѣ общества Нагорнаго Дагестана и вся Лезгинская кордонная линія уже стояли въ огнѣ возмущенія. Изъ Закаталъ прислали просить помощи. Князь Аргутинскій не могъ, однако, двинуть туда весь Самурскій отрядъ и ограничился тѣмъ, что выслалъ въ тылъ Даніель-султану первый батальонъ Ширванскаго полка, который расположился въ Рутулѣ съ тѣмъ, чтобы не допустить возстанія до нашихъ предѣловъ.

Такимъ образомъ, Иванъ Давыдовичъ, заброшенный съ своею ротою на самую далекую окраину Южнаго Дагестана, не могъ принять участія въ памятной осадѣ Гергебиля. Только въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Даніель-султанъ, разбитый на Лезгинской линіи, вернулся въ Тлессерухъ, первый батальонъ получилъ приказаніе идти форсированнымъ маршемъ на Турчидагскія высоты, куда стянулся уже весь Самурскій отрядъ, возвратившійся назадъ изъ-подъ стѣнъ Гергебиля.

Только здѣсь Иванъ Давыдовичъ узналъ подробности этой неудавшейся для насъ экспедиціи. Очевидцы разсказывали, что войска, врываясь въ крѣпость, встрѣчали цѣлый рядъ такихъ засадъ и капкановъ, о которыхъ у насъ не имѣли никакого представленія: то натыкались они на огонь подземныхъ казематовъ, то поподали въ волчьи ямы такой глубины, что исчезали въ нихъ безслѣдно, то, вскакивая на сакли, проваливались сквозь ихъ фальшивыя крыши, слегка лишь забранныя хворостомъ, внизъ прямо на кинжалы мюридовъ. Два раза войска бросались на приступъ и два раза, испытывая одну и ту же неудачу, отступали, устилая путь своими тѣлами. Довольно сказать, что штурмовая колонна, въ составѣ тысячи штыковъ, оставила въ стѣнахъ Гергебиля до шести-сотъ нижнихъ чиновъ и 36 офицеровъ. Продолжать осаду послѣ этого было нельзя, и войска

отступили на Турчидагскія высоты съ тѣмъ, чтобы продолжать военныя дѣйствія въ Южномъ Дагестанѣ.

Тамъ, въ числѣ непріятельскихъ ауловъ, сторожившихъ выходы изъ горныхъ тѣснинъ, находился большой и многолюдный аулъ Салты, имѣвшій такое же значеніе для Дагестана Южнаго, какъ Гергебиль для Сѣвернаго. Онъ былъ укрѣпленъ не хуже, если не лучше послѣдняго, и круглыя башни его массивныхъ каменныхъ стѣнъ грозно смотрѣли своими амбразурами прямо на Цудахаръ—эти ворота въ Даргинскій округъ, взломанныя непріятелемъ при занятіи имъ Акуши еще зимою 1844 года. Шамиль, зная о намѣреніи русскихъ, поручилъ защиту Салтовъ Омаръ-Дебиру, одному изъ своихъ выдающихся сподвижниковъ, и собралъ туда лучшихъ мюридовъ со всего Дагестана, такъ что, можно сказать, не было общества, не было почти ни одного аула въ непокорныхъ горахъ, которые не имѣли бы представителей въ Салтинскомъ гарнизонѣ. Съ своей стороны и мы, наученные гергебильскимъ опытомъ, собирали достаточныя силы, и, главное, послали за тяжелой артиллеріей, что бы покорить Салты правильною осадой. И вотъ, 25 іюля Самурскій отрядъ, имѣя во главѣ первый баталіонъ Ширванскаго полка спустился съ Турчидага, и войска, подъ личнымъ начальствомъ князя Воронцова, стали подъ Салтами.

Съ этого дня начинается бомбардированіе крѣпости, и подъ покровительствомъ нашихъ батарей осадныя работы быстро идутъ впередъ, сжимая аулъ все тѣснѣе и крѣпче. Горцы напрягаютъ всѣ силы, что бы помѣшать нашимъ работамъ, и вылазка слѣдуетъ за вылазкой; а между тѣмъ на помощь къ Салтамъ подходятъ и шамилевскіе наибы. Расположившись на сосѣднихъ горахъ, они обстрѣливаютъ наши траншеи, мѣшаютъ фуражировкамъ, помогаютъ вылазкамъ гарнизона и посылаютъ ему смѣны и подкрѣпленія. При такихъ условіяхъ про-

должать осаду было безполезно, и князь Воронцовъ, оставя половину войскъ для охраны позиціи, съ остальными обратился противъ вспомогательныхъ отрядовъ непріятеля.

Иванъ Давыдовичъ со своею ротой участвовалъ въ обоихъ блистательныхъ дѣлахъ 7 и 9 августа, въ которыхъ на Кегерскихъ и Куппинскихъ высотахъ были разбиты на голову всѣ скопища Гаджи Мурата, Кабитъ Магомы, Даніель-Бека и Абакара-Хаджи. Дѣла эти, конечно, не могли не имѣть серьезнаго значенія въ ходѣ салтинской осады, но тѣмъ не менѣе стойкость салтинскаго гарнизона была такъ поразительна, что изумляла даже испытанныхъ нашихъ вождей. Повторялись ахульгинскіе кровавые дни. Русскіе батареи громили аулъ, - горцы поражали наши траншеи безпрерывнымъ ружейнымъ огнемъ; мы вели мины, - горцы отвѣчали намъ контръ-минами и нерѣдко взрывали или разрушали наши галлереи. Изо-дня въ день, какъ только тяжелыя орудія, которыми вооружили брешъ-батареи, начинали засыпать аулъ своими снарядами, тамъ происходило ужасное разрушеніе: каменныя сакли разбрасывались, стѣны падали, башни рушились, но горцы не помышляли о сдачѣ. Тогда главнокомандующій рѣшилъ стѣснить блокаду уже до предѣловъ крайней возможности. Но чтобы охватить Салты желѣзнымъ кольцомъ, необходимо было овладѣть садами, находившимися въ тылу укрѣпленій. Эти сады составляли ключъ позиціи, и такъ какъ занятіе ихъ должно было неизбѣжно повлечь за собою паденіе не доступной твердыни, то можно было заранѣе предвидѣть, что бой будетъ жестокій. И, дѣйствительно, такой кровавой ночи, какъ ночь съ 22-го на 23-е августа, въ этотъ періодъ кавказской войны болѣе не было. Едва густые сумерки окутали салтинскіе сады, гдѣ были расположены два баталіона, какъ горцы сдѣлали вылазку. Бой шелъ до разсвѣта; восемь приступовъ одинъ

за другимъ были отбиты, позицію отстояли, но это стоило намъ почти половины высланнаго отряда. Здѣсь, въ числѣ другихъ храбрецовъ, нашелъ себѣ геройскую смерть и командиръ 3-го батальона Ширванскаго полка подполковникъ Бибановъ. Слабыя остатки войскъ, пережившія роковую ночь, конечно, не могли бы удержать за собою сады въ случаѣ новыхъ атакъ непріятеля, а потому на слѣдующій же день, 24-го числа, на смѣну ихъ прибылъ первый батальонъ Ширванскаго полка—и Лазаревъ со своею ротой занялъ нижнее укрѣпленіе, названное теперь редутомъ Бибанова.

Едва прибывшія войска успѣли ознакомиться съ новою мѣстностью, какъ уже темная ночь охватила собой всѣ окрестные пункты. Чуть-чуть вырисовывались изъ мрака силуэты салтинскихъ укрѣпленій, изъ которыхъ время отъ времени огненными змѣйками вылетали непріятельскіе снаряды. Въ главномъ лагерѣ кое гдѣ брезжили еще огоньки, но въ садахъ царствовала непроницаемая темь. Такая ночь вполнѣ благопріятствовала цѣлямъ непріятеля, и у насъ роты стояли въ ружьѣ, ожидая нападенія. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго, послѣ двухъ-трехъ одиночныхъ выстрѣловъ, всѣ сады вдругъ загорѣлись сотнями огоньковъ, и по редуту открылась непрерывная ружейная пальба. Роты отвѣчали непріятелю дружными залпами. Черезъ нѣсколько минутъ наступило затишье, а черезъ часъ пальба загорѣлась еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Убѣдившись, однако, что мы стоимъ наготовѣ, непріятель прекратилъ огонь и возвратился въ крѣпость. Въ эту первую ночь ширванцы потеряли убитыми однаго офицера и 15 нижнихъ чиновъ.

Съ занятіемъ садовъ положеніе осажденныхъ становится безвыходнымъ, такъ какъ они остаются безъ воды и безъ продовольствія, которое уже не могло доставляться къ нимъ извнѣ. Но зато и для тѣхъ частей,

которыя занимали сады, наступаютъ безсмѣнно тревожные дни и безсонныя ночи. Каждый день, какъ только наступала полночь, по редуту открывалась жестокая пальба, подъ прикрытіемъ которой горцы обыкновенно старались или доставить въ крѣпость продовольствіе, или провести смѣну, или сдѣлать вылазку, что бы запастись въ родникахъ свѣжею водою, такъ какъ ближашіе источники были нами отравлены. Въ одну изъ такихъ перестрѣлокъ, въ ночь на 27-е августа, Иванъ Давыдовичъ былъ раненъ пулею въ лѣвый локоть, но, къ счастію, легко и остался во фронтѣ. Послѣднее было очень кстати, такъ какъ спустя нѣсколько дней, 2-го сентября, горцы кинулись было на нижній редутъ, расчитывая взять его нечаяннымъ нападеніемъ, но встрѣченные ротою Лазарева, стоявшей на готовѣ, отброшены были съ большою потерею.

Въ другой разъ, 4 сентября ночью, три смѣльчака, пробравшись оврагомъ, засѣли напротивъ редута и открыли огонь, стараясь преимущественно бить офицеровъ. Въ редутѣ пришлось потушить огни, на которые направлялись выстрѣлы. Но такъ какъ пальба не унималась, то Лазаревъ выбралъ изъ своей роты нѣсколько человѣкъ и во главѣ ихъ отправился самъ, что бы схватить этихъ смѣлыхъ охотниковъ. Тихо, не производя ни шума, ни шороха, переползла наша команда черезъ оврагъ,—и вдругъ съ крикомъ ура! кинулась на засаду съ тыла. Это было такъ неожиданно, что горцы едва-едва успѣли дать залпъ. Пуля сбила фуражку съ головы Ивана Давыдовича, другая сорвала погонъ съ унтеръ-офицера Кожина, но за то оба горца въ одно мгнованіе заколоты были штыками. Третій, успѣвшій ранить шашкой рядоваго Яковлева, спрыгнулъ въ оврагъ и скрылся. Солдаты сняли съ убитыхъ оружіе, и, по кавказскому обычаю, лучшую винтовку, изъ числа отбитыхъ, поднесли Ивану Давыдовичу. Два трупа, оставшіеся въ нашихъ рукахъ,

принесены были въ редутъ, и въ одномъ изъ нихъ, еще юношѣ, узнали сына одного извѣстнаго шамилевскаго наиба. На другой день князь Воронцовъ потребовалъ къ себѣ Лазарева, благодарилъ его за предпріимчивость и тутъ же произвелъ въ поручики. Въ то время, какъ войска, стоявшія въ садахъ, не выходили, можно сказать, изъ огня, на главной позиціи брешъ-батареи продолжали свое разрушительное дѣло, осадныя работы шли впередъ, и параллельно имъ подвигались минныя галлереи. Съ утра 8-го сентября со всѣхъ батарей былъ открытъ такой сильный огонь, какого до сихъ поръ еще не было. Два часа земля буквально стонала отъ грохота орудій, и вдругъ невыразимый, зловѣщій гулъ пронесся далеко по горамъ, и все задернулось густою черною тучею дыма. Это взлетѣла на воздухъ, взорванная нами скоро центральная башня, съ прилегавшими къ ней громадными пристройками. Образованная взрывомъ воронка и часть прилегавшей къ ней стѣны съ башней и оборонительною казармой, тотчасъ были заняты нашими войсками,— и тѣмъ не менѣе штурмовать самый аулъ Воронцовъ еще не рѣшался.

Со времени занятія нами наружной стѣны начинается послѣдній періодъ осады. Теперь наши орудія громили укрѣпленіе почти въ упоръ, и въ цѣломъ аулѣ, можно сказать, не оставалось уже ни одного безопаснаго угла. Невыносимая жара при полной безводицѣ, голодъ, холера, гніеніе непогребенныхъ труповъ, страданія неперевязанныхъ раненыхъ, всѣ ужасы, какіе только можно себѣ представить, сосредоточились въ осажденныхъ Салтахъ, — и все таки не поколебали изумительнаго мужества гарнизона. Терпѣніе его казалось неистощимымъ: горцы готовы были на новыя и новыя предпріятія. Такъ, 12 числа, сильное подкрѣпленіе пробилось въ Салты подъ страшнымъ огнемъ со всѣхъ нашихъ батарей, понеся огромную потерю. Изъ крѣпости тотчасъ сдѣлали вылазку, что бы

подобрать убитыхъ и раненыхъ. Въ редутѣ это замѣтили, и двѣ роты, высланныя подъ командой поручика Лазарева, стремительно ударили въ штыки, и вогнали мюридовъ обратно въ крѣпость. Тѣла убитыхъ и раненые горцы остались въ нашихъ рукахъ.

Черезъ два дня усиленное бомбардированіе дало знать, что у насъ готовятся къ штурму. Онъ дѣйствительно начался съ разсвѣтомъ 14-го сентября, но атака поведена была только со стороны главной позиціи, а войскамъ занимавшимъ сады, приказано было стоять на готовѣ, что бы атаковать гарнизонъ въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ покинуть крѣпость. Въ редутѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перепитіями кроваваго боя, происходившаго въ салтинскихъ улицахъ; скоро узнали, что князь Аргутинскій раненъ, но что войска подвигаются впередъ и берутъ саклю за саклей. Между тѣмъ наступила уже ночь, а въ нашихъ рукахъ находилась еще только половина аула. Салты держались и оставалось вполнѣ гадательнымъ — возьмутъ-ли ихъ и на слѣдующій день, такъ какъ начальникъ салтинскаго гарнизона Омаръ-Дебиръ далъ клятву скорѣе умереть, чѣмъ пропустить русскихъ далѣе. Но пока мюриды подъ его руководствомъ возводили послѣдній редутъ на высокомъ курганѣ, лежавшимъ посреди аула,—въ Салтахъ уже шли совѣщанія между остальными наибами о безполезности дальнѣйшей обороны. Они находили, что для защиты сдѣлано все, что могло быть сдѣлано, и дальнѣйшее упорство поведетъ къ напрасной гибели храбрыхъ людей. Омаръ отвергнулъ это мнѣніе и приказалъ отстаивать въ аулѣ камень за камнемъ. Но наибы его больше не слушали, и какъ только наступила полночь, и луна освѣтила дорогу, гарнизонъ толпами сталъ выходить изъ аула. Отступленіе это, однако, было замѣчено, и въ садахъ поднялась тревога. Рота Ивана Давыдовича, бросившаяся на перерѣзъ, первая преградила путь непріятелю. При-

нятая въ штыки, толпа отшатнулась назадъ, но, увидѣвъ другія роты, бѣжавшія на тревогу, снова устремилась на роту Лазарева. Тогда начался отчаянный бой,—и только жалкія остатки гарнизона успѣли кое какъ пробиться; но знамя Омаръ-Дебира и одна изъ салтинскихъ пушекъ были захвачены Лазаревымъ. Пушка эта и теперь стоитъ на площади Кумуха, какъ памятникъ славнаго минувшаго времени.

За это дѣло князь Воронцовъ самъ назначилъ Ивану Давыдовичу орденъ св. Владимира 4 степени съ бантомъ.

Такъ пали Салты, но пятидесяти-двухъ дневная оборона ихъ стоила намъ ста офицеровъ и болѣе двухъ тысячь нижнихъ чиновъ.

Салтынскою экспедиціею не окончились однако военныя дѣйствія 1847 года. Едва первый баталіонъ возвратился въ Кумухъ, какъ Шамиль внезапно обложилъ Цудахаръ, и Ивану Давыдовичу пришлось со своею ротой опять итти въ Акушу въ такое время, когда на горныхъ перевалахъ снѣгъ лежалъ по колѣна, а морозы доходили до 15 градусовъ. Быстрое прибытіе войскъ заставило Шамиля оставить Цудахаръ, но за то онъ бросился въ горные магалы Казикумыкскаго ханства и произвелъ въ нихъ общее возстаніе. Аргутинскій рѣшилъ продолжать наступленіе и началъ свою знаменитую зимнюю экспедицію въ Висцхинскій магалъ, составлявшую въ горахъ исключеніе изъ общаго правила. Трудно описать тѣ ужасы, которые перенесли наши войска, засыпаемые снѣговыми метелями; но если бы они не перенесли ихъ, то мы навѣрное потеряли бы часть Южнаго Дагестана. Только внезапное появленіе русскихъ зимою въ такихъ мѣстахъ, гдѣ даже лѣтомъ не всѣ дороги считались проходимыми, разрушило планъ Шамиля и вынудило его очистить наши владѣнія. Войска вернулись назадъ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ, и только тогда могли воспользоваться, наконецъ, хотя кратковременнымъ отдыхомъ.

Передъ самыми рождественскими праздниками Иванъ Давыдовичъ взялъ четырехъ—мѣсячный отпускъ, и сдавъ на законномъ основанiи роту, провелъ зиму на родинѣ, которую не видѣлъ уже восемь лѣтъ.

Глава VII.

(1848—1849)

Наблюдательный отрядъ на Турчидагѣ во время осады Гергебиля въ 1848 году.—Временное затишье.—Вторженіе Шамиля въ Самурскій округъ и блокада Ахтынскаго укрѣпленія.—Движеніе на помощь къ ней князя Аргутинскаго.—Мискинджинскій бой и тяжкая рана Ивана Давыдовича.—1849 годъ: Осада и взятіе Чоха.—Зимняя стоянка въ Кумухѣ. Дѣла подъ Гамашами, Унджигатлемъ и Кумалю.—Награды Лазарева.

Весною 1848 года, когда Иванъ Давыдовичъ возвратился изъ отпуска, войска Самурскаго отряда уже собирались въ лѣтнюю экспедицію. Лазаревъ принялъ 7-ю роту, входившую въ составъ 3-го батальона, и вмѣстѣ съ нею выступилъ въ походъ къ Гергебилю, который рѣшено было взять во чтобы то ни стало. Этого требовали и честь русскаго оружія, потерпѣвшаго неудачу въ минувшемъ году, и необходимость отнять у непріятеля опорный пунктъ на правомъ берегу Кара-Кайсу. Ивану Давыдовичу однако опять не пришлось участвовать въ осадѣ этой крѣпости, такъ какъ 3-й батальонъ оставленъ былъ на Турчидагѣ для прикрытія собственныхъ нашихъ границъ, куда непріятель могъ сдѣлать сильную диверсію. Но непріятель нигдѣ не показывался, ни какихъ попытокъ не дѣлалъ, и ширванцы спокойно простояли на своемъ посту до самаго паденія Гергебиля.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ на Турчидагскія высоты прибыли еще два батальона Ширванскаго полка, и вмѣстѣ съ третьимъ, составили передовой отрядъ полковника Манюкина. Аргутинскій не спѣшилъ распускать войска, такъ какъ ходили какіе-то темные слухи о новыхъ замыслахъ Шамиля, о которыхъ однако ни одинъ лазутчикъ не могъ сообщить ничего достовѣрнаго. Не смотря на то, ранняя осень, наступившая въ горахъ, съ туманными и холодными днями заставила спустить колонну Манюкина внизъ, и 3-й батальонъ расположился у Кумуха. Слухи между тѣмъ не прекраща-

лись. И вотъ, 10-го сентября, въ Кумухъ прискакали гонцы съ извѣстіемъ, что Шамиль съ 15-ти тысячнымъ скопищемъ вторгнулся въ Самурскій округъ и идетъ на Ахты. Манюкинъ тотчасъ выступилъ съ своими батальонами, и 16-го сентября, идя форсированными маршами, былъ уже въ Курахѣ,—небольшомъ укрѣпленіи, лежавшимъ на пути отъ Кумуха къ Самуру. Вечеромъ прибылъ сюда же и самъ князь Аргутинскій.

Въ Курахѣ въ это время находился младшій братъ Лазарева, Яковъ, служившій въ томъ же Ширванскомъ полку подпоручикомъ. Онъ лечился въ тамошнемъ госпиталѣ, но по прибытіи отряда немедленно явился въ полкъ и былъ зачисленъ въ роту Ивана Давыдовича.*) Обстоятельство это, разумѣется, было чисто случайное; но, какъ увидимъ,

*) Яковъ Давыдовичъ Лазаревъ выпущенъ былъ изъ Дворянскаго полка въ офицеры еще въ 1841 году въ одинъ изъ финдляндскихъ линейныхъ батальоновъ, потомъ онъ перешелъ на Кавказъ въ Мингрельскій егерскій полкъ, а оттуда переведенъ въ Ширванскій для совмѣстнаго служенія съ братомъ. Онъ прибылъ въ полкъ въ Декабрѣ 1844 года, когда Иванъ Давыдовичъ стоялъ на зимовыхъ квартирахъ въ д. Зейхура. Это былъ способный молодой человѣкъ, который, сознавая недостатокъ своего образованія, старался пополнить его, при помощи феноменальной памяти, и чтеніемъ серьезныхъ сочиненій и усидчивостью въ работѣ. Въ нѣкоторомъ родѣ онъ въ этомъ отношеніи составлялъ даже исключеніе изъ среды тогдашней военной молодежи, мало интересовавшейся тѣмъ, что не входило въ кругъ прямой ихъ спеціальности. Въ полутемной и бѣдной татарской саклѣ, молодой Лазаревъ обложился книгами и просиживалъ ночи, то изучая армянскихъ классиковъ, то разбирая какіе нибудь историческіе документы или древніе манускрипты, которые ему удавалось добывать въ аулахъ Дагестана. Такъ, мало-по-малу, въ немъ создалось желаніе узнать исторію народовъ, съ которыми ему приходилось обмѣниваться не только пулей или ударомъ шашки, но и мирною дружескою бесѣдою. Богатый матеріалъ, который онъ черпалъ вокругъ себя изъ устныхъ преданій и разсказовъ ученыхъ муллъ и стариковъ, служилъ ему путеводною

этой-то случайности, — а можетъ быть предопредѣленію свыше—Иванъ Давыдовичъ обязанъ былъ спасеніемъ своей собственной жизни. Не будь возлѣ него брата, онъ можетъ быть и не пережилъ бы тѣхъ тяжелыхъ минутъ, которыя судьба готовила ему въ недалекомъ будущемъ.

Въ Курахѣ князь Аргутинскій расчитывалъ сдѣлать дневку, чтобы дать время стянуться войскамъ, направленнымъ сюда изъ Шуры и Средняго Дагестана; но 17-го числа прискакалъ штабсъ капитанъ Бучкіевъ и передалъ ему объ отчаянномъ положеніи ахтынскаго гарнизона. „Весь округъ, говорилъ онъ, въ возстаніи. Шамиль осадилъ Ахты и, послѣ взрыва пороховаго погреба, штурмовалъ разрушенный бастіонъ; штурмъ былъ отбитъ, но потеря гарнизона такъ велика, что подъ ружьемъ не осталось и 300 нижнихъ чиновъ; гарнизонъ еще держится, но уже безъ всякой надежды на спасеніе“... Такія извѣстія вынудили Аргутинскаго, не ожидая сбора всѣхъ войскъ, двинуться въ Ахты лишь съ тѣми ширванскими баталіонами, которые находились у него подъ рукою. Ахты лежали отсюда въ разстояніи только 24-хъ верстъ, а потому войска, выступившія вечеромъ, на другой день 18-го сентября стояли уже на высокомъ хребтѣ, отдѣлявшимъ ихъ отъ долины Самура. Но этимъ путемъ проникнуть въ Ахты было нельзя. Мостъ

нитью въ его изысканіяхъ, и не прошло трехъ лѣтъ, какъ уже въ печати стали появляться его изслѣдованія, какъ на.р. „О древнихъ Лакахъ“, „О Гуннахъ Дагестана“ и т. под.; а вслѣдъ затѣмъ появилась и цѣнная въ научномъ отношеніи карта Дагестана, Албаніи и Закавказской Арменіи, составленная имъ исключительно по древнимъ армянскимъ классикамъ. Къ этому надо прибавить, что ученыя занятія, казавшіяся вовсѣ не сродными военному человѣку, нисколько не мѣшали ему быть отличнымъ боевымъ офицеромъ, и мы еще ни одинъ разъ встрѣтимся съ его именемъ при описаніи дальнѣйшихъ событій.

на Самурѣ горѣлъ, и переправы не было. Съ одного изъ уступовъ горы, обрывавшейся крутыми террасами, крѣпость, закутанная клубами порохового дыма, виднѣлась явственно во всей красѣ своего разрушенія; дальше за нею, надъ сѣрой массой Ахтынскаго аула, вѣяло зеленое знамя Шамиля, а кругомъ, насколько могъ видѣть глазъ, вездѣ стояли толпы непріятеля. Ахты были въ опасномъ положеніи. Аргутинскій видѣлъ это и не могъ подать имъ помощи. Кто знаетъ, какія мысли тѣснились тогда въ его сѣдой головѣ. У ногъ его гибла русская крѣпость, гибла медленно, но несомнѣнно, и паденіе её могло охватить пожаромъ весь Южный Дагестанъ и переброситься въ Кубинскій уѣздъ. Всѣ горы съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали рѣшенія, чѣмъ кончится грозное нашествіе имама. Князь Аргутинскій съ тоскою смотрѣлъ на укрѣпленіе. „Захаръ Степановичъ",—сказалъ онъ, обратившись къ командиру Ширванскаго полка полковнику Манюкину:—„здѣсь можетъ быть потеряно все, надъ чѣмъ я трудился шесть лѣтъ." Онъ отвернулся, сѣлъ на коня—и приказалъ отступать.

Изъ укрѣпленія сотни глазъ наблюдали за каждымъ движеніемъ нашей колонны, за каждымъ колебаніемъ ея штыковъ, и когда увидѣли, что князь Аргутинскій повернулъ назадъ, безотрадное чувство охватило всѣхъ, такъ недавно еще переполненныхъ надеждой на спасеніе. Могильная тишина водворилась въ укрѣпленіи, и всѣ медленно стали сходить съ брустверовъ и крышъ, коегдѣ уцѣлѣвшихъ построекъ. Разочарованіе осажденныхъ было ужасно. Солнце, блеснувшее на мгновеніе послѣ долгаго мрака, сослужило плохую службу, потому что послѣ него мракъ показался еще грознѣе, еще зловѣщѣе.

Аргутинскій пошелъ обходною дорогой, что бы переправиться черезъ Самуръ въ другомъ мѣстѣ; но это ближайшее мѣсто находилось верстахъ въ сорока отъ

укрѣпленія, и чтобы добраться до него, войскамъ предстояло перевалить два горные хребта, гдѣ не было даже вьючныхъ дорогъ. Погода въ горахъ стояла отвратительная: снѣгъ, дождь и туманы. Солдаты двигались въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. О крѣпости, для спасенія которой подняты были войска, давно уже не получали никакихъ извѣстій. Да и держится-ли еще она? Пушечные выстрѣлы, которые были слышны явственно, скоро замолкли. Наконецъ, 21 сентября, взобрались на послѣдній перевалъ, и передъ отрядомъ открылась опять красивая долина Самура. Здѣсь, на гребнѣ перевала, были снѣга и туманы, а тамъ, внизу, свѣтило яркое солнце и шумѣли зеленые лѣса. Но посреди этой чудной картины бѣшено мчался Самуръ. Удастся-ли еще перейти его? Вода была выше пояса, но войска тѣмъ не менѣе двинулись впередъ, и послѣ долгой, отчаянной борьбы съ стремительнымъ напоромъ воды, вышли наконецъ на противоположный берегъ. Тамъ встрѣтили ихъ опять два солдата, выбѣжавшіе изъ осажденной крѣпости; они сообщили, что Ахты еще держатся, но что непріятель разрушилъ уже другой бастіонъ, и гарнизонъ, по всей вѣроятности, не выдержитъ новаго штурма. Но выдержитъ или не выдержитъ—этотъ вопросъ впереди. А пока Ахты цѣлы—и всѣ вздохнули свободнѣй. Мрачная, душная атмосфера ахтынской экспедиціи исчезла. Крѣпость лежала отсюда въ разстояніи одного перехода, и на другой день, такъ или иначе, войска должны были встрѣтиться съ непріятелемъ.

22 сентября, еще ночные костры не успѣли потухнуть на бивуакахъ, какъ Аргутинскій уже двинулся дальше. Первые слѣды разрушенія и смерти были встрѣчены имъ въ Тифлисскомъ укрѣпленіи, отъ котораго остались только стѣны, почернѣвшія отъ пожара, да дворъ, наполненный тѣлами обгорѣлыхъ русскихъ солдатъ, очевидно, преданныхъ мучительной смерти. Гарнизонъ этого

укрѣпленія, очевидно, погибъ весь до послѣдняго человѣка, и огорькой участи ничтожной крѣпосцы можно было судить только по наглядному обзору той страшной картины, которая такъ неожиданно представилась дагестанскому отряду.

За этимъ-то укрѣпленіемъ и начиналась Мискинджинская долина, которую надо было перейти, что бы явиться подъ Ахтами. Но входъ въ долину былъ запертъ огромными завалами, вѣнчавшими собою и вершину и скаты горы. Значки, развѣвавшіеся надъ этими завалами, принадлежали лучшимъ наибамъ Шамиля, а въ распоряженіи Аргутинскаго было только три батальона,— и, слѣдовательно, открытый бой являлся дѣломъ крайне рискованнымъ. Аргутинскій попытался было обойти позицію; но обойти ее было нельзя: для этого опять потребовались бы два-три дня, а Ахты бились уже въ предсмертной агоніи. Тогда онъ подозвалъ полковника Манюкина и, переговоривъ съ нимъ, приказалъ Ширванскому полку итти на завалы.

Вотъ что разсказываетъ объ этомъ Я. Д. Лазаревъ, одинъ изъ числа уже не многихъ, еще оставшихся въ живыхъ, свидѣтелей Мискинджинскаго штурма*):

Нашъ 3-й баталіонъ двигался надъ самымъ обрывомъ Самура; лѣвѣе насъ шелъ 1-й батальонъ маіора Пирогова, а еще лѣвѣе — батальонъ Кишинскаго. Горцы, усѣявшіе завалы, сначала молчали и неподвижно слѣдили за нашими колоннами. Но какъ только мы подошли на близкій ружейный выстрѣлъ, вся непріятельская позиція точно вспыхнула и разомъ скрылась въ облакахъ порохового дыма. Вѣтерокъ относилъ его прямо на насъ, и скоро стало такъ темно, что мы едва различали дорогу. Всѣ офицеры сошли съ лошадей, и только Иванъ Давы-

*) Якову Давыдовичу теперь 76 лѣтъ, но онъ живо помнитъ всѣ подробности этого дня и этой ночи.

довичъ одинъ продолжалъ ѣхать верхомъ на своемъ сѣромъ иноходцѣ. Я подошелъ къ нему и взялъ лошадь за поводъ. „Братъ, сказалъ я ему, слѣзай—иначе ты заставишь всѣхъ насъ сѣсть на лошадей, и половину изъ насъ перебьютъ напрасно.“ Онъ нехотя, но послушался моего совѣта, отдалъ лошадь вѣстовому и пошелъ пѣшкомъ впереди своей роты. Мы всѣ находились въ какомъ-то экстазѣ, сознавая, что отъ насъ зависитъ теперь участь крѣпости, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасеніе края. И мы шли на смерть съ холоднымъ и непоколебимымъ мужествомъ. Но и наши враги не менѣе насъ сознавали безвыходность своего положенія. Мюриды Шамиля, въ случаѣ пораженія, конечно, могли уйти въ горы, но куда было дѣваться измѣнникамъ, жителямъ Самурскаго округа? А между тѣмъ ихъ-то бѣлыми папахами, и бѣлыми шубами, какъ снѣгомъ, усыпаны были гребни заваловъ. Имъ надо было побѣдить во что бы то ни стало,—иначе ихъ ожидали ссылки и казни, такъ какъ страшный самурскій донгузъ (кабанъ), какъ звали Аргутинскаго горцы, не пощадилъ бы изъ нихъ никого.

Движеніе наше было расчитано такъ, чтобы атаку на всѣхъ пунктахъ произвести одновременно: Пирогову—на центральный завалъ, а намъ и Кишинскому—на фланги. Кромѣ того, вся кавалерія, переброшенная на лѣвый берегъ Самура, должна была обскакать завалы, а затѣмъ, переправившись вновь на правый берегъ рѣки, выйти въ Мискинджинскую долину, чтобы въ самый разгаръ боя появится въ тылу непріятеля. Еще баталіоны наши стояли на мѣстѣ, какъ кавалерія уже начала свое обходное движеніе. Но всѣмъ этимъ расчетамъ помѣшали два обстоятельства: во первыхъ, конница опоздала, а во вторыхъ, баталіонъ Пирогова, потерявъ въ густомъ дыму направленіе, принялъ слишкомъ вправо и очутился подъ огнемъ съ фланговыхъ заваловъ. Что бы скорѣе выйти изъ сферы этого губительнаго огня, онъ взялъ

еще правѣе, и, столкнувшись съ нашимъ батальономъ, прижалъ его къ самому обрыву. Всѣ роты перемѣшались. Манюкинъ тотчасъ остановилъ батальоны, и пользуясь лощиной, приказалъ лечь, что бы дать людямъ время оглядѣться и оправиться.

Мнѣ пришлось лежать съ краю, возлѣ самой дороги, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ завала, съ котораго непріятель продолжалъ осыпать насъ пулями. Рядомъ со мною прилегъ прапорщикъ Круммесъ, но черезъ минуту онъ уже былъ раненъ въ руку, въ тотъ моментъ, когда поднялъ её, что бы поправить фуражку. Тогда я быстро поднялся на ноги, и, въ два прыжка перескочивъ дорогу, очутился подъ огромной каменной глыбой, на которую опирался завалъ. Здѣсь я былъ совершенно закрытъ отъ выстрѣловъ и сталъ махать папахой, призывая къ себѣ солдатъ. Нѣсколько людей изъ разныхъ ротъ перебѣжали дорогу тѣмъ-же путемъ, какъ я, и насъ собралось около сорока человѣкъ. Гдѣ была 7-я рота, изъ—за скалы мнѣ не было видно. Я все время слѣдилъ за батальономъ Кишинскаго; я видѣлъ, какъ онъ поднимался на гору, какъ пріостановился на мгновеніе, что бы перевести духъ, и какъ затѣмъ съ крикомъ „ура!“ вдругъ вскочилъ на гребень... Непріятель точно отшатнулся назадъ, и волненіе, начавшееся у него на правомъ флангѣ, пробѣжало разомъ по всей непріятельской позиціи. „Теперь пора!“ крикнулъ я солдатамъ и бросился къ завалу. Мы своими руками мигомъ развалили какую-то бревенчатую стѣнку, и, бросившись въ этотъ проломъ, столкнулись съ непріятелемъ. Почти въ тотъ же моментъ подоспѣли оба батальона, и въ завалахъ пошла рукопашная свалка. Брата я не видѣлъ, да и распрашивать о немъ было некого: мы сбили непріятеля и преслѣдовали его по равнинѣ до самыхъ мискинджинскихъ садовъ. Здѣсь догналъ меня денщикъ и привелъ съ собою моего верхового коня. На вопросъ: гдѣ

братъ?—онъ отвѣчалъ: „не знаю, я его не видѣлъ“. Нѣсколько обезпокоенный, я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ назадъ, что-бы розыскать Ивана Давыдовича. Проѣхавъ съ полъ-версты, я увидѣлъ, что кого-то несутъ на носилкахъ; подъѣзжаю ближе—и вижу брата, всего облитого кровью. Сердце мое замерло, языкъ онѣмѣлъ; я бросился съ коня и не имѣлъ силъ удержать своихъ слезъ. „Не плачь, Богъ дастъ останусь живъ“, сказалъ онъ; но это было произнесено такимъ упавшимъ, слабымъ голосомъ, что опасенія мои только усилились.

Вотъ что я узналъ отъ солдатъ, которые все время находились возлѣ Ивана Давыдовича.

Въ моментъ, когда губительный огонь непріятеля давалъ себя особенно чувствовать, братъ, повидимому желавшій прекратить замѣшательство и ускорить развязку, поднялся съ земли во весь своей колоссальный ростъ, и крикнувъ: „Седьмая рота за мной!“, бросился къ завалу; съ нимъ вмѣстѣ бросилась и первая гренадерская рота съ капитаномъ Добрышинымъ. Добрышинъ тутъ-же получилъ смертельную рану, а Иванъ Давыдовичъ, пораженный камнемъ въ голову и пулей въ шею на-вылетъ, упалъ на самомъ краю отвѣснаго обрыва. Къ счастью, одинъ изъ унтеръ-офицеровъ быстро подхватилъ его на руки,—иначе онъ скатился-бы внизъ и неминуемо погибъ въ пучинѣ Самура. Атака не удалась, и роты отозваны были назадъ.

Потомъ, когда завалы были уже взяты, Аргутинскій, проѣзжавшій вслѣдъ за штурмовыми колоннами, увидѣлъ Лазарева, сидѣвшаго на кучѣ бревенъ въ то время, какъ ротный цирульникъ наскоро дѣлалъ ему перевязку. Грустно было видѣть эту высокую, могучую фигуру, изнемогавшую подъ бременемъ страданій. Онъ былъ безъ сознанія. Двое солдатъ поддерживали его, какъ ребенка, а онъ машинально снималъ и надѣвалъ свою огромную папаху. Князь Аргутинскій при-

нялъ въ немъ живое участіе, приказалъ положить на носилки и нести въ Ахты, гдѣ поручить особой заботливости медиковъ.

На пути къ Ахтамъ я и встрѣтилъ брата. Но такъ какъ бой ёще не окончился, и мы не знали, куда пойдемъ изъ мискинджинскихъ садовъ, то я поскакалъ опять къ батальону, гдѣ получилъ приказаніе принять роту Ивана Давыдовича. Оказалось, однако, что мы идемъ въ тѣже Ахты, и что князь Аргутинскій уже поѣхалъ туда съ драгунами. Тогда я поручилъ вести роту подпоручику Желтухину, а самъ догналъ брата и сопровождалъ его до крѣпости. Постоянно якшаясь съ татарами, я зналъ и нѣкоторые пріёмы ихъ леченія, а потому очень обрадовался, когда увидѣлъ въ сторонѣ отъ дороги нѣсколько татаръ, рѣзавшихъ въ лощинѣ молодого барашка. Я подъѣхалъ къ нимъ и сказалъ, что мы веземъ раненаго, и что намъ нужна свѣжая, еще теплая шкурка, только что снятая изъ-подъ курдюка ягненка. Они охотно исполнили просьбу, и мы, обложивъ этою шкуркою рану Ивана Давыдовича, съ удовольствіемъ увидѣли, какъ больной сталъ успокоиваться. Въ Ахты мы прибыли уже передъ вечеромъ. Аргутинскій не забылъ распорядиться о помѣщеніи раненыхъ, и намъ показали комнатку, гдѣ лежали Добрышинъ и Букхольцъ—оба раненые въ томъ-же Мискинджинскомъ сраженіи. Пришлось поставить здѣсь-же и третью кровать для Ивана Давыдовича. Онъ былъ въ жару, метался на койкѣ и жаловался, что рука его, на чиная отъ шеи, горитъ невыносимо. Я тотчасъ принялся обкладывать его холодными компресами; они помогали, но мало, а это наводило на мысль—не начинается-ли у него антоновъ огонь? Скоро однако явились три доктора и, осмотрѣвъ раненыхъ, рѣшили, что раны смертельныя, и что всѣ трое умрутъ, а прежде всѣхъ Лазаревъ, такъ какъ пуля задѣла сонную жилу. Не выска

жи доктора такого рѣшительнаго приговора, я, можетъ быть, еще колебался-бы, но тутъ всякія сомнѣнія для меня исчезли, и я бросился розыскивать туземнаго врача, хакима Фитили—чохскаго, который, какъ говорили, излечивалъ самыя трудныя раны. Я зналъ, что онъ находится гдѣ-то при нашей сборной милиціи,—но гдѣ найти его ночью? Вся площадь за крѣпостью была занята спавшими милиціонерами; и я напрасно принимался будить ихъ; на мои вопросы: гдѣ Фитили-гаджи? всѣ они отвѣчали съ просонья только крупною татарскою бранью. Наконецъ, вижу: сидитъ одинъ и куритъ трубку. Я—обратился къ нему. „Фитили“, отвѣчалъ онъ, „только сейчасъ уѣхалъ съ аварцами въ аулъ Ахты; ты тамъ найдешъ его“. Я бросился въ деревню, и послѣ долгихъ розысковъ передъ свѣтомъ привелъ его къ брату. Осмотрѣвъ рану, онъ весело улыбнулся и сказалъ: „Ничего, будешь здоровъ“. Онъ тотчасъ потребовалъ полъ-стакана спирта, прованскаго масла, горсть муки, примѣшалъ къ этому какія-то травы, потомъ вскипятилъ все это на огнѣ,—и черезъ полъ-часа мазь была готова. Когда онъ приложилъ её къ ранамъ, жаръ почти моментально унялся, но за то на шеѣ сталъ образовываться громадный нарывъ, который видимо радовалъ нашего хакима. Черезъ нѣсколько времени онъ его вскрылъ и съ торжествомъ вытащилъ оттуда большой кусокъ серебрянаго галуна. Надо сказать, что Иванъ Давыдовичъ имѣлъ обыкновеніе носить подъ сюртукомъ азіатскій бешметъ, и пуля, пробивши воротникъ и шею, втянула въ рану оторванный кусокъ галуна, который и произвелъ воспаленіе. Не вызови Фитили-гаджи этого нарыва - дѣло неминуемо окончилось-бы антоновымъ огнемъ и смертью.“

Черезъ двѣ недѣли Иванъ Давыдовичъ могъ уже отправиться въ путь, и его на носилкахъ донесли до Хозрека. Здѣсь онъ переночевалъ, а на другой день

сѣлъ на коня, и въ сопровожденіи только двухъ нукеровъ благополучно добрался до Кусаровъ. Походовъ въ эту зиму не было, и Иванъ Давыдовичъ спокойно докончилъ свое леченіе въ полковой штабъ-квартирѣ. Черезъ мѣсяцъ онъ по прежнему вступилъ въ командованіе своею 7-ю ротою.

За Мискинджинскій штурмъ Лазаревъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны.

Наступила весна 1849 года, и Лазаревъ началъ опять готовиться къ экспедиціи, которая на этотъ разъ предпологалась къ сторонѣ Андаляла. Въ два предшествовавшіе года, мы отняли у непріятеля два опорные пункта—Салты и Гергебиль, и теперь на очереди стоялъ передъ нами Чохъ, служившій средоточіемъ, какъ боевыхъ силъ, такъ и всѣхъ воинственныхъ начинаній Андаляльскаго общества. Шамиль зналъ о нашихъ намѣреніяхъ, и въ короткое время превратилъ разоренный аулъ въ первоклассную крѣпость.

17-го Іюня весь Самурскій отрядъ сосредоточился опять на Турчидагскихъ высотахъ и расположился на обширномъ плато, съ котораго весь Чохъ, лежавшій внизу, на одной изъ подгорныхъ террасъ, представлялся намъ, какъ на блюдечкѣ. Намъ было видно, какъ подходили къ нему подкрѣпленія, какъ пріѣзжалъ Шамиль, окруженный многочисленнымъ конвоемъ, и какъ послѣ его отъѣзда горцы бросились укрѣплять нѣкоторыя высоты, на которыя сначала не обращали вниманія. Прошелъ Іюнь мѣсяцъ, а военныя дѣйствія все еще не начинались, такъ какъ у насъ поджидали осадную артиллерію, которую съ трудомъ переправляли черезъ горы. Наконецъ она прибыла, и 5-го Іюля третій баталіонъ Ширванскаго полка, спущенный внизъ, занялъ передовую позицію, передъ самымъ Чохомъ. Съ этого

дня начинается осада. Почти два мѣсяца, и днемъ и ночью, и въ будни и въ праздники, подъ страшнымъ тропическимъ зноемъ и проливными дождями, производились нами работы, представлявшія собою въ концѣ концовъ цѣлую систему осадныхъ сооруженій. Но правильная атака крѣпости рѣдко разнообразилась какими нибудь выдающимися эпизодами. Большею частію дни проходили однообразно, отличаясь одинъ отъ другого только большимъ или меньшимъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ. Иванъ Давыдовичъ, „какъ ротный командиръ уже извѣстный своею храбростію и распорядительностію“ *), не разъ былъ посылаемъ съ своею ротой для занятія важнѣйшихъ пунктовъ позицій, но случаевъ къ особымъ отличіямъ ему не представлялось. Вылазки со стороны гарнизона представляли явленія почти исключительныя; но за то, если онѣ случались, то уже носили на себѣ характеръ необыкновенно кровавый и стоившій громадныхъ жертвъ обѣимъ сторонамъ. Такая вылазка случилась, между прочимъ, въ ночь съ 23-го на 24-е іюля, когда рота Ивана Давыдовича, выдвинутая за наши траншеи, находилась въ цѣпи подъ самою крѣпостію. Было уже за полночь, когда крѣпостныя ворота вдругъ распахнулись, и масса горцевъ, прорвавши нашу цѣпь, кинулась на рабочихъ. Минута была опасная, но Иванъ Давыдовичъ быстро подоспѣлъ съ резервомъ, и ударомъ въ штыки остановилъ нападеніе. Пока шла рукопашная схватка, траншеи приготовились уже къ оборонѣ, и горцы, видя невозможность помѣшать работамъ, отступили въ крѣпость. За то на другой день, въ ночь на 25-е іюля, вылазка повторилась съ удвоенною силой. На этотъ разъ горцы кинулись прямо на ложементы, и лицомъ къ лицу столкнулись съ прикрытіемъ, въ числѣ котораго нахо-

---

*) Выраженіе князя Аргутинскаго въ его донесеніи.

дилась и рота Ивана Давыдовича. Почти въ упоръ грянули залпы съ обѣихъ сторонъ, и враги кинулись другъ на друга въ штыки и въ кинжалы. Послѣ упорнаго боя горцы были прогнаны, но потеря съ нашей стороны оказалась значительной, и къ общему сожалѣнію здѣсь былъ убитъ полковникъ Левицкій, одинъ изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ Кавказскаго корпуса. Лазаревъ, по свидѣтельству князя Аргутинскаго, „и въ этомъ дѣлѣ былъ первымъ изъ числа отличившихся“.

Къ исходу августа мѣсяца осада Чоха стала близиться къ своей неизбѣжной развязки. Крѣпость лежала передъ нами въ развалинахъ, но эти развалины смотрѣли такъ грозно, что князь Аргутинскій, помнившій Салты и Гергебиль, не рѣшился на приступъ. „Мы можемъ взять мѣсто, гдѣ стоялъ Чохъ“, писалъ онъ Воронцову, „но удержать его за собою нечего и думать“. По этому онъ удовольствовался только разгромомъ чохскихъ укрѣпленій и, снявъ осаду, отступилъ на Турчидагскія высоты. Такъ какъ военныхъ дѣйствій въ этомъ году больше не предвидѣлось, то войска были распущены, и два батальона Ширванскаго полка (2-й и 3-й), подъ общею командой подполковника Кишинскаго, расположились на зимовыя квартиры въ самомъ Кумухѣ. Всѣ офицеры были радушно приняты Агаларъ-Бекомъ, правителемъ Казикумыкскаго ханства, но Лазаревъ, владѣвшій туземнымъ языкомъ, сблизился съ нимъ больше другихъ, и отсюда началась та кратковременная дружба, которая со стороны Агалара, какъ увидимъ дальше, скоро смѣнилась непремиримою враждою, заставлявшей его подъ-часъ забывать даже долгъ и обязанность русскаго подданнаго. Но все это случилось позднѣе, а въ ту зиму, когда баталіоны наши стояли въ его резиденціи, согласіе ни чѣмъ не нарушалось, и офицеры почти исключительно проводили время въ каменномъ замкѣ грознаго казыкумыкскаго хана. Ага-

ларъ былъ человѣкъ молодой, умный, полный самой кипучей энергіи, и не безъ основанія слылъ грозою мюридовъ, сторожа передовыя границы наши такъ, какъ никто изъ тогдашнихъ начальниковъ. На ряду съ этимъ, онъ былъ настоящій азіатскій деспотъ, почти безконтрольно распологавшій жизнью и имуществомъ своихъ подвластныхъ. Къ тому-же онъ былъ честолюбивъ чрезмѣрно, и мечты его иногда залетали слишкомъ далеко. Но Аргутинскій цѣнилъ въ немъ больше всего твердое управленіе безпокойнымъ, мятежнымъ ханствомъ, и на многое смотрѣлъ сквозь пальцы. Наступившая зима обѣщала войскамъ продолжительный отдыхъ, но не таковъ былъ ея конецъ. 11-го ноября Агаларъ-Бекъ, объѣзжая свои границы, замѣтилъ большую партію, стоявшую на Турчидагѣ и тотчасъ послалъ предупредить объ этомъ подполковника Кишинскаго. Но пока посланный скакалъ, непріятель бросился на Гамаши и овладѣлъ деревней послѣ горячаго боя. Та же участь грозила и Унджигатлю. Къ счастію Кишинскій, выскочившій на тревогу съ одною конницей, во время успѣлъ переградить путь непріятелю, но здѣсь ему пришлось убѣдиться, что онъ имѣетъ дѣло не съ простымъ набѣгомъ, а что при партіи находится Шамиль, присутствіе котораго заставляло предпологать какія нибудь болѣе серьезныя цѣли. Тогда онъ дождался свои батальоны, спѣшившіе сюда изъ Кумуха, и приказалъ: второму атаковать Гамаши, а третьему взять прилегавшія къ нимъ высоты, съ которыхъ непріятель обстрѣливалъ подступъ къ селенію. Рота Ивана Давыдовича, кинувшаяся во главѣ своего батальона, быстро овладѣла высотами и, сбросивъ съ нихъ непріятеля, сама открыла огонь по улицамъ аула, что дало возможность Кишинскому ворваться въ деревню.

Шамиль отступилъ. Но въ февралѣ 1850 года вторженіе повторилось опять Омаромъ Салтинскимъ. На

этотъ разъ рота Ивана Давыдовича первая подоспѣла къ Унджугатлю, но нашла его занятымъ четырехъ-тысячнымъ скопищемъ, и остановилась. На помощь къ ней скоро подошелъ самъ Агаларъ-ханъ съ остальными ротами 3-го батальона, но и этихъ силъ оказалось недостаточно, чтобы овладѣть деревнею. Пришлось отступить, а непріятель между тѣмъ сжегъ Унджугатль и перешелъ въ Висцхинскій магалъ, гдѣ обложилъ деревню Кумалю, жители которой отчаянно защищались три дня въ ожиданіи выручки. Къ счастію, въ Кумухъ прибылъ въ это время другой баталіонъ ширванцевъ, и весь отрядъ быстрымъ движеніемъ успѣлъ выручить горсть храбрыхъ защитниковъ. Омаръ потерпѣлъ пораженіе, и спокойствіе въ Казикумыкскомъ ханствѣ возстановилось.

Ивану Давыдовичу за экспедиціи 1849 года пожалованы были опять двѣ награды: За Чохъ онъ произведенъ въ капитаны, а за Гамаши и Кумалю ему объявлено Монаршее благоволеніе.

Этимъ заканчивается дѣятельность Лазарева, какъ строевого офицера, и начинается новая эпоха въ его жизни—въ крупной и отвѣтственной роли самостоятельнаго начальника уже на поприщѣ военно-административномъ.

Глава VIII.

Посѣщеніе Воронцовымъ Южнаго Дагестана.—Докладъ князя Аргутинскаго о неудовлетворительномъ положеніи Мехтулинскаго ханства.—Вызовъ Лазарева и назначеніе его правителемъ Мехтулы.—Наставленія, данныя ему княземъ Аргутинскимъ.—Первая неудача Лазарева и обнаруженіе имъ тайныхъ интригъ среди мехтулинцевъ.—Какъ поступилъ въ этомъ случаѣ Лазаревъ.—Ближайшее знакомство его съ Мехтулинскимъ ханствомъ и пограничною линіею.—Мѣры, принятыя имъ, для возстановленія порядка, какъ въ административномъ, такъ и въ боевомъ отношеніи.—Учрежденіе сигнальныхъ башенъ.—Сформированіе милиціи и внутренній порядокъ въ отправленіи ею службы.—Личный конвой Лазарева.—Его поѣздки по краю.

Весною 1850 года князь Воронцовъ, объѣзжая Южный Дагестанъ, провелъ нѣсколько дней въ селеніи Ярыгларъ у Юсуфъ-бека, правителя Кюринскаго ханства. Здѣсь князь Аргутинскій докладывалъ ему о положеніи дѣлъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, и, между прочимъ, высказалъ желаніе назначить новаго правителя въ Мехтулинское ханство.

Управленіе Мехтулою, по смерти Ахмедъ-хана, послѣдовавшей въ 1844 году, поручено было вдовѣ его ханшѣ Нохъ-Бике. Но такъ какъ смутныя обстоятельства того времени требовали, чтобы ханствомъ управляла болѣе твердая власть, то нашли необходимымъ назначить ей, въ видѣ помощника, русскаго штабъ-офицера, который, дѣйствуя во всемъ, какъ-бы съ ея согласія, былъ на самомъ дѣлѣ полнымъ правителемъ ханства впредь до совершеннолѣтія законныхъ наслѣдниковъ.

Послѣ князя Григорія Димитріевича Орбеліани, бывшаго первымъ правителемъ Мехтулы, ханствомъ съ 1847 года управлялъ маіоръ Васильевъ, человѣкъ слабый и неспособный держать въ рукахъ передовую пограничную область. По самому складу своего уступчиваго характера, а еще болѣе по незнанію туземныхъ

нарѣчій и обычаевъ, онъ не могъ ни противодѣйствовать тонкимъ интригамъ людей, окружавшихъ ханшу, ни ограждать интересы простого народа отъ посягательства на нихъ высшихъ сословій, ни обуздывать, наконецъ, своеволія самаго народа, отказывавшагося нерѣдко отъ исполненія даже законныхъ повинностей, которыми онъ былъ обязанъ ханшѣ. При внутреннихъ раздорахъ и отсутствіи твердаго управленія, въ краѣ образовалась страшная язва—абречество, и люди недовольные свободно уходили къ непокорнымъ горцамъ, а потомъ, возвращаясь назадъ, оставались безнаказанными. Въ самомъ Дженгутаѣ находилась партія, служившая интересамъ Шамиля, и во главѣ ея стоялъ нѣкто Абдулла-Кадій, человѣкъ ученый и пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Мюриды хозяйничали въ Мехтулѣ, какъ дома, чему способствовало то, что у Васильева были намѣчены пункты, далѣе которыхъ онъ никому не позволялъ преслѣдовать изъ опасенія понести потери. А такъ какъ эти пункты находились въ самомъ близкомъ разстояніи отъ его резиденціи, то горцы каждый разъ благополучно уходили домой на глазахъ милиціи, останавливавшейся передъ большимъ курганомъ, который и понынѣ зовется въ народѣ „Васильевскимъ“.

Высказавъ все это при своемъ докладѣ, Аргутинскій просилъ о перемѣщеніи Васильева на другую должность, а на его мѣсто рекомендовалъ капитана Лазарева, какъ офицера, лично извѣстнаго и князю Воронцову со времени салтынской экспедиціи. Онъ выразилъ при этомъ только опасеніе, что Лазаревъ откажется, такъ какъ онъ два раза предлагалъ ему быть помощникомъ сперва начальника Самурскаго округа, а потомъ въ Кайтаго-Табасарани, и оба раза Лазаревъ предпочелъ остаться во фронтѣ.

„Мы постараемся это уладить“, отвѣчалъ Воронцовъ, и приказалъ вызвать Лазарева изъ Кусаровъ, гдѣ

онъ стоялъ съ своею ротою. Иванъ Давыдовичъ явился на слѣдующій день и былъ представленъ намѣстнику.

Воронцовъ долго говорилъ съ нимъ о салтынскомъ походѣ, распрашивалъ о его мискинджинской ранѣ, и затѣмъ, объявивъ прямо, что готовитъ ему новое назначеніе, тутъ-же поздравилъ правителемъ Мехтулинскаго ханства. „Вотъ, князь Моисей Захаровичъ", сказалъ онъ: рекомендуетъ васъ не только какъ отличнаго боевого офицера для командованія передовою линіей, но какъ человѣка, знакомаго съ языкомъ, нравами и обычаями горцевъ".—„Слѣдовательно", прибавилъ онъ: „въ вашемъ лицѣ совмѣщаются всѣ качества, которыя намъ нужны въ правителѣ".

Лазаревъ отвѣчалъ, что видитъ въ этомъ назначеніи знакъ особаго довѣрія главнокомандующаго и постарается оправдать его выборъ.

Воронцовъ поинтересовался однако узнать, почему онъ два раза отказывался отъ службы по народному управленію.

—Князь Аргутинскій предлагалъ мнѣ быть помощникомъ,—отвѣчалъ Лазаревъ со свойственной ему прямотою,—но я видѣлъ, что мои взгляды на управленіе будутъ расходиться со взглядами моихъ начальниковъ, и рѣшилъ отказаться. Въ Мехтулѣ я буду дѣйствовать самостоятельно, и одинъ отвѣчу передъ вами за всѣ свои распоряженія.

Князь Воронцовъ одобрительно закивалъ головою, что дѣлалъ всякій разъ, когда былъ доволенъ отвѣтомъ.

По возвращеніи въ полкъ Лазаревъ немедленно сдалъ свою роту и отправился къ мѣсту новаго назначенія. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ онъ представился князю Аргутинскому.

Молчаливый и всегда угрюмый, князь Моисей Захаровичъ на этотъ разъ долго говорилъ съ нимъ о Мехтулинскомъ ханствѣ и даже въ отрывочныхъ свѣ-

дѣніяхъ высказывалъ, что нужно было сдѣлать. „Тамъ все пришло въ упадокъ“, говорилъ онъ Лазареву: „абреки ходятъ открыто, существуютъ даже тайныя сношенія съ Шамилемъ... Это искорени, и прежде всего подтяни милицію: она ничего не дѣлаетъ. Во внутреннемъ управленіи тѣ же безпорядки... Ханшу надо поддерживать, но и ей не давай волю угнетать подвластныхъ... Инструкцій я не дамъ: на мѣстѣ увидишь самъ, что нужно для края... Въ случаѣ надобности дѣйствуй моимъ именемъ, и на мою отвѣтственность“.

Съ этимъ короткимъ наставленіемъ Лазаревъ прибылъ въ Дженгутай, и въ началѣ іюня 1850 года вступилъ въ управленіе ханствомъ. Но здѣсь на первыхъ же порахъ ему пришлось натолкнуться на такое оригинальное явленіе, которое сразу раскрыло передъ нимъ не только истинное положеніе дѣлъ, но и ту опасную игру, которую вели мехтулинцы.

Случилось это слѣдующимъ образомъ.

На другой или на третій день послѣ пріѣзда Лазарева, партія хищниковъ прошла черезъ Мехтулу, и верстахъ въ 15-ти отъ Дженгутая разграбила шамхальское селеніе Гилли. Лазареву дали знать поздно. Онъ былъ человѣкъ новый, еще не ознакомившейся съ топографіей края, но при одномъ взглядѣ на карту увидѣлъ, что лучше всего занять горный хребетъ, отдѣлявшій насъ отъ непокорныхъ горцевъ, и такимъ образомъ отрѣзать партіи путь отступленія. Но милиція еще не успѣла выступить, какъ молва объ этомъ распространилась уше по всему Дженгутаю и взволновала многихъ. Движеніе Лазарева за черту Васильевскаго кургана, гдѣ горцы прiывкли считать себя въ безопасности, грозила имъ неминуемымъ пораженіемъ, тѣмъ болѣе, что они не подозрѣвали даже готовившагося имъ сюрприза. Чтобы отклонить ударъ, пущены были въ ходъ всѣ извороты, вся ловкость и коварство азіатской

политики. Два абрека, изъ числа проживавшихъ въ нашихъ аулахъ, кинулись предупредить непріятеля, а нѣсколько, почтенныхъ на видъ, стариковъ пристроились къ Лазареву, и съ видомъ искренняго усердія стали уговаривать его встрѣтить партію не на горахъ, а при выходѣ ея изъ глубокихъ овраговъ ниже Дженгутая. Не подозрѣвая даже возможности столь грубаго и наглаго обмана, Лазаревъ поддался ихъ убѣжденію и, дѣйствительно, сталъ между Большимъ Дженгутаемъ и Бугленскими высотами, за которыми начиналось уже шамхальство. Ночь была темная. Разъѣзды, посланные въ разныя стороны, долго не возвращались, а между тѣмъ уже приближался разсвѣтъ, и на небѣ звѣзды гасли одна за другою. Вдругъ послышался топотъ. Это прискакали дагестанскіе всадники и доложили, что партія давно прошла стороною, и что они видѣли сами, какъ она спускалась съ горъ къ Шеншереку. Обманъ для Лазарева сталъ очевиденъ, но онъ ни сказалъ ни слова, и только бросилъ на своихъ совѣтчиковъ такой негодующій взглядъ, отъ котораго у нихъ по кожѣ пробѣжали мурашки. Этотъ взглядъ истолковалъ имъ, что всѣ ихъ интриги поняты, и что обманы болѣе уже не повторятся. Абдулла-Кадій, рудоводившій втайнѣ всѣмъ этимъ дѣломъ, выдержалъ непріятное свиданіе съ Лазаревымъ съ глазу на глазъ, и послѣ того цѣлую недѣлю ходилъ какъ опущенный въ воду. Дженгутаевцы замѣтно упали духомъ. Никакихъ суровыхъ или карательныхъ мѣръ не было принято Лазаревымъ, а между тѣмъ по всѣмъ деревнямъ пошла ходить молва о новомъ, „грозномъ“ правителѣ, вселявшимъ трепетъ однимъ своимъ именемъ. Въ эту-то самую пору Иванъ Давыдовичъ, желая ближе ознакомиться съ краемъ, что-бы завести въ немъ новые порядки, предпринялъ объѣздъ Мехтулинскаго ханства.

Небольшое владѣніе это, состоявшее всего изъ 11

деревень, окружено было съ трехъ сторонъ покорными землями Шамхала Тарковскаго и Даргинскаго округа, и только на западѣ высокій горный хребетъ отдѣлялъ его отъ сильнаго койсубулинскаго народа, подвластнаго Шамилю. Этотъ хребетъ, обрывавшійся къ непріятельской сторонѣ голыми, почти отвѣсными скалами, спукался въ наши владѣнія отлогими и зеленѣющими контрфорсами, которые, развѣтвляясь, заполняли собою всю южную часть ханства. Одна изъ этихъ отраслей, самая сѣверная, была извѣстна подъ именемъ Кизилъ-яра, и отдѣляла верхнюю, или горную часть Мехтулы отъ нижней, представляющей собою, какъ-бы продолженіе обширной шамхальской ровнины.

На этой ровнинѣ, въ 18 верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, стояло селеніе Нижній, или Большой Дженгутай,—столица Мехтулинскаго ханства, обнесенное высокой плетневою оградой, со рвомъ и нѣсколькими воротами, постоянно охранявшимися карауломъ. Въ самомъ центрѣ селенія, на высокомъ холмѣ, стоялъ красивый дворецъ или замокъ, выстроенный изъ тесанаго камня, что въ глазахъ азіатцевъ, ничего не видѣвшихъ болѣе лучшаго, казалось верхомъ архитектурнаго искусства, тѣмъ болѣе, что такого дворца не было и у самаго Шамхала Тарковскаго. Здѣсь, окруженная придворнымъ штатомъ, жила мехтулинская ханша Нохъ-Бике со своими дѣтьми, а Лазаревъ помѣстился въ нижней части аула, въ наемномъ домикѣ, гдѣ жили его предшественники, успѣвшіе приспособить его къ коекакому комфорту и нѣкоторымъ условіямъ европейской жизни.

Къ востоку отъ Дженгутая, на той-же ровнинѣ, лежали деревни Дургели и Кака-Шура, а на западъ— Верхній или Малый Дженгутай, Дуранчи и Апша, но двѣ послѣднія уже ютились среди предгорій или отроговъ Койсубулинскаго хребта. За Кизилъ-Яромъ начиналась

настоящая горная часть ханства и лежали деревни Ахъ-Кентъ, Оглы, Кулецма, Чоглы и Аймяки,—названія, которыя наполняли собою наши военныя реляціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Рядомъ съ послѣднею деревней стояло укрѣпленіе, построенное на двѣ роты пѣхоты и сторожившее выходъ изъ тѣснаго Аймякинскаго ущелья, за которымъ лежала долина Кара-Койсу и начинались владѣнія Шамиля. Такимъ образомъ ближайшими нашими сосѣдями являлись койсубулинцы, образовавшіе на нашей пограничной чертѣ два передовые наибства, изъ которыхъ одно, Кикунское, лежало противъ верхней, а другое, Араканское, противъ нижней части Мехтулинскаго ханства. Первымъ управлялъ Абакаръ-Хаджи,—бѣглый акушинецъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Шамиля, какъ человѣкъ, имѣвшій большія связи и сохранившій свое вліяніе среди даргинскихъ ауловъ. Второе—находилось въ рукахъ Ибрагима, родственника Шамиля, одного изъ старѣйшихъ послѣдователей мюридизма, сподвижника первыхъ имамовъ Кази-муллы и Гамзата. Его резиденціею были Араканы, отстоявшіе отъ Дженгутая въ разстояніи 30-ти или 35-ти верстъ. Дорога къ нему переваливала Койсубулинскій хребетъ черезъ урочище Аркасъ, находившійся на высотѣ почти семи тысячь футовъ, и служившій вѣчною ареной для вооруженныхъ столкновеній двухъ враждующихъ сосѣдей. Съ Аркаса надо было спуститься по обрывистымъ и почти отвѣснымъ скаламъ въ долину рѣчки Шеншерекъ, за которою начиналось уже Араканское ущелье до того дикое и мрачное, что движеніе по немъ сопряжено было съ крайнею опасностью даже въ лучшую пору года, а во время снѣговъ или проливныхъ дождей становилось совсѣмъ невозможнымъ. За этимъ-то ущельемъ и лежали Араканы, большой многолюдный аулъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ среди койсубулинскихъ селеній. До-

ма въ немъ были все каменные, двухъ или трехъ-этажные, а улицы такъ узки, что для удобства сообщеній во многихъ мѣстахъ черезъ нихъ перекинуты были висячіе мостики, утверждавшіеся на крышахъ или балконахъ сакель. Такова была резиденція араканскаго наиба, приспособленная и людьми и природой къ долгой, упорной оборонѣ.

Такою-же неприступностью ограждено было отъ насъ и другое, Кикунское наибство, лежавшее въ долинѣ Кара-Койсу, куда проникнуть можно было только или черезъ глубокое Аймякинское ущелье, или-же черезъ Даргинскій округъ: но какъ тотъ, такъ и другой путь одинаково выводили насъ къ развалинамъ стараго Гергебиля, нѣкогда сторожившаго владѣнія Шамиля. Теперь эти развалины, съ ихъ одичавшими садами, уже не были намъ страшны. Но за ними стояла новая, еще болѣе сильная крѣпость Уллу-Кала, поставленная возлѣ Кикунъ, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нашей границы. Эта крѣпость находилась подъ вѣдѣніемъ особаго наиба, занята была сильнымъ гарнизономъ и вооружена десятью чугунными и мѣдными орудіями.

Такимъ образомъ трехъ-лѣтняя борьба за обладаніе шамилевскими твердынями убѣдила всѣхъ, что этимъ путемъ нельзя дойти ни до какихъ результатовъ. Горцамъ, потерявшимъ Салты и Гергебиль, стоило отойти на какія-нибудь три—четыре версты, и природа давала имъ новую, готовую крѣпость, ни въ чемъ не уступавшую потерянной. Слѣдовательно, если-бы мы вздумали опять продолжать осаду Кикунъ, Уллу-Калы или Араканъ,—то это значило-бы десятки лѣтъ вертеться въ заколдованномъ кругу, и каждое лѣто жертвовать множествомъ людей и денегъ, рискуя къ тому-же терпѣть и неудачи. Опытъ привелъ насъ къ убѣжденію, что успѣхъ войны въ Дагестанѣ зависитъ не столько отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Ша-

миля и его мюридовъ, сколько отъ умѣнья держать въ полномъ повиновеніи покорныя намъ земли, установивъ въ нихъ прочный административный порядокъ, и не давая непріятелю возможности проникать къ намъ ни для хищничествъ, ни для пропоганды. Съ этихъ поръ мы и переходимъ въ Дагестанѣ къ системѣ войны оборонительной. Нельзя не сказать, что при подобной задачѣ для управленія пограничною областью нельзя было найти болѣе соотвѣтствующаго человѣка, какъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ.

Поѣздка его по краю и ближайшее знакомство съ условіями народной жизни не замедлили показать ему тѣ слабыя стороны, на которыя необходимо было обратить вниманіе. Такъ, онъ убѣдился прежде всего, что наша пограничная линія почти лишена охраны, особенно лѣтомъ, когда батальонъ, стоявшій въ Дженгутаѣ, уходилъ въ отрядъ, и ханство оставалось подъ охраною только двухъ ротъ, расположенныхъ въ Оглахъ, да небольшаго Аймякинскаго укрѣпленія, гарнизонъ котораго, однако, не могъ принимать никакого участія въ стычкахъ, происходившихъ за чертой его пушечныхъ выстрѣловъ.

Въ непосредственномъ распоряженіи Лазарева имѣлось только десять донскихъ казаковъ, да небольшая команда дагестанскихъ всадниковъ, оставляемая здѣсь и на лѣто. Очевидно, что организовать оборону можно было только при живомъ участіи мѣстнаго населенія, а это населеніе небрежно, если не сказать не охотно, отбывало свою военную повинность: пограничная черта никѣмъ не наблюдалась, карауловъ не было, и партіи проходили черезъ Мехтулу совершенно свободно. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они открывались, жители не особенно торопились выѣзжать на тревогу, давно обратившуюся для нихъ въ пустую формальность. Кто хотѣлъ погарцовать на конѣ, да потѣшиться стрѣльбой изъ винтовки, съ разстоянія, впрочемъ, совсѣмъ без-

опаснаго, тотъ гарцовалъ и стрѣлялъ въ свое удовольствіе, а кто не хотѣлъ—тотъ оставался дома, такъ какъ никто ни кому не подчинялся, и никто никого не слушалъ. Между тѣмъ Лазаревъ видѣлъ, что мехтулинцы сами по себѣ были народомъ воинственнымъ, и въ этомъ отношеніи далеко превосходили своихъ сосѣдей шамхальцевъ, хотя и поставлены были съ ними въ одинаковыя условія жизни. Это объясняется тѣмъ, что изъ одинадцати деревень Мехтулинскаго ханства только три: Большой Дженгутай, Дургели и Кака-Шура населены были коренными кумыками, а остальныя деревни говорили аварскимъ нарѣчіемъ, и по самому типу жителей ближе подходили къ лезгинамъ, нежели къ кумыкамъ.

Опираясь на эти качества, представлявшія собою богатый военный матеріалъ, Иванъ Давыдовичъ во время своей поѣздки и задумалъ создать у себя собственную мѣстную силу, которую могъ бы съ успѣхомъ противопоставить непріятелю.

—Что ни говорите,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ участниковъ этой поѣздки:—а наружность, данная человѣку Богомъ, производитъ на массы глубокое впечатлѣніе. Богатырская фигура Лазарева, появлявшаяся передъ народомъ на рослomъ конѣ; эта могучая сила, соединенная съ энергіей, дышавшей въ каждомъ его движеніи; эти густыя насупленныя брови, изъ подъ которыхъ сверкали глаза, буквально, по временамъ, метавшіе молніи,—производили потрясающее дѣйствіе. Онъ говорилъ съ народомъ спокойно, не возвышая голоса, говорилъ на его языкѣ, понятномъ каждому,—и народъ, какъ подъ вліяніемъ гипноза, безпрекословно подчинялся всѣмъ его требованіямъ.

Онъ началъ съ укрѣпленія границы. Прежде всего почти на всѣхъ возвышенностяхъ Мехтулинскаго ханства появились каменныя сторожевыя башни, которыя длинною цѣпью протянулись по всей пограничной чер-

тѣ, начиная Бугленемъ и кончая селеніемъ Чоглы, лежавшимъ у подошвы уже Кутишинскихъ высотъ. Днемъ башни стояли пустыя; но за часъ до наступленія сумерокъ ихъ занимали караулы изъ четырехъ или пяти человѣкъ, которые оставались въ нихъ до восхода солнца, а въ туманные или дождливые дни даже до новыхъ сумерокъ, когда къ нимъ приходила смѣна. Ружейные выстрѣлы, порою гремѣвшіе съ башенъ, служили вѣстниками появленія непріятеля въ нашихъ предѣлахъ, и тогда жители ближайшихъ деревень обязаны были поголовно скакать на тревогу. Только бѣднымъ, не имѣвшимъ совсѣмъ лошадей, разрѣшалось выходить пѣшими. Отвѣтственность за порядокъ и командованіе въ бою милиціей возложены были или на старшинъ (бегіауловъ) или на особыхъ офицеровъ, избираемыхъ Лазаревымъ, изъ числа той же милиціи. Такъ, въ Нижній Дженгутай для завѣдыванія всѣми караулами, и особенно для наблюденія за охраной ханскаго дворца, назначенъ былъ прапорщикъ Гази-Шахъ-Назаръ, носившій георгіевскій крестъ со времени ахульгинской экспедиціи; Верхній Дженгутай порученъ былъ Кегерманъ-беку, составившему себѣ боевую репутацію также еще во времена генерала Граббе. Въ Оглахъ распоряжался Магометъ-кадій, имѣвшій чинъ штабсъ-ротмистра, а въ Апшу былъ посланъ Казанбей, служившій въ Варшавскомъ конно-мусульманскомъ полку и знавшій наши служебные порядки.

Но кромѣ этой, такъ сказать, внутренней охраны, Лазаревъ сформировалъ въ Дженгутаѣ и Дургеляхъ, какъ въ наиболѣе многолюдныхъ аулахъ, еще двѣ отдѣльныя сотни, которыя въ обычное время служили подвижнымъ резервомъ для края, а въ случаѣ надобности, высылались и въ дѣйствующіе отряды. Это были сотни, составленныя изъ отборныхъ всадниковъ, на отличныхъ коняхъ, съ добрымъ оружіемъ и однообразной одеждой. Дженгутайскою сотней командовалъ поручикъ Шихша-

бекъ-Таймазъ-ханъ-бекъ-оглы, человѣкъ, принадлежавшій къ лучшей фамиліи Мехтулинскаго ханства, а Дургилинской—молодой Фейзули-кадій, неимѣвшій чина, но пользовавшійся общимъ уваженіемъ, какъ хаджи, съумѣвшій примирить глубокую религіозность мусульманина съ искренней и безкорыстною преданностью къ русскому правительству. Онъ былъ молодъ, храбръ, распорядителенъ, и являлся непримиримымъ врагомъ фанатическаго ученья мюридовъ.

На этихъ же лицъ, поставленныхъ во главѣ военнаго дѣла, возлагалось наблюденіе и за внутреннимъ порядкомъ въ селеніяхъ, гдѣ каждый вечеръ одинъ изъ десятскихъ (чаушъ), такъ называемый глашатый, взбирался на минаретъ, и оттуда передавалъ во всеобщее свѣдѣніе всѣ распоряженія начальства: выступала-ли на утро оказія и требовался нарядъ для прикрытія; проходили-ли войска и нужны были подводы; получались-ли свѣдѣнія о сборѣ непріятельскихъ партій,—и жителямъ воспрещалось выпускать стада и ѣздить въ лѣсъ за дровами.

Кромѣ того, Лазаревъ позаботился и о сформированіи личнаго конвоя на нѣсколько иныхъ началахъ, чѣмъ это было прежде. Ядромъ его служили все тѣ же десять казаковъ и команда дагестанскихъ всадниковъ, которыхъ онъ засталъ въ Дженгутаѣ; но теперь прибавилось къ нимъ еще четыре или пять человѣкъ карабагскихъ армянъ, прибывшихъ сюда волонтерами, да множество молодыхъ людей изъ лучшихъ мехтулинскихъ фамилій, которые сами добивались чести быть воздѣ правителя. Лазаревъ понималъ, что представительность начальника имѣетъ въ глазахъ азіатцевъ огромное значеніе, а потому открылъ широкій доступъ въ конвой даже тѣмъ горцамъ, которые выбѣгали къ намъ изъ непокорныхъ ауловъ. Многіе предостерегали его отъ этихъ людей, среди которыхъ могли найтись фанатики, подосланные сами-

ми же наибами, но Иванъ Давыдовичъ, преслѣдовавшій свои особыя политическія цѣли, не обращалъ на это вниманія. Тѣмъ, которые выражали свои опасенія, онъ говорилъ обыкновенно: „Какіе же вы послѣ того тѣлохранители, если позволите меня убить на вашихъ глазахъ какому нибудь проходимцу. Мнѣ самому думать объ этомъ нѣкогда, а вы на то и конвойные, чтобы я былъ въ безопасности“. Такъ какъ отвѣчать на это было нечего, то близкимъ къ нему людямъ приходилось только смотрѣть въ оба, чтобы и въ самомъ дѣлѣ чего нибудь не случилось. Конвой этотъ обходился Ивану Давыдовичу дорого, но за то и выѣзды его отличались такимъ великолѣпіемъ, съ какимъ не выѣзжали ни казикумыкскіе ханы, ни шамхалы Тарковскіе. Издали было видно, что ѣдетъ правитель. Впереди всѣхъ всадникъ везъ большое красное знамя, съ изображеніемъ во всю величину его полотнища большаго бѣлаго креста, какъ символа христіанскаго государства, покрывающаго безъ различія всѣ вѣры, племена и народности своимъ примирительнымъ ореоломъ. Рядомъ со знаменщикомъ, по лѣвую сторону его, ѣхалъ ассистентъ, а за ними двигалась живописными группами нарядная азіатская конница, сверкавшая серебромъ и золотомъ. За этимъ блестящимъ конвоемъ, на рословъ бѣломъ конѣ, слѣдовалъ самъ правитель, а за нимъ колыхались длинныя пики донскихъ казаковъ и ѣхали армяне-карабагцы. Ассистентъ былъ въ тоже время оруженосцемъ Ивана Давыдовича и везъ на плечѣ его любимую винтовку, добытую имъ еще въ бою подъ Салтами. Боевыя аварскія пѣсни оглашали окрестность и поѣздъ двигался медленно, шагомъ, какъ подобаетъ ѣхать важному лицу, для котораго были бы неумѣстны всякая торопливость, суета и скачка, способныя вызвать въ туземцахъ только презрительное названіе „Юнгюль-киши!“ (Легкой, пустой человѣкъ).

Замѣчательно, что весь этотъ режимъ установился

менѣе нежели въ мѣсяцъ: башни были построены, караулы стояли на мѣстахъ, милиція повсюду была сформирована, и даже внутренній порядокъ въ ней казался достаточно прочнымъ. Все ханство въ боевомъ отношеніи стояло на чеку, и только оставалось провѣрить насколько эти новые порядки окажутся пригодными въ практическомъ примѣненіи ихъ къ настоящему военному дѣлу. Случай къ этому и не замедлилъ представиться.

Глава IX.

Истребленіе Лазаревымъ двухтысячной партіи Хаджи-Мурата, какъ результатъ заведенныхъ имъ порядковъ.—Отзывъ Воронцова о Лазаревѣ.—Дѣятельность Лазарева, какъ правителя.—Кары и наказанія преступниковъ, основанныя на изученіи имъ адатовъ и корана.—Скромность Лазарева въ его домашней обстановкѣ.—Пышность и щедрость его въ роли правителя.—Глубокое знаніе имъ народныхъ обычаевъ.—Празднества и увеселенія.—Агалларъ-бекъ и „той", едва не окончившійся кровавою катастрофою.—Иванъ Давыдовичъ въ роли народнаго судьи.—Молва о немъ въ народѣ.

Въ ночь съ 17 на 18-е іюля 1850 года двѣ тысячи конныхъ горцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ Хаджи-Мурата, прорвались въ шамхальскія владѣнія. Они прошли черезъ Мехтулинское ханство въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще не было башенъ, и на Губденскихъ высотахъ отбили огромную баранту, въ числѣ четырнадцати тысячъ головъ. Лазаревъ узналъ объ этомъ только подъутро. Наскоро распросивъ приведеннаго къ нему пастуха-очевидца, онъ приказалъ бить тревогу, а между тѣмъ послалъ двухъ нукеровъ съ запиской въ Оглы, гдѣ квартировали двѣ роты Дагестанскаго полка. „Я сейчасъ выступаю къ Кутишинскимъ высотамъ", писалъ онъ капитану Тиханову: „идите туда же; быть можетъ успѣемъ еще перерѣзать дорогу Хаджи-Мурату; пусть жители горныхъ деревень всячески задерживаютъ его перестрѣлкой". Но посланные не выѣхали еще изъ воротъ Дженгутая, какъ вдали послышались ружейные выстрѣлы: то перекликались между собою сторожевыя башни, очевидно, уже замѣтившія непріятеля. Тревога началась въ горной части ханства и оттуда быстро распространилась на нижнія деревни. Вся Мехтула поднималась на ноги. Сотня Шихшабека и жители обоихъ Дженгутаевъ уже сидѣли на коняхъ, когда къ нимъ подъѣхалъ Лазаревъ.

Успѣхъ однако казался сомнительнымъ. Даже такіе отважные люди, какъ Кегерманъ и старикъ Кяримъ, сражавшійся еще вмѣстѣ съ Хассанъ-ханомъ противъ Ер-

молова, отсовѣтывали ему пускаться въ погоню. „Мы только напрасно измучаемъ своихъ лошадей“, говорили они: „баранту отбили въ началѣ ночи, а теперь уже разсвѣтъ... Гдѣ же догнать Хаджи-Мурата: онъ идетъ на Гергебильскій спускъ прямой дорогой, а намъ скакать больше 50 верстъ“...

— Кегерманъ!—перебилъ ихъ Лазаревъ,—я слышалъ, что верхніе дженгутаевцы когда-то славились своимъ молодечествомъ. Если это такъ, если ты не боишься Хаджи-Мурата,—скачи впередъ, и будешь раньше его на Кутишинскихъ высотахъ.

Кегерманъ пріосанился въ сѣдлѣ. „Если позволитъ Аллахъ,—отвѣтилъ онъ,—я покажу тебѣ, какъ умѣютъ драться старые мехтулинцы“. Онъ хлопнулъ плетью коня, и вмѣстѣ со своею командой скрылся изъ виду. За нимъ двинулся и Лазаревъ, сопровождаемый двумя-тремя стами всадниковъ.

Въ Дуранги, черезъ которую проѣхалъ отрядъ, и потомъ въ Оглахъ, никого изъ жителей уже не застали: всѣ ушли на тревогу, а за ними выступилъ и Тихановъ со своими ротами. Отъ Огловъ до Кутишинскихъ высотъ было 25 верстъ, и Лазаревъ, идя на полныхъ рысяхъ, расчитывалъ догнать пѣхоту еще на дорогѣ. Но вотъ и Чоглы—послѣдняя деревня Мехтулинскаго ханства передъ подъемомъ на Кутишинскія высоты. Здѣсь Лазареву сказали, что роты за полъ-часа прошли черезъ деревню и теперь должны быть у Гергебильскаго спуска. Весь мѣстный резервъ, оставленный въ Чоглахъ, подъ командою стараго бойца Апавъ-Богатыръ-оглы, также присоединился къ Лазареву. Какъ разъ въ эту минуту впереди послышалась бойкая ружейная перестрѣлка, а вслѣдъ затѣмъ грянулъ раскатистый залпъ нашихъ кремневокъ—значитъ бой начался, и пѣхота вступила въ дѣло. Лазаревъ наскоро сдѣлалъ послѣднія распоряженія и пустился вскачь...

Вотъ что происходило въ это время у Гергебильскаго спуска.

Жители Дуранги, предводимые своимъ старшиной Измаиломъ, не смотря на дальность разстоянія, въ которомъ находилась ихъ деревня, первыми вскочили на Кутишинскія высоты, и какъ разъ столкнулись съ партіей, возвращавшейся изъ набѣга. Впрочемъ, это была только передовая часть, посланная Хаджи-Муратомъ, чтобы скорѣе спустить къ Гергебилю отбитую баранту. Дурангинцы, слабѣйшіе числомъ, тѣмъ не менѣе завязали перестрѣлку, а скоро на помощь къ нимъ подоспѣли конные оглинцы, ахкентцы и кулецминцы. Силъ этихъ все таки было недостаточно, чтобы остановить партію, но онѣ задержали ее настолько, что дали возможность капитану Тиханову переградить непріятелю путь отступленія. Горцы, бойко отстрѣливавшіеся отъ нашей милиціи, совершенно потеряли голову при видѣ пѣхоты, которую не ожидали, и бросились въ сторону. Вся баранта, покинутая ими безъ призора, разсыпалась по цѣлому полю. Пока часть нашихъ всадниковъ старалась сбить ее въ кучу, —подоспѣлъ Хаджи-Муратъ со своими главными силами, и чтобы поправить дѣло, кинулся прямо въ шашки. Болѣе тысячи всадниковъ, сверкая обнаженными клинками, съ гикомъ неслись на нашу пѣхоту. Но роты успѣли свернуться въ каре и встрѣтили ихъ залпомъ, а между тѣмъ появился Лазаревъ, и конница его съ налета врѣзалась во флангъ непріятеля; почти въ тоже время слѣва подоспѣли акушинцы, а съ тыла ударили опять жители горныхъ мехтулинскихъ селеній. Никогда еще Хаджи-Муратъ не былъ въ такомъ отчаянномъ положеніи: впереди, преграждая единственный спускъ, стѣною стояла пѣхота, поражая его бѣглымъ огнемъ, а справа, слѣва и сзади рубила конница. Старикъ Кяримъ и оглинецъ Мина-Тулла-Абдурабъ-оглы пробились до самыхъ знаменъ, и изрубивъ байрактаровъ,

привезли съ собою два значка, принадлежавшіе наибамъ. Другіе два значка были отбиты акушинцами. Погромъ двухтысячной партіи былъ полный, и горцы, сбитые на хаджалъ-махинскій спускъ, вынуждены были спасаться по такимъ мѣстамъ, гдѣ всадники, то и дѣло срываясь съ утесовъ, летѣли внизъ и разбивались въ дребезги. Наша милиція, проскакавшая болѣе 50 верстъ, естественно не могла преслѣдовать непріятеля по такому пути и, спѣшившись, провожала бѣгущихъ ружейнымъ огнемъ. Только нѣсколько отчаянныхъ людей, предводимыхъ прапорщикомъ Гази-дженгутайскимъ, не остановились передъ опаснымъ спускомъ и долго еще продолжали погоню. Люди эти сами по себѣ, конечно, не могли нанести непріятелю большой потери, но они увеличивали общее смятеніе и панику, возросшую до высшей степени, когда на томъ же пути появились еще и пѣшіе кулецминцы, приведенные своимъ старшиною Саитомъ. Лазаревъ ожидалъ, что изъ Ходжалъ-Махинскаго укрѣпленія вышлютъ въ долину Кара-Койсу хоть часть гарнизона, и даже писалъ объ этомъ воинскому начальнику, но почему-то это не было исполнено, а между тѣмъ подоспѣй сюда хотя одна только рота,—изъ партіи Хаджи-Мурата не спаслось бы ни единаго человѣка. Но потеря непріятеля и безъ того была весьма значительна. Не считая убитыхъ, о которыхъ нельзя было собрать точныхъ свѣдѣній, Хаджи-Муратъ оставилъ въ нашихъ рукахъ четыре значка и всю баранту, отбитую имъ на Губденскихъ высотахъ. Мехтулинцы собрали множество оружія и привели съ собою 49 лошадей съ полнымъ уборомъ.

Побѣда эта сразу подняла духъ мехтулинцевъ, показавъ имъ на дѣлѣ, что при общемъ единодушіи и готовности къ бою, ни одна непріятельская партія, какъ бы она не была велика, не можетъ имѣть успѣха въ своемъ предпріятіи. Напротивъ, нравственная сила гор-

цевъ значительно поколебалась, такъ какъ въ продолженіи многихъ лѣтъ они не испытывали въ Мехтулѣ ничего подобнаго. Съ этихъ поръ имя Лазарева пріобрѣло широкую популярность, о которой свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и самъ князь Аргутинскій. „Храбростію и распорядительностію капитана Лазарева“—писалъ онъ князю Воронцову отъ 21 іюля:—„я чрезвычайно доволенъ, а жители не знаютъ конца похваламъ этому отличному офицеру“.

Чтобы еще болѣе поощрить подобные подвиги, Аргутинскій послалъ свое донесеніе въ Тифлисъ не по почтѣ, а съ однимъ изъ жителей Ага-Магометъ-Дица-оглы, который въ бою одинъ изрубилъ нѣсколько человѣкъ, а значки повезли тѣ самыя лица, которыя ихъ отбили. Князь Воронцовъ съ своей стороны обставилъ пріемъ ихъ нѣкоторою торжественностью и, выслушавъ донесеніе, тутъ же пожаловалъ Ага-Магомету знакъ отличія военнаго ордена, а отбившимъ значки—особые подарки. Лазареву и Тиханову объявлена была благодарность въ приказѣ по корпусу *).

Въ тоже время князь Воронцовъ, сообщая военному министру о дѣлѣ 18 іюля, писалъ, что: „мужество, неустрашимость и распорядительность, оказанные въ этомъ бою капитаномъ Лазаревымъ, который во главѣ своей милиціи бросился въ шашки и тѣмъ нанесъ рѣшительное пораженіе хищникамъ, достойны всякой похвалы“... И Лазаревъ, и Тихановъ оба произведены были въ маіоры, не смотря на то, что Иванъ Давыдовичъ пробылъ въ капитанскомъ чинѣ только нѣсколько мѣсяцевъ.

Сподвижники Лазарева также получили щедрыя награды: Кегерману пожалована золотая шашка, Шихшабекъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, Кяриму и Гази

---

*) Приказъ по отдѣльному Кавказскому корпусу 26 августа 1850 г. № 145.

назначены пожизненныя пенсіи, а прочимъ старшинамъ и отличившимся жителямъ розданы золотыя и серебряныя медали на георгіевскихъ лентахъ, или же подарки и деньги. Знаки отличія военнаго ордена, кромѣ того, получили Донскаго казачьяго № 7-го полка юнкеръ Поповъ и казакъ Самофаловъ, находившіеся въ бою безотлучно при Лазаревѣ.

Но среди общаго ликованія народа послѣдовала и грозная кара преступниковъ, не укрывшихся отъ зоркаго глаза правителя. Дознано было, что двое дженгутаевцевъ Ату-Омаръ-оглы и сынъ его Чапалъ за день до вторженія Хаджи-Мурата тайно ѣздили въ Араканы къ тамошнему наибу и сообщили ему не только о расположеніи нашихъ сторожевыхъ карауловъ, но и указали путь, по которому партія могла пройти не замѣченной. Оба они были арестованы и, по настоянію Лазарева, сосланы въ арестанскія роты на вѣчно.

Такъ, блистательною побѣдой и щедрыми наградами, но вмѣстѣ и карательнымъ актомъ, понятнымъ однако же всему населенію, Иванъ Давыдовичъ и начинаетъ свое управленіе Мехтулинскимъ ханствомъ.

Но обязанности правителя требовали не однихъ военныхъ, а также административныхъ способностей, и Лазаревъ, при своей проницательности и глубокомъ пониманіи характера горцевъ, является именно такимъ человѣкомъ, который былъ нуженъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ края. Вотъ почему, на ряду съ его боевою распорядительностью, уже успѣвшей оградить предѣлы Мехтулинскаго ханства отъ вторженія хищниковъ,—съ каждымъ днемъ все шире и шире растетъ и его популярность, какъ правителя, державшаго твердою рукою вѣсы правосудія. Въ этой области требовался однако же большой жизненный тактъ: надо было относиться безпристрастно ко всѣмъ безъ различія сословіямъ и ли-

цамъ, но въ тоже время поддерживать общественный и политическій строй страны, сложившійся вѣками, подъ деспотическимъ управленіемъ хановъ. Писанныхъ законовъ не было никакихъ; ихъ замѣняли адаты, которые передавались изустно, но имѣли такую силу, что даже самый коранъ не могъ уменьшить ихъ значенія въ глазахъ народа. Что же касается до шаріата, т. е. той части корана, которая заключала въ себѣ весь нравственный, гражданскій и уголовный кодексъ мусульманскихъ законовъ, то онъ практиковался только въ земляхъ, подвластныхъ Шамилю. Лазаревъ понялъ значеніе адатовъ, изучилъ ихъ алгамбру, и сталъ появляться передъ народомъ во всеоружіи знанія, какъ подобаетъ правителю, приговоры котораго должны имѣть властную силу. Но на ряду съ адатами онъ изучалъ и коранъ, необходимый ему для борьбы съ тѣми фанатиками, которые старались переносить всякій вопросъ на излюбленную ими религіозную почву. Но на этой-то почвѣ Лазаревъ именно и подготовилъ имъ такое пораженіе, которое показало народу, что муллы или совсѣмъ не знаютъ корана, или же толкуютъ его по своему произволу, какъ это будетъ имъ выгодно. Случай къ этому представился слѣдующій:

Вступая въ управленіе ханствомъ, Лазаревъ объявилъ, что всякое неповиновеніе властямъ, воровство и абречество составляютъ такія преступленія, которыя въ глазахъ его не имѣютъ пощады. И, дѣйствительно, первый попавшійся ему абрекъ былъ выведенъ на площадь и подвергнутъ передъ народомъ жестокому тѣлесному наказанію. Въ Мехтулѣ до тѣхъ поръ подобныхъ наказаній не было, и муллы воспользовались этимъ, чтобы создать протестъ во имя, будто бы, оскорбленной религіи.

Разъ приходитъ къ Ивану Давыдовичу цѣлая толпа стариковъ и говоритъ ему: „Начальникъ! Мы знаемъ, что гнѣвъ твой былъ справедливъ; но тѣлесныя наказа-

нія противны нашему святому корану и возмущаютъ религіозную совѣсть. Если человѣкъ виноватъ, прикажи отрубить ему руку или ногу, или выколи глазъ, какъ это дѣлали наши старые ханы"...

— Вы говорите вздоръ—спокойно перебилъ ихъ Лазаревъ, коранъ, обязательный для всѣхъ васъ, не только разрѣшаетъ, но прямо указываетъ на пользу тѣлесныхъ наказаній. Принесите священную книгу"... Онъ развернулъ её, и приказалъ муллѣ читать передъ изумленными слушателями тѣ тексты, на которые самъ указывалъ. Эффектъ этой сцены вышелъ чрезвычайный. Сконфуженный мулла едва дочиталъ до конца, а Лазаревъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вы видите, что я не нарушаю, а исполняю ваши законы, которые муллы или не знаютъ или толкуютъ неправильно. Ногъ и рукъ я вамъ рубить не буду. На что вы калѣками будете годны? Вы будете въ тягость народу; а я хочу, чтобы каждый изъ васъ былъ полезнымъ членомъ общества; хочу искоренить между вами воровство, и порочныхъ изъ васъ сдѣлать людьми достойными. Живите спокойно. Поменьше слушайте тѣхъ, кто сѣетъ смуту, и побольше довѣряйте мнѣ, поставленному Государемъ на стражу вашихъ личныхъ и имущественныхъ интересовъ. Теперь ступайте, и то, что слышали отъ меня, передайте народу.

Настойчиво преслѣдуя всякое проявленіе фанатизма, Лазаревъ въ тоже время старался показывать при всякомъ удобномъ случаѣ уваженіе къ мусульманской религіи, исповѣдуемой народомъ, и самъ, посѣщая мечети, требовалъ, чтобы они содержались въ порядкѣ, а въ бѣднѣйшія изъ нихъ даже дѣлалъ значительные денежные вклады.

Точно такой же системы придерживался онъ и во внутреннемъ управленіи ханствомъ. Онъ первый подавалъ примѣръ почтительныхъ отношеній къ ханшѣ и ея

сыновьямъ, но на ряду съ этимъ умѣлъ ограждать отъ произвола сильныхъ людей и интересы простого народа. Достаточно было ему узнать, напримѣръ, о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя испытывали деревни Дургели и Кака-Шура, подвластныя родному брату умершаго мехтулинскаго хана Али-Султану, какъ Лазаревъ вызвалъ его въ Дженгутай и, нестѣсняясь высокимъ положеніемъ, занимаемымъ имъ въ ханствѣ, подчинилъ удѣлъ его особому попечительству, а самаго отправилъ на жительство въ Воронежскую губернію.

Въ общественной жизни, появляясь передъ народомъ, Иванъ Давыдовичъ любилъ окружать себя пышностью азіатскаго хана, зная что это нужно здѣсь для престижа власти, но въ своемъ домашнемъ быту сохранялъ простоту и былъ врагомъ всякой роскоши. Домъ, занимаемый имъ, состоялъ всего изъ четырехъ комнатъ, со службами и обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ каменною оградою. Иванъ Давыдовичъ занималъ въ немъ одну только комнату съ балкономъ, служившую ему и спальней, и кабинетомъ и столовой; въ другой, сосѣдней съ нею, помѣщалась канцелярія и жили четыре карабагскіе волонтера, а остальныя двѣ предназначались для почетныхъ гостей и замѣняли собою кунацкія. Хлѣбосольство и гостепріимство составляли отличительныя черты характера Лазарева и проявлялись въ немъ безотчетно, помимо всякихъ политическихъ соображеній. Онъ былъ щедръ по природѣ, и потому каждая поѣздка по краю стоила ему огромныхъ расходовъ. Казначей, сопровождавшій его въ пути, всегда имѣлъ запасъ мелкой серебряной монеты, которая горстями разбрасывалась народу. Почетные старики, выходившіе къ нему съ привѣтствіями, хозяева, у которыхъ онъ останавливался, женщины, принимавшія участіе въ его пріемахъ,—всѣ получали цѣнные подарки, а бѣднымъ раздавалась щедрая милостыня. Расходы увеличивались еще при частныхъ

приглашеніяхъ на „той“ (туземные пиры), на свадьбы или другія увеселенія, устраиваемыя почетными людьми, когда ему приходилось одаривать червонцами каждую танцующую пару, каждаго пѣвца, а музыкантамъ и даже прислугѣ раздавать серебряныя монеты. Во всемъ, что касалось его личныхъ потребностей, онъ былъ до крайности не прихотливъ и довольствовался малымъ; но то, что экономилось имъ въ домашнемъ быту, тратилось уже широкою рукою на угощенія проходившихъ войскъ и на разные подарки и пріемы пріѣзжавшихъ къ нему азіатцевъ.

Въ Дженгутаѣ онъ устраивалъ народныя гулянья, заканчивавшіяся обыкновенно или скачкою на призы, или джигитовкою, или стрѣльбою въ цѣль, въ которой и самъ онъ, какъ отличный стрѣлокъ, принималъ участіе. Побѣдителямъ раздавались различныя азіатскія вещи, матеріи или сукна. Иванъ Давыдовичъ видѣлъ въ этихъ военныхъ играхъ отличное средство поддерживать боевой духъ среди молодежи, и не щадилъ на это личныя средства.

Дженгутаевцы вообще были люди живого темперамента, и не смотря на бурные дни, часто переживаемые ими, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ непокорными горцами, любили повеселиться. Бывало, разсказываетъ одинъ современникъ, едва густыя сумерки станутъ ложиться на окрестность, какъ уже въ томъ или другомъ уголку селенія непремѣнно гремитъ барабанъ и реветъ зурна, созывающіе всѣхъ, кому охота провести вечерокъ съ пирующими. Желающихъ всегда являлась масса, и начинался „той“, гдѣ пѣсни и танцы, чередуясь между собою, продолжались иногда до самаго наступленія утра. Женщины принимали въ этихъ забавахъ участіе наравнѣ съ мужчинами; и, надо сказать, что ихъ присутствіе всегда было желательнымъ, потому что онѣ вносили съ собою болѣе мягкій, симпатичный и умиротворяющій

характеръ. Тамъ, гдѣ не присутствовали женщины, веселый „той“, подъ вліяніемъ неизбѣжной бузы и пылкости азіатцевъ, не рѣдко превращался въ кровавую арену, на которой гремѣли выстрѣлы и сверкали кинжалы.

Одинъ изъ подобныхъ „той“ остался памятнымъ по той катастрофѣ, которая едва-едва не разразилась надъ головою самаго Ивана Давыдовича. Это случилось осенью, въ томъ же 1850 году, когда въ Дагестанъ пріѣзжалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, и Лазареву пришлось сопровождать его со своею милиціею отъ селенія Гилли до самой Шуры, куда съѣхались привѣтствовать Наслѣдника Престола всѣ представители туземной мусульманской аристократіи. Ивану Давыдовичу не пришлось, однако, участвовать въ тамошнихъ празднествахъ, такъ какъ онъ въ тотъ же день поспѣшилъ вернуться въ Дженгутай, оставлять который, въ виду близкаго сосѣдства Хаджи-Мурата, въ такое время было неудобно. Черезъ нѣсколько дней послѣ него въ Дженгутай прибылъ и Агаларъ-ханъ - казикумыкскій, возвращавшійся съ проводовъ Наслѣдника и остановился въ домѣ своего кунака Шихшабека. Послѣдній въ честь своего высокаго гостя устроилъ „той“ и пригласилъ на него мехтулинскую ханшу со всѣмъ ея семействомъ, Ивана Давыдовича и другихъ почетныхъ туземцевъ также съ ихъ женами и дочерями. „Той“ шелъ оживленно; Агаларъ, нелюбившій стѣсняться, пилъ много, и когда, наконецъ, сѣли ужинать, находился уже въ достаточно возбужденномъ состояніи. Между тѣмъ начались тосты. Когда очередь дошла провозгласить здоровье юнаго мехтулинскаго хана, Лазаревъ сказалъ привѣтственную рѣчь и закончилъ ее пожеланіемъ увидѣть его въ недалекомъ будущемъ ханомъ аварскимъ. Но едва произнесены были эти слова, какъ Агаларъ съ лицомъ, пылавшимъ гнѣвомъ, шумно поднялся съ своего мѣста.

— Этому никогда не бывать!—крикнулъ онъ вызы-

вающимъ тономъ,—если Аварія когда нибудь перейдетъ опять къ русскимъ, на нее никто не имѣетъ право кромѣ меня—потомка Сурхая-хана казикумыкскаго.

Среди мехтулинцевъ послышался ропотъ.

Это была дѣйствительно дерзкая и неприличная выходка, тѣмъ болѣе, что Ибрагимъ-ханъ былъ сынъ и законный наслѣдникъ послѣдняго правителя Аваріи Ахметъ-хана, тогда какъ мать Агалара принадлежала къ женщинамъ простаго происхожденія, а, слѣдовательно, и самъ онъ, по законамъ страны, могъ пользоваться только званіемъ бека. Честолюбіе Агалара не имѣло, однако, границъ, и когда споръ принялъ острый характеръ, онъ бросилъ грозный взглядъ на присутствовавшихъ и схватился за рукоять кинжала. Это движеніе тотчасъ было подмѣчено толпой его нукеровъ, почтительно стоявшихъ вдоль стѣнъ, и они мгновенно схватились за оружіе. Послышалось щелканье взводимыхъ курковъ и лязгъ обнажаемыхъ шашекъ. При Лазаревѣ находился одинъ только дежурный всадникъ, аварецъ Фаталій Чакрило-оглы, который, видя грозу, быстро выхватилъ изъ-за пояса свой пистолетъ и направилъ его прямо въ грудь Агалара. Еще секунда—и началась бы рѣзня. Присутствовавшія здѣсь женщины оцѣпенѣли отъ ужаса. Поднялась общая суматоха,—и вдругъ среди шума и бряцанья оружія послышался внушительный и твердый голосъ Лазарева:

— Агаларъ-бекъ! Стыдись обнажать оружіе въ присутствіе женщинъ. Ты можешь напугать ихъ, но не людей, знакомыхъ съ опасностью и смертью.

Въ тотъ же моментъ ханша сорвала съ себя покрывало, а это служило знакомъ, по которому въ Дагестанѣ прекращалось всякое кровопролитіе. Нукеры Агалара тотчасъ опустили оружіе; онъ самъ отнялъ руку отъ своего кинжала и тяжело опустился на свое мѣсто. Спокойствіе возстановилось, но „той“ уже не продолжался.

Черезъ полъ-часа ханша оставила домъ Шихшабека, а вслѣдъ за нею отправился и Лазаревъ. Съ этого времени отношенія Агалара къ Ивану Давыдовичу становятся враждебными, какъ къ человѣку, идущему на перекоръ его честолюбивымъ видамъ, и мы увидимъ, что эта вражда, преслѣдовавшая Лазарева почти восемь лѣтъ, причинила ему не мало хлопотъ и непріятностей.

Такова была обстановка, среди которой приходилось жить и дѣйствовать Ивану Давыдовичу. Другая сторона его правительственной дѣятельности заключалась уже въ исполненіи чисто судейскихъ обязанностей, составлявшихъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ нашей администраціи. Его можно было видѣть всегда, окруженнаго толпою горцевъ, приходившихъ къ нему для бесѣдъ или совѣщаній. У него не было пріемныхъ часовъ; его двери стояли открытыми настежъ, и каждый смѣло входилъ къ нему со своими нуждами. Онъ былъ въ высшей степени доступенъ, но умѣлъ сохранять гордый начальническій тонъ, не допускавшій фамильярности, которая въ глазахъ азіатцевъ роняетъ достоинство начальника. И онъ терпѣливо выслушивалъ жалобы, разбиралъ ссоры и рѣшалъ тяжбы, иногда до того нелѣпыя, что умъ отказывался вѣрить въ возможность ихъ возникновенія. Все это выражалось иногда весьма комическими сценами.

Приходятъ разъ двое и, сдѣлавъ обычный „селямъ“, (привѣтствіе), останавливаются у дверей. Молчаніе продолжается долго.

— Что скажите?—спрашиваетъ, наконецъ, правитель.

— Жалоба есть, начальникъ.

— На что жалуетесь?

— Пятнадцать лѣтъ тому назадъ,—началъ Магома,—вотъ онъ, Омаръ, женился на моей дальней родственницѣ, съ которой нынѣ развелся. При составленіи же брачнаго контракта, сдѣлано было условіе, что если онъ раз-

ведется съ женою, то долженъ дать ей десять десятинъ земли.

— Да у Омара, сколько я знаю, нѣтъ и клочка земли. Гдѣ же тѣ десять десятинъ, о которыхъ говорится въ контрактѣ?

— Въ Гергебилѣ, начальникъ.

— Ну, любезный другъ, Гергебиль аулъ не мирной— за этимъ надо обратиться къ Шамилю.

— Дуръ (такъ).

Наступаетъ продолжительное молчаніе.

— Еще что?

— Положимъ, что земли мнѣ получить нельзя. Но по свадебному контракту я обязался сдѣлать для своей родственницы, въ день ея свадьбы, шелковое платье, за которое, въ случаѣ развода, Омаръ долженъ мнѣ возвратить 15 рублей.

— Ну, это другое дѣло: Омаръ! Ты долженъ отдать ему эти деньги.

— Да я, начальникъ не получалъ этого платья. Магома только обѣщалъ его сдѣлать, но не сдѣлалъ.

— Дѣйствительно,—оправдывается Магома,—я платье не сдѣлалъ, но я обѣщалъ его сдѣлать, а по нашему адату, это все равно.

— Нѣтъ, другъ любезный, такого адата не существуетъ нигдѣ. А если ты думаешь, что есть, такъ вотъ мое рѣшеніе: пусть Омаръ поступитъ съ тобою также, какъ и ты съ нимъ; онъ довольствуется обѣщаннымъ платьемъ, а ты довольствуйся обѣщанными деньгами. Теперь вы квиты.

— Дуръ (такъ),—соглашаются просители и уходятъ, чтобы дать мѣсто другимъ.

Встрѣчались, разумѣется, и дѣла серьезныя, какъ, напримѣръ, по убійствамъ и кровомщенію, по увозѣ или насилію женщинъ, по супружеской невѣрности и т. под., когда адаты давали обиженному безусловное право убить

оскорбителя, не подвергаясь за то ни малѣйшей отвѣтственности передъ судомъ общественнымъ, и передъ законами собственной совѣсти. Съ такими адатами намъ нужно было уже считаться, потому что общіе законы имперіи не касались тѣхъ областей, которыя находились подъ управленіемъ хановъ, а съ другой стороны не въ нашихъ интересахъ было допускать подобную грубость нравовъ и самосуды. Тутъ Лазареву приходилось дѣйствовать уже только силою своего авторитета, чтобы, по возможности, смягчать суровыя послѣдствія адатовъ.

Еще труднѣе и запутаннѣе являлись дѣла по разнымъ поземельнымъ спорамъ, при отсутствіи со стороны исцовъ и отвѣтчиковъ всякихъ документовъ и крѣпостныхъ актовъ на право владѣнія и даже пользованія землею. А если у кого нибудь и отыскивались подобные документы, то надо было смотрѣть уже въ оба, такъ какъ горцы готовы были на всякіе подлоги и преступленія, лишь бы удержать за собою спорную землю: такъ велика была потребность въ ней, и такъ высоко цѣнилась она въ Дагестанѣ. Одно изъ такихъ дѣлъ особенно осталось въ памяти народа по той неожиданной развязкѣ, которую оно приняло, благодаря находчивости Лазарева. Это былъ старый поземельный споръ, тянувшійся уже нѣсколько лѣтъ между жителями двухъ пограничныхъ деревень Парауломъ и Дургелями. Параулъ находился въ шамхальскихъ, а Дургели въ мехтулинскихъ владѣніяхъ. Земля была несомнѣнно мехтулинская; но шамхальцы доказывали, что право на владѣнія ею передано имъ еще при жизни покойнаго Ахметъ-хана и ссылались при этомъ на какую-то грамоту, которую, однако, розыскать не могли. Лазаревъ засталъ этотъ споръ уже въ самомъ разгарѣ. А такъ какъ земля лежала невоздѣланной и служила причиной обоюдныхъ ссоръ и даже нерѣдко вооруженныхъ столкнове-

нiй, то было рѣшено покончить дѣло судомъ почетныхъ стариковъ, собранныхъ изъ обоихъ владѣнiй. Съ этою цѣлью въ Дженгутай прибылъ самъ наслѣдникъ Шамхала-Тарковскаго, Долгатъ-ханъ, съ выборными людьми изъ шамхальства, а представителемъ Мехтулы явился Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ. Онъ открылъ засѣданiе короткою рѣчью, но едва коснулся настоящаго спора, какъ Долгатъ съ торжествующимъ видомъ положилъ передъ нимъ какую-то бумагу и сказалъ:

— Вотъ актъ, на который ссылались шамхальцы, но который разысканъ, наконецъ, только теперь. Въ немъ покойный Ахметъ-ханъ за услуги, когда-то оказанныя ему параульцами, жалуетъ имъ этотъ участокъ земли. А права Ахметъ-хана дарить и жаловать свои родовыя земли не могутъ быть оспариваемы.

Лазаревъ взглянулъ на бумагу. Это была дѣйствительно ханская грамота, писанная на арабскомъ языкѣ и скрѣпленная ханскою печатью. Мехтулинскiе старшины, никогда не слыхавшiе о существованiи подобнаго документа, совсѣмъ потеряли голову. Иванъ Давыдовичъ внимательно прочиталъ бумагу и еще внимательнѣе всмотрѣлся въ печати. Но печати были подлинныя, и весь документъ не возбуждалъ ни малѣйшаго сомнѣнiя. Правда, бумага была нѣсколько свѣжа сравнительно съ ея относительною давностью, но это могло произойти и отъ тщательнаго ея сбереженiя. Споръ во всякомъ случаѣ казался уже проиграннымъ, какъ вдругъ Иванъ Давыдовичъ загадочно улыбнулся, сложилъ бумагу въ четверо и передалъ ее обратно Долгату.

— Долгатъ-ханъ,—сказалъ онъ серьезно:—я не отрицаю подлинности ханскихъ печатей, но онѣ могли быть украдены или поддѣланы. Тѣмъ не менѣе ты обманутъ кругомъ, и мой совѣтъ скорѣе уничтожить эту бумагу, потому что кто ею владѣетъ,—того мѣсто не здѣсь, а въ Сибири.

Долгатъ вспыхнулъ. „Я не понимаю о чемъ ты говоришъ?“ —сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Это подлогъ, и самый преступный, — пояснилъ ему Лазаревъ.—Посмотри бумагу на свѣтъ: ты видишь, что на ней внутри изображенъ русскій двухглавый орелъ, а подъ нимъ написанъ годъ.

— Вижу.

— Скажи же, какимъ образомъ Ахметъ-ханъ, умершій семь лѣтъ тому назадъ, могъ написать актъ и приложить печать къ бумагѣ, которая отпечатана только въ этомъ году?

Долгатъ понялъ теперь въ чемъ дѣло, и гнѣвнымъ взглядомъ окинулъ своихъ шамхальцевъ. „Прости меня“, сказалъ онъ Лазареву: „но вѣрь, что я ничего не зналъ и самъ былъ обманутъ“. Споръ былъ имъ проигранъ, и земля осталась за мехтулинцами.

„У Лазаруфъ уста адамъ дуръ!“ (т. е. Лазаревъ мастеръ своего дѣла) говорили горцы, толкуя между собой о его прозорливости, и съ этихъ поръ жители даже сосѣднихъ владѣній приходили къ нему для разбирательствъ своихъ ссоръ и жалобъ. Молва о немъ дошла до самаго Шамиля, и та крупная роль, которую пришлось играть, впослѣдствіи, Ивану Давыдовичу при сдачѣ послѣдняго имама,—одна показываетъ уже, какимъ громаднымъ значеніемъ пользовалось его имя среди немирныхъ народовъ.

Глава X.

Замыслы Хаджи-Мурата на Мехтулинское ханство.—Бой 15-го декабря на Аркасѣ.—Мнѣніе князя Аргутинскаго объ этомъ дѣлѣ.—Стремленіе горцевъ отдѣлаться отъ новаго правителя Мехтулинскаго ханства.—Подосланные убійцы.—Абрекъ Исламъ и Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ.—Два набѣга Хаджи-Мурата въ 1851 году.—Пораженіе Хаджи-Мурата въ Кайтагѣ, и Шамиля на Гамашинскихъ высотахъ.—Ссора и борьба Хаджи-Мурата съ Шамилемъ.—Переговоры Хаджи-Мурата съ Лазаревымъ, и переписка по этому поводу между княземъ Аргутинскимъ и Воронцовымъ.—Бѣгство Хаджи-Мурата къ русскимъ.—Дальнѣйшая судьба его.

Возраставшая популярность Лазарева начинала сильно безпокоить даже самаго Хаджи-Мурата, втайнѣ опасавшагося вліянія его на аварцевъ, среди которыхъ еще много было приверженцевъ старой ханской династіи. Тостъ, провозглашенный Лазаревымъ за ужиномъ у Шихшабека, дошелъ до него, какъ отголосокъ какихъ-то новыхъ, еще неясныхъ и туманныхъ, но неизбѣжно надвигающихся событій. Хаджи-Муратъ увидѣлъ въ нихъ вызовъ, брошенный всему имамату, и, можетъ быть, ни одинъ разъ пожалѣлъ, что при вторженіи въ Дженгутай не истребилъ малолѣтнихъ хановъ, которые теперь могли явиться для него опасными претендентами на обладаніе Аваріею. Даже самъ Шамиль призадумался надъ такимъ вліяніемъ человѣка, о которомъ слышалъ въ первый разъ, но въ которомъ увидѣлъ силу, способную колебать и расшатывать то, что имъ создавалось въ горахъ. Еще недавно, до назначенія Лазарева въ Мехтулу, онъ произнесъ извѣстную фразу: „Сила страны — въ ея законахъ и управленіи“. „У меня въ имаматѣ“, говорилъ онъ, „всѣ люди судятся по шаріату,—единственному закону, оставленному намъ пророкомъ; горцы, подвластные Россіи, имѣютъ адаты; но у шамхальцевъ, въ Мехтулѣ и Казикумыкѣ нѣтъ ни того, ни другого, а замѣняетъ ихъ ханская воля и ханскій капризъ“. Теперь Мехтулу пришлось вычеркнуть изъ этого списка; а Шамиль луч-

ше другихъ понималъ, что ни какіе лавры полководца не могутъ имѣть въ глазахъ народа такого значенія, какъ слава мудраго правителя.

Князь Аргутинскій зналъ объ этомъ черезъ своихъ лазутчиковъ, и предупреждалъ Лазарева, прося его быть осторожнымъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого, 14-го декабря 1850 года въ Араканы съѣхалось нѣсколько наибовъ, чтобы обсудить опасное положеніе дѣлъ на границѣ, и Хаджи-Муратъ, предсѣдательствовавшій на этомъ съѣздѣ, предложилъ открытое вторженіе въ Мехтулинское ханство. Противъ этого возразилъ старый Ибрагимъ араканскій: „Открытымъ вторженіемъ", говорилъ онъ, „мы ничего не достигнемъ. Лучше пустить въ Мехтулу небольшую партію, и когда Лазаревъ увлечется за нею погоней, мы нападемъ на него изъ засады". Планъ этотъ былъ одобренъ единогласно, и въ тотъ же день къ вечеру въ Араканахъ стояла уже полутора-тысячная конная партія.

15-го декабря Лазаревъ, по обыкновенію, всталъ рано и выслушалъ докладъ, что еще до свѣта обозъ изъ 30 или 40 аробъ вышелъ изъ Дженгутая въ аркасскій лѣсъ за дровами. Онъ только спросилъ: назначенъ-ли съ обозомъ конвой? Ему отвѣчали нѣтъ; но подводчиковъ много, и всѣ вооружены. Послѣ того его навѣстилъ еще одинъ изъ дженгутаевскихъ бековъ, Османъ, приходившійся молочнымъ братомъ покойному хану. Бесѣдуя съ нимъ, Лазаревъ вспомнилъ, что ровно за четыре года передъ этимъ Хаджи-Муратъ увезъ изъ Дженгутая мехтулинскую ханшу. „Я и до сихъ поръ не могу уяснить себѣ этого обстоятельства", сказалъ онъ Осману, „какъ, напр-, ты, молочный братъ ея мужа, допустилъ подобное похищеніе?" Это было больное мѣсто Османа. Онъ поблѣднѣлъ, и проговорилъ чуть внятно: „Меня не было дома. Но если ты сомнѣваешься въ моей храбрости, то въ первомъ же дѣлѣ услышишь, что такое Османъ".

Видя насколько онъ встревожился, Лазаревъ началъ было его успокаивать,—какъ вдругъ съ башни Верхняго Дженгутая грянулъ сигнальный выстрѣлъ. Ему тотчасъже откликнулись двѣ сосѣднія башни. „Это тревога!“ сказалъ Лазаревъ, „мошенники вѣроятно напали на наши арбы“. Онъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ, что казаки спѣшно сѣдлали своихъ лошадей. Не прошло и пяти минутъ, какъ мимо его оконъ во весь опоръ пронеслась лихая аварская сотня Али-хана, а впереди ея Османъ съ развѣдочною командою. Въ аулѣ барабаны били сборъ, и почти слѣдомъ за конницей бѣгомъ пробѣжалъ батальонъ апшеронцевъ съ маіоромъ Дубельтомъ. Лазаревъ съ тремя стами всадниковъ выѣхалъ изъ деревни послѣднимъ. Онъ скоро догналъ, однако, пѣхоту и, пріостановившись на минуту, сказалъ: „Маіоръ! Уступите мнѣ одного барабанщика“.— „Сдѣлайте милость—возьмите“, отвѣчалъ Дубельтъ. Барабанщика тотчасъ посадили на запасную лошадь, и милиція поскакала дальше.

Только теперь стало выясняться, почему произошла тревога. Отъ Али-хана прискакалъ всадникъ съ извѣстіемъ, что партія, человѣкъ въ двѣсти, напала на нашъ обозъ и часть его захватила. „Впрочемъ“, добавилъ онъ, „Али-ханъ уже настигъ непріятеля, и плѣнные, по всей вѣроятности, теперь отбиты“. Лазаревъ, опасаясь однако, что аварцы, по своей горячности, зарвутся въ погонѣ, двинулся дальше и скоро услыхалъ впереди горячую перестрѣлку.

Еще была ночь, когда полутора-тысячная конница Хаджи-Мурата устроила на Аркасѣ засаду, а передовая партія спустилась внизъ, и какъ разъ наткнулась на нашъ обозъ, двигавшійся къ лѣсу. Девять человѣкъ и шестнадцать воловыхъ подводъ были захвачены сразу; но остальные повернули назадъ и, преслѣдуемые горцами, успѣли вскочить въ ворота Верхняго Дженгутая, откуда и началась тревога. Когда Али-ханъ узналъ объ

этомъ происшествіи, партія была еще не далеко, и онъ настигъ ее на самомъ Аркасѣ. Но здѣсь его встрѣтила вся конница Хаджи-Мурата, которая, бросившись изъ своей засады, сбила и погнала назадъ горсть нашихъ отважныхъ всадниковъ. Османъ-бекъ, отрѣзанный отъ своихъ, былъ окруженъ, и въ рукопашной схваткѣ изрубленъ въ куски; съ нимъ были убиты четыре милиціонера, но остальные восемь—всѣ израненые шашками, успѣли пробиться. Лазаревъ, подходившій на полныхъ рысяхъ, издали увидѣлъ эту катастрофу и, быстро спѣшивъ свои сотни, встрѣтилъ непріятеля дружнымъ огнемъ. Однако первый натискъ былъ до того стремителенъ, что передніе горцы съ налета врѣзались въ наши ряды, и Лазаревъ самъ долженъ былъ выхватить шашку для личной защиты. Къ счастію, онъ вспомнилъ въ эту минуту о своемъ барабанщикѣ и приказалъ ему бить наступленіе. Но едва раздался барабанный бой, какъ непріятель вообразилъ, что подходитъ пѣхота, и послѣ небольшаго колебанія, сталъ быстро отступать къ Шенщереку. Наши слѣдовали за нимъ по пятамъ до самаго спуска съ Аркаса, подняли по дорогѣ тѣла своихъ убитыхъ и возвратились назадъ.

На чьей сторонѣ остался успѣхъ боя—объ этомъ судили различно. Всѣ соглашались однако, что Хаджи-Муратъ не достигъ своей цѣли и не уничтожилъ ни Лазарева, ни Али-хана, а для девяти плѣнныхъ не стоило собирать полутора-тысячную партію и поднимать на ноги цѣлыя три наибства. Съ другой стороны наша конница хотя не успѣла отбить у горцевъ добычу, но тѣмъ не менѣе, по замѣчанію князя Аргутинскаго, „дѣйствовала быстро и смѣло“.—„Маіоръ Лазаревъ“, писалъ онъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, „какъ всегда, показалъ себя и въ этомъ дѣлѣ весьма отважнымъ и предпріимчивымъ офицеромъ“. Онъ упрекнулъ его только въ томъ, что передовая часть конницы, не дождавшись прибытія

остальной милиціи, опрометью бросилась въ шашки, и послужила причиной нашей довольно чувствительной потери. Али-ханъ, спрошенный объ этомъ, отвѣчалъ, что онъ старался, но не могъ удержать своихъ всадниковъ, а потому, чтобы не пустить ихъ въ бой безъ начальника, самъ долженъ былъ врубиться вмѣстѣ съ ними. Ему не повѣрили, но показали видъ, что вѣрятъ, и даже похвалили за храбрость.

„Мнѣ передаютъ изъ горъ", писалъ по этому поводу князь Аргутинскій главнокомандующему, „что настоящее дѣло есть только подтвержденіе того, что горцы не рѣшаются нападать на мехтулинскія деревни открыто, опасаясь Лазарева и Али-хана, и что истребленіе ихъ обоихъ составляетъ первѣйшую задачу Хаджи-Мурата".

Ивану Давыдовичу за дѣло 15-го декабря объявлено Монаршее благоволеніе.

Между тѣмъ стремленіе горцевъ, такъ или иначе отдѣлаться отъ Лазарева, не прекращалось; но только наибы перемѣнили образъ дѣйствій, и вмѣсто открытой честной борьбы повели подпольную, подсылая наемныхъ убійцъ. Однажды, съ этою цѣлью къ намъ вышли изъ горъ двое—Муртазали и Омаръ, объявивъ, что они бѣжали изъ аула Кудухъ отъ притѣсненій араканскаго наиба. Такъ какъ съ ними не было семей, то это обстоятельство невольно навлекало на нихъ подозрѣніе, но тѣмъ не менѣе Лазаревъ приказалъ зачислить ихъ въ число конвойныхъ. Оба они служили весьма усердно и еще усерднѣе приглядывались къ нашимъ порядкамъ, но скоро убѣдились, что предпріятіе ихъ исполнить безъ риска нельзя, а ставить на карту свои головы имъ не хотѣлось. Долго выискивали они благопріятнаго случая, но, наконецъ, потеряли терпѣніе и бѣжали обратно въ горы, захвативъ съ собой, мимоходомъ, изъ дома Лазарева золотые часы и пистолетъ въ серебряной оправѣ. Подобныхъ попытокъ было нѣсколько. Но фанатиковъ,

которые рѣшились бы исполнить свое намѣреніе открыто, не находилось совсѣмъ, а такимъ, которые берегли свои головы, въ Дженгутаѣ дѣлать было нечего. И не смотря на то, Лазаревъ всетаки едва-едва не погибъ отъ руки убійцы. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Однажды, въ Дженгутай пробрались два абрека, подосланные, какъ говорили, кикунскимъ наибомъ, и остановились въ домѣ Абдуллы-кадія, за которымъ не прекращался однако секретный надзоръ. Этотъ нравственный гнетъ до того истомилъ почтеннаго кадія, что онъ рѣшился выдать своихъ старыхъ друзей головами, и этимъ разъ навсегда очистить свою репутацію отъ подозрѣній. Лазаревъ въ это время ѣздилъ въ Шуру, и Абдуллѣ пришлось возиться съ своими пріятелями два-три дня, чтобы задержать ихъ до его пріѣзда. Между тѣмъ, возвращаясь назадъ, Лазаревъ встрѣтилъ у Бугленя ханшу Нохъ-бике, ѣхавшую отъ Шамхала Тарковскаго, и, считая невѣжливымъ обогнать ханскій поѣздъ, поѣхалъ съ нимъ рядомъ. Ханша путешествовала въ арбѣ, богато убранной коврами и тканями, но запряженной парою буйволовъ. Сзади шагомъ ѣхалъ ея конвой. Все это двигалось очень медленно и прибыло въ Дженгутай только уже подъ-вечеръ. Лазаревъ зашелъ было къ ханшѣ, но вслѣдъ за нимъ явился туда Абдулла и, вызвавъ его въ другую комнату, сообщилъ объ абрекахъ. Лазаревъ тотчасъ простился съ хозяйкой. „Извините меня ханша“, сказалъ онъ: „я долженъ уйтти по очень важному дѣлу“. У воротъ уже стояло два-три десятка вооруженныхъ жителей, а далѣе, по дорогѣ, встрѣтили взводъ Апшеронскаго полка, которому Лазаревъ также приказалъ итти за собою. Солдаты быстро оцѣпили домъ, гдѣ скрывались абреки, а мехтулинцы вошли въ самый дворъ, и поставили къ дверямъ часовыхъ. Самъ Лазаревъ стоялъ во дворѣ по-одоль отъ всѣхъ, имѣя возлѣ себя только одного молодого солда-

та. На предложеніе сдаться, одинъ изъ абрековъ, помоложе, вышелъ и положилъ оружіе, но другой, по имени Исламъ, закоренѣлый и извѣстный въ горахъ разбойникъ, не сдавался ни на какія убѣжденія. Время приближалось къ ночи, и Лазаревъ приказалъ сказать, что если онъ не сдасться, то домъ обложатъ соломой и зажгутъ. Въ этотъ моментъ двери вдругъ распахнулись настежъ и грянулъ ружейный выстрѣлъ. Одинъ часовой былъ убитъ наповалъ, а другой до того растерялся, что не сдѣлалъ никакой попытки остановить Ислама, когда тотъ, перескочивъ черезъ трупъ, ринулся на толпу съ громаднымъ кинжаломъ. Передъ нимъ все побѣжало и, разступаясь, давало ему широкую дорогу. Видя общую панику, Лазаревъ крикнулъ: „Мехтулинцы! Я завтра сниму съ васъ папахи, и въ женскихъ лечакахъ поведу на показъ народу“. Но онъ не договорилъ послѣднихъ словъ, какъ разъяренный абрекъ въ два прыжка очутился передъ нимъ, и съ крикомъ: „Тебя-то я и ищу, проклятый гяуръ!“—взмахнулъ надъ нимъ широкій кинжалъ. Солдатъ, стоявшій возлѣ Лазарева, оторопѣлъ совершенно, но Лазаревъ быстро вырвалъ у него ружье и встрѣтилъ нападавшаго абрека выстрѣломъ въ упоръ, а затѣмъ ударомъ штыка. Кинжалъ, звеня, выпалъ изъ рукъ Ислама, и самъ онъ мертвый распростерся у ногъ Ивана Давыдовича.

Нечего говорить, какое потрясающее дѣйствіе произвела на всѣхъ эта сцена, и насколько явилась она поучительной для людей слабыхъ или колеблющихся духомъ.

Твердый въ опасности, Лазаревъ требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ, но понималъ также, что всякія случайности въ кавказской войнѣ неизбѣжны, и что, какъ ни крѣпки были заведенные имъ порядки, прорывы партій возможны были даже и въ Мехтулинскомъ ханствѣ. Особенно тревоженъ былъ въ этомъ отношеніи новый 1851-й годъ,—годъ наибольшей извѣстности Хаджи-

Мурата, противъ котораго не всегда оказывались дѣйствительными мѣры даже такихъ зоркихъ аргусовъ, какъ Лазаревъ и самъ Аргутинскій. Это былъ знаменитѣйшій партизанъ своего времени. Послѣ увоза имъ изъ мехтулинскаго дворца ханши Нохъ-бике *) послѣ вторженія его въ самую Шуру, гдѣ жилъ Аргутинскій, и, наконецъ, послѣ появленія его съ партіей на почтовомъ нухинскомъ трактѣ, гдѣ только случайность помѣшала ему напасть на поѣздъ Цесаревича **),—для него казалось не было ничего невозможнаго. Слава его достигла тогда своего апогея. Въ Лазаревѣ онъ признавалъ противника опаснаго въ полѣ; но тамъ, гдѣ дѣло шло объ удаломъ партизанскомъ налетѣ, тамъ ему не были страшны ни какія башни и ни какіе кордоны. Въ доказательство мы приведемъ два случая,—оба бывшіе въ томъ же 1851 году.

7-го апрѣля, въ страстную субботу, въ тотъ предразсвѣтный часъ, когда въ христіанскихъ городахъ весь народъ, колѣнопреклоненный, молится въ церквахъ у гроба Спасителя,—Лазарева разбудили извѣстіемъ, что пріѣхали два горца, которые желали его видѣть немедленно. Они не хотѣли открыть своихъ именъ; ихъ лица были плотно укутаны толстыми башлыками, ихъ бурки были забрызганы грязью, а взмыленные кони едва переводили духъ отъ усталости. Ихъ ввели въ комнату Лазарева и затворили за ними двери.

— Начальникъ! сказалъ одинъ изъ горцевъ: мы оба абреки и бѣжали изъ партіи Хаджи-Мурата, чтобы получить отъ тебя прощеніе.

— Гдѣ же теперь Хаджи-Муратъ? спокойно спросилъ ихъ Лазаревъ.

*) Ханша Нохъ-бике выкуплена была изъ плѣна въ 1847 году за большія деньги.

**) Поѣздъ Цесаревича конвоировался однимъ слабымъ казачьимъ полкомъ.

— Теперь онъ долженъ быть уже въ Дешлагарѣ,— отвѣтили горцы.

Лазаревъ даже вскочилъ съ постели. „Какъ въ Дешлагарѣ?“—воскликнулъ онъ въ изумленіи,—„гдѣ-же, когда, какимъ образомъ прошелъ онъ черезъ нашу границу?

— Мы выступили изъ Араканъ,—отвѣтилъ одинъ изъ горцевъ,—передъ самымъ закатомъ солнца и пробрались ложбиной между деревнями Апши и Ахъ-Кентомъ въ то время, когда башни не были еще заняты караулами. Потомъ наступила ночь, и мы скакали во всѣ повода, скакали болѣе ста верстъ, и только въ Губденскомъ лѣсу остановились на полъ-часа, чтобы дать вздохнуть своимъ лошадямъ. Здѣсь Хаджи-Муратъ сталъ лично провѣрять есть-ли у всѣхъ топоры; а мы, воспользовавшись этимъ осмотромъ, скрылись въ лѣсу и поскакали сюда.

Лазаревъ задумался. „А сколько съ Хаджи-Муратомъ людей?“—спросилъ онъ пытливо.

— Не больше пяти-сотъ человѣкъ.

Разыскивать виновнаго въ пропускѣ партіи было безполезно, и Лазаревъ, приказавъ сотни Шихшабека оставаться въ Дженгутаѣ, распорядился, чтобы жители верхнихъ деревень заняли всѣ дороги, по которымъ могъ возвращаться непріятель, а самъ съ остальною конницею сталъ на Аркасѣ. Такъ прошелъ день; наступила пасхальная ночь, а конница, не слѣзая съ коней, все рыскала по окрестностямъ, осматривая каждую тропу, гдѣ можно было пробраться одиночному всаднику. Къ утру прискакали новые гонцы съ извѣстіемъ, что Хаджи-Муратъ отбилъ въ Дешлагарѣ большой казенный табунъ лошадей, и опасаясь возвращаться черезъ Мехтулу, кинулся къ сторонѣ Петровска. Лазаревъ тотчасъ стянулъ всю конницу, до тысячи всадниковъ, и поспѣшилъ въ Дженгутай; но тамъ уже войскъ не было: какъ сотня Шихшабека, такъ и батальонъ Апшеронцевъ по требо-

ванію Аргутинскаго выступили къ Атлы-Буюнскому лѣсу, гдѣ, какъ говорили, засѣлъ Хаджи-Муратъ.

— „Теперь я понимаю,—сказалъ Иванъ Давыдовичъ,—зачѣмъ у него топоры: онъ поставитъ завалъ и будетъ держаться въ немъ до ночи, а ночью партія разбредется по лѣсу“. Онъ приказалъ своимъ всадникамъ также захватить топоры, собранные со всего Дженгутая, и сказалъ окружавшимъ его офицерамъ: „Помните, если мы настигнемъ Хаджи-Мурата въ лѣсу, мы не станемъ завязывать дѣла, а просто окружимъ его завалъ своими завалами и будемъ въ нихъ отсиживаться. Штурмовать насъ онъ рѣшится не сразу, а тѣмъ временемъ подойдетъ Аргутинскій съ пѣхотой,—и партія его будетъ уничтожена“. Къ сожалѣнію, Лазареву не пришлось привести въ исполненіе свою оригинальную мысль: когда онъ подошелъ къ Атлы-Буюну, бой уже былъ конченъ, и Хаджи-Муратъ исчезъ.

Это было извѣстное въ Дагестанѣ „Золотухинское дѣло“, въ которомъ восемьдесятъ человѣкъ пѣшихъ нижегородскихъ драгунъ съ безумною отвагою атаковали редутъ, защищаемый самимъ Хаджи-Муратомъ, и были отбиты съ огромной потерей. Самъ Золотухинъ, командовавшій драгунами, былъ убитъ, а Хаджи-Муратъ, воспользовавшись нашимъ замѣшательствомъ, бросился въ лѣсъ и партія его спаслась по одиночкѣ.

Другой случай былъ лѣтомъ. Шамиль, стоявшій съ огромнымъ скопищемъ у Чоха, отдѣлилъ значительную партію, которая вечеромъ 1-го іюля внезапно появилась на высотахъ противъ д. Ахъ-Кентъ и вызвала общую тревогу. Вся Мехтула поднята была на ноги. Но пока наше вниманіе обращено было въ ту сторону, Хаджи-Муратъ вышелъ изъ Араканъ съ пятью стами всадниковъ и, промчавшись подъ покровомъ глубокой ночи между деревнями Дуранги и Верхнимъ Дженгутаемъ, къ разсвѣту былъ уже на берегу Каспійскаго моря. Тамъ

онъ напалъ на Буйнаки, убилъ Шахъ-Вали—родного брата Шамхала-Тарковскаго, и полонилъ все его семейство. Между тѣмъ тревога въ Мехтулѣ утихла, партія, стоявшая противъ Ахъ-Кента, съ разсвѣтомъ 2-го іюля отошла назадъ, и Лазаревъ только тогда узналъ о прорывѣ Хаджи-Мурата. Вся мехтулинская конница тотчасъ выскочила на Губденскія высоты, но Хаджи-Муратъ уже прошелъ береговою дорогой въ Кайтагъ и поднялъ тамъ возстаніе. Сначала дѣла его пошли чрезвычайно успѣшно; онъ занялъ деревню Хошни, и, укрѣпившись въ ней, сталъ ожидать извѣстій отъ Шамиля, который въ это время долженъ былъ напасть на казикумыкское ханство. Шамиль дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе. Какъ только князь Аргутинскій съ отрядомъ, стоявшимъ на Турчидагѣ, направился въ Кайтагъ, онъ бросился на гамашинскія высоты, гдѣ были оставлены два батальона, подъ начальствомъ генералъ-маіора Граматина, и атаковалъ ихъ съ 15-ти-тысячнымъ скопищемъ. Граматинъ блистательно отбилъ нападеніе и обратилъ Шамиля въ совершенное бѣгство. Почти въ тоже время въ горахъ получили извѣстіе, что князь Аргутинскій вступилъ въ Кайтагъ и на-голову разбилъ Хаджи-Мурата.

Такимъ образомъ, казалось, замыслы Шамиля потерпѣли полную неудачу. Но не объ этихъ замыслахъ думалъ на этотъ разъ старый имамъ, для котораго весь этотъ затѣянный имъ походъ служилъ лишь орудіемъ къ достиженію со всѣмъ другихъ, болѣе близкихъ для него событій, готовившихся тогда въ Дагестанѣ.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Шамиль, давно обдумывавшій планъ утвердить въ горахъ наслѣдственную власть имамовъ, рѣшилъ, наконецъ, объявить всенародно своимъ преемникомъ старшаго сына Кази-Магому, но встрѣтилъ серьезный отпоръ со стороны Хаджи-Мурата. Суровый аварскій наибъ выразился въ кругу своихъ приближенныхъ, что присяга Кази-Магомѣ дѣло насильствен-

ное, и что послѣ смерти Шамиля только шашка, да громкое имя—одни рѣшатъ, кто долженъ быть имамомъ. Слова эти были доведены до Шамиля вмѣстѣ съ совѣтомъ отдѣлаться отъ Хаджи-Мурата, какъ отъ человѣка опаснаго, который можетъ стать во главѣ оппозиціи. Чтобы имѣть предлогъ, враги Хаджи-Мурата совѣтовали Шамилю послать его въ Табасарань съ ничтожнымъ отрядомъ и требовать, чтобы онъ возмутилъ ее противъ русскихъ, т. е. сдѣлалъ бы то, чего не могъ исполнить въ томъ же году Омаръ-Салтинскій съ огромною трехъ тысячною партіею. Хаджи-Муратъ, не подозрѣвавшій интриги, охотно взялся за это предпріятіе. Оно, какъ мы уже знаемъ, не увѣнчалось успѣхомъ, и Шамиль воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обвинить Хаджи-Мурата въ трусости.

— „Что я не трусъ",—отвѣчалъ Хаджи-Муратъ,— „это знаютъ на Кавказѣ даже малые дѣти. И горцы, и русскіе давно привыкли уважать мою храбрость. Что я потерпѣлъ пораженіе, это мнѣ извинительно, потому что у меня было только пятьсотъ человѣкъ. А ты-то какъ воевалъ? У тебя было пятнадцать тысячъ и пушки, а Граматинъ съ тремя батальонами разбилъ тебя на-голову. Ты бѣжалъ, какъ заяцъ, и значитъ трусъ не я, а ты"!

Буря разразилась страшная. Шамиль открыто объявилъ Хаджи-Мурата возмутителемъ и двинулся противъ него съ войсками. Послѣдній заперся въ д. Басландузѣ, и цѣлый мѣсяцъ выдерживалъ блокаду. Наконецъ, это ему надоѣло. Онъ сдѣлалъ вылазку, напалъ на войска Шамиля и обратилъ ихъ въ бѣгство. Въ горахъ готова была разразиться междоусобная война, но духовенство и старшины народа вмѣшались въ эту распрю и приняли на себя посредничество въ примиреніи. Тѣмъ не менѣе Хаджи-Муратъ чувствовалъ, что жизнь его виситъ на волоскѣ и рѣшилъ искать защиты у русскихъ.

Въ Хунзахѣ въ это время находился одинъ изъ

плѣнныхъ мехтулинцевъ, нѣкто Нуцалъ-Муххамедъ-оглы, захваченный въ аркасскомъ лѣсу 15-го декабря 1850 года. Онъ принадлежалъ къ почетной фамиліи Большого Дженгутая, а потому Лазаревъ вошелъ въ переговоры о размѣнѣ его на одного изъ мюридовъ, захваченныхъ нами въ атлы-буюнскомъ лѣсу. Когда размѣнъ состоялся, Нуцалъ явился къ Ивану Давыдовичу и сообщилъ подъ большимъ секретомъ, что Хаджи-Муратъ призывалъ его къ себѣ и поручилъ передать Лазареву, что онъ желаетъ передаться русскимъ; что онъ готовъ для этого поднять цѣлую Аварію, но проситъ, чтобы нашъ отрядъ пришелъ къ нему на помощь. Нуцалъ передалъ также, что аварцы присягнули не выдавать Хаджи-Мурата и будутъ вмѣстѣ съ нимъ драться противъ Шамиля.

Лазаревъ лично передалъ объ этомъ князю Аргутинскому, который не захотѣлъ, однако, взять на себя рѣшеніе столь важнаго вопроса и донесъ обо всемъ Воронцову. „Нельзя утвердительно сказать“, писалъ онъ къ нему: „сбудется-ли въ Аваріи то, что говоритъ Хаджи-Муратъ. Но если сообразить теперешнее личное его положеніе и всеобщую привязанность къ нему аварцевъ, то можетъ статься, что подъ его вліяніемъ они дѣйствительно возстанутъ противъ Шамиля“. Аргутинскій съ своей стороны полагалъ умѣстнымъ не упустить этого случая, чтобы воспользоваться такимъ положеніемъ Аваріи не для того, чтобы статьвъ ней твердою ногою, а для того, чтобы посредствомъ аварскаго возстанія поднять и ближайшія къ нимъ общества, какъ напр., Андалялъ, Койсубу и другія. Онъ полагалъ, однако, что предпринимать движеніе въ Аварію въ нынѣшнемъ году будетъ чрезвычайно затруднительно по устройству въ войскахъ продовольственной части тѣмъ болѣе, что самыя обстоятельства еще совершенно загадочны: легко можетъ быть, что положеніе самого Хаджи-Мурата измѣнится, или онъ не сможетъ поднять Аварію. Къ этому Аргутинскій при-

соединялъ еще вопросъ о самомъ Хаджи-Муратѣ. „Какъ офицеръ, бѣжавшій изъ рядовъ нашихъ войскъ", писалъ онъ Воронцову, „Хаджи-Муратъ подлежитъ военному суду и смертной казни; но ежели теперешнія его предположенія поведутъ къ результатамъ для насъ благопріятнымъ, то, полагаю, что этимъ онъ искупитъ свою вину, не говоря о томъ, что и обращеніе съ нимъ мѣстнаго нашего начальства до побѣга его въ 1841 году одобрить нельзя".

„Хаджи-Муратъ", отвѣчалъ на это Воронцовъ: „не долженъ сомнѣваться въ помилованіи, но возвращеніе ему прежнихъ чиновъ и милостей будетъ зависить отъ будущихъ его заслугъ". Воронцовъ полагалъ даже, что для насъ выгоднѣе, если бы Хаджи-Муратъ остался въ Аваріи и повелъ свою борьбу съ Шамилемъ внутри Дагестана. Что же касается до поданія ему помощи, то князь Воронцовъ находилъ, что зимой сдѣлать это неудобно. „Развѣ", прибавлялъ онъ, „вы найдете возможнымъ выслать къ нему нѣкоторую часть нашихъ дагестанскихъ всадниковъ, которые почти всѣ уроженцы Аваріи, и на храбрость и преданность которыхъ, по опыту многихъ лѣтъ, можно вполнѣ положиться".

Долго послѣ этой переписки не было никакихъ извѣстій изъ горъ. По крайней бдительности и строгости, соблюдаемой горцами около нашей кардонной линіи, ни одинъ лазутчикъ не могъ проникнуть въ Аварію, и не было возможности получать оттуда какія бы то ни было свѣдѣнія. Нашелся, однако, одинъ человѣкъ, по имени Сеидъ-гоцатлинскій, который, по настоянію Лазарева, пробрался въ Гоцатль по тропинкамъ ему хорошо извѣстнымъ, и оттуда послалъ свою сестру въ Батлагачъ къ Хаджи-Мурату, чтобы просить позволенія съ нимъ видѣться. Хаджи-Муратъ указалъ ему секретное мѣсто, гдѣ они, сошлись и долго бесѣдовали между собою. Сеидъ передалъ ему то, что намъ извѣстно уже

изъ переписки князя Аргутинскаго съ Воронцовымъ, а Хаджи-Муратъ въ свою очередь сообщилъ ему тѣ событія, которыя произошли въ послѣднее время. Онъ говорилъ, что, послѣ вмѣшательства въ распрю старшинъ и духовенства, примиреніе его съ Шамилемъ хотя и состоялось, но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы Хаджи-Муратъ отказался отъ званія наиба аварскаго. Вслѣдствіе этого вся Аварія раздѣлена была на двѣ части: восточная, съ городомъ Хунзахомъ, передана Шамилемъ двоюродному брату Хаджи-Мурата — Альбури, а западная, съ селеніемъ Сивахъ, — Али табасаранскому. Хаджи-Муратъ говорилъ также, что онъ не перемѣнилъ своего намѣренія передаться русскимъ, но что бѣгство его съ семействомъ черезъ Дагестанъ невозможно по причинѣ частаго населенія и караульныхъ постовъ, которые стерегутъ его на каждомъ шагу. Онъ хотѣлъ поэтому сдѣлать попытку бѣжать черезъ Чечню. — „Но, если это мнѣ не удастся", сказалъ онъ Сеиду, „тогда, не смотря ни на что, я подниму Аварію и дамъ объ этомъ знать въ Шуру".

Съ этимъ отвѣтомъ Сеидъ возвратился назадъ.

Вскорѣ послѣ этого князь Аргутинскій получилъ официальное извѣстіе, что Хаджи-Муратъ явился въ крѣпость Воздвиженскую и оттуда отправленъ въ Тифлисъ. Семейство его осталось въ горахъ, и это, какъ увидимъ, послужило причиной ко всѣмъ послѣдовавшимъ затѣмъ катастрофамъ.

Тоскуя по семейству, Хаджи-Муратъ выпросилъ позволеніе жить въ Грозной, откуда, при помощи преданныхъ себѣ людей, расчитывалъ, въ случаѣ крайности, выкрасть свою семью изъ аула Цельмезъ, какъ выкралъ нѣкогда Мехтулинскую ханшу изъ Дженгутая. „Отвага Хаджи-Мурата", писалъ по этому поводу князь Воронцовъ въ Петербургъ, „не знаетъ границъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ способенъ на самую отчаянную и дерз-

кую выходку". Неизвѣстно по какимъ причинамъ, но только начальникъ лѣваго фланга не далъ ему на это разрѣшенія, и Хаджи-Муратъ переѣхалъ жить въ Ташъ-Кичу на Кумыкскую плоскость. Тамъ появленіе его произвело, однако, такую рознь между князьями и народомъ, что для успокоенія умовъ его пришлось отозвать обратно въ Тифлисъ. Тогда онъ обратился къ князю Воронцову съ просьбой употребить его во главѣ милиціи или регулярныхъ войскъ для какихъ нибудь отважныхъ предпріятій со стороны Дагестана, увѣряя, что появленіе его въ горахъ произведетъ громадное впечатлѣніе, и послужитъ поводомъ къ болѣе или менѣе близкому паденію Шамиля. Но такъ какъ для этого прежде всего нужно было имѣть согласіе князя Аргутинскаго, котораго ожидали въ Тифлисъ, то до его пріѣзда Хаджи-Мурату разрѣшено было жить въ Нухѣ, гдѣ ему легче было получать извѣстія о своемъ семействѣ. Съ нимъ была отправлена и конвойная казачья команда. Казалось, всѣ мѣры осторожности были приняты, а между тѣмъ черезъ нѣсколько дней весь Тифлисъ пораженъ былъ вѣстью о бѣгствѣ Хаджи-Мурата въ горы. Къ счастью, его скоро настигли на томъ самомъ трактѣ, по которому онъ шелъ въ 50-мъ году къ Бабаратминской станціи, расчитывая напасть на поѣздъ Наслѣдника, и здѣсь, 23-го апрѣля 1852 года, его окружило нѣсколько сотенъ конной милиціи. Онъ имѣлъ при себѣ только четырехъ нукеровъ, но отказался сдаться, и, по выраженію князя Воронцова, „умеръ, какъ жилъ, т. е. отчаянно храбро". Голова его была привезена въ Тифлисъ и выставлена въ госпиталѣ на показъ народу.

Причины новаго бѣгства Хаджи-Мурата до сихъ поръ остаются не выясненными. Князь Воронцовъ полагалъ, что поводомъ къ этому послужила тоска по семейству, а можетъ быть и опасеніе, что князь Аргутинскій не согласится взять его къ себѣ въ Дагестанъ, послѣ чего

положеніе его у насъ сдѣлалось бы весьма щекотливымъ. Напротивъ, другіе, знавшіе лучше характеръ Хаджи-Мурата, утверждали, что всего вѣроятнѣе предположить не эти мелочныя причины, а то, что Хаджи-Муратъ, имѣвшій большія сношенія съ лезгинами, хотѣлъ пробраться въ нагорный Дагестанъ и сдѣлаться тамъ независимымъ владѣльцемъ, какъ отъ насъ, такъ и отъ Шамиля.

„Было бы черезъ чуръ длинно",—писалъ князь Воронцовъ военному министру, сообщая ему конецъ Хаджи-Мурата—„входить во всѣ подробности о томъ, что я увидѣлъ, и что узналъ объ удивительномъ характерѣ этого человѣка. Скажу одно: смерть его освободила меня отъ большой отвѣтственности. Этотъ неустрашимый человѣкъ—обоюдо-острый мечъ, и причинилъ бы намъ много хлопотъ и безпокойства, потому что его честолюбіе равнялось только его храбрости, а храбрость его не знала предѣловъ"...

Глава XI.

(1852)

Стремленіе Шамиля овладѣть Табасаранью, и сильная доверсія въ Мехтулинское ханство. — Катастрофа, постигшая оглинскую сотню. — Пораженіе горцевъ въ Табасарани.—Неудачный набѣгъ изъ Араканъ 25 іюня. — Отвѣтный набѣгъ Лазарева на Кудуховцевъ. — Гайдаръ-бекъ. — Совѣщаніе девяти наибовъ въ Араканахъ. — Вторженіе горцевъ въ Мехтулу 27 іюля.— Критическое положеніе Лазарева.—Неожиданная выручка.—Бой подъ Дженгутаемъ и пораженіе горцевъ.—Отзывъ о Лазаревѣ князя Орбеліани.—Награды.—Мелкія стычки зимою.—Смѣлый набѣгъ маіора Джемарджидзе.

Двѣ неудачныя попытки занять Табасарань, измѣна Хаджи-Мурата, и даже внутреннія политическія событія, принимавшія въ горахъ острый характеръ династическаго вопроса,—весь этотъ тревожный конецъ 1851 года не могъ отклонить Шамиля отъ мысли овладѣть во что бы то ни стало все тою-же Табасаранью, которая, по мнѣнію его, только и ждала, чтобы кто нибудь возрастилъ давно уже брошенныя въ нее сѣмена мюридизма.

И вотъ, 31 декабря, въ самый канунъ новаго 1852 года, изъ крѣпости Уллу-кала выступила небольшая конная партія, подъ предводительствомъ извѣстнаго абрека Букъ-Магомета, и, прорвавшись черезъ Даргинскій округъ въ кайтагскіе лѣса, подняла возстаніе. Къ ней тотчасъ примкнули сосѣдніе табасаранцы.—Но пока наши войска собирались по тревогѣ съ своихъ зимовыхъ квартиръ, Шамиль, чтобы отвлечь наше вниманіе въ другую сторону, приказалъ сдѣлать сильное вторженіе въ Мехтулинское ханство.

Лазаревъ узналъ объ этомъ поздно, только вечеромъ 2-го января, когда въ Дженгутай прискакали два запаздалые лазутчика.

—„Здорово кунаки! Что привезли новаго? спросилъ ихъ Лазаревъ.

—„Плохія вѣсти!“—отвѣтили оба.—Ибрагимъ араканскій идетъ на тебя съ огромною партіею, а къ нему присоединили свои значки наибы Гуссейнъ гергебильскій и Альбури изъ Хунзаха. Не сегодня, такъ завтра съ разсвѣтомъ надо ждать нападенія.

— „Отчего же вы такъ запоздали, пріятели?“

—„Раньше нельзя было, начальникъ. Не только дороги, но даже всѣ горныя тропы, по которымъ ходятъ только дикія козы—все занято было ихъ пикетами. Мы проползли тогда, когда партія прошла уже Араканское ущелье.

Лазаревъ немедленно разослалъ гонцовъ съ приказаніемъ, чтобы во всѣхъ деревняхъ милиція стояла на готовѣ. Но не всѣ старшины успѣли получить это распоряженіе во́ время.

3-го января, чуть стало свѣтать, съ башни, стоявшей на Кизилъ-ярскомъ перевалѣ, увидѣли большую конную партію, которая быстро спускалась съ Аркаса, и затѣмъ еще быстрѣе исчезала въ глухихъ оврагахъ и балкахъ, пересѣкавшихъ окрестную мѣстность. Съ башни загремѣли выстрѣлы. Оглинскій приставъ Магометъ-Кадій съ своею сотней первый выскочилъ на тревогу, и, увидѣвъ 30 или 40 всадниковъ, маячившихъ на горизонтѣ, пустился за ними въ погоню. Партія, отстрѣливаясь, кинулась въ первый попавшійся оврагъ, куда вслѣдъ за ними подскакали и оглинцы. Напрасно съ башни кричали имъ о засадѣ. Вѣтеръ-ли относилъ слова ихъ въ сторону, или оглинцы уже слишкомъ разгорячены были погоней, но только они, не останавливаясь, кинулись въ тотъ-же предательскій оврагъ,—и моментально были окружены тамъ тысячною партіею. Застигнутые врасплохъ, разбитые и смятые, оглинцы уже по одиночкѣ вырывались изъ оврага и мчались въ разныя стороны. Въ нѣсколько минутъ сотня потеряла 38 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ. Потери ея были бы еще

значительнѣе, если бы въ этотъ моментъ не показался Лазаревъ, спѣшившій изъ Дженгутая. Онъ выступилъ еще до начала тревоги, разсчитывая занять Кизилъ-яръ, откуда съ одинаковымъ удобствомъ можно было дать помощь и верхнимъ и нижнимъ деревнямъ. Но какъ ни торопилась идти наша конница, она все таки прибыла слишкомъ поздно, когда непріятель уже отступилъ и скрылся за переваломъ. На этотъ разъ въ рукахъ у горцевъ остались тѣла нашихъ убитыхъ, множество оружія, лошадей и нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ.

Происшествіе было прискорбное. Тѣмъ не менѣе никто не рѣшался обвинять храбрыхъ оглинцевъ, которымъ можно было поставить въ упрекъ развѣ ихъ излишнюю запальчивость. Иванъ Давыдовичъ прямо съ Аркаса проѣхалъ въ Оглы, и убѣдился въ превосходномъ духѣ, которымъ была одушевлена оглинская сотня.

Впечатлѣніе удачнаго набѣга скоро, однако, изгладилось у горцевъ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Букъ-Магомета, партія котораго была истреблена, и самъ онъ, израненый, очутился въ плѣну. Шамиль проигралъ крупную ставку.

Между тѣмъ наступило лѣто. Войска собраны были на передовыя линіи, но серьезныхъ военныхъ дѣйствій въ этомъ году не предвидѣлось; Шамиль не выѣзжалъ изъ своей резиденціи, и лишь небольшіе отряды его кавалеріи, высланные на пограничную черту, издали слѣдили за нашими войсками. Только однажды, 25-го іюня, когда густыя облака, висѣвшія на горахъ, закрывали Аркасъ отъ вершины до самой подошвы, и въ долинахъ клубились туманы, конница эта внезапно бросилась въ наши предѣлы и отхватила скотъ, ходившій въ полѣ у Малаго Дженгутая. Съ башни замѣтили партію поздно, когда она вынеслась уже изъ полосы тумана, но тѣмъ не менѣе частые ружейные выстрѣлы подняли тревогу, и такъ какъ милиція, по случаю ненастнаго

дня, стояла на готовѣ, то Лазаревъ черезъ десять минутъ уже настигъ непріятеля. Баранта была отбита назадъ и горцы возвратились съ пустыми руками.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого Лазаревъ получилъ извѣстіе, что по случаю засухи въ горахъ жители араканскаго наибства стали пасти свои стада почти у нашихъ границъ, и рѣшилъ немедленно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Въ ночь съ 22 на 23-е іюля вся мехтулинская конница, направленная имъ изъ разныхъ деревень, скрытно перевалила Койсубулинскій хребетъ и собралась на Кудухскихъ высотахъ, куда вслѣдъ за нею прибыли изъ главнаго отряда четыре роты пѣхоты и три сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. За этими высотами лежалъ аулъ Кудухъ, одинъ изъ самыхъ назойливыхъ и безпокойныхъ нашихъ сосѣдей.

Оставивъ пѣхоту на горѣ, Лазаревъ со всею конницей спустился внизъ и увидѣлъ большое стадо, скучившееся въ долинѣ. Пастухи дремали, но чуткіе сторожевые псы охраняли кудухское добро не хуже людей и встрѣтили нашихъ всадниковъ яростнымъ лаемъ, мгновенно поднявшимъ тревогу въ сосѣднихъ аулахъ. Здѣсь и тамъ послышались одиночные выстрѣлы; за ними стали доноситься и тревожные голоса людей, скликавшихся между собою. Ясно, что времени терять было нельзя. Пока часть нашей конницы, оцѣпивъ баранту, спѣшила перегнать ее къ пѣхотѣ, стоявшей на горѣ, другая—подъ личнымъ начальствомъ Лазарева, медленно, шагъ за шагомъ, отодвигалась назадъ, отстрѣливаясь и отбиваясь отъ горцевъ, число которыхъ быстро увеличивалось. Бой завязался горячій; мѣстами шла перестрѣлка, но мѣстами кипѣли и рукопашныя схватки. Одинъ изъ мехтулинцевъ, по имени Перумъ-Ламазанъ-оглы, въ единоборствѣ на глазахъ обѣихъ сторонъ изрубилъ у кудуховцевъ ихъ сотеннаго командира. Знаменитый Гайдаръ-бекъ—служившій правою рукой

Хаджи-Мурата во всѣхъ его набѣгахъ, и вышедшій вмѣстѣ съ нимъ изъ горъ,—находился при Лазаревѣ и изумлялъ всѣхъ своею безумною отвагою. Горцы преслѣдовали насъ только до полугоры, но здѣсь, завидѣвъ спрятанную пѣхоту, остановились. Набѣгъ этотъ стоилъ намъ девяти человѣкъ убитыми и ранеными, но зато баранты пригнали до тысячи головъ. Въ своемъ письмѣ къ Аргутинскому Лазаревъ особенно выставлялъ заслуги Гайдаръ-бека, впервые дравшагося въ нашихъ рядахъ, и князь Воронцовъ для поощренія этого, когда-то неукротимаго мюрида, прислалъ ему золотые часы и, кромѣ того знакъ отличія Военнаго Ордена. Думалъ-ли этотъ отчаянный Гайдаръ-бекъ, когда увозилъ Мехтулинскую ханшу изъ ея дворца въ Дженгутаѣ, или скакалъ вмѣстѣ съ Хаджи-Муратомъ по улицамъ Шуры, что не пройдетъ и пяти лѣтъ послѣ этихъ событій, какъ на груди его будетъ висѣть русскій георгіевскій крестъ.

Въ тотъ же день войска, приходившія изъ главнаго отряда, возвратились назадъ, за исключеніемъ двухъ ротъ, которыя задержаны были Лазаревымъ на нѣкоторое время и расположены между деревнями Апши и Ахъкентомъ такъ скрытно, что даже жители не подозрѣвали о ихъ присутствіи.

Угонъ тысячной баранты значительно подорвалъ матеріальныя средства, и безъ того уже обѣднѣвшаго и разореннаго войной ораканскаго наибства. Вся ненависть народа обратилась на Лазарева. Это онъ разорилъ кудуховцевъ. Его замѣтили въ лицо, когда онъ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ, шагомъ разъѣзжалъ подъ пулями, сдерживая свою горячившуюся конницу. Безъ него она, конечно, ни одинъ бы разъ нарвалась на засаду. Араканскій наибъ рѣшилъ немедленно собрать значительныя силы и жестоко отомстить мехтулинскому правителю.

Черезъ три дня послѣ набѣга, 26 Іюля, въ Araканы

съѣхались девять наибовъ, чуть не со всего центральнаго Дагестана, и девять значковъ, водруженныхъ у дома Ибрагима, показывали присутствіе здѣсь аварцевъ, гергебильцевъ, гимринцевъ, гумбетовцевъ, андійцевъ, харачинцевъ и даже жителей Караты и Гидаляла. Ихъ партіи, прибывшія съ своими наибами, расположились на небольшой зеленой лужайкѣ вокругъ Араканъ, а въ домѣ Ибрагима шли совѣщанія. Рѣшено было вызвать мехтулинскую конницу на открытый бой, и разбивъ ее въ полѣ, ворваться на ея плечахъ въ Большой Дженгутай. Ханская фамилія обречена была на гибель, а жителей обоихъ селеній рѣшено было выселить въ горы. Этотъ замыселъ выходилъ уже далеко за предѣлы обыкновенныхъ горскихъ набѣговъ, и носилъ характеръ серьезныхъ военныхъ операцій, предпринимаемыхъ иногда имамомъ. Но если подобные планы удавались Шамилю, то отчего же они не могли удаться и его девяти наибамъ? Лазаревъ узналъ о сборахъ непріятеля только подъ утро 27 Іюля, и не успѣлъ еще сдѣлать никакихъ распоряженій, какъ изъ Верхняго Дженгутая уже подали сигналъ къ тревогѣ.

Тамъ, съ караульной башни, ранѣе другихъ увидѣли огромную партію, двигавшуюся по дорогѣ открыто и въ непривычномъ для глаза порядкѣ. Впереди гарцовали наѣздники. Вотъ они завидѣли жителей, которые бѣжали съ поля, и, сплотившись вмѣстѣ, пустились за ними въ погоню. Небольшая кучка въ 20 или 30 человѣкъ, растерянная и объятая страхомъ, во мгновеніе ока была ими настигнута и окружена: мужчинъ порубили, а женщинъ и дѣтей расхватали по сѣдламъ. Вся эта сцена происходила въ то время, когда изъ воротъ Верхняго Дженгутая уже выѣзжала лихая дагестанская сотня поручика Богадуръ-Нуричъ-оглы. Движимая только желаніемъ скорѣе выручить плѣнныхъ, она не соразмѣрила своихъ силъ съ непріятелемъ, не успѣла даже какъ слѣдуетъ

построиться для боя, а прямо ринулась въ свалку. Пользуясь этимъ промахомъ, горцы мгновенно ее опрокинули, а вслѣдъ затѣмъ отбросили и Кегермана, подоспѣвшаго съ жителями Верхняго Дженгутая. Разстроенныя и озадаченныя сотни далеко пронеслись назадъ, но скоро опомнились и остановились. Въ эту минуту къ нимъ подоспѣлъ Лазаревъ. Непріятель также двинулъ впередъ всѣ свои силы, и передъ нашими пятью или шестью маленькими сотнями вдругъ развернулось скопище въ четыре или пять тысячъ коней. Положеніе сразу сдѣлалось крайне опаснымъ, потому что часть непріятеля уже обошла насъ съ фланга и въ значительныхъ силахъ, закрытая рядомъ высокихъ холмовъ, двигались прямо къ Большому Дженгутаю, Лазаревъ, ничего не знавшій о совѣщаніи наибовъ, только теперь понялъ, что именно затѣваютъ горцы, и въ головѣ его моментально сложилось рѣшеніе.

—„Господа! сказалъ онъ собравшимся къ нему офицерамъ: намъ нужно драться не здѣсь, а подъ стѣнами Дженгутая. Отступать, вы видите сами, нельзя: горцы сторожатъ каждый нашъ шагъ и задавятъ массой. Слушайте же внимательно мое приказаніе: Знамя сейчасъ отправляется назадъ и займетъ позицію тамъ, гдѣ я укажу ему мѣсто. Затѣмъ сотня Шихшабека и конвой останутся при мнѣ; всѣ остальные, какъ только услышатъ мою команду: „назадъ!“—пусть скачутъ туда, гдѣ будетъ стоять знамя. Тамъ, господа, вы собирите людей, спѣшьте ихъ, устройте баррикады и приготовьтесь къ бою. Обо мнѣ не заботьтесь—я буду отступать подъ вашей защитой.“

Какъ только знамя, отправленное назадъ, остановилось на высокомъ холмѣ, находившимся почти у воромъ Дженгутая, Лазаревъ крикнулъ: „Назадъ!“ По этому сигналу перестрѣлка точно оборвалась, все повернуло лошадей назадъ, и съ копыта, обгоняя другъ друга,

понеслось къ Дженгутаю. Маневръ этотъ былъ очень опасенъ, но благодаря такимъ опытнымъ и смѣлымъ людямъ, какъ Богадуръ, Гайдаръ-бекъ, Кегерманъ и другіе—все было исполнено въ порядкѣ и безъ малѣйшаго замѣшательства. Конница наша, вскочившая на холмъ, быстро спѣшилась, и встрѣтила подступавшую къ Дженгутаю партію такимъ огнемъ, что горцы, пораженные полной неожиданностію, остановились въ недоумѣніи.

Въ главныхъ силахъ непріятеля также не съ разу поняли что такое передъ ними происходитъ Всѣ видѣли, но никто не могъ объяснить причины этого загадочнаго бѣгства. Когда же поняли и сообразили, что добыча ушла изъ ихъ рукъ, то вся эта сила съ неимовѣрной яростью набросилась на Лазарева, точно хотѣла на немъ сорвать свое сердце. Конвой и сотня Шихшабека буквально были поглащены налетѣвшею на нихъ массою конницы. Приходилось прокладывать дорогу оружіемъ. И сколько здѣсь, среди сумятицы неравнаго боя, произошло отдѣльныхъ блестящихъ эпизодовъ, сколько выказано было отчаянной храбрости, присутствія духа, ловкой изворотливости! Такъ, возлѣ самаго Лазарева, нѣкто Исса-Дады-оглы получилъ нѣсколько шашечныхъ ранъ, и хотя могъ ускакать, но остался намѣстѣ, считая позоромъ покинуть въ такія минуты своего начальника; тутъ-же, у стремени Лазарева, раненъ его переводчикъ Санвеловъ, опрокинутый на землю вмѣстѣ съ конемъ. Самъ Лазаревъ, увидѣвъ, какъ горцы схватили одного изъ его нукеровъ, бросился къ нему на помощь и выстрѣломъ изъ пистолета положилъ одного мюрида намѣстѣ, но остальные дали залпъ—и лошадь подъ Лазаревымъ была убита. Онъ остался пѣшимъ. Къ счастію, всадникъ Ассельдеръ-Идрисъ-оглы успѣлъ заслонить его собой и, схватившись съ двумя врагами, изрубилъ обоихъ. Въ эту минуту подскакалъ Шихшабекъ и, спрыг-

нувъ съ коня, подалъ его Лазареву. Такой же примѣръ высокаго самопожертвованія выказалъ и всадникъ Абакаръ-Сурхай-оглы, также отдавшій свою лошадь раненому офицеру. Оба они, и Шихшабекъ и Абакаръ, остались пѣшими, но, ловко увертываясь отъ ударовъ горцевъ, не отставали ни на шагъ отъ своихъ конныхъ товарищей.

Богъ знаетъ, однако, чѣмъ бы окончился этотъ страшный бой, если бы не явилась на выручку команда Апшеронскаго полка, случайно, какъ разъ въ это самое время, проходившая черезъ Дженгутай съ унтеръ-офицеромъ Чураловымъ. Двадцать пять человѣкъ, конечно, не представляли собой значительной силы, но тѣмъ не менѣе внезапное появленіе штыковъ, дружный залпъ и барабанный бой озадачили горцевъ. Лазаревъ тотчасъ воспользовался этой минутой и, пробившись сквозь ихъ ряды, соединился съ своими. Пѣхота, сплотившаяся въ тѣсную кучку, также поспѣшно отошла вслѣдъ за кавалеріею.

Теперь начался второй актъ этого несовсѣмъ обыкновеннаго боя. Раздосадованные неудачей, горцы вздумали было сломить мехтулинскую конницу дружнымъ ударомъ, и всею массою кинулись въ шашки. Нѣсколько нападеній было отбито. Тогда наибы съѣхались опять на совѣщаніе, но единодушія между ними уже не было: одни требовали во-чтобы то нистало напасть на Дженгутай, чтобы разграбить деревню; другіе находили это предпріятіе опаснымъ и даже безразсуднымъ. Они еще стояли въ кружкѣ, съ раскраснѣвшимися отъ спора лицами, какъ дали знать, что по дорогамъ шамхальской равнины, со стороны Казанищъ и Бугленя, показались густыя облака пыли. Это скакала шамхальская конница, а за нею двигался батальонъ пѣхоты. Споры прекратились сами собою, и горцы, повернувъ назадъ, пустились уходить во всѣ повода, что бы скорѣе миновать пере-

валъ, пока онъ еще не былъ занятъ нами. Но уйти безнаказанно имъ уже было нельзя: Лазаревъ и шамхальцы неслись у нихъ на плечахъ и рубили бѣгущихъ. Впереди всѣхъ былъ опять Гайдаръ-бекъ, который, ворвавшись въ толпу знакомыхъ ему аварцевъ, собственноручно отбилъ у нихъ наибскій значокъ. На всемъ пути, здѣсь и тамъ, десятками валялись убитые горцы, которыхъ поднимать было некому. Такъ доскакали до Аркаса. Но что произошло здѣсь, это не поддается никакому описанію.

Въ Мехтулѣ, какъ мы знаемъ, стояли въ это время четыре роты: двѣ изъ нихъ занимали Оглы, а двѣ, принадлежавшія къ главному отряду, распологались между Апши и Ахъ-кентомъ. Когда поднялась тревога, и все засуетилось, чтобы идти на помощь къ Лазареву, командиръ батальона маіоръ Тихановъ, старый, опытный кавказецъ, порѣшилъ иначе. „Помогать Лазареву намъ нечего, сказалъ онъ своимъ офицерамъ: Лазаревъ отгрызется самъ; а мы поднимемся на горы и сдѣлаемъ лучше, если отрѣжемъ непріятелю отступленіе". По его приказанію двѣ роты скрытно передвинулись изъ Огловъ въ Шеншерекскую долину; одна, стоявшая въ Апшахъ, поднялась на Аркасъ, а другая заняла ущелье у Бурундукальской башни. Мехтулинская конница, собравшаяся на тревогу изъ верхнихъ деревень, была распредѣлена по всѣмъ тремъ отрядамъ.

Солнце уже садилось, когда показались горцы, скакавшіе назадъ отъ Дженгутая. Но едва они поднялись на Аркасъ, какъ дружный залпъ отбросилъ ихъ въ сторону; пораженные внезапностью, они, какъ стадо испуганныхъ козъ, пронеслись мимо нашей пѣхоты, но, спустившись въ шеншерекскую долину, встрѣчены были опять батальнымъ огнемъ цѣлыхъ двухъ ротъ. Тогда они кинулись вправо къ Бурундукальской башнѣ, и снова попали подъ огонь третій засады. Объятые пани-

кой и поражаемые со всѣхъ сторонъ пѣхотою и конницей, горцы пустились спасаться уже по одиночкѣ. Потери ихъ были громадныя.

Донося главнокомандующему объ этомъ блестящемъ дѣлѣ, князь Орбеліани, временно командовавшій войсками въ Дагестанѣ за болѣзнію Аргутинскаго, писалъ, „что пораженіе девяти наибовъ должно произвести въ горахъ сильнѣйшее впечатлѣніе, и что полнымъ успѣхомъ мы обязаны испытанной распорядительности и личной храбрости маіоровъ Лазарева и Тиханова"... „Лазаревъ, прибавлялъ Орбеліани, былъ впереди всѣхъ и лично водилъ въ атаку мехтулинскую конницу. Подъ нимъ убита лошадь. Вообще его отвага, распорядительность и мужество внушили къ нему такое довѣріе жителей, что они всегда идутъ за нимъ смѣло, зная, что горцы будутъ разбиты вездѣ, гдѣ появится Лазаревъ"...

Донесеніе это было отправлено въ Тифлисъ опять съ двумя наиболѣе отличившимися мехтулинцами: это были прапорщикъ Гассанъ бей и старикъ Даутъ-бей-Булатъ оглы, а отбитый значекъ повезъ самъ Гайдаръ-бекъ. Князь Воронцовъ принялъ ихъ въ своемъ дворцѣ и тутъ же пожаловалъ: Гассану, какъ имѣвшему всѣ знаки военныхъ отличій, дорогіе карманные часы, Даутъ-бею золотую медаль на шею, а Гайдаръ-беку въ петлицу.

Иванъ Давыдовичъ произведенъ за это дѣло въ подполковники.

Съ этихъ поръ спокойствіе въ мехтулинскомъ ханствѣ нарушалось только мелкими пограничными стычками, которыя не заносились даже въ журналы военныхъ происшествій. Только разъ Лазаревъ получилъ извѣстіе, что нѣсколько абрековъ прошли въ Губдень, съ цѣлью вывести свои семейства въ горы, и приказалъ поставить засады у Кака-шуры, Огловъ и Апши. Самый выборъ пунктовъ сдѣланъ былъ имъ на столько удачно, что изъ 16 человѣкъ, только четыре прборались обратно, а 12

были побиты или захвачены въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ семьями.

Другая стычка неожиданно окончилась пораженіемъ довольно значительной партіи, и при такихъ условіяхъ, которыя не могли не произвести на горцевъ сильнаго впечатлѣнія. Случилось, что трое жителей, поѣхавшихъ въ аркасскій лѣсъ за дровами, были захвачены горцами. Извѣстіе объ этомъ дошло въ Дженгутай слишкомъ поздно, но тѣмъ не менѣе командиръ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка маіоръ Джемарджидзе съ тремя своими сотнями тотчасъ отправился на поискъ. Переваливъ хребетъ, сотни спустились въ непріятельскую землю и, двигаясь по свѣжій сакмѣ, дошли почти до Бурундукальской башни; только увидивъ передъ собой ея бѣлыя стѣны, Джемарджидзе понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и, не рѣшаясь возвращаться назадъ среди бѣлаго дня, быстро спустился въ котловину, закрытую отъ глазъ высокими скалами. Нѣсколько человѣкъ вызвались однако идти на развѣдки. Эти люди, сами въ большинствѣ вышедшіе изъ школы Хаджи-Мурата, проползли къ самой башнѣ и увидѣли большую партію, расположившуюся на отдыхъ. Ни одинъ пикетъ не охранялъ бивуачнаго расположенія горцевъ. Развѣдчики дали объ этомъ знать Джемарджидзе, и сотни его, выскочивъ изъ своей засады, нагрянули на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Горцы, захваченные врасплохъ, едва успѣвшіе вскочить на коней, помчались въ разныя стороны; многіе спасались на неосѣдланныхъ коняхъ; бурки, сѣдла, курджимы съ вещами, даже оружіе все брошено было ими намѣстѣ. Наши всадники порубили два-три десятка горцевъ, освободили трехъ плѣнныхъ и, распространивъ тревогу по цѣлому наибству, исчезли, какъ тѣни.

Когда Джемарджидзе вернулся въ Дженгутай, жители привѣтствовали его восторженными криками, зурною и ружейными выстрѣлами. Самъ Лазаревъ съ по-

четными стариками выѣхалъ на встрѣчу и, пользуясь случаемъ, указывалъ народу на тѣ преимущества, которыя доставляло Дагестанскому полку его фронтовое образованіе. „Отсутствіе строя, порядка и дисциплины, говорилъ онъ,—вотъ ваши враги, съ которыми вамъ бороться труднѣе, чѣмъ съ горцами. Постарайтесь пріобрѣсти ихъ, и вы увидите, что ни одинъ лезгинъ не посмѣетъ спуститься съ Аркаса“... Народъ признавалъ въ словахъ его истину, и строгій порядокъ, въ безпорядочной дотолѣ милиціи, съ каждымъ днемъ упрочивался все болѣе и болѣе.

Глава XII.

(1852—1853)

Тревожное положенiе Даргинскаго округа.—Военная хитрость Гайдаръ-Бека.—Набѣгъ Лазарева на кикунскiя стада подъ Уллу-каланской крѣпостью.—Пораженiе четырехъ наибовъ маiоромъ Добжанскимъ.—Неудачи, преслѣдующiя горцевъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ.—Пораженiе араканскаго наиба 2 ноября.—Объявленiе турецкой войны.—Агитацiя Шамиля.—Назначенiе Лазарева въ Даргинскiй округъ.—Принятiе имъ рѣшительныхъ и энергическихъ мѣръ.—Временное спокойствiе въ краѣ и возвращенiе Лазарева въ Дженгутай.—Тревожныя донесенiя Даргинскаго кадiя.—Назначенiе Лазарева управляющимъ Даргинскимъ округомъ.

Погромъ девяти наибовъ и смѣлый набѣгъ Джемарджидзе на долго обезпечили мехтулинскiя владѣнiя со стороны араканскаго наибства; но за то съ другой стороны Абакаръ-хаджи съ своими кикунцами направилъ всю свою дѣятельность противъ Даргинскаго округа, откуда почти изо-дня-въ-день стали получаться извѣстiя о грабежахъ и нападенiяхъ, производившихся преимущественно на Кутишинскихъ высотахъ. Собственно говоря, событiя эти прямо не касались Лазарева; но смѣжность Кутишинскихъ высотъ съ Мехтулою заставляли и наши горныя деревни стоять на чеку, изнуряясь день и ночь въ напрасномъ ожиданiи тревоги. Напряженiе было такъ сильно, что нерѣдко случайный выстрѣлъ въ какой нибудь балкѣ мгновенно подхватывался сторожевыми башнями, и тревога распространялась на большое пространство. Въ этой изрытой и пересѣченной мѣстности трудно было различить случайный выстрѣлъ отъ такого, который велъ за собою чью нибудь смерть, а потому и тревоги часто бывали фальшивыя. Чтобы вывести жителей изъ этого положенiя, надо было прежде всего усмирить кикунцевъ.

Съ этою цѣлью въ полночь съ 14 на 15 ноября 1852 года Лазаревъ сосредоточилъ на Кутишинскихъ высотахъ шесть ротъ пѣхоты, конную милицiю изъ верхнихъ

деревень Мехтулинскаго ханства и двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Пользуясь безлунною ночью, двѣ роты и большая часть спѣшившейся конницы тихо спустились къ Гергебилю и сѣли въ засаду; еще одна рота спряталась въ извилинахъ Аймякинскаго ущелья, а остальныя вмѣстѣ съ Лазаревымъ остались на высотахъ. Что бы наказать кикунцевъ, надо было прежде всего выманить ихъ изъ крѣпкаго аула,—и за это взялись наши дагестанскіе всадники. Утромъ, когда уже совсѣмъ развиднѣлось, одиннацать человѣкъ, подъ начальствомъ Гайдаръ-Бека, привыкшаго къ подобнымъ продѣлкамъ въ партіяхъ Хаджи-Мурата, переодѣлись мюридами, повязали чалмы и стали спускаться съ Гергебильскихъ высотъ къ Кикунамъ; они гнали передъ собою нѣсколько ешаковъ, навьюченныхъ какимъ-то тряпьемъ, да двухъ-трехъ плѣнныхъ женщинъ (тоже переодѣтыхъ), и усердно отстрѣливались холостыми патронами отъ кучки всадниковъ, скакавшихъ по самой горѣ. Вся эта сцена ухода и преслѣдованія разыграна была такъ живо и съ такимъ увлеченіемъ, что кикунцы дались въ обманъ и бросились помогать мюридамъ. Но едва они приблизились, какъ Гайдаръ-Бекъ самъ кинулся въ шашки, а тутъ выдвинулась пѣхота, спрятанная въ гергебильскихъ садахъ и аймякинскомъ ущельѣ, явилась спѣшенная конница, и растерявшіеся кикунцы, охваченные со всѣхъ сторонъ, понесли жестокій погромъ.

Бой уже окончился, когда замѣтили еще трехъ мюридовъ, поспѣшно выбиравшихся изъ крутого оврага на противоположный гребень горы. По нимъ дали залпъ и двухъ положили намѣстѣ; третій, находившійся въ двухъ шагахъ отъ гребня, могъ бы спастись, но онъ возвратился назадъ, и гордо сталъ надъ тѣлами убитыхъ. Напрасно ему кричали, чтобы онъ положилъ оружіе. Въ отвѣтъ на это горецъ вскинулъ винтовку къ плечу, и выстрѣлъ его сразилъ наповалъ одного изъ

нашихъ всадниковъ; тогда остальные бросились и изрубили его въ куски. Потомъ узнали, что тѣ два трупа, которые онъ не хотѣлъ оставить, были трупами его отца и брата.

Какъ ни велики были потери кикунцевъ въ людяхъ, но они не коснулись ихъ матеріальныхъ средствъ, а такъ какъ подрывъ послѣднихъ не могъ не играть существенной роли въ общемъ ходѣ войны, то Лазаревъ и рѣшилъ повторить нападеніе. Почти возлѣ самыхъ Кикунъ стояла сильная крѣпость Уллу-кала, сторожившая границы Шамилевскихъ владѣній, какъ нѣкогда сторожили ихъ Салты и Гергебиль, лежавшія теперь въ развалинахъ. Кикунскія стада паслись обыкновенно подъ прикрытіемъ этой крѣпости, и потому дѣйствовать надо было съ большой осторожностью, такъ какъ вся прилегающая мѣстность обстрѣливалась орудійнымъ огнемъ.

Набѣгъ назначенъ былъ въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля 1853 года. Лазаревъ съ небольшимъ отрядомъ еще съ вечера прибылъ на гергебильскія высоты, а четыре сотни, спущенныя внизъ къ развалинамъ стараго Гергебиля, устроили засаду, чтобы напасть на стада въ тотъ моментъ, когда ихъ будутъ выгонять на пастьбу. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ набѣгъ не вполнѣ удался, благодаря горячности нашей милиціи, которая выскочила слишкомъ рано и успѣла отхватить только головное стадо; вся остальная баранта кинулась назадъ и укрылась подъ выстрѣлами крѣпости. На тревогу между тѣмъ выступилъ весь уллукалинскій гарнизонъ, и сотни, отрѣзанныя имъ отъ гергебильскихъ высотъ, очутились въ критическомъ положеніи. Къ счастію, Лазаревъ, зорко слѣдившій за непріятелемъ, быстро спустился внизъ и, принявъ отбитую баранту подъ свою защиту, далъ возможность конницѣ уйти окружнымъ путемъ безъ урона. Зато самъ Лазаревъ выдержалъ горячую пере-

стрѣлку и отступилъ съ потерею семи человѣкъ убитыми.

Абакаръ-Хаджи не хотѣлъ остаться въ долгу и, пригласивъ къ себѣ наибовъ araканскаго, гимринскаго и хунзахскаго, рѣшилъ сдѣлать вторженіе въ горную часть Мехтулинскаго ханства. Въ Оглахъ въ то время стояли только двѣ роты Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ командой капитана Добжанскаго. Ничего не зная о намѣреніи горцевъ, Добжанскій, утромъ 26 мая, отправилъ въ Аймякинское укрѣпленіе вьючный транспортъ, подъ прикрытіемъ 60-ти солдатъ и 30-ти милиціонеровъ. Но едва послѣдніе вьюки скрылись за переваломъ, какъ въ той сторонѣ послышались частые ружейные выстрѣлы. Полагая, что горцы напали на транспортъ, Добжанскій тотчасъ отправилъ на помощь къ нему одну изъ своихъ ротъ, но въ это время другая партія кинулась на самые Оглы и захватила жительскій скотъ. Рота, оставленная въ деревнѣ, успѣла отбить добычу, но въ ту же минуту должна была спѣшить на помощь къ сосѣднему селенію Ахъ-Кентъ, также атакованному горцами. Появленіе роты въ то время, какъ непріятель уже врывался въ деревню, настолько ободрило жителей, что они сами отбили нападеніе, и затѣмъ вмѣстѣ съ ротой гнали непріятеля до Араканскаго спуска. Отсюда Добжанскій двинулся назадъ по аймякинской дорогѣ, и поспѣлъ какъ разъ во-время, чтобы выручить транспортъ, который, свернувшись въ каре, все еще продолжалъ отбиватся. Но едва управились на этомъ пунктѣ, какъ надо было бѣжать къ Аймякамъ, откуда вдругъ загремѣли пушечные выстрѣлы. Это была четвертая партія, напавшая на роту, высланную изъ Аймяковъ на встрѣчу къ нашему транспорту. Горцы окружили ее со всѣхъ сторонъ, но, сами охваченные Добжанскимъ съ тылу, обращены были въ совершенное бѣгство. Такъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ двѣ наши роты, поддержанныя жителями горныхъ мехтулинскихъ селеній, разбили

послѣдовательно, одна за другою, четыре значительныя партіи,—и честь этого подвига безспорно принадлежала капитану Добжанскому.

Тревога, передаваемая по линіи башенъ, дошла между тѣмъ до Дженгутая, откуда Лазаревъ тотчасъ поскакалъ съ своею конницей къ Огламъ, но прибылъ въ то время, когда пѣхота возвращалась уже изъ своего преслѣдованія. Ему оставалось только объѣхать верхнія деревни и поблагодарить жителей за ихъ отвагу и стойкость.

Съ этихъ поръ тревоги не прекращались уже цѣлую зиму. Не смотря однако на всю энергію и дѣятельность Абакара-Хаджи, горцы рѣшительно нигдѣ не имѣли успѣха. Три-четыре года тому назадъ Мехтула представляла собою широкую арену, на которой было гдѣ разгуляться отважнымъ наѣздникамъ: баранты, хлѣба, плѣнныхъ—всего было здѣсь вдоволь. И вдругъ все перемѣнилось. Теперь, куда не обращались горцы, они вездѣ находили готовый отпоръ, и встрѣчали храбрыя сотни, мчавшіяся на тревогу по первому выстрѣлу. Ни одной партіи не удавалось возвращаться изъ Мехтулы съ добычею, ни одному горцу не пришлось, хотя бы насмѣхъ, привести какого нибудь барашка. Въ мехтулинцахъ точно проснулся дремавшій до толѣ духъ, свойственный каждому горцу, но на ихъ сторонѣ громаднымъ преимуществомъ являлись порядокъ и дисциплина, которыхъ не было у горцевъ непокорныхъ обществъ. Ивану Давыдовичу оставалось только радоваться блестящимъ дѣйствіямъ своей милиціи, которую онъ создалъ и одушевилъ своимъ собственнымъ богатырскимъ духомъ.

Среди цѣлаго ряда неудачь, преслѣдовавшихъ всѣ предпріятія горцевъ, только два раза счастіе какъ будто бы улыбнулось Абакару, но и то не надолго. Разъ, это было 4-го Іюля, когда большая партія, пользуясь туманнымъ днемъ, сняла пикетъ, стоявшій передъ Ахъкентомъ и угнала стада, принадлежавшія жителямъ.

Ахъ-кентцы однако скоро догнали непріятеля, а между тѣмъ съ другой стороны появился Добжанскій съ своими ротами, случайно находившимися на фуражировкѣ, и горцы не только отдали назадъ стада, но и поплатились значительною потерею.

Въ другой разъ, 10 Октября, почти тоже самое повторилсоь подъ Нижними Чоглами. Горцы съ налета захватили весь жительскій скотъ и даже ворвались въ самую деревню, чтобы задержать погоню. Но чоглинцы смѣло бросились въ шашки, смяли партію, догнали свою баранту и вернули ее назадъ.

Еще неудачнѣе дѣйствовалъ араканскій наибъ, попытавшійся 2-го ноября отбить значительный транспортъ, слѣдовавшій въ Аймякинское укрѣпленіе. Отраженный отъ транспорта сильнымъ прикрытіемъ онъ не попалъ уже на Араканскій спускъ, захваченный нашими войсками, и вынужденъ былъ спасаться окольнымъ путемъ, что дало время собраться на тревогу. нашей милиціи. Горячіе оглинцы, предводимые своимъ Магометомъ-кадіемъ, первые врѣзались въ непріятеля съ тыла, а жители сосѣднихъ деревень Апши и Ахъ-кента рубили ихъ справа и слѣва. Разгоряченная погоней, конница наша не остановилась даже на Аркасѣ: она пронеслась черезъ всю шеншерекскую долину, ворвалась въ араканскіе хутора и предала ихъ пламени. Огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, мгновенно охватилъ дворы, и вмѣстѣ съ ними истребилъ огромные запасы хлѣба. Только тотъ, кто знаетъ какими баснословными цѣнами пріобрѣтаютъ дагестанцы хлѣбъ, пойметъ весь ужасъ обездоленнаго населенія, которое, лишившись своихъ запасовъ, обречено было на голодную и бѣдственную зиму. Это было по истинѣ молодецкое дѣло, достойно закончившее собою тревожный 1853 годъ. Но оно же было и послѣднимъ за время пребыванія Лазарева въ Дженгутаѣ. Осенью началась турецкая война, отношенія наши къ

горцамъ обострились, и Иванъ Давыдовичъ былъ призванъ на новый, еще болѣе важный и отвѣтственный постъ.

Поводомъ къ этому назначенію послужили слѣдующія обстоятельства.

Съ объявленіемъ турецкой войны эмисары Шамиля наводнили собою всѣ мирные аулы, проповѣдуя, что близится часъ освобожденія ихъ изъ подъ власти гяуровъ. Молва объ этомъ распространялась съ быстротою молніи, и все, что исповѣдывало исламъ, всколыхнулось разомъ, точно электрическій токъ пробѣжалъ по этимъ живымъ и волнующимся народнымъ массамъ. Особенно сильное броженіе началось въ Кайтаго-табасаранскомъ округѣ, гдѣ, въ Уркарахѣ, появился даже особый проповѣтникъ Хаджи-Магометъ-кадій, собиравшій къ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ, которые потомъ и разносили его ученіе по всѣмъ вольнымъ обществамъ. Слухи объ этомъ стали особенно усиливаться въ декабрѣ 1853 года. Открыто было, что всѣ сношенія Шамиля съ Кайтаго-табасаранью производятся главнымъ образомъ черезъ Даргинскій округъ при посредствѣ кикунскаго наиба Абакара-хаджи, который, будучи самъ окушинцемъ, сохранилъ на родинѣ еще много дружескихъ связей. Дѣятельность Абакара и его пропоганда о скоромъ появленіи Шамиля въ Даргинскомъ округѣ для водворенія въ немъ шаріата, настолько волновали умы, что при первой искрѣ надо было ожидать открытаго возстанія. Главнымъ кадіемъ Даргинскаго округа былъ тогда Нуръ-Баганда, человѣкъ. безусловно преданный русскимъ интересамъ, и ему первому пришлось испытать на себѣ тяжелыя послѣдствія шамилевской пропоганды. Авторитетъ его до того упалъ въ глазахъ народа, что акушинцы не только не хотѣли исполнять его приказаній, не только не отражали хищническихъ партіи, прорывавшихся черезъ Акушу, но даже приставали къ нимъ сами, и кадій не смѣлъ выѣзжать на тревоги, опасаясь

измѣны со стороны своихъ же собственныхъ людей. Абреки, наводнившіе край, свободно проживали во всѣхъ акушинскихъ деревняхъ, гдѣ жители отводили имъ земельные участки и сами обработывали для нихъ поля, такъ какъ руки абрековъ вѣчно заняты были оружіемъ. Нуръ-Баганда писалъ объ этомъ командующему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, и, жалуясь на свое безсиліе, просилъ обратить вниманіе на опасное броженіе, развивавшееся въ народѣ.

Князя Аргутинскаго въ это время уже не было. Сраженный тяжкимъ недугомъ, онъ доживалъ свои послѣдніе славные дни въ Тифлисѣ, а, до пріѣзда новаго начальника края Генералъ-адютанта князя Григорія Орбеліани, войсками временно командовалъ генералъ-маіоръ Волковъ, человѣкъ также энергичный и съ громкою военною репутаціею, составленной имъ еще на Лабинской линіи. Онъ понималъ серьезное положеніе дѣлъ въ Даргинскомъ округѣ и рѣшилъ отправить туда для водворенія порядка Ивана Давыдовича Лазарева, какъ человѣка, пользовавшагося въ горахъ большою извѣстностью.

19-го декабря 1853 года Лазаревъ съ пятью конными сотнями, тремя ротами и горнымъ орудіемъ уже вступилъ въ Акушу. Вѣсть объ его появленіи быстро облетѣла окрестности, и акушинцы съ трепетамъ ожидали, что будетъ. Все, что чувствовало за собою вину, всѣ абреки, всѣ приверженцы Шамиля, всѣ тайные и явные наши враги, застигнутые врасплохъ, въ ту же ночь бѣжали изъ края. Затѣмъ въ десять дней Лазаревъ обошелъ весь округъ и, останавливаясь въ каждой деревнѣ, требовалъ къ себѣ старшинъ, которымъ читалъ внушительныя нотаціи, а народу приказывалъ на своихъ глазахъ жечь или срывать до основанія дома измѣнниковъ; ихъ скотъ, имущество, поля раздавались въ потомственное владѣніе другимъ, а бѣглецы на вѣчныя

времена лишались права возвращенія на родину. Въ каждомъ аулѣ онъ требовалъ себѣ аманатовъ, и никто не осмѣливался въ нихъ отказывать. За поѣздомъ Лазарева потянулась громадная свита. И это были не подставныя лица. взамѣнъ требуемыхъ заложниковъ, а дѣйствительные представители лучшихъ акушинскихъ фамилій, о которыхъ Лазаревъ, заранѣе, собралъ точныя свѣдѣнія, и благодаря своей феноменальной памяти, зналъ всѣхъ ихъ поименно. Все это вызывало въ народѣ суевѣрные толки о томъ, что Лазаревъ владѣетъ особыми чарами, помогающими ему узнавать въ лицо даже тѣхъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ. Но этого мало: Лазаревъ потребовалъ, чтобы Даргинскій союзъ немедленно выставилъ конную милицію изъ тысячи всадниковъ,—и черезъ два дня эта конница явилась. Лазаревъ возложилъ ея содержаніе на самихъ же жителей, и часть этой милиціи выдвинулъ на пограничную линію, а остальную. росположилъ въ резервѣ за передовыми постами. Въ десять дней Даргинскій округъ совершенно измѣнилъ свою физіономію, до того быстро и, повидимому, усердно исполнялись всѣ приказанія Лазарева. Затѣмъ онъ счелъ свою задачу оконченной и, оставивъ въ Акушѣ для поддержанія порядка сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, вернулся въ Дженгутай. Отсюда онъ отправилъ Волкову подробное донесеніе о своихъ распоряженіяхъ, и въ заключеніе писалъ, что считаетъ совершенно необходимымъ для поддержанія авторитета и власти главнаго акушинскаго кадія ходотайствовать о пожалованіи ему штабъ-офицерскаго чина. Всѣ представленія Лазарева имѣли въ глазахъ намѣстника такое значеніе, что штабсъ капитанъ Нуръ-Баганда произведенъ былъ черезъ чинъ, прямо въ маіоры.

Съ отъѣздомъ Лазарева наружный порядокъ въ Даргинскомъ округѣ повидимому продолжалъ поддерживаться. Милиція стояла на границѣ, и если не совсѣмъ

прекратила, то вовсякомъ случаѣ значительно затруднила сношенія Шамиля съ нашими владѣніями. Но зато за предѣлами округа, особенно въ глухомъ уркарахскомъ магалѣ, котораго не коснулась рука Ивана Давыдовича, зрѣли обширные замыслы, и агенты Шамиля работали тамъ еще съ большею энергіею. Кадій Нуръ-Баганда, внимательно слѣдившій за всѣми событіями, писалъ генералу Волкову, что покуда не будетъ погашенъ этотъ вѣчный очагъ смутъ и мятежей, до тѣхъ поръ нельзя отвѣчать и за полное спокойствіе округа. Въ другомъ письмѣ онъ сообщалъ свѣдѣнія еще болѣе тревожнаго характера: „Шамиль собираетъ въ горахъ значительныя силы, чтобы поддержать разгорающееся въ Кайтагѣ возстаніе. Онъ думаетъ пройти черезъ Южный Дагестанъ въ Кубинскій уѣздъ, чтобы поднять на помощь султану все мусульманское населеніе, вплоть до персидскихъ и турецкихъ границъ. Путь Шамиля будетъ лежать черезъ Даргинскія земли, и жители, зная объ этомъ, сильно волнуются: Акуша находится, можно сказать, наканунѣ возстанія“...

Донесеніе это получено было уже новымъ начальникомъ края княземъ Орбеліани, который, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, пожелалъ узнать объ этомъ мнѣніе Ивана Давыдовича. Лазаревъ отвѣчалъ, что съ Уркарахомъ надо покончить прежде, чѣмъ Шамиль успѣетъ подать ему помощь, и даже настаивалъ, чтобы экспедиція была произведена немедленно, не смотря на глубокіе снѣга, морозы и вьюги. Князь Орбеліани былъ того же мнѣнія и писалъ Лазареву, что экспедиція, подъ начальствомъ генерала Манюкина, уже рѣшена, и что онъ проситъ Ивана Давыдовича принять въ отрядѣ начальство надъ кавалеріей, что бы своимъ вліяніемъ заставить акушинцевъ драться въ переднихъ рядахъ, и поселить, такимъ образомъ, между ними и уркарахцами вражду и кровомщеніе. Подобныя рѣшительныя мѣры

были крайне необходимы, потому что среди еще недавно усмиренныхъ акушинцевъ начали вновь обнаруживаться явные признаки измѣны, и были печальные случаи, когда жители, подъ видомъ радушія, подносили нашимъ солдатомъ чуреки, предательски отравленые дурманомъ. Въ концѣ концовъ пришлось воспретить войскамъ всякія сношенія съ жителями. Озабоченный такимъ настроеніемъ народа, князь Орбеліани рѣшилъ передать управленіе Даргинскимъ округомъ въ твердыя руки,—и 12 марта 1854 года послѣдовалъ приказъ о назначеніи подполковника Лазарева Управляющимъ Даргинскимъ Округомъ, съ оставленіемъ въ тоже время и управляющимъ Мехтулинскмиъ ханствомъ.

Глава XIII.

(1853—1854)

Прибытіе Лазарева въ Даргинскій округъ и выступленіе въ уркарахскую экспедицію.—Дѣйствіе коннаго авангарда подъ начальствомъ Лазарева.—Переговоры съ уркарахцами.—Штурмъ аула.—Блестящій подвигъ нашей кавалеріи.—Награда Лазарева.—Тревожные слухи объ оставленіи нами Дагестана.—Письмо Орбеліани къ князю Барятинскому.—Вторичное предписаніе генерала Реада.—Вызовъ Лазарева въ Темиръ Ханъ-Шуру.—Совѣщаніе его съ княземъ Орбеліани.—Отвѣтъ Реаду.—Резолюція Императора Николая Павловича.—Возстановленіе общаго спокойствія.—Поискъ Лазарева къ Бурундукальскому ущелью.

22-го марта 1854 года Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ выѣхалъ изъ Дженгутая къ мѣсту новаго своего назначенія, сопровождаемый шестью конными сотнями, назначенными имъ въ уркарахскій походъ. На границѣ Акуши его встрѣтилъ кадій Нуръ-Баганда совсѣми членами меджлиса и почетными жителями, но Иванъ Давыдовичъ отложилъ всѣ дѣла по Даргинскому округу до окончанія экспедиціи и поспѣшилъ въ с. Меге, гдѣ уже стоялъ генералъ Манюкинъ съ пятью батальонами пѣхоты, съ горною батареею и двумя полевыми орудіями. Къ конницѣ, пришедшей съ Лазаревымъ, присоединились еще двѣ сотни шамхальской милиціи и двѣ акушинскія, снятыя съ пограничной кордонной линіи. Отрядъ ночевалъ въ Меге, а на слѣдующій день, 27 марта, задолго еще до разсвѣта, выступилъ къ Уркараху. Кавалерія шла впереди. Около полудня она перевалила хребетъ, отдѣлявшій отъ насъ уркарахскій магалъ, и увидѣла вдали сѣрыя каменныя стѣны, вѣнчавшія скатъ крутой горы. Это былъ Уркарахъ. Чѣмъ ближе подходили къ аулу, тѣмъ чаще попадались убѣгавшіе жители, которые единогласно показывали, что кадій скрылся, и что въ аулѣ водворилась рознь, такъ какъ одни хотѣли покориться, а другіе, составлявшіе большинство, требовали боя. До Уркараха оставалось верстъ семь, и Лазаревъ пошелъ

на рысяхъ; что бы захватитъ деревню прежде, чѣмъ воинственная партія успѣетъ получить окончательный перевѣсъ.

Поднявшись на гору, командовавшую ауломъ, кавалерія увидѣла подъ собою Уркарахъ, обнесенный стѣнами съ фланкирующими башнями. Высокая ограда, окаймляя одну изъ тѣхъ террасъ, которыми хребетъ спускался въ долину, была мѣстами разрушена, но тѣмъ не менѣе скрывала отъ глазъ то, что дѣлалось внутри селенія; съ горы намъ видна была только площадь, гдѣ стоялъ домъ кадія, окруженный огромною толпою вооруженнаго народа. Входъ въ аулъ былъ запертъ воротами. Видно было, что горцы готовы къ оборонѣ. Лазаревъ призналъ благоразумнѣе подождать пѣхоты, ограничиваясь пока только удержаніемъ занятой нами позиціи. Часа черезъ два подошелъ Манюкинъ съ двумя батальонами и дивизіономъ горной батарей, но остальныя войска заночевали въ горахъ и могли прибыть лишь къ утру. Между тѣмъ изъ аула доносились къ намъ шумные крики и возгласы, подтверждавшіе предположеніе Лазарева о томъ, что народъ берется за оружіе; но когда генералъ Манюкинъ приказалъ выдвинуть впередъ артиллерію, изъ аула вышла депутація, изъявлявшая отъ имени народа безусловную покорность. Манюкинъ потребовалъ, что бы сегодня же ночью всѣ дома, гдѣ жили кадій и его приверженцы, были истреблены самимъ народомъ, и чтобы по утру былъ собранъ джаматъ для выбора новаго кадія. Депутаты удалились.

Передовыя войска провели морозную ночь бивуакомъ подъ открытымъ небомъ, а на разсвѣтѣ подошла и остальная пѣхота. Между тѣмъ за-ночь въ Уркарахѣ произошли событія, давшія всему дѣлу совсѣмъ иной оборотъ. Какъ только развиднѣлось, мы прежде всего увидѣли, что домъ кадія не только не былъ разрушенъ, но и ни какихъ приготовленій для этого не дѣлалось.

Прибывшіе затѣмъ старшины, на вопросъ Манюкина, отвѣтили, что народъ не дерзаетъ коснуться своими грѣшными руками святаго жилища.—„Хорошо, возразилъ на это генералъ, мы имъ поможемъ сами. А что же джематъ?“—„Джематъ собрался“. Оказалась однако, что собралось только нѣсколько человѣкъ, да и тѣ ничего не могли рѣшить безъ воли народа. Тогда Манюкинъ потребовалъ аманатовъ, но посланные за ними старики возвратились съ извѣстіемъ, что народъ отказался ихъ выдать.

—„Въ такомъ случаѣ, спокойно возразилъ генералъ, мы ихъ возьмемъ сами, да за одно уже, вмѣстѣ съ домомъ кадія, снесемъ и весь вашъ Уркарахъ.“

Въ отвѣтъ на это съ непріятельской стороны вдругъ грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, и наши войска внезапно осыпаны были градомъ пуль со стѣнъ и изъ крайнихъ сакель аула. Генералъ арестовалъ старшинъ и, выдвинувъ два батальона, приказалъ итти на приступъ. Въ тоже время вся кавалерія Лазарева послана была въ обходъ, что бы сдѣлать демонстрацію и привлечь на себя часть непріятельскихъ силъ. Но Лазаревъ распорядился иначе, и демонстрація перешла въ открытый штурмъ, составляющій одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи нашей иррегулярной конницы на Кавказѣ. Четыре сотни Дагестанскаго полка, пущенныя карьеромъ, въ упоръ подскочили къ аулу, спѣшились, и, какъ кошки, вскарабкались, при помощи тонкихъ жердей, на пяти-аршинныя стѣны. И прежде чѣмъ успѣли съ другой стороны подойти батальоны, сотенные значки уже развѣвались въ аулѣ. Сбитые со стѣнъ, защитники Уркараха укрылись въ каменныхъ подвалахъ, но дагестанцы съ кинжалами въ рукахъ врывались въ эти мрачныя подземелья и заваливали ихъ трупами. Подоспѣвшая пѣхота довершила пораженіе непріятеля. Къ полудню аулъ былъ занятъ, но бой продолжался еще въ

одномъ кварталѣ, гдѣ небольшое число мюридовъ засѣло въ крѣпкую башню. Подвезли орудіе; но башня, сложенная изъ каменныхъ плитъ, не поддавалась дѣйствію ядеръ, а подвинуться ближе было нельзя, такъ какъ мѣткій огонь изъ бойницъ могъ перебить артиллерійскую прислугу. Пока у насъ соображали, что надо-едѣлать, нѣсколько дагестанскихъ всадниковъ подползли къ подножію башни, и вдругъ разомъ подняли на ружьяхъ свои папахи; непріятель далъ залпъ, пробитыя папахи слетѣли на землю, а дагестанцы бросились впередъ и заложили бойницы камнями. Тогда орудіе подкатили подъ самую башню,—и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, она рухнула, похоронивъ подъ своими развалинами послѣднихъ защитниковъ Уркараха.

Къ вечеру пѣхота выведена была изъ горѣвшей деревни, а кавалерія оцѣпила ее со всѣхъ сторонъ и перехватывала тѣхъ, которые, скрываясь среди развалинъ, ночью пытались пробраться въ горы.

На другой день, 29 марта, Манюкинъ сдержалъ свое слово, и остатки Уркараха были разметаны и сравнены съ землею. Пока пѣхота хозяйничала въ аулѣ, Лазаревъ со всею кавалеріею былъ посланъ въ Каракайтагское ущелье, куда, по слухамъ, жители укрыли свое иму щество и семьи. Шамхальская сотня, двигавшаяся въ авангардѣ, открыла въ одномъ изъ боковыхъ ущелій притонъ бѣглецовъ, но, встрѣченная залпомъ, дрогнула и подалась назадъ. На выручку къ ней подоспѣли мехтулинцы, предводимые юнымъ Ибрагимомъ-ханомъ, которому Лазаревъ впервые поручилъ командованіе сотнею. Они опракинули горцевъ и захватили 11 тѣлъ и 16 плѣнныхъ. Въ эту минуту подошла остальная кавалерія, и Лазаревъ забралъ всѣ уркарахскія семьи, съ ихъ стадами и имуществомъ. Огромныя скирды хлѣба, свезенныя сюда изъ аула, преданы были пламени.

Этимъ эпизодомъ закончилась Уркарахская экспе-

диція. Разгромъ аула, служившаго гнѣздомъ мятежа, произвелъ потрясающее впечатлѣніе на всѣ сосѣднія общества, убѣдившіяся, какъ быстро наказывается нами измѣна, и какъ не надежна помощь Шамиля. Спокойствіе водворилось вездѣ, и тѣ тревожные слухи, которые волновали Южный Дагестанъ невольными сомнѣніями, разсѣялись сами собою. Князь Орбеліани вполнѣ оцѣнилъ заслуги Лазарева, которому принадлежала самая иниціатива похода, и исходатайствовалъ ему орденъ св. Анны 2-й степени, минуя очередную награду— Станислава.

Въ это же время молодой Ибрагимъ-ханъ Мехтулинскій, оставшійся замѣстителемъ Ивана Давыдовича въ управленіи ханствомъ, произведенъ былъ въ корнеты съ зачисленіемъ Лейбъ гвардіи въ Гродненскій гусарскій полкъ, въ которомъ началъ службу и его покойный отецъ. „Молодой человѣкъ этотъ,—писалъ о немъ Лазаревъ,—съ большими способностями и обѣщаетъ впослѣдствіи быть для насъ полезнымъ по своему вліянію и той привязанности, которую питаетъ къ нему народъ.“

Казалось бы, что послѣ этихъ событій, мы могли стоять въ Дагестанѣ спокойно, а между тѣмъ именно въ это-то время и возникъ жгучій вопросъ, который въ концѣ концовъ могъ привести насъ къ потери цѣлаго Кавказа.

Не многимъ, быть можетъ, извѣстно, что въ началѣ 1854 года мы добровольно хотѣли отказаться отъ всѣхъ завоеваній на Сѣверномъ Кавказѣ и передать ихъ въ руки Шамиля. Если этого не случилось, если наша граница не была отодвинута, какъ во времена Анны Іоанновны, обратно на Терекъ, то этимъ мы обязаны только князю Григорію Орбеліани, да Ивану Давыдовичу Лазареву, которые съ мужествомъ, достойнымъ всякаго уваженія, возстали противъ тревогъ и сомнѣній, безпричинно овладѣвшихъ Тифлисомъ. Въ исходѣ марта 1854 года,

когда войска находились въ уркарахскомъ походѣ, князь Орбеліани получилъ предписаніе Генерала Реада [1]) отправить четыре батальона на усиленіе войскъ, дѣйствовавшихъ на Кавказско-турецкой границѣ. Князь Орбеліани отвѣтилъ, что исполнить этого нельзя, потому что изъ 18-ти батальоновъ, находившихся въ Дагестанѣ,—тринадцать занимали передовые посты и укрѣпленія, и только пять оставались свободными для дѣйствія въ полѣ. Генералъ Реадъ приказалъ тогда немедленно снять гарнизоны съ передовыхъ укрѣпленій, и ими пополнить тѣ четыре батальона, которые должны были отправиться въ Турцію. Распоряженіе это ставило князя Орбеліани въ крайне щекотливое положеніе, такъ какъ приходилось категорически отказаться отъ его выполненія. Свои мотивы по этому поводу онъ выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ начальнику главнаго штаба кавказскаго корпуса князю Барятинскому:

„При первомъ крикѣ, который раздастся въ горахъ: русскіе бросаютъ укрѣпленія! Русскіе бѣгутъ!—какой же горецъ не подниметъ головы и не возьмется за оружіе"... „Да и какимъ образомъ, спрашивалъ онъ, можно выполнить приказаніе генерала Реада? Гарнизоны Лучека, Ахты, Кураха, Чираха и Казикумыха сами собою не могутъ дойти до Шуры и будутъ истреблены по дорогѣ. Поэтому я долженъ бросить все, и съ отрядомъ бродить по всѣмъ этимъ ущельямъ, чтобы собирать разсѣянные въ нихъ гарнизоны, а на обратномъ пути пробиваться уже сквозь цѣлый Дагестанъ, который неминуемо возстанетъ. Допустимъ даже, что наши войска проложатъ себѣ дорогу оружіемъ. Но какъ тогда защищать Шуру, Петровскъ, Дербентъ и Кубу? Или и это все также прикажутъ бросить, что бы примкнуть къ лѣвому флангу Кавказской линіи, и потомъ отступить

---

[1]) Генералъ Реадъ временно исправлялъ, за отъѣздомъ князя Воронцова, должность Намѣстника и Главнокомандующаго на Кавказѣ.

за Терекъ“... „Нѣтъ, князь—заключалъ онъ это письмо:—убейте меня прежде, чѣмъ я увижу потерю славы нашихъ войскъ и торжество непріятеля“...

Но Реадъ въ своихъ опасеніяхъ зашелъ уже слишкомъ далеко, и представилъ Государю проектъ о совершенномъ оставленіи Дагестана, копію съ котораго сообщилъ для свѣдѣнія и въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Получивъ этотъ проектъ, князь Григорій Димитріевичъ тотчасъ послалъ за подполковникомъ Лазаревымъ, что бы посовѣтоваться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, которому лучше всѣхъ было извѣстно истинное положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ. Лазаревъ возвращался въ это время изъ уркарахскаго похода и, встрѣтивъ на пути эстафету, призывавшую его „по экстренному и самонужнѣйшему дѣлу“, прискакалъ въ Шуру въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ всадниковъ. Князя Орбеліани онъ нашелъ крайне встревоженнымъ и возбужденнымъ.

— Я вызвалъ васъ, Иванъ Давыдовичъ, сказалъ онъ ему, чтобы узнать ваше мнѣніе о предметѣ чрезвычайной важности. Прочтите вотъ это, и скажите, что вы думаете?

Лазаревъ взялъ бумагу и увидѣлъ, что это было новое распоряженіе Реада, которымъ предписывалось держать всѣ части въ ежеминутной готовности къ отступленію по первому приказу, такъ какъ въ Тифлисѣ рѣшили бросить на произволъ Шамиля весь Прикаспійскій край, не исключая Шуры и Петровска. Войска приказано было сосредоточить только въ два отряда и расположить ихъ на Сулакѣ и на Самурѣ, что бы съ одной стороны прикрыть Кумыкскую плоскость, а съ другой мусульманскіе уѣзды и провинціи Закавказья.

Понимая однако, что въ случаѣ возстанія горцевъ, едва ли намъ удастся благополучно вывести гарнизоны изъ отдаленныхъ укрѣпленій, Реадъ проектировалъ купить ихъ спасеніе значительной денежной суммой, кото-

рую предполагалъ выдать въ видѣ подарковъ правителямъ Кюры и Казикумыка.

Создавалось такимъ образомъ положенiе для насъ невозможное. Лазаревъ былъ пораженъ этою подавляющею новостью.

— Какъ!—воскликнулъ онъ,—бросить Дагестанъ, когда намъ не грозитъ никакой серьезной опасности, когда я съ своими двумя батальонами отвѣчаю головою за безопасность и спокойствiе даргинскихъ и мехтулинскихъ владѣнiй!.. Отдать Шамилю добровольно край, который залитъ нашею кровью... Бросить все, итти на позорныя сдѣлки съ подвластными намъ ханами,—да это такое преступленiе, котораго никогда не проститъ намъ русскiй народъ!... Не намъ съ вами, князь, учиться умирать,—и мы умремъ на развалинахъ нашей славы, но сохранимъ свои имена не запятненными!...

—Вы правы, отвѣчалъ Орбелiани. Я самъ того же мнѣнiя, и въ этомъ смыслѣ буду отвѣчать Реаду.

Они еще долго обсуждали этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, и въ результатѣ явился слѣдующiй отвѣтъ князя Орбелiани.

„Въ предположенiи Вашего Высокопревосходительства—писалъ отъ Реаду,—главная мысль заключается въ томъ, что бы на время внѣшней войны предоставить весь Сѣверный и Среднiй Дагестанъ произволу Шамиля, ограничиваясь лишь занятiемъ Сулака и Самура. Но возможно ли удержаться на этихъ линiяхъ? Первымъ и непосредственнымъ слѣдствiемъ нашего отступленiя будетъ общее возстанiе покорнаго намъ населенiя Прикаспiйскаго края. Тогда, владѣя уже всѣмъ Дагестаномъ, Шамиль будетъ распологать громадными средствами. И что произойдетъ, если онъ совсѣми этими силами явится на Самурѣ? Весь Южный Дагестанъ, Нухинскiй уѣздъ, Шемахинская губернiя и Джаро-Бѣлоканская область неизбѣжно примутъ его сторону, потому что съ

отступленiмъ русскихъ лишатся надежды и опоры на ихъ покровительство. По тѣмъ же самымъ причинамъ отойдетъ къ Шамилю Кумыкская плоскость, а затѣмъ возстанiе разольется по Владикавказскому округу и Кабардѣ. Кого же будутъ прикрывать отряды на Сулакѣ и Самурѣ? На Сулакѣ - безлюдное пространство, а на Самурѣ—возставшее противъ насъ мусульманское населенiе. Положимъ, что въ случаѣ крайности, войска, стоящiя на Сулакѣ, отступятъ за Терекъ. Но куда отступать Самурскому отряду? Онъ очутится при самыхъ ужасныхъ условiяхъ, среди бушующихъ кругомъ его народныхъ волнъ, и долженъ будетъ пробиваться уже къ предѣламъ Грузiи. Слабая Лезгинская линiя, конечно, не удержитъ враговъ, особенно когда позади ея поднимется вся Джаро-Бѣлоканская область. Кахетiя будетъ растерзана,—а отсюда два шага до Тифлиса. Что мы предпримемъ, когда съ одной стороны появятся союзники, а съ другой сто-тысячныя полчища горцевъ, а можетъ быть и персидская армiя? Въ такомъ положенiи намъ останется только покинуть Грузiю и отступать по Венно-грузинской дорогѣ. Но и это отступленiе будетъ уже затруднено, потому что горныя ущелья займутъ осетины, а на линiи насъ встрѣтятъ возставшая Чечня и кабардинцы. И изъ-за чего все это? Изъ-за четырехъ батальоновъ, которые никогда на главномъ театрѣ войны не могутъ имѣть рѣшающаго значенiя. Помоему мнѣнiю, Францiя и Англiя не могутъ оказать Турцiи болѣе существенной пользы, чѣмъ мы, если только покинемъ Дагестанъ.

„Напрасно полагаютъ, что въ случаѣ успѣха на главномъ театрѣ войны, если мы удержимъ на Кавказѣ только главные пункты, то расшириться и опять войти въ прежнiе предѣлы намъ будетъ не трудно. Довольно припомнить, во-что обошлось Россiи завоеванiе только приморскаго Дагестана. А завладѣть имъ вторично ед-

ва-ли даже будетъ возможно. Мюридизмъ объединитъ всѣ племена, найдутся на каждомъ шагу новые Салты и Гергебили, и намъ придется потоками крови пріобрѣтать каждый клочокъ земли, пока дойдемъ опять до настоящей нашей границы. Да и дойдемъ-ли еще?... Допуститъ-ли насъ до этого Европа?...

„Вотъ почему,—заключаетъ Орбеліани свое письмо, —я считаю долгомъ высказаться съ полною откровенностью и убѣжденіемъ, что уступка Дагестана Шамилю будетъ равносильна оставленію нами всего Закавказскаго края. А оставивъ Грузію, мы уже никогда въ нее не вернемся!“

Въ счастію для русскаго дѣла все ограничилось только одною перепиской, такъ какъ Императоръ Николай Павловичъ рѣшительно отказался понять тѣ ложные страхи, подъ вліяніемъ которыхъ дѣлались подобныя распоряженія. Мнѣніе князья Орбеліани почти слово въ слово повторено было и Государемъ, хотя Онъ не читалъ письма его къ Реаду; но таковы уже результаты одинаково правильнаго взгляда и вѣрной оцѣнки всѣхъ политическихъ и военныхъ событіи на тогдашнемъ Кавказѣ. „Его Величество, писалъ по этому поводу военный министръ къ генералу Реаду, вовсе не раздѣляетъ вашего взгляда на необходимость вывести войска изъ Дагестана, что, по мнѣнію Его, равнялось бы уничтоженію послѣдней преграды Шамилю къ распространенію своего вліянія до самого Аракса. Напротивъ, Государь Императоръ находитъ, что даже въ случаѣ разрыва съ Персіей удержаніе Дагестана совершенно необходимо, какъ единственное средство помѣшать общему соединенію нашихъ враговъ. Иначе мы будемъ вынуждены сосредоточить къ Тифлису всѣ наши закавказскія войска, а затѣмъ вскорѣ направить ихъ за горы, къ Владикавказу“... Военный министръ прибавлялъ при этомъ, что „Государь Императоръ возлагаетъ всю отвѣтственность

на того, кто допуститъ добровольную уступку, хотя части занятаго нами края, безъ особой и настоятельной въ томъ необходимости.“

Вопросъ о Дагестанѣ, такимъ образомъ, порѣшенъ былъ окончательно; но слухъ о томъ, что русскіе готовятся бѣжать изъ Дагестана, уже разнесся по горамъ, и лазутчики предрекали намъ тревожное лѣто. Дѣйствительно, пограничнымъ наибамъ приказано было Шамилемъ внимательно слѣдить завсѣмъ, что будетъ происходить на нашихъ линіяхъ и держать на готовѣ значительныя силы, да и самъ Шамиль, какъ говорили, прибылъ къ койсубулинцамъ и приступилъ, будто бы, къ разработкѣ колеснаго пути черезъ Бурундукальское ущелье, что бы этою новою дорогой соединить нагорную часть Дагестана съ приморскою. Все это было такъ, какъ въ свое время предсказывалъ князь Орбеліани. Но теперь дѣла уже измѣнились; Дагестанъ остался за нами, и Лазаревъ задумалъ самъ сходить къ Бурундукъ-кале, что бы провѣрить слухи, да кстати, мимоходомъ, уничтожить и укрѣпленіе, поставленное тамъ Шамилемъ.

Ограниченное отвѣсными скалами, Бурундукальское ущелье упиралось выходомъ своимъ въ Аварское Койсу у аула Иргонай, а входъ въ ущелье, извѣстный подъ именемъ Волчьихъ воротъ, былъ закрытъ четырехъ-аршинною каменною стѣною, съ продѣланною въ ней лишь небольшою калиткой. Такъ какъ обойти стѣну было нельзя, то горцы считали себя за ней въ совершенной безопасности, спокойно посылая на пастбищѣ стада. Но каменная стѣна не остановила Лазарева. 16 мая 1854 года четыре сотни, скрытно спущенныя имъ съ Койсубулинскаго хребта, вдругъ кинулись къ ущелью, сняли оплошный караулъ, и, прежде чѣмъ въ Иргонаѣ узнали о нападеніи, стѣна была разметана, и всадники скрылись, уведя съ собою болѣе 2000 барановъ. Лаза-

ревъ, сопровождаемый между тѣмъ дагестанскою сотней, успѣлъ произвести рекогнощировку, но убѣдился, что дороги, о которыхъ говорили въ Шурѣ, прокладывались не Шамилемъ, а самими жителями къ мѣстамъ, гдѣ находились ихъ пашни.

Только послѣ этой экспедиціи Иванъ Давыдовичъ отправился, наконецъ, въ Акушу, что бы приняться за дѣла Даргинскаго округа, ввести въ немъ русское управленіе, установить прочный внутренній порядокъ и организовать для охраны его мѣстныя народныя силы.

Глава XIV.

Вступленіе Лазарева въ управленіе Даргинскимъ округомъ.—Аулъ Кутиши.—Даргинскій округъ и его границы.—Прибытіе Лазарева въ Кутиши и рѣчь его къ народу.—Кутишинскій замокъ.—Распоряженія Лазарева по внѣшней охранѣ округа.—Внутренняя политика его.—Мелкія происшествія въ Кутишахъ.—Борьба съ абреками.—Пораженіе Абакаръ Хаджи 21 августа.—Набѣгъ Лазарева 19 сентября и истребленіе горскихъ хуторовъ и запасовъ.

По прибытіи въ Даргинскій округъ, Лазаревъ назначилъ своею резиденціею аулъ Кутиши, лежавшій почти на самой границѣ съ непокорными горцами, а въ Акушѣ, какъ въ центрѣ союза, оставилъ главнаго кадія и при немъ судебныя учрежденія. Кутиши, построенные амфитеатромъ, по юго-восточному склону высотъ того же названія, представляли собою типъ горнаго аула, съ закоптѣлыми, нагроможденными одна на другую каменными саклями, съ кривыми, тѣсными улицами, въ которыхъ съ трудомъ могли разъѣхаться два всадника. Кругомъ все было мрачно и сѣро: ни деревца, ни кустика, ни травки; не было даже воды—все только одинъ голый камень и камень. Кое-гдѣ попадались запаханныя терраски, но такія маленькія, что, казалось, ихъ можно бы было прикрыть горскою буркою. Далѣе, за этими террасками опять поднимались тѣ же сѣрыя скалы, тѣ же обозженныя солнцемъ, изрытыя дождевыми потоками горы, а среди нихъ кое гдѣ виднѣлись акушинскіе аулы, едва различаемые въ этомъ морѣ безжизненныхъ, мертвенно-сѣрыхъ тоновъ. Непривѣтно глядѣла эта мѣстность, но зато съ Кутишинскихъ высотъ Лазаревъ буквально господствовалъ надъ цѣлымъ округомъ, который растилался внизу по обширной отлогости того же хребта, заполнявшаго весь край своими отрогами.

Территорія Даргинскаго округа или союза покрайнѣй мѣрѣ въ четыре раза превосходила территорію ма-

ленькаго Мехтулинскаго ханства, едва насчитывавшаго у себя 12 деревень и 11 тысячь жителей. Здѣсь—деревень было 46, а жителей болѣе 45 тысячь,—и всѣ они принадлежали къ одному и тому же аварскому племени, хотя говорили особымъ языкомъ, между которымъ самымъ чистымъ нарѣчіемъ считался языкъ ораклинскій. Когда и при какихъ условіяхъ образовался Даргинскій союзъ, объ этомъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но можно пологать, что онъ возникъ въ относительно недавнее время, когда при ослабленіи власти Шамхаловъ Тарковскихъ, въ XVII вѣкѣ, отъ нихъ отдѣлилась часть ихъ владѣній и объявила себя независимою. Тогда, какъ говорятъ преданія, шесть автономныхъ магаловъ или обществъ: Акушинское, Цудахарское, Ушишинское, Мегекское, Мекагесское и Ораклинское заключили между собою договоръ и образовали союзъ, извѣстный подъ именемъ Даргинскаго. Каждое изъ этихъ обществъ управлялось своимъ собственнымъ кадіемъ, но кадій акушинскій считался старшимъ и былъ главою союза. Этотъ политическій строй, освященный вѣками, поддерживался и русскимъ правительствомъ, которое только ограничило власть главнаго кадія нѣкоторыми общими государственными законами.

Положеніе, занимаемое Даргинскимъ союзомъ въ самомъ центрѣ Приморскаго Дагестана, придавало ему особое значеніе въ общемъ ходѣ кавказской войны, такъ какъ отъ его спокойствія зависѣла безопасность нашихъ сообщеній съ Казикумыкомъ, а Казикумыкъ прикрывалъ весь Южный Дагестанъ и ближайшіе уѣзды Закавказья. Въ военномъ отношеніи, въ смыслѣ своей обороны, Даргинскій округъ представлялъ территорію въ высшей степени благодарную, ибо съ трехъ сторонъ его окружали подвластныя намъ владѣнія, и только одна западная граница соприкасалась съ землями непокорныхъ горцевъ. Эта граница начиналась у Казику-

мыкскаго ханства въ томъ мѣстѣ, гдѣ быстрый Кази-кумыкскій Койсу, прорывая громаду каменныхъ горъ, образовывалъ одно изъ самыхъ величественныхъ и дикихъ ущелій, извѣстное подъ именемъ Цудахарскихъ воротъ. Здѣсь стоялъ большой акушинскій аулъ Цудахаръ, а надъ нимъ высился русскій каменный фортъ, не одинъ разъ отражавшій своею грудью нашествія шамилевскихъ полчищъ. Отъ этого форта граница шла по правому берегу Койсу, который, достигнувъ Кутишинскихъ высотъ, круто поворачивалъ влѣво и образовывалъ новую тѣснину, выходившую прямо къ гергебильскимъ террасамъ. Здѣсь, на самомъ поворотѣ рѣки, лежало опять большое селеніе Хаджалъ-Махи также съ сильнымъ фортомъ, запиравщимъ собою выходъ изъ этого ущелья къ сторонѣ Даргинскаго округа. Далѣе граница поднималась на кутишинскія высоты, шла по ихъ гребню и, спустившись къ Мехтулѣ, заканчивалась деревнею Большія или Верхнія Чоглы. Вся эта пограничная линія охранялась только двумя батальонами, изъ которыхъ одинъ стоялъ въ Кутишахъ, а другой занималъ гарнизоны въ Хаджалъ-Махинскомъ и Цудахарскомъ фортахъ.

Лазаревъ пріѣхалъ прямо въ Кутиши, гдѣ его встрѣтилъ Нуръ-Баганда кадій совсѣми членами меджлиса, почетные старшины, муллы, кадіи и представители народа, собранные отъ всѣхъ селеній Даргинскаго округа. Лазаревъ сказалъ имъ рѣчь, въ которой прежде всего далъ понять о причинахъ своего назначенія, а затѣмъ изложилъ программу своихъ будущихъ дѣйствій.

—„Я пользуюсь, сказалъ онъ, прибытіемъ сюда представителей ото всего Даргинскаго союза, что бы повторить то, о чемъ уже говорилъ въ прошломъ году. Отъ васъ зависитъ, чтобы ваша жизнь текла спокойно и мирно среди хозяйственныхъ заботъ и промысловъ. Если вы послѣдуете моему совѣту, дома ваши процвѣ-

тутъ изобиліемъ на зависть сосѣдей, которые бурлятъ и клокочатъ, какъ бѣшеныя рѣки ихъ родины. Взгляните на Койсу. Вы видите, какъ онъ безцѣльно несетъ громадные камни, и могучія волны рѣки дробятъ и стираютъ ихъ въ порошокъ. Такъ и окружающія васъ событія уносятъ и истребляютъ благосостояніе тѣхъ, которые безразсудно, какъ камни, бросаются въ ихъ волны. Помните, что я не потребую отъ васъ ничего невозможнаго, ничего противнаго вашей совѣсти. Религія ваша будетъ неприкосновенна. Но мюридизмъ не есть ваша религія: отцы и дѣды ваши ее не исповѣдовали; хункаръ, котораго вы признаете духовною главою исламизма, никогда не былъ мюридомъ. Ученіе Шамиля есть секта, и какъ секта, вредная народному благосостоянію, будетъ преслѣдоваться мною безъ всякой пощады.

„Пора вамъ опомниться, пора прійти къ убѣжденію, что тотъ, кого вы называете священнымъ именемъ имама, заботится только о своемъ честолюбіи. Онъ хочетъ властвовать вами. Но властвовать можетъ только сильный. А гдѣ же сила Шамиля? Вы сами, вашъ Цудахаръ и Кутиши — живые свидѣтели его пораженій.“

—„Я знаю, —продолжалъ Лазаревъ, —что вы сочувствуете туркамъ. Это меня не удивляетъ, потому что они ваши единовѣрцы. Но меня удивляетъ, что вы вѣрите людямъ, которые, по проискамъ Шамиля, разсказываютъ вамъ о мнимыхъ побѣдахъ турокъ и о томъ, что русскіе готовятся покинуть Дагестанъ. Эти люди вводятъ васъ въ гибельное заблужденіе. Знайте, я разрѣшаю вамъ возстать, и назову васъ трусами, если вы не пустите первую пулю въ меня, когда увидите воочію, что турецкія войска вошли въ Дагестанъ. А пока этого нѣтъ — сидите смирно и исполняйте только мои приказанія. И горе тому, кто ихъ неисполнитъ. Я требую, что бы среди васъ не было ни одного абрека, ни одного мюрида, ни одного изъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые

ничего не приносятъ народу, кромѣ золъ и бѣдствій. Пока я здѣсь—имъ нѣтъ и не будетъ мѣста на вашей землѣ. Кто дастъ имъ пріютъ, кто скроетъ ихъ пребываніе,—того признаю врагомъ общественнаго порядка, и тому не будетъ мѣры наказанія. Теперь ступайте по домамъ и передайте то, что слышали."

Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ депутатовъ, и они разъѣхались, чувствуя на себѣ уже властную руку новаго правителя.

Лазаревъ между тѣмъ приказалъ немедленно построить для своего помѣщенія особый домъ, съ затѣйливо—оригинальною архитектурой, напоминавшую древніе ханскіе замки, а рядомъ поставить казармы для батальона съ артиллерійскою прислугой, и конвойной команды, переведенной имъ сюда изъ Дженгутая. Мѣсто было выбрано на пологомъ холмѣ, при самомъ выѣздѣ изъ Кутишей, и замокъ, выросшій точно помановенію волшебнаго жезла, съ его трехъ—ярусными башнями, съ чугунною пушкой и гордо развѣвавшимся флагомъ, былъ виденъ издалека, привлекая на себя невольное вниманіе горцевъ. Онъ былъ у нихъ, какъ бѣльмо на глазу. „И зачѣмъ это онъ строится?—говорили старики, покачивая своими головами:—Нѣтъ, видно и впрямь русскіе не думаютъ уходить изъ Дагестана. Солгали это намъ собаки-мюриды: сталъ-ли бы такой человѣкъ бросать деньги въ воду"... А Лазаревъ, приступая къ постройкамъ, именно и имѣлъ въ виду показать народу, что его пребываніе будетъ продолжаться долго.

Пока строился замокъ, страна, по распоряженію Лазарева, уже покрылась цѣлою сѣтью каменныхъ башень, сторожившихъ спокойствіе Даргинской земли, и на двухъ изъ нихъ, ближайшихъ къ Кутишамъ, появились даже орудія. Акушинская конница, по прежнему, стояла на границѣ, но теперь учреждена была правильная смѣна сотенъ, и тяжесть кордонной службы, отвлекавшей гор-

цевъ отъ ихъ хозяйственныхъ зянятій, распредѣлялась поровну между всѣми жителями; таже очередь установилась между пѣшими командами, державшими караулы въ башняхъ, а, кромѣ того, сформирована была особая охотничья команда, предназначавшаяся исключительно для борьбы съ абреками. Таковы были первыя военныя распоряженія Лазарева.

Лѣто прошло сравнительно спокойно, такъ какъ Шамиль перенесъ театръ военныхъ дѣйствій къ далекимъ границамъ Кахетіи, и со стороны ближайшихъ къ намъ не покорныхъ обществъ нельзя было ожидать какихъ нибудь серьезныхъ предпріятій. Поэтому и князь Орбеліани сосредоточилъ весь Дагестанскій отрядъ на Самурѣ, что бы, въ случаѣ надобности, итти на Лезгинскую линію, а на Кутишинскихъ высотахъ оставилъ только два батальона пѣхоты со взводомъ артиллеріи, да нѣсколько сотенъ конной милиціи.

Много ходило тогда разсказовъ о фантастическихъ замыслахъ Шамиля, и хотя эти разсказы не имѣли основаній, но все же они проникали въ народъ и волновали населеніе. Что бы отвлечь умы отъ политики, которою такъ любятъ заниматься горцы, Лазаревъ началъ устраивать народные праздники со скачками на призы, со стрѣльбою въ цѣль и разными играми, до которыхъ горцы такіе же охотники, какъ и до политики. Въ Кутиши мало-по-малу начали съѣзжаться жители не только ближнихъ, но и дальнихъ ауловъ. Съ особенною торжественностію Лазаревъ праздновалъ наши побѣды, одержанныя надъ Турками на Чингильскихъ высотахъ, на Чолокѣ и при Кюрюкъ-Дара.

Въ эти дни у него бывали парадные обѣды, на которые пріѣзжали изъ Акуши всѣ члены мѣстной администраціи, всѣ муллы, кадіи, старшины и почетные жители. Народъ угощался въ полѣ, а затѣмъ начинался „той“ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, о которыхъ

акушинцы до тѣхъ поръ не имѣли понятія. Цѣлый день, съ утра до вечера, стрѣляли изъ пушекъ и ружей, пускали ракеты, пѣли народные пѣвцы и неумолкала зурна. Потомъ, когда оканчивалась обычная вечерняя молитва въ мечетяхъ, и тихая лѣтняя ночь спускалась на землю,—зажигался фейерверкъ, окончательно поражавшій полудикихъ горцевъ, никогда не видѣвшихъ такой массы разноцвѣтнаго огня, освѣщавшаго ихъ горы, гдѣ до тѣхъ поръ, если среди ночнаго мрака и сверкалъ какой нибудь огонекъ,—то это былъ огонекъ ружейнаго выстрѣла, возвѣщавшаго ночную тревогу.

Все это было очень умѣстно, и очень кстати. Но море, поднятою бурею, не скоро укладывается въ тихую зеркальную поверхность, и еще труднѣе успокаиваются, поднятыя политическими бурями, народныя страсти. Время отъ времени они и заявляли о себѣ какими нибудь вспышками, подобно тому, какъ вспыхиваетъ уголекъ въ потухшемъ каминѣ изъ подъ груды уже охладѣвшаго пепла. Иванъ Давыдовичъ внимательно слѣдилъ за этими вспышками, не давая имъ разгораться въ сильное пламя, и если подъ часъ дѣйствовалъ круто, то всегда въ народномъ духѣ, и потому всегда достигалъ своей цѣли.

Однажды, часовъ въ 10 вечера, около замка вдругъ грянулъ ружейный выстрѣлъ, и дежурный нукеръ, блѣдный отъ волненья, вскочилъ въ комнату Лазарева съ извѣстіемъ, что убитъ часовой у казармы. Конвой уже былъ на коняхъ, и, по приказанію Ивана Давыдовича, мигомъ оцѣпилъ весь аулъ, что бы не выпустить изъ него ни одного человѣка. Такъ какъ выстрѣлъ сдѣланъ былъ съ крыши сосѣдней сакли, то съ нея и начали обыскъ, но кромѣ молодого человѣка, лежавшаго въ сильномъ лихорадочномъ жару, подъ цѣлымъ ворохомъ шубъ, въ ней никого не нашли; въ аулѣ также не было ничего подозрительнаго. Тогда Лазаревъ приказалъ собрать по утру всѣхъ кутишинцевъ на площадь и сталъ

осматривать ихъ ружья, увѣренный, что убійца не осмѣлился бы заняться въ такое время чисткою ружья, изъ опасенія навлечь на себя подозрѣніе. И, дѣйствительно, у одного изъ горцевъ оказался въ стволѣ свѣжій пороховой нагаръ. Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, который вчера лежалъ въ лихорадкѣ. Онъ тотчасъ сознался въ убійствѣ, но оказалось, что это былъ просто душевно-больной человѣкъ, который, начитавшись религіозныхъ книгъ до помраченія ума, рѣшился на преступленіе только подъ вліянемъ аффекта, вызваннаго въ немъ лихорадочнымъ бредомъ. Эта нервная возбужденность, страстный порывъ, эмоція—свойственны горцамъ, и Лазаревъ ограничилъ его наказаніе только временною высылкою на жительство въ Россію.

Въ другой разъ нукеры схватили въ Кутишахъ человѣка, явившагося проповѣдовать шаріатъ. Но съ этимъ Лазаревъ не сталъ даже разговаривать. Дежурный нукеръ вывелъ его въ поле и на глазахъ народа пристрѣлилъ, какъ шакала, а тѣло его сбросилъ въ кручу. Двѣ-три такія расправы,—и внутреннія смуты затихли.

Но не такъ легко было искоренять другое зло—абречество, пустившее въ краѣ слишкомъ глубокіе корни. Правда, ни одинъ абрекъ не осмѣливался показываться явно въ даргинскихъ селеніяхъ, но они проникали въ нихъ тайными путями, время отъ времени собирали съ жителей дань, и передавали въ Кикуны все, что нужно было знать Абакару-Гаджи. Это были его глаза и уши. Борьба съ ними не могла быть открытою, а потому-то Лазаревъ и сформировалъ охотничьи команды изъ людей самыхъ отчаянныхъ, которые, залегая по границѣ и, даже забираясь въ непріятельскую землю, подкарауливали и истребляли абрековъ, какъ хищнаго звѣря. Абреки платили намъ тою же монетой. Борьба разгоралась. Съ обѣихъ сторонъ находились люди отважные, предпріимчивые, знавшіе всѣ пріемы партизанской войны,

и имена ихъ пользовались въ свое время общею извѣстностію. У насъ славились тогда кутишинцы Хараба, Шихманъ и Абакаръ; у горцевъ всѣхъ превосходилъ своими наѣздами губденскій абрекъ, по имени Гумушъ-Бурунъ, „Серебренный носъ“ получившій такое названіе потому, что собственнаго носа онъ лишился въ какомъ-то бою. Все лѣто шла эта глухая борьба, ни для кого не замѣтная, не попадавшая въ реляціи и биллютени, но тѣмъ не менѣе упорная, кровавая и безпощадная. Оба противника были одинаково храбры, но шансы у нихъ были далеко не одинаковые: абреки ходили въ одиночку, мы дѣйствовали командами, и потому имѣли на своей сторонѣ и численный перевѣсъ и относительный порядокъ, котораго не было у горцевъ. При такихъ условіяхъ прорывы становились все рѣже и рѣже. Абречество, терявшее въ бояхъ лучшихъ своихъ представителей, видимо гасло, а вмѣстѣ съ нимъ гасли и надежды Абакара-Гаджи возвратить когда нибудь утраченное имъ вліяніе на акушинцевъ. Онъ называлъ ихъ измѣнниками, отступниками отъ общаго дѣла и призывалъ на ихъ головы кары небесныя и въ сей и въ будущей жизни. Но акушинцы ровнодушно внимали этимъ угрозамъ и попрежнему зорко сторожили границу. Тогда Абакаръ рѣшился наказать ихъ оружіемъ и для этого прибѣгнулъ къ извѣстному маневру—устроить засаду и навести на нее акушинцевъ.

21-го августа въ полночь конная партія, съ двумя или тремя значками, стала подниматься отъ Гергебиля на Кутишинскія высоты, что бы вызвать тревогу. Къ несчастію для себя она попала въ самый лабиринтъ нашихъ секретовъ, искусно заложенныхъ охотниками именно на гергебильскомъ спускѣ, и, принятая совсѣхъ сторонъ ружейными залпами, до того растерялась, что въ первую минуту не рѣшилась даже бѣжать и дала себя разстрѣливать совсѣмъ безнаказанно. Между тѣмъ

изъ кутишинскаго лагеря прискакали сюда двѣ сотни даргинской милиціи, а къ нимъ присоединилась и третья, выскочившая изъ Хаджалъ-Махинской деревни. Подъ натискомъ этой конницы горцы наконецъ дали тылъ, и наши разгорячившіеся погонею всадники неслись за ними почти до гергебильскихъ садовъ,—какъ вдругъ увидѣли передъ собою партію самого Абакара.

Зарвавшіеся удальцы повернули было назадъ, но въ этотъ моментъ изъ балки выдвинулась другая пѣшая партія и переградила имъ отступленіе. Казалось, что гибель нашей конницы, попавшейся въ желѣзное кольцо, была неизбѣжна. Но къ счастію, изъ Кутишинскаго лагеря бѣгомъ подоспѣли двѣ роты, и наши всадники, воспользовавшись этимъ, прорвались съ потерею 14 человѣкъ убитыми.

Между тѣмъ вслѣдъ за передовыми ротами съ кутишинскихъ высотъ спустился цѣлый батальонъ и занялъ переправу черезъ Койсу. Теперь Абакаръ самъ очутился въ томъ же положеніи, какое готовилъ для нашей конницы: пѣхота съ двухъ сторонъ поражала его ружейнымъ огнемъ; два полевыхъ орудія преслѣдовали его картечью, а оправившаяся акушинская конница, заскакавъ во флангъ, рубила бѣгущихъ.

Урокъ Абакару былъ данъ хорошій; но Лазаревъ не остановился на этомъ, и 19-го сентября, когда въ горахъ уже приближалась зима, и кикунцы заняты были спѣшною уборкою сѣна, четыре сотни даргинцевъ ночью спустились съ кутишинскихъ высотъ и засѣли въ заросшихъ и уже одичавшихъ садахъ стараго Гергебиля. Въ тоже время самъ Лазаревъ съ батальономъ пѣхоты расположился у выхода изъ Аймякинскаго ущелья, чтобы поддержать свою конницу. Ожидали разсвѣта, когда кикунцы обыкновенно выходятъ на работу. Но на этотъ разъ изъ деревни предварительно выѣхалъ конный разъѣздъ, который, замѣтивъ свѣжіе слѣды на

травѣ, тотчасъ поскакалъ назадъ. Видя, что засада открыта, даргинцы бросились въ ближайшія поля и зажгли собранные въ нихъ огромные запасы сѣна. Пожаръ, раздуваемый вѣтромъ, занялъ огромную площадь, перебросился съ полей на сосѣдніе хутора, захватилъ пчельники, и менѣе нежели въ полъ-часа все, что составляло благосостояніе жителей, было уничтожено: стада лишились на зиму корма, пчеловодство погибло, хуторане остались безъ крова. Кикунцамъ было теперь уже не до набѣговъ, и до самой весны на пограничной чертѣ Даргинскаго округа не было ни одного происшествія.

Въ Мехтулѣ, остававшіеся по-прежнему подъ управленіемъ Ивана Давыдовича, также произошло крупное дѣло, которое, по своимъ характернымъ особенностямъ, напомнило всѣмъ легендарныя времена Цицiанова. Случилось это 23 ноября, когда Ибрагимъ араканскій съ огромной партіею внезапно напалъ на транспортъ, шедшій въ Аймякинское укрѣпленіе и, разсѣявъ слабое прикрытіе его, захватилъ 68 подводъ вмѣстѣ съ ихъ вощиками. Какъ разъ въ это самое время случайно проѣзжалъ по той же дорогѣ штабсъ-капитанъ Лазаревъ (Яковъ, младшій братъ Ивана Давыдовича) съ конвоемъ изъ 11 человѣкъ. Не раздумывая долго, онъ кинулся на помощь къ обозу, и внезапнымъ появленіемъ своимъ произвелъ такую панику въ рядахъ непріятеля, что партія бѣжала, покинувъ весь захваченный ею транспортъ.

Преслѣдуя непріятеля, Лазаревъ достигъ уже араканскаго спуска, когда увидѣлъ человѣкъ сорокъ конныхъ оглинцевъ, которые, выскочивъ на тревогу, были окружены другою пятисотенною партіею. Съ Лазаревымъ было только пять человѣкъ солдатъ, но эта горсть бросилась на помощь къ оглинцамъ съ такою безумной отвагой, что горцы смѣшались, и, выпустивъ изъ рукъ

добычу, обратились въ бѣгство. Это послѣдовательное пораженіе двухъ партій казалось до того позорнымъ въ глазахъ самихъ горцевъ, что не будь Ибрагимъ двоюроднымъ братомъ Шамиля, ему никогда бы не удержать за собою наибства *).

Такъ завершился 1854 годъ въ Дагестанѣ, начавшійся тревогами и опасеніями за судьбы цѣлаго края, и кончившійся полнымъ торжествомъ нашего оружія, какъ въ Мехтулѣ, такъ и въ Даргинскомъ округѣ.

По особому ходатайству князя Орбеліани, Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ произведенъ былъ въ полковники.

---

*) Яковъ Давыдовичъ Лазаревъ—нынѣ въ отставкѣ полковникъ. Любопытныя подробности этого замѣчательнаго дѣла имѣются въ Архивѣ Кавказскаго Окружнаго штаба. Дѣло 1858 года № 70.

Глава XV.

Извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича.—Торжественная присяга новому Государю.—Тревоги 1855 года.—Два пораженія, нанесенныя Лазаревымъ Абакаръ-Гаджи.—Набѣгъ его на Кудухъ.—Поиски на Шеншерекъ и истребленіе горскихъ запасовъ.—Бѣдственное положеніе пограничныхъ наибствъ.—Шамиль посылаетъ туда Кази-Магому.—Сильное вторженіе въ мехтулинское ханство и новое пораженіе горцевъ.—Несостоявшееся назначеніе Лазарева въ дѣйствующій корпусъ.—Военныя дѣйствія въ 1856 году до пріѣзда новаго намѣстника князя Барятинскаго.—Иванъ Давыдовичъ въ Тифлисѣ. Отдѣленіе Мехтулы подъ самостоятельное управленіе Ибрагимъ-хана.

Среди затишья, которымъ начался 1855-й годъ въ Дагестанѣ, пришла потрясающая вѣсть о кончинѣ императора Николая Павловича. А къ этому печальному событію не замедлили примѣшаться толки о новыхъ замыслахъ Шамиля, который хотѣлъ воспользоваться этимъ для своей пропоганды въ краѣ. Въ Табасарани, Кайтагѣ, въ Кюрѣ и даже на Самурѣ появились его эмиссары. Въ одной изъ кюринскихъ мечетей сказана была даже зажигательная проповѣдь. „Того, кому вы присягали на вѣрность“, говорилъ мулла, „уже нѣтъ на свѣтѣ, и смерть его сама собою разрѣшаетъ васъ отъ данной ему клятвы. Воспользуйтесь же милостью нисποсланной вамъ Аллахомъ, и спѣшите стать подъ священное знамя имама, Богомъ поставленнаго во главѣ газавата. Въ его рукахъ мечъ и коранъ. Это все, что нужно для вашего спасенія въ сей и будущей жизни...“ Пересылая эту рѣчь князю Орбеліани, Иванъ Давыдовичъ писалъ, что Табасарань волнуется, но что за полное спокойствіе Даргинскаго округа онъ отвѣчаетъ своею головою. Въ этихъ видахъ онъ даже приказалъ обставить присягу новому государю самымъ торжественнымъ образомъ.

Въ назначенный день въ Кутишахъ собрались представители отъ всѣхъ Даргинскихъ обществъ, имѣя во

главѣ кадія Нуръ-Баганду со всѣми членами правленія. Иванъ Давыдовичъ вышелъ на площадь и самъ объявилъ народу какъ о кончинѣ Государя, такъ и о восшествіи на престолъ новаго Императора Александра Николаевича. Муллы приглашены были помолиться о душѣ усопшаго монарха. Какъ только началось чтеніе заупокойныхъ молитвъ, народъ опустился на колѣни и выслушалъ ихъ съ глубокимъ благоговѣніемъ. Затѣмъ появился аналой съ возложеннымъ на него открытымъ кораномъ, и масса людей, запрудившая площадь, громко и внятно повторяла за муллами торжественныя слова присяги. Все совершилось въ порядкѣ и съ сознаніемъ важности священнаго обряда. Даргинскій округъ очевидно уже перебурлилъ, и не такъ легко поддавался вліяніямъ, приходившимъ извнѣ. Это не замедлило отразиться и на самомъ характерѣ военныхъ происшествій, изъ которыхъ одно, случившееся 8 марта, заслуживаетъ особаго вниманія.

Въ эту ночь небольшая партія абрековъ пробралась къ самой Акушѣ, и на сосѣднемъ хуторѣ захватила нѣсколько семей. Кадій Нуръ-Баганда кинулся въ погоню за хищниками. Долго скакали горцы на своихъ выдержанныхъ коняхъ, но и преслѣдователи, смѣняясь одни другими въ попутныхъ селеніяхъ, отъ нихъ не отставали. Тогда горцы бросили плѣнныхъ, но проскакавъ еще нѣсколько верстъ, были встрѣчены новою толпою нашей милиціи, перерѣзавшей имъ путь въ узкомъ проходѣ между деревнями Мекеге и Гамошлю. Далѣе уходить было некуда. Абреки зарѣзали своихъ лошадей и засѣли въ первую попавшуюся имъ яму. Нуръ-Баганда не рѣшился ихъ штурмовать; онъ приказалъ сплести нѣсколько туровъ, наполнилъ ихъ саманомъ, и затѣмъ, подвигая ихъ передъ собою, сталъ приближаться къ непріятелю. Абреки открыли было огонь, но пули, пробивая туры, засѣдали въ саманѣ. До непріятеля остава-

лось уже нѣсколько шаговъ, когда акушинцы вдругъ выскочили изъ-за своихъ закрытій и съ гикомъ бросились въ шашки. Рукопашный бой, при численной не соразмѣрности противниковъ, не могъ быть продолжителенъ: всѣ одиннадцать абрековъ были изрублены, но и наша милиція потеряла девять человѣкъ одними убитыми; раненыхъ было значительно больше.

Этимъ происшествіемъ и закончился, такъ сказать, зимній сезонъ. Весна въ этомъ году наступила ранняя; подножный кормъ въ горахъ былъ изобильный, и кикунскія стада, пережившія зимнюю безкормицу, быстро поправлялись на зеленой травѣ, еще не выжженной солнцемъ. Наши сосѣди опять воспрянули духомъ.

1-го апрѣля Абакаръ устроилъ засаду въ Хаджалъмахинскихъ садахъ, расчитывая напасть на жителей во время полевыхъ работъ, но открытый нашими разъѣздами, быстро перенесся къ Чогламъ, и захватилъ жительскій скотъ. Удержать за собою добычу, ему однако не удалось. Съ одной стороны на тревогу выскочила апшеронская рота, съ другой прискакалъ Лазаревъ съ своею милиціей и гналъ непріятеля почти до самыхъ воротъ уллу-калинской крѣпости. Послѣдняя схватка произошла отъ нихъ такъ близко, что 12-ть плѣнныхъ даргинцевъ, содержавшихся въ крѣпости, воспользовались общею суматохой и, спрыгнувъ со стѣнъ, благополучно перебѣжали къ своимъ.

Одна неудача повела за собой и другую.

31-го мая Абакаръ съ большою партіей опять появился на кутишинскихъ высотахъ и кинулся разомъ на конскій табунъ, ходившій подъ прикрытіемъ апшеронскаго взвода, и на жительскій скотъ, охраняемый конными пикетами. Взводъ удержался, но пикеты были сбиты и скотъ захваченъ. Лазаревъ, выскочившій на тревогу, настигнулъ непріятеля въ четырехъ верстахъ отъ Уллу-Калы и опять нанесъ ему жестокое пораженіе.

Гарнизонъ Уллу-Калы, на глазахъ котораго происходило дѣло, не осмѣлился даже сдѣлать вылазку.

Оба эти случаи свидѣтельствовали насколько подъ вліяніемъ Лазарева измѣнился духъ акушинской милиціи, еще недавно готовой открыто перейти на сторону нашихъ враговъ.

Два пораженія, нанесенныя Абакару-Гаджи до такой степени обезкуражили кикунцевъ, что опасаться съ ихъ стороны какихъ нибудь новыхъ серьезныхъ предпріятій было нечего. Слѣдовало въ такой же мѣрѣ оградить границы мехтулинскаго ханства, и Лазаревъ избралъ для этого свое обычное средство—набѣгъ на Кудухъ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ набѣговъ на Кавказѣ по той оригинальной обстановкѣ, которою онъ сопровождался.

Войска подошли къ Кудуху на разсвѣтѣ 17 іюля съ той стороны, гдѣ кудухскія высоты оканчивались передъ самымъ ауломъ обрывомъ не менѣе шестидесяти сажень; казалось, что спуститься въ эту бездну было нельзя, но двѣ дагестанскія сотни, посланныя впередъ, разыскали какую-то ращелину и, бросивъ своихъ лошадей, стали пробираться по ней пѣшкомъ. Вдругъ ращелина эта исчезла, и передній человѣкъ, сорвавшись, слетѣлъ внизъ съ совершенно отвѣсной скалы. Къ счастію онъ не расшибся. „Прощайте, не поминайте лихомъ!“ крикнулъ онъ товарищамъ. „Не безпокойся, всѣ будемъ у тебя“, отвѣчали ему сверху, и, дѣйствительно, одинъ по одному, спуская другъ друга на веревкахъ, обѣ дагестанскія сотни сползли внизъ и въ одно мгновеніе отхватили у кудухцевъ тысячу барановъ. Поднялась тревога, — и всадникамъ пришлось плохо, такъ какъ выбраться изъ этой трущобы и вытащить барановъ было невозможно. И вотъ, пока одни отстрѣливались, другіе пристроили кое какъ къ обрыву тонкія жердочки, устлали ихъ бурками

и стали тащить барановъ на верхъ; штукъ двѣсти втащили, какъ жерди рухнули, и наши дагестанцы очутились въ самомъ безпомощномъ положеніи. Къ счастію, въ это время подоспѣла пѣхота. Не имѣя возможности спуститься внизъ, она разсыпалась по гребню и открыла сверху страшный огонь. Въ тоже время пущены были въ ходъ веревки, ремни, пояса, и на нихъ стали втаскивать дагестанцевъ, изъ которыхъ каждый тащилъ съ собой по барану, а нѣкоторые по два. Такимъ образомъ было совершено это удивительное воздушное отступленіе подъ огнемъ непріятеля. Матеріальный ущербъ, понесенный горцами, конечно, былъ не великъ, но нравственное впечатлѣніе, оставленное въ нихъ удалью нашей конницы, было таково, что пограничныя тревоги почти совсѣмъ прекратились.

Чтобы еще болѣе обезпечить спокойствіе края, Лазаревъ осенью сдѣлалъ новый набѣгъ, съ цѣлью уничтожить у горцевъ ихъ зимніе запасы. Ударъ направленъ былъ на шеншерекскую долину со стороны деревни Ахъ-Кентъ. 17 сентября нѣсколько ротъ пѣхоты и восемь сотенъ конной милиціи, подъ личнымъ начальствомъ Лазарева, внезапно нагрянули на Шеншерекъ и захватили жителей на полевыхъ работахъ. Вооруженные серпами и косами, они не подозрѣвали, что смерть стоитъ за плечами, и что многіе изъ нихъ будутъ скошены прежде, нежели сами успѣютъ скосить нѣсколько колосьевъ. Къ счастію еще, сторожевые пикеты ихъ замѣтили опасность издали и потому большая часть жителей успѣла бѣжать. Конница наша однако преслѣдовала ихъ по всѣмъ направленіямъ, и, настигая бѣгущихъ, рубила или забирала въ плѣнъ. Нѣсколько сотенъ пронеслись черезъ Араканское ущелье и остановились только передъ ауломъ, къ которому мы не приближались ни разу послѣ роковыхъ для насъ событій 43-го года. Тѣмъ временемъ пѣхота успѣла истребить

всѣ запасы, сложенные въ огромныя скирды, и вытоптать посѣвы, которые еще не были убраны.

Черезъ нѣсколько дней, 26 сентября, три сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка снова заглянули въ ту же долину, но въ ней никого уже не было; онѣ отправились дальше, расчитывая еще разъ пробраться черезъ Araканское ущелье, но при входѣ въ него, встрѣтили большую партію, повидимому, охранявшую путь къ Араканамъ. Завязалась сильная перестрѣлка и наши сотни, не рискуя вдаваться въ неравный бой, вернулись назадъ.

Все чаще и чаще стали появляться наши войска, то передъ Араканами, то передъ Кикунами и Уллу-Кала, въ мѣстностяхъ, считавшихся доселѣ для насъ неприступными. Шамиль съ тревогою смотрѣлъ на положеніе своихъ пограничныхъ наибствъ. Онъ видѣлъ необходимость ободрить народъ, поднять его упадающія силы, и рѣшилъ, наконецъ, отправить туда своего втораго сына Кази-Магому, объявленнаго уже наслѣдникомъ имамата. Въ послѣднихъ числахъ октября Кази-Магома прибылъ въ Араканы, куда вслѣдъ за нимъ съѣхалось множество наибовъ, и въ домѣ стараго Ибрагима опять начались совѣщанія. Предсѣдательствовалъ на этотъ разъ самъ Кази-Магома. Послѣ жаркихъ преній рѣшили наконецъ итти на Дженгутай, расчитывая, что, за отсутсвіемъ Лазарева, молодой Ибрагимъ-ханъ не съумѣетъ распорядиться, какъ должно, своими оборонительными силами. Въ ту же ночь къ Араканамъ со всѣхъ сторонъ стали подходить конныя партіи, распологавшіяся вокругъ аула бивуаками. Въ разныхъ мѣстахъ поля появились ихъ, воткнутые въ землю, разноцвѣтные значки, около которыхъ группировались сотни, пришедшія сюда не только изъ сосѣднихъ Кикунъ, Гимръ и Аваріи, но даже изъ Гумбета, Андіи, Технуцала, Караты и другихъ, еще болѣе отдаленныхъ обществъ. Судя по числу знач-

ковъ,—ихъ было сорокъшесть—скопище могло прости раться до пяти тысячь всадниковъ. Въ сторонѣ отъ этихъ характерныхъ группъ была разбита большая зеленая палатка Кази-Магомы, а передъ нею стояло его походное знамя, окруженное значками наибовъ. Въ той же палаткѣ, вмѣстѣ съ Кази-Магомою, помѣщался старшій братъ его Джемалъ-Эддинъ, только что возвращенный отцу въ обмѣнъ на знаменитыхъ цынондальскихъ плѣнницъ. Шамиль въ своихъ политическихъ видахъ считалъ необходимымъ присутствіе его при этомъ отрядѣ; но Джемалъ-Эддинъ, сохранившій трогательную привязанность къ Россіи, съ прискорбіемъ смотрѣлъ на всѣ приготовленія, и не только не присутствовалъ въ совѣтѣ наибовъ, но и въ послѣдующемъ бою не принималъ никакого участія. Такъ наступило 26-е октября, и съ разсвѣтомъ скопище, поднявшись съ своихъ бивуакъ, двинулось къ Аркасу.

Въ Дженгутаѣ никто не ожидалъ грозы, но такъ какъ слухъ о пріѣздѣ Кази-Магомы въ Араканы уже ходилъ въ народѣ, то обозъ, отправленный въ тотъ день на Аркасъ, за дровами, былъ высланъ подъ прикрытіемъ дагестанской сотни Абдуррахмана Нуричева. Къ ней присоединились, въ качествѣ развѣдчиковъ, извѣстные сподвижники Лазарева, Кегерманъ и Шихшабекъ, приказавшіе однако своимъ сотнямъ, на всякій случай, быть на готовѣ. Приказаніе это, впрочемъ, по какому-то недоразумѣнію не было исполнено, и большая часть всадниковъ оказалась въ числѣ дроворубовъ. Даже въ самомъ Дженгутаѣ не было на готовѣ резерва: Ибрагимъ-ханъ былъ въ этотъ день занятъ пріемомъ у себя почетнаго гостя, Шамсудина Тарковскаго, Шихшабекъ и Кегерманъ уѣхали съ оказіей, а четыре сотни Дагестанскаго полка находились далеко въ табасаранскомъ походѣ.

Обозъ уже подходилъ къ Аркасу, когда Кегерманъ,

находившійся впереди, прислалъ сказать, что видитъ пяти-тысячную партію. Обозъ тотчасъ повернулъ назадъ, и арбы, обгоняя другъ друга, въ безпорядкѣ понеслись къ Дженгутаю; между тѣмъ сотня Нуричева вскочила на Аркасъ, и въ его котловинѣ очутилась лицомъ къ лицу съ Кази-Магомою. Отступать было невозможно; сотня спѣшилась, залегла за камнями, и здѣсь была атакована непріятелемъ въ 50 разъ превосходившимъ дагестанцевъ силами. Какъ только первая, самая бѣшеная атака была отбита, въ сотнѣ заиграла зурна и подъ ея одушевляющіе звуки всадники на глазахъ Кази-Магомы пустились танцовать лезгинку. Картина выходила поразительная. Съ одной стороны веселая пляска и музыка, съ другой гробовое пѣніе „Ляги-лагаиля-лага...“ Замѣтивъ по этому пѣнію, что горцы сейчасъ начнутъ вторую атаку, Нуричевъ, уже раненый пулею, приказалъ готовиться къ рукопашному бою. Всадники воткнули около себя обнаженныя шашки, чтобы имѣть ихъ подъ рукой, и сотня, такимъ образомъ, явилась какъ бы огражденною булатнымъ частоколомъ. Десять атакъ были отбиты одна за другою, четыре часа дралась сотня, и, конечно, была бы уничтожена, потому что у ней не было уже патроновъ, но какъ разъ въ эту минуту явилась помощь.

Первыми подоспѣли сюда жители Верхняго Дженгутая. Не имѣя однако возможности соединится со своими, они спѣшились на флангѣ непріятеля и, такимъ образомъ, заставили его раздѣлить свои силы; между тѣмъ прибыли сотни изъ Дуранги, Апши и Ахъ-Кента; изъ Нижняго Дженгутая прискакалъ самъ Ибрагимъ-ханъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Шамсудинъ съ своимъ казанищскимъ конвоемъ. Убѣдившись, что тревога распространилась по горнымъ деревнямъ, гдѣ стояла пѣхота, Кази-Магома не сталъ упорствовать въ своемъ намѣреніи и отступилъ за Аркасъ. Гнѣву его не было предѣловъ.

Онъ распустилъ партіи и, уѣзжая къ отцу, грозилъ наибамъ снять съ нихъ чалмы, какъ съ людей недостойныхъ носить этотъ атрибутъ мюридизма.

Лазаревъ, находившійся въ Кутишахъ, поздно узналъ о вторженіи Кази-Магомы, и хотя тотчасъ выступилъ съ своею акушинской конницей, но, спускаясь къ Чогламъ, получилъ извѣстіе объ отраженіи непріятеля. Такимъ образомъ ему не пришлось участвовать въ дѣлѣ, но пораженіе Кази-Магомы тѣмъ не менѣе являлось результатомъ всей его предшествовавшей дѣятельности, оставившей въ Мехтулѣ такіе порядки, которые и въ его отсутствіи держались прочно.

Этимъ закончились военныя дѣйствія 1855 года въ районахъ, ввѣренныхъ Лазареву. Его успѣшныя дѣйствія и выдающіяся административныя способности обратили на себя вниманіе новаго главнокомандующаго, генерала Муравьева, который въ концѣ 1855 года и потребовалъ его въ дѣйствующій корпусъ для управленія вновь покореннымъ Карсскимъ пашалыкомъ. Князь Орбеліани, поставленный этимъ приказаніемъ въ трудное положеніе, отвѣчалъ, что перемѣщеніе Лазарева является мѣрою крайне опасною, такъ какъ при недостаткѣ войскъ спокойствіе въ пограничныхъ областяхъ только и удерживается его личнымъ вліяніемъ на горцевъ. Онъ писалъ съ такою настойчивостію, что Муравьевъ, наконецъ, уступилъ, прибавивъ, однако, что оставляетъ Лазарева только на короткое время, въ продолженіи котораго князь Орбеліани долженъ пріискать ему достойнаго пріемника. Назначеніе это однако не состоялось. Вскорѣ начались переговоры о мирѣ, и Карсская область должна была отойти обратно къ Турціи.

Пока шла вся эта переписка, Иванъ Давыдовичъ не ослаблялъ своей дѣятельности, стараясь прежде всего развѣдать, какое впечатлѣніе оставилъ въ непокорныхъ обществахъ пріѣздъ Кази-Магомы. Лазутчики прі-

ѣзжали къ нему почти каждый день, но что бы провѣрить ихъ свѣдѣнія, онъ призвалъ однажды своего любимца Доногоногама и сказалъ ему: „возьми небольшую команду, съѣзди на Шеншерекъ и привези мнѣ какого нибудь araканца.“ Доногоногома былъ личностію весьма замѣчательною, какъ по своимъ выдающимся способностямъ, такъ и по громадной начитанности въ арабскихъ письменахъ. Впослѣдствіи онъ игралъ въ Дагестанѣ видную роль, но тогда это былъ еще юноша, взятый въ плѣнъ въ одномъ изъ послѣднихъ набѣговъ Хаджи-Мурата, и съ тѣхъ поръ сдѣлавшійся самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою русскихъ. Офиціально онъ, кажется, носилъ званіе младшаго муллы Дагестанскаго полка, но постоянно и безотлучно находился при Лазаревѣ, въ качествѣ его письмоводителя. Выслушавъ приказаніе, Доногоногома взялъ съ собою нѣсколько всадниковъ и отправился въ путь 15 января 1856 года. На Шеншерекѣ онъ не нашелъ никого, а потому пробрался черезъ Араканское ущелье къ самому аулу, гдѣ команда его остановилась, а самъ онъ въѣхалъ въ Араканы одинъ, пользуясь тѣмъ, что разыгравшаяся снѣжная вьюга разогнала караулъ, обыкновенно охранявшій ворота. Улица была пуста, и только у дверей какой-то сакли стоялъ высокій горецъ, закутанный въ большую лезгинскую шубу. Доногоногома проѣхалъ мимо, мурлыча какую-то аварскую пѣсню, но вдругъ, круто повернувъ коня, бросился на горца, схватилъ его поперегъ таліи, вскинулъ къ себѣ на сѣдло и умчался съ своею добычей прежде, чѣмъ крикъ, обезумѣвшаго отъ страха лезгина, достигъ до ближайшихъ саклей.

Плѣнный сообщилъ Лазареву много интересныхъ свѣдѣній о пребываніи Кази-Магомы въ Араканахъ, говорилъ, что горцы доведены до послѣдней степени матеріальнаго разоренія, но что тѣмъ неменѣе наибы, опасаясь гнѣва Шамиля, готовятъ къ веснѣ цѣлый рядъ

нападеній. Лазаревъ рѣшился предупредить ихъ, и цѣлью своего набѣга избралъ Бурундукальское ущелье. Но на этотъ разъ оно оказалось укрѣпленнымъ гораздо сильнѣе, нежели прежде. Вмѣсто старой стѣны горцы поставили новую въ пять аршинъ высотою, съ узкою калиткой и съ круглою двухъ-этажною башней, занятою карауломъ. Брать открытою силою такую стѣну было немыслимо, а потому Лазаревъ рѣшился пуститься на хитрость. 16 февраля 56-го года три дагестанскія сотни, отдѣленныя отъ его отряда, сѣли въ засаду, а десять человѣкъ охотниковъ отправились прямо къ стѣнѣ: семь шли въ оборванныхъ костюмахъ съ мѣшками за спиною, а трое были переодѣты женщинами и гнали передъ собою нѣсколько барановъ. Подойдя къ калиткѣ, они назвались бѣглыми шамхальцами и просили пропустить ихъ къ наибу. Караулъ, привлеченный любопытствомъ, покинулъ башню, но тѣмъ не менѣе потребовалъ, что бы пришедшіе мущины положили оружіе, Это неожиданное требованіе поставило нашихъ охотниковъ въ опасное положеніе; тогда урядникъ Кайхосро, видя, что времени терять нельзя, выстрѣлилъ, и переодѣтыя женщины первыя бросились на оплошавшій караулъ. Отбитый отъ башни, онъ бросился бѣжать въ Иргонай, а между тѣмъ на выстрѣлъ прискакали сотни, быстро размѣтали башню и опять угнали съ собою три кутана барановъ.

Горцы рѣшились отплатить намъ тою же монетой, и цѣлые два мѣсяца (мартъ и апрѣль) только и занимали насъ мелкими пограничными стычками. Однако же дерзость ихъ увеличивалась съ каждымъ днемъ. Такъ, однажды подъ самыми Кутишами какая-то партія дала залпъ по караульнымъ, возвращавшимся съ башни, и троихъ положила на мѣстѣ; въ другой разъ въ самыхъ Кутишахъ абреки зарѣзали армянина, торговавшаго краснымъ товаромъ, и если не разграбили лавки, то только потому, что подоспѣвшій патруль поднялъ тре-

вогу. Наконецъ, 18-го апрѣля случилось происшествіе и болѣе крупнаго характера. Ночь была чрезвычайно темная; ни одна звѣздочка не загоралась изъ-за тучъ, которыя низко ползли надъ землею. Въ это время большая партія кикунцевъ тихо окружила нашу сторожевую башню, стоявшую близъ Кутишинскаго озера, видимо расчитывая захватить гарнизонъ въ расплохъ. Но гарнизонъ бодрствовалъ. По этому, какъ только горцы, приставивъ свои пятисаженныя лѣстницы, кинулись на штурмъ, онъ встрѣтилъ ихъ въ упоръ убійственнымъ залпомъ. Горцы однако не смутились отъ этой неожиданности. Они поднимались по лѣстницамъ такъ быстро, что караулъ, неуспѣвшій вторично зарядить своихъ ружей, долженъ былъ отбиваться каменьями и всѣмъ, что попадалось подъ-руку. Нѣсколько горцевъ добрались уже до самыхъ бойницъ, когда гарнизону удалось опрокинуть нѣсколько лѣстницъ. Вопли полураздавленныхъ ими людей, угрозы и проклятія тѣхъ, которые были вверху, все смѣшалось въ одинъ общій гулъ, стоявшій надъ башней, а вѣстовая пушка между тѣмъ все чаще и чаще посылала свои призывные выстрѣлы, разнося кругомъ вѣсть объ опасномъ положеніи гарнизона. Два приступа были уже отбиты, когда наконецъ показались спѣшившіе навыручку наши резервы. Первымъ прискакалъ самъ Иванъ Давыдовичъ съ своимъ конвоемъ, но непріятеля уже не было. Вокругъ башни валялись только громадныя лѣстницы, запятнанныя кровью, до обломки оружія.

Все лѣто прошло въ тревогахъ. Горцы, напрягая послѣднія силы, нѣсколько разъ врывались въ Даргинскій округъ, или высылали туда конныхъ абрековъ,—но терпѣли вездѣ неудачи. Одна изъ большихъ партій, возвращавшаяся изъ-подъ Чогловъ, 22-го мая была настигнута самимъ Лазаревымъ, который преслѣдовалъ ее до самыхъ Кикунъ.

Съ абреками также приходилось возиться не мало. Однажды трое изъ нихъ, пробиравшіеся Губденскимъ ущельемъ, были настигнуты акушинскою сотней, выѣхавшей на тревогу изъ Лавашей. Видя, что уйти нельзя, абреки сами врѣзались въ сотню, и одинъ изъ нихъ убилъ сына лавашинскаго старшины, юношу, извѣстнаго своею храбростію. Абрекъ тутъ же былъ изрубленъ, но зато двое другихъ успѣли пробиться. Они уже проскакали значительное разстояніе, какъ были вторично настигнуты и окружены около селенія Авдалъ-ая. Здѣсь они защищались, какъ бѣшеные, уложили нѣсколько милиціонеровъ, но, въ концѣ концовъ, были сбиты съ лошадей и взяты въ плѣнъ. Лазаревъ приказалъ ихъ повѣсить.

Суровая расправа опять пріостановила на нѣкоторое время дѣйствія абрековъ тѣмъ болѣе, что наши охотничьи команды, выдвинутые на границу, стали забираться въ самую глубь непріятельской земли и, устроивая тамъ засады, держали въ блокадѣ цѣлые аулы.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ край прибылъ новый главнокомандующій князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, высадившійся въ Петровскѣ 12-го октября 1856 года. Современники помнятъ съ какимъ общимъ восторгомъ встрѣчено было на Кавказѣ извѣстіе объ этомъ назначеніи. Въ лицѣ Барятинскаго кавказскія войска впервые привѣтствовали начальника, котораго они привыкли считать своимъ, который командовалъ сперва казацкою сотней, потомъ батальономъ, полкомъ, бригадой, дивизіей, всѣмъ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи, былъ начальникомъ главнаго штаба,—и, такимъ образомъ, имѣлъ всѣ средства изучить и край, и горную войну, и народъ, съ которымъ ему приходилось теперь имѣть дѣло. Дѣйствительно, съ прибытіемъ Барятинскаго всѣ стали ожидать чего-то особеннаго, необыкновеннаго; все отъ Куры до Кубани и Терека наполнилось однимъ свѣтлымъ,

отраднымъ предчувствіемъ, поднимавшимся на встрѣчу грядущимъ событіямъ. Чудное было тогда настроеніе и въ войскахъ и въ народѣ! И это предчувствіе многихъ тысячь людей не могло оказаться ошибочнымъ. А, между тѣмъ, въ тотъ самый день, когда Петровскъ, разукрашенный флагами, ликовалъ, встрѣчая намѣстника, отъ Лазарева пришло тревожное извѣстіе, что Шамиль прибылъ въ Уллу-кала, а вслѣдъ за нимъ явились 22 наиба съ десяти-тысячнымъ войскомъ. Готовилось большое вторженіе въ Даргинскій округъ, и Лазаревъ, располагавшій всего однимъ батальономъ, просилъ подкрѣпленія. Вся даргинская милиція, вызванная изъ своихъ деревень, стояла уже на границѣ. На помощь къ ней, по распоряженію князя Орбеліани, быстро подошли шесть ротъ изъ ближайшихъ пунктовъ, и вмѣстѣ съ батальономъ, находившимся у Лазарева, заняли Кутишинскія высоты; за ними, въ видѣ резерва, расположились еще два батальона, прибывшіе изъ Дешлагара. Кромѣ того, главный резервъ, сосредоточенный въ Шурѣ, могъ въ одинъ, много въ полтора перехода поспѣть въ Акушу, чтобы поддержать расположенные тамъ отряды. Это грозное положеніе округа заставило Шамиля отказаться отъ своего намѣренія. Онъ ограничился одною демонстраціей, и, когда проѣхалъ главнокомандующій, распустилъ свои партіи.

Наступило опять затишье. Иванъ Давыдовичъ воспользовался имъ, что бы съѣздить въ отпускъ и на этотъ разъ посѣтилъ Тифлисъ, гдѣ ему пришлось узнать о нѣкоторыхъ административныхъ перемѣнахъ, готовившихся тогда въ Дагестанѣ. По поводу ихъ Лазареву пришлось имѣть даже продолжительную бесѣду съ самимъ главнокомандующимъ, такъ какъ вопросъ главнымъ образомъ касался Мехтулинскаго ханства, которое выдѣлялось изъ подъ его управленія подъ самостоятельную и наслѣдственную власть мехтулинскихъ хановъ.

Вопросъ этотъ тогда же былъ рѣшенъ окончательно, и князь Барятинскій писалъ военному министру, что эта мѣра вызывается, между прочимъ, и необходимостію облегчить сложныя и обширныя занятія полковника Лазарева, управляющаго двумя владѣніями, хотя и смежными, но рѣзко отличающимися народными адатами. „Отдѣленіе Мехтулы—писалъ онъ,—дастъ возможность Лазареву сосредоточить всю свою дѣятельность на одномъ Даргинскомъ округѣ, важномъ и по своему географическому положенію на пути къ Южному Дагестану, и по политическимъ движеніямъ, не разъ обнаруживавшимся среди его безпокойнаго населенія“.

Что же касается до Мехтулинскаго ханства, то Барятинскій признавалъ своевременнымъ ввести въ управленіе имъ, по праву наслѣдства, старшаго сына покойнаго владѣтеля—Ибрагима-хана, который съ достойнымъ образомъ мыслей соединялъ твердый характеръ и знанія, необходимые правителю.

Высочайшее повелѣніе объ этомъ послѣдовало 18-го марта 1857 года: Ибрагимъ возведенъ былъ въ ханское достоинство, а Лазаревъ назначенъ управляющимъ Даргинскимъ округомъ.

Глава XVI.

(1857—1858).

Положеніе дѣлъ на Кавказѣ въ началѣ 1857 года.—Набѣгъ Лазарева на Уллу-Кала.— Временное затишье на границахъ Даргинскаго округа.—Женитьба Лазарева.—Происшествія 1858 года: смерть Джамата, и набѣгъ Лазарева 8 мая къ Старымъ Салтамъ.—Попытки Лазарева войти въ сношенія съ горцами: Телитль, Чохъ и Араканы.—Агаларъ-ханъ, и его отношенія къ Лазареву.—Покушеніе на жизнь Ивана Давыдовича.—Кончина Агаларъ-хана и введеніе въ казикумыкскомъ ханствѣ русскаго управленія. — Назначеніе Лазарева въ Казикумыкъ.

Въ началѣ 1857 года, когда Лазаревъ возвратился изъ отпуска, новая система войны, принятая княземъ Барятинскимъ, находилась уже въ полномъ развитіи. Главныя военныя дѣйствія перенесены были въ Чечню, и эта классическая страна нашихъ неудачь должна была пасть первою, что бы открыть намъ свободный доступъ въ горы. Всѣ постороннія операціи, которыя могли бы отвлечь насъ отъ этой, твердо намѣченной цѣли, были строго воспрещены главнокомандующимъ. Шамиль видѣлъ ясно, что русскіе вышли наконецъ на настоящую дорогу и сосредоточилъ въ Чечнѣ всѣ свои силы, чтобы остановить настойчивое, упорное наступленіе, которое велъ Евдокимовъ. Весь Дагестанъ вышелъ на помощь къ чеченцамъ. Койсубулинскіе аулы почти совсѣмъ опустѣли, и тревожить наши границы со стороны Даргинскаго округа и Казикумыкскаго ханства было не кому. Но за то и мы, выжидая результатовъ на главномъ театрѣ войны, могли держать въ этой части края лишь незначительные гарнизоны, едва достаточные для обороны собственныхъ своихъ укрѣпленій. Только однажды, весною 1857-го года, когда главнокомандующій производилъ рекогносцировку дорогъ, ведущихъ съ Кумыкской плоскости въ Аухъ и Салатавію, Лазаревъ получилъ приказаніе сдѣлать сильный набѣгъ къ

старому Гергебилю, чтобы отвлечь въ ту сторону вниманіе непріятеля.

Лазаревъ собралъ шесть конныхъ сотенъ, и въ ночь на 27-е апрѣля, спускаясь съ Кутишинскихъ высотъ, наткнулся на горскій пикетъ, выставленный почти у самой дороги. Видя, что движеніе наше открыто, Лазаревъ со всею конницей, не теряя времени, понесся на Уллу-Кала, изрубилъ караулъ, охранявшій ворота, и изъ-подъ самыхъ стѣнъ крѣпости выхватилъ 500 головъ баранты.

Смѣлый набѣгъ обратилъ на себя вниманіе главнокомандующаго, и Иванъ Давыдовичъ былъ награжденъ золотою шашкою „за храбрость".

Затѣмъ на пограничной чертѣ опять водворяется полное спокойствіе, и журналы военныхъ происшествій Даргинскаго округа не представляютъ за весь 1857-й годъ ни одного, сколько-нибудь выдающагося случая. За то въ домашнемъ быту Ивана Давыдовича, въ его частной жизни, годъ этотъ ознаменованъ былъ важнымъ событіемъ—женитьбою его на Аннѣ Давыдовнѣ Херодиновой, дочери потомственнаго тифлисскаго дворянина, съ которой онъ обручился въ Тифлисѣ. Свадьба назначена была въ маѣ мѣсяцѣ; но такъ какъ Иванъ Давыдовичъ не могъ въ это время покинуть Дагестанъ, то невѣста его, вмѣстѣ съ родными, пріѣхала въ Дербентъ, и обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ тамошней армянской церкви.

Послѣ свадьбы молодые поселились въ Кутишахъ, въ томъ самомъ замкѣ, который построенъ былъ Иваномъ Давыдовичемъ, и тихая семейная жизнь ихъ только изрѣдка разнообразилась боевыми тревогами, да происшествіями, заставлявшими говорить о себѣ, какъ о событіяхъ, выходившихъ изъ ряда обычныхъ явленій. Однажды напр., весь Даргинскій округъ былъ пораженъ вѣстью, что начальникъ Уллу-калинскаго гарни-

зона, нѣкто Джаматъ, извѣстный наѣздникъ, носившій званіе „пятисотеннаго“,— слѣдовательно, лицо, занимавшее въ военной іерархіи горцевъ видное мѣсто,— убитъ въ нашихъ предѣлахъ. Оказалось, что Джаматъ имѣлъ у насъ кровника въ лицѣ прапорщика Богомы, командовавшаго одной изъ акушинскихъ сотенъ, и рѣшилъ свести съ нимъ старые счеты. Съ этою цѣлью, въ ночь съ 23-го на 24-е января 1858 года, онъ, съ тремя своими нукерами, пробрался въ деревню Уллу-ая, гдѣ квартировала сотня, и розыскавъ домъ Богомы, спустилъ въ трубу мѣшокъ, начиненный порохомъ. Къ счастію, въ этой половинѣ дома никто не жилъ, и взрывъ не причинилъ другого вреда, кромѣ разрушенія сакли. Такимъ образомъ голова Богомы уцѣлѣла, а Джаматъ оставилъ у насъ свою собственную. Настигнутый Богомой, почти у самой деревни, онъ дрался, какъ бѣшенный, но въ концѣ концовъ былъ изрубленъ однимъ акушинцемъ, по имени Али-Хаджи-Омаръ-оглы. Нукеры его успѣли бѣжать, и тѣло Джамата осталось въ нашихъ рукахъ. Лазаревъ придавалъ большое значеніе этой стычкѣ и исходатайствовалъ Богомѣ слѣдующій чинъ, а Али-Хаджи—знакъ отличія военнаго ордена.

Если къ этому происшествію прибавить набѣгъ, сдѣланный Лазаревымъ 8-го мая въ то время, когда дагестанскій отрядъ готовился къ большой экспедиціи въ Салатавію, то этимъ и закончится боевая хроника Даргинскаго округа въ теченіи всего 1858-го года. Объ этомъ набѣгѣ слѣдуетъ однако сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ результаты его не замедлили сказаться на общемъ ходѣ военныхъ и политическихъ событій въ краѣ.

Дѣло произошло въ окрестностяхъ старыхъ Салтовъ, гдѣ сосѣдніе жители принялись было распахивать свои давно заброшенныя земли. Лазаревъ, узнавъ объ этомъ, устроилъ засаду и напалъ на нихъ внезапно въ

самый разгаръ полевой работы. Двѣ сотни, скрывавшіяся съ нимъ въ салтинскихъ садахъ, вдругъ бросились на горское прикрытіе и, опрокинувъ его въ Кара-Койсу, устремились на жителей. Передъ ними все побѣжало, а между тѣмъ другія двѣ сотни, пустившіяся на перерѣзъ, захватили Салтинскій мостъ и отрѣзали жителямъ отступленіе. Тогда въ полномъ смятеніи горцы стали бросаться прямо въ бушующую Койсу, и множество людей, особенно женщинъ, унесенныхъ быстрымъ теченіемъ, исчезло въ пучинѣ. Разгромъ былъ полный, и вѣсть объ этомъ пронеслась такъ быстро, что партіи, ушедшія отсюда въ Салатавію, поспѣшно возвратились назадъ, чтобы стать на стражѣ собственныхъ своихъ очаговъ.

Главнокомандующій вполнѣ оцѣнилъ смѣлыя дѣйствія акушинской конницы, и Лазаревъ получилъ орденъ св. Анны 2-ой степени съ Императорскою короной и мечами, какъ за разновременныя дѣла съ непріятелемъ, такъ и за отличное управленіе Даргинскимъ округомъ, „черезъ который, по выраженію намѣстника, не проходила безнаказанно ни одна, даже малая партія“.

Этимъ закончилось участіе Лазарева въ военныхъ дѣлахъ 1857 и 1858 годовъ. Но за то другая сторона его дѣятельности, сторона чисто административная, никогда еще не получала такого широкаго развитія, какъ именно въ эти два послѣдніе года. Внимательно слѣдя за всѣмъ, что дѣлалось въ горахъ, онъ, съ искусствомъ опытнаго политика, пользовался каждымъ обстоятельствомъ, чтобы входить въ сношенія съ нѣкоторыми вліятельными людьми въ горахъ, и черезъ нихъ постепенно подготовлять народъ къ мысли о неизбѣжности близкаго подчиненія его русскому владычеству. Въ этомъ отношеніи—и матеріальное оскудѣніе горцевъ, и утомленіе ихъ вѣчною, ни на минуту не перерывавшеюся войною, и погромы Чечни, и покореніе Ауха и Са-

латавіи, передававшее въ наши руки господство надъ долиной Андійскаго Койсу—все давало ему поводъ дѣйствовать на умы народа, и, незамѣтно для него самаго, постепенно расшатывать власть и могущественное обояніе Шамиля. Его заслуга та,—что онъ съумѣлъ разгадать настроеніе массъ и шелъ, можно сказать, на встрѣчу общимъ желаніямъ.

Первыя сношенія его начались съ извѣстнымъ Кибитъ-Магомою, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей въ Дагестанѣ, какъ по обширному уму и учености, такъ и потому уваженію, которымъ онъ пользовался за свою подвижническую жизнь, близко граничившую съ религіознымъ экстазомъ. Если опасенъ фанатизмъ политическій, одушевляющій людей идеями свободы, то еще опаснѣе фанатизмъ религіозный, съ его идеями о Богѣ, о вѣчной правдѣ и загробномъ блаженствѣ; въ лицѣ же Кибитъ-Магомы соединялись оба фанатизма вмѣстѣ. Онъ былъ изъ первыхъ послѣдователей мюридизма, когда эта секта не выдвигалась еще на политическое поприще, и жилъ тогда простымъ отшельникомъ въ пещерѣ, которую и по нынѣ показываютъ по дорогѣ къ Тилитлю. Изъ этой-то мрачной, но окруженной ореоломъ святости, кельи вызвалъ его Шамиль на сцену военной жизни и передалъ въ его молитвенныя руки мечъ на защиту корана. Этому-то, крѣпкому вѣрой, мечу Телитль и былъ обязанъ своею громкою историческою славой.

Что послужило причиною вражды между Кибитъ-Магомой и Шамилемъ въ точности неизвѣстно, но надо полагать, что старый кадій предвидѣлъ уже печальный исходъ борьбы для имама и заблаговременно подумывалъ о томъ, чтобы отложиться отъ него со всѣми своими обществами. Лазаревъ, узнавшій объ этомъ, тотчасъ отправилъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ людей Кегермана Самвелова, который, поселившись въ Телитлѣ подъ видомъ бѣглаго акушинца, повелъ пере-

говоры. Кибитъ-Магома дѣйствительно соглашался сдать намъ Телитль, но требовалъ, что-бы русскія войска подошли подъ крѣпость. Послѣдняго сдѣлать было нельзя, во первыхъ потому, что свободныхъ войскъ не было, а во вторыхъ и князь Барятинскій отнесся къ занятію Телитля не совсѣмъ сочувственно, опасаясь, что это вовлечетъ насъ въ какое нибудь рискованное предпріятіе въ то время, когда намъ оставалось много дѣлъ еще въ Аухѣ и въ Салатавіи. Переговоры такимъ образомъ замедлились, но тѣмъ не менѣе въ Тилитлѣ осталась преданная намъ партія, которая постепенно продолжала распространять свое вліяніе и на сосѣднія общества.

Почти тоже самое происходило въ Чохѣ, въ главномъ селеніи Андаляльскаго общества, памятномъ своею упорной обороной противъ князя Аргутинскаго въ 1849 году. Въ Чохѣ въ это время жилъ нѣкто Исламъ, командовавшій конвойною наибскою сотней; этотъ молодой и пылкій человѣкъ, подъ вліяніемъ аффекта, вызваннаго въ немъ нашей пропогандой, успѣвшей проникнуть и за крѣпкія стѣны Чоха, прислалъ просить поддержки и покровительства Лазарева въ томъ случаѣ, если онъ убьетъ наиба и, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, захватитъ въ свои руки всѣ чохскія укрѣпленія съ тѣмъ, что бы передать ихъ русскимъ. Предложеніе очевидно шло отъ чистаго сердца, но Лазаревъ видѣлъ, что одинъ Исламъ не въ состояніи исполнить задуманнаго имъ предпріятія, а потому посовѣтовалъ ему предварительно составить себѣ въ народѣ сильную партію, указавъ даже на двухъ вліятельныхъ лицъ, Муюта и Омара, находившихся также во враждѣ съ наибомъ. Надо сказать, что это было уже второе предложеніе, шедшее изъ Чоха; первое, сдѣланное еще въ началѣ 58-го года, окончилось полнѣйшей неудачей, такъ какъ кто-то предупредилъ наиба, и виновные были имъ арестованы. Теперь надо было дѣйствовать осторожно, но тѣмъ не

менѣе Исламъ принялся за дѣло съ такою энергіей, что партія была сформирована имъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, и самъ онъ, пробравшись въ Цудахаръ, имѣлъ свиданіе съ Лазаревымъ. Послѣдній успѣлъ однако уговорить его отложить все предпріятіе до будущаго года, такъ какъ время для занятія Чоха было для насъ не благопріятно, а безъ сильной поддержки русскихъ Исламу едва-ли удалось-бы удержать за собою чохскія укрѣпленія. Для Лазарева довольно было знать, что въ Чохѣ существуетъ партія нашихъ сторонниковъ, а затѣмъ уже самое занятіе Чоха являлось вопросомъ только не далекаго времени.

Еще удачнѣе сложились для насъ дѣла въ Араканахъ, благодаря случайности, на которую никто не расчитывалъ, кромѣ Лазарева. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: извѣстный уже читателямъ Доногоногома, письмоводитель и человѣкъ приближенный къ Лазареву, внезапно бѣжалъ къ непріятелю. Сначала никто не хотѣлъ повѣрить этому слуху, но вечеромъ явился татаринъ, который сообщилъ, что видѣлъ его въ Оглахъ, и что онъ поручилъ ему передать полковнику Лазареву имянную татарскую печать, которую, собираясь въ путь, захватилъ съ собой по ошибкѣ. На другой день пришло письмо и отъ самого Доногоногомы, находившагося уже въ Араканахъ. Онъ просилъ прощенія за свой проступокъ, но оправдывался тѣми угрозами, которыя Шамиль будто-бы дѣлалъ его престарѣлымъ родителямъ. Всѣхъ удивило то обстоятельство, что Лазаревъ, прочитавъ это письмо, не обнаружилъ ни гнѣва, ни даже удивленія. Потомъ уже узнали, что бѣгство Доногоногомы сдѣлано было съ согласія Лазарева, и что послѣдній основывалъ на томъ свои особенные планы.

Дѣйствительно, Шамиль, обрадованный возвращеніемъ Доногоногомы, тотчасъ назначилъ его араканскимъ наибомъ, расчитывая, что, молодой честолюбивый наибъ,

поставленный въ сосѣдство съ Лазаревымъ, будетъ вредить ему на каждомъ шагу; но Шамиль ошибся въ расчетѣ. Доногоногома продолжалъ поддерживать тайныя сношенія съ русскими, и, насколько могъ, удерживалъ отъ набѣговъ своихъ араканцевъ.

Съ однимъ кикунскимъ наибомъ нельзя было завязать никакихъ сношеній. Упрямый Абакаръ на всѣ подходы отвѣчалъ однимъ, что повѣситъ каждаго кого замѣтитъ въ сношеніяхъ съ русскими. Пришлось отъ него отступиться. „Ну, и пусть его харахориться, -- сказалъ съ досадою Лазаревъ, когда лазутчикъ передалъ ему послѣднія слова Абакара:—онъ не видитъ, что творится кругомъ; потомъ спохватится, да будетъ уже поздно“.

А кругомъ, дѣйствительно, творилось что-то необыкновенное. Весь Дагестанъ кишилъ заговорщиками. И чѣмъ суровѣе становился режимъ колеблющейся власти имама, тѣмъ сильнѣе должна была проявиться въ народѣ реакція. Правда, враги Шамиля еще не смѣли явно раскрыть свои карты, но уже чувствовалась ихъ внутренняя сила, и приверженцы стараго порядка съ недоумѣніемъ глядѣли на эти, недавно покорныя имъ племена, которыя готовились сбросить съ себя ярмо мюридизма, недавшаго имъ ничего, кромѣ неслыханныхъ въ народныхъ исторіяхъ бѣдствій. Справедливо сказалъ поэтъ, глядя на голыя вершины Дагестана:

За горами горы
Хмарою повиты,
Засѣяны горемъ
Кровію политы.

Но и надъ этими, засѣянными горемъ и политыми кровью, горами уже занималась заря освобожденія.

Нельзя не сказать, къ сожалѣнію, что дѣятельность Лазарева во многомъ парализовалась непріязненными отношеніями къ нему правителя сосѣдняго Казикумыкскаго ханства Агаларъ-бека, человѣка замѣчательнаго, какъ

по громаднымъ способностямъ, такъ и по недостаткамъ своего сильнаго и властнаго характера. Красавецъ собою, полный кипучей энергіи, онъ держалъ ханство въ желѣзныхъ рукахъ, заставляя трепетать передъ собою буйныхъ, всегда готовыхъ къ мятежу, казикумыкцевъ, Въ этомъ отношеніи онъ не стѣснялся законами, и въ своихъ владѣніяхъ практиковалъ смертную казнь. Русскія власти отлично знали все, что дѣлается въ стѣнахъ кумухскаго замка, но смотрѣли на это сквозь пальцы, понимая, что подрывать авторитетъ Агалара въ народѣ имъ не приходится... Пока Агаларъ сидѣлъ въ Кумухѣ, мы могли быть спокойны, зная, что ханство не пошевелится ни при какихъ угрозахъ или пропогандахъ Шамиля. Но эта была одна сторона его дѣятельности; другая, скрытая отъ постороннихъ глазъ, представляла собою картину полной разнузданности дикой, азіатской натуры. Всѣ страсти у Агалара принимали колоссальные размѣры, но самою сильною страстью—было честолюбіе, не дававшее ему покоя. На этой-то именно почвѣ, какъ мы уже знаемъ, и разыгралась вражда его къ Ивану Давыдовичу, когда тотъ явился защитникомъ правъ малолѣтняго мехтулинскаго хана. Съ тѣхъ поръ вражда эта годъ отъ году принимала все болѣе и болѣе острый характеръ. Напрасно князь Орбеліани старался примирить противниковъ. Агаларъ не шелъ ни на какія уступки. По его понятіямъ онъ сдѣлалъ все, чтобы быть грознымъ охранителемъ русскихъ границъ, держать, не выпуская изъ рукъ, интересы правительства во всемъ, что касалось Казикумыкскаго ханства,—а до остальнаго никому не было дѣла. Естественно, что подобное положеніе невольно отражалось на интересахъ обоихъ сосѣднихъ владѣній и порождало между ними взаимное неудовольствіе. Случилось даже разъ, что казикумыкцы, поощряемые ханомъ, захватили цѣлый участокъ земли, принадлежавшій Цудахарскому аулу и поставили на

немъ свою сторожевую башню. Цудахарцы заволновались. А такъ какъ поземельные споры въ Дагестанѣ всегда носили острый характеръ, то Лазаревъ счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія командующаго войсками. Князь Орбеліани самъ прибылъ на мѣсто происшествія, разобралъ дѣло въ присутствіи обѣихъ сторонъ, и, отъѣзжая въ Кумухъ, обѣщалъ цудахарцамъ, что башня будетъ срыта. Но цудахарцамъ хотѣлось, чтобы башня была срыта теперь-же, на глазахъ казикумыкской конницы, прибывшей сюда для встрѣчи Орбеліани. Когда это не было исполнено, тогда толпа молодежи сама бросилась на башню, взяла ее приступомъ и разметала по камнямъ. Казикумыкская конница ввязалась въ дѣло и начала перестрѣлку; съ обѣихъ сторонъ появились убитые и раненные. Къ счастію, князь Орбеліани, отъѣхавшій еще не далеко, возвратился назадъ и возстановилъ порядокъ. Главные зачинщики были арестованы, но ненавистная цудахарцамъ башня уже не возобновлялась. Въ такой же, если еще не въ болѣе рѣзкой формѣ проявлялось недоброжелательство Агалара къ Лазареву въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о сношеніяхъ съ немирными горцами. Здѣсь Агаларъ, преслѣдовавшій свои честолюбивые замыслы, уже всячески старался подрывать авторитетъ и вліяніе Лазарева. Очевидцы передаютъ, что ханскіе нукеры систематически перехватывали письма Самвелова, отправляемыя имъ изъ Телитля, и что потомъ эти письма, какимъ-то невѣдомымъ путемъ, очутились въ рукахъ у Шамиля, который распорядился учредить надзоръ и надъ Кибитъ-Магомою, и надъ братомъ его Муртазали, бывшимъ тилитлинскимъ наибомъ.

Разсказываютъ также, что и въ Чохѣ первая наша неудача произошла вслѣдствіе письма, полученнаго изъ Казикумыка. Впослѣдствіи Лазаревъ выкупилъ этотъ интересный документъ за сто рублей серебромъ,

хотя наибъ согласился на это не сразу, а предварительно посылалъ узнать мнѣніе Шамиля.—„Отдай“, отвѣчалъ ему имамъ: „пусть эти волки грызутся между собою“. Оба эти случая избѣгли огласки, но вслѣдъ затѣмъ случилось происшествіе, которое поставило командующаго войсками въ крайне затруднительное положеніе.

Однажды, весною 1858-го года, объѣзжая Даргинскій округъ, Лазаревъ остановился ночевать въ с. Мекеге у одного знакомаго горца. Въ самую полночь нукеры, сторожившіе саклю, схватили человѣка, пытавшагося бросить въ подвальный этажъ мѣшокъ, въ которомъ оказалось болѣе пуда пороха. Преступникъ очевидно хотѣлъ взорвать домъ, гдѣ ночевалъ Иванъ Давыдовичъ, а потому его тотчасъ-же отправили въ Шуру, для производства надъ нимъ слѣдствія. На допросѣ онъ показалъ, что его зовутъ Азія-шейхъ-Мамедъ-оглы, что онъ нукеръ казикумыкскаго хана и дѣйствовалъ по его повелѣнію. Такъ-ли это было—слѣдствіе не выяснило, ибо Агаларъ лежалъ въ это время уже на смертномъ одрѣ. Онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ; болѣзнь перешла въ грудную водянку и преждевременно свела въ могилу этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка. Онъ умеръ 16 іюля 1858 года.

„Потеря этого способнѣйшаго изъ дагестанскихъ владѣтелей, и искренно преданнаго правительству человѣка, управлявшаго ханствомъ съ твердостью и благоразуміемъ въ продолженіи десяти лѣтъ самаго тревожнаго времени“—писалъ по этому поводу баронъ Врангель къ князю Барятинскому—„тѣмъ болѣе для насъ чувствительна, что сынъ его, Джафаръ-бекъ, не достигъ еще совершеннолѣтія, а другіе его родственники не отличаются ни способностями, ни душевными качествами“.

Въ такихъ обстоятельствахъ Врангель призналъ за лучшее навсегда отдѣлаться отъ ханскаго дома, и ввѣ-

рилъ управленіе Казикумыкомъ русскому штабъ-офицеру, полковнику Клугену, бывшему до того начальникомъ Самурскаго округа, слѣдовательно, человѣку, повидимому, опытному и хорошо знакомому съ туземными обычаями.

Къ сожалѣнію, полковникъ Клугенъ не оправдалъ довѣрія и своими поступками вызвалъ со стороны народа такія жалобы и ропотъ, что Врангель въ томъ же году вынужденъ былъ просить о назначеніи на мѣсто его полковника князя Александра Аргутинскаго-Долгорукова *). Аргутинскій, человѣкъ израненный, отказался отъ этого мѣста, и главнокомандующій самъ предложилъ барону Врангелю на выборъ: князя Багратіона, командовавшаго Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ, или князя Захарія Чавчавадзе, служившаго въ Нижегородскомъ полку. Но оба они вслѣдъ затѣмъ получили другія назначенія **). А такъ какъ ханство не могло оставаться подъ управленіемъ Клугена, то Врангель своею властью отчислилъ его отъ должности, а временное управленіе Казикумыкомъ поручилъ Ивану Давыдовичу Лазареву.

Назначенію этому предшествовалъ слѣдующій приказъ, отданный барономъ Врангелемъ 20-го декабря 1858-го года.

„Народъ Казикумыкскій!

„Я назначаю управляющимъ вами полковника Лазарева.

„Полковникъ Лазаревъ давно служитъ въ Дагестанѣ; ему отлично извѣстны вашъ бытъ и ваши нужды; обратитесь къ нему съ полнымъ довѣріемъ, и онъ употребитъ всѣ свои средства, что бы вамъ помочь. Ему я поручаю войска; находящіяся въ Казикумыкѣ для за-

---

*) Племянникъ князя Моисея Захарьевича.

**) Князь Богратіонъ назначенъ былъ командиромъ Сѣверскаго драгунскаго полка, а князь Чавчавадзе—Дагестанскаго конно-иррегулярнаго.

щиты вашей земли отъ непріятеля; ему я даю полную власть, чтобы ввести у васъ порядокъ.

„Вы мнѣ жаловались на бывшаго вашего управляющаго полковника Клугена. Посылаю къ вамъ теперь своего довѣреннаго адъютанта капитана Старосельскаго, что бы разобрать ихъ.

„Выскажите ему откровенно, безъ утайки и прибавленій, все, въ чемъ заключается ваше неудовольствіе“.

Лазаревъ выѣхалъ изъ Кутишей вмѣстѣ съ Старосельскимъ, сопровождаемый своимъ казачьимъ конвоемъ и большою свитою. Вездѣ по дорогѣ его встрѣчали старшины, знатнѣйшіе беки и почетные жители ханства. У воротъ Кумыха выстроена была нарядная милиція въ тѣхъ-же бѣлыхъ черкескахъ и въ бѣлыхъ папахахъ, какъ при Агаларѣ. Она отдала ему воинскую честь и привѣтствовала его восторженными криками. Но тутъ же къ ногамъ его лошади бросилась какая-то женщина, бившаяся о землю и громко молившая о пощадѣ. Лазаревъ остановился. „Встань! и скажи что тебѣ нужно“, сказалъ онъ громко. Женщина оказалась матерью несчастнаго Азія-Шейхъ-Мамедъ-Оглы, судимаго за покушеніе на жизнь Ивана Давыдовича.

„Именемъ Намѣстника, произнесъ торжественно Лазаревъ, объявляю тебѣ о его помилованіи“. Нукеръ тутъ же поскакалъ въ Шуру съ запискою къ тамошнему коменданту, и Азія, освобожденный изъ тюрьмы, былъ возвращенъ его матери. Вся эта сцена произвела на народъ сильное впечатлѣніе.

Проѣзжая по улицамъ Кумуха, Лазаревъ остановился передъ мрачною группою надгробныхъ памятниковъ, высившихся на площади передъ самою крѣпостью. Это были могилы русскихъ офицеровъ, и между ними бросался въ глаза высокій обелискъ, съ высѣченнымъ на немъ георгіевскимъ крестомъ. Лазаревъ зналъ, что даже татары проходятъ мимо этой могилы съ глубокимъ

благоговѣніемъ, и обнажилъ свою голову. Здѣсь былъ похороненъ извѣстный герой Ширванскаго полка подполковникъ Бибановъ, погибшій въ салтинскихъ садахъ въ то время, когда Лазаревъ въ томъ же Ширванскомъ полку командовалъ ротою. Тутъ же, возлѣ этихъ памятниковъ, на грубомъ, старинномъ лафетѣ стояла салтинская пушка,—та самая, которая была взята ротой поручика Лазарева во время бѣгства салтинскаго гарнизона. Миновавъ эти историческіе памятники, Лазаревъ поднялся въ гору и въѣхалъ въ замокъ,—древнее жилище казикумыкскихъ хановъ.

Глава XVII.

(1859).

Лазаревъ въ роли правителя Казикумыка.—Начало 1859 г. — Набѣгъ Лазарева на Уллу-Кала и взятіе предмостной башни.—Переписка по этому поводу между княземъ Барятинскимъ и барономъ Врангелемъ. — Секретное порученіе Лазареву. — Назначеніе его начальникомъ Средняго Дагестана и командующимъ въ немъ войсками.—Лѣтняя экспедиція въ горы — Лазаревъ въ отрядѣ Манюкина.—Покорность койсубулинцевъ и подчиненіе ихъ Лазареву.—Сдача Уллу-Калы.—Вліяніе Лазарева на вновь покорившихся горцевъ.

На другой день послѣ вступленія Лазарева въ Кумухскій замокъ, издана была имъ прокламація, устанавливающая новые порядки и истолковывающая народу его права и обязанности.

Вотъ эта замѣчательная прокламація:

„Народъ Казикумыкскій! По распоряженію командующаго войсками въ краѣ, я прибылъ управлять вами.

„Я зналъ васъ прежде, когда еще служилъ въ полку. Потомъ, управляя по сосѣдству Мехтулинскимъ ханствомъ и Даргинскимъ округомъ, я ближе познакомился съ вашими нуждами. Теперь же, прибывъ сюда, я убѣдился дѣйствительно, что вы народъ бѣдный, что деревни ваши разорены мюридами, но что вы также, какъ и прежде, остались вѣрными и преданными русскому Государю. По этому, вступая въ управленіе вами, считаю первою обязанностію позаботиться о благосостояніи вашемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъяснить вамъ и ваши обязанности.

1) Вы будете доставлять войскамъ, расположеннымъ у васъ, кизякъ, но съ платою по 12 р. отъ каждой сажени, и никто не удержитъ ни одной копѣйки изъ слѣдуемыхъ вамъ денегъ. За это я вамъ порукою.

2) Вы будете давать чапарскихъ лошадей кому бы то ни было, но неиначе, какъ за указанные мною про-

гоны, и только больныхъ солдатъ обязуетесь перевозить безплатно.

3) Винные откупа, которые существовали у васъ— уничтожаются; уничтожается и пошлина, которую брали съ торгующихъ скотомъ. Пусть каждый христіанинъ и мусульманинъ торгуетъ свободно.

4) До сихъ поръ съ каждаго, посаженнаго въ яму, у васъ брали штрафъ по рублю серебромъ; отнынѣ этого не будетъ: подобные налоги могутъ существовать у Шамиля, но не въ государствѣ русскаго Императора.

5) Не уничтожая обычаевъ предковъ вашихъ, я даю право кадіямъ и старшинамъ рѣшать ваши споры по шаріату и адату; но если старшины и кадіи не въ состояніи будутъ рѣшить тяжбы ваши,—приходите ко мнѣ.

6) Объявляю также, что, при какихъ бы то ни было спорахъ, дѣла десяти лѣтней давности приниматься къ разсмотрѣнію мною не будутъ.

7) Я буду слѣдить самъ, чтобы кадіи и старшины ваши были делеки отъ взятокъ. Предваряю, что строго и безпощадно накажу того, кто возьметъ хотя что либо отъ народа. Всякая взятка противна русскимъ законамъ и шаріату пророка Вашего.

8) Возвращеніе купленнаго скота бывшему хозяину по истеченіи долгаго времени, какъ это у васъ водилось, воспрещается, а назначаю для этого только восьми-дневный срокъ, по истеченіи котораго уже никто не имѣетъ права возвращать купленную скотину и требовать за оную деньги обратно.

9) Приказываю, что бы никто изъ васъ не смѣлъ арестовывать чужую собственность; это есть насиліе, котораго я не потерплю; нарушившій это будетъ наказанъ 30-ю плетями и посланъ на мѣсяцъ въ караулъ въ самую дальнюю пограничную деревню.

10) Приказываю также, что бы среди васъ не было воровства. Кто будетъ уличенъ въ этомъ поступкѣ, того

накажу 50 ударами плетей; а кто попадется въ другой разъ—тотъ будетъ сосланъ въ Сибирь. Если бѣглый (абрекъ) угонитъ у кого либо скотъ - за него заплатятъ родственники абрека.

11) Если гдѣ либо будетъ найденъ убитый и не будетъ розысканъ убійца,—я припишу злодѣяніе ближайшей деревнѣ.

12) Приказываю вамъ избѣгать всякихъ ссоръ, которыя оканчиваются у васъ не рѣдко ранами, увѣчьями и даже смертію. Если это случится, если пролита будетъ чья либо кровь, то я на первый разъ, снисходя къ вашимъ обычаямъ, предоставляю рѣшить такое дѣло по шаріату или адату. Но если это повторится въ другой разъ, то кадіи и старшины обязываются прислать ко мнѣ виновнаго связаннымъ, и я поступлю съ нимъ не по обычаямъ вашимъ, а по законамъ русскимъ.

13) Если же кто изъ васъ хоть пальцемъ притронется къ русскому солдату, или не окажетъ должнаго уваженія офицеру,—тотъ на первый разъ будетъ посаженъ въ яму, а при повтореніи этого—сосланъ въ Сибирь и уже никогда не вернется на родину.

14) Снисходя къ бѣдности вашей, я оставляю на службѣ только три сотни милиціи и сотню нукеровъ. Эта милиція будетъ набираться на всемъ пространствѣ Казикумыкскаго ханства, исключая Ихрека, Аштикулинскаго магала, Хозрека и Чираха, по причинѣ ихъ отдаленности. Но взамѣнъ этой обязанности я дамъ ихъ жителямъ другого рода службу.

15) Милиціи будетъ производится жалованье; но такъ какъ она обязана пограничною службою и должна нести большіе труды, то жители обязаны платить на содержаніе ее съ каждаго дыма по рублю. Ихрекцы-же и другіе, не несущіе военной повинности, пусть платять по два рубля. На эту же сумму будутъ содержаться и конные чапары.

16) Что же касается до сотни нукеровъ, то она будетъ обезпечена всѣмъ отъ казны.

17) За каждую лошадь, убитую, за время моего управленія, непріятелемъ, я буду выдавать каждому милиціонеру по 40 рублей, хотя бы лошадей убито было въ одинъ день и значительное число. Надѣюсь, что и другой начальникъ, который будетъ послѣ меня, будетъ также платить вамъ, принимая во вниманіе преданность и усердную службу вашу.

18) Для облегченія вашего я буду каждый годъ перемѣнять по десяти человѣкъ въ каждой сотнѣ. Но сотни должны быть постоянно полны, и милиціонеры должны имѣть хорошихъ лошадей. Кто не будетъ хорошо смотрѣть за своею лошадью,—тотъ будетъ наказанъ.

19) Такъ какъ вы народъ храбрый, то должны стараться служить вѣрно. Если кто либо изъ васъ сдѣлаетъ отличіе, я не оставлю его безъ вниманія, и буду ходатайствовать о наградѣ, смотря по заслугамъ.

20) Съ другой стороны всякое тайное сношеніе съ мюридами, торговля съ ними, въ особенности продажа имъ пороха и соли—признаю измѣной, и преступникъ будетъ наказанъ или смертью или вѣчною ссылкой въ Сибирь.

21) Благодаря Бога, вы видѣли дѣйствія Шамиля съ начала мюридизма до настоящаго времени. Онъ языкомъ говоритъ о религіи, а на сердцѣ у него желаніе грабить народъ. Русскій Императоръ, давая полную свободу исповѣдованію религіи вашей, повелѣваетъ вамъ вѣрно служить ему, а начальникамъ заботиться о благосостояніи вашемъ, уважая бѣдность вашу и преданность вашу.

22) Такъ какъ я поставленъ начальникомъ двухъ владѣній: Даргинскаго округа и Казикумыкскаго ханства, то пребываніе мое, какъ въ Кумухѣ, такъ и въ

Кутишахъ, можетъ быть только временное, а потому приказываю въ отсутствіи моемъ исполнять приказанія моего помощника; кто же выйдетъ изъ повиновенія къ нему, тотъ будетъ строго наказанъ.

23) Теперь вы знаете, что я отъ васъ требую, и что вы должны дѣлать. Двери моего замка всегда открыты; обиженные пусть приходятъ ко мнѣ во всякое время,—и я ихъ выслушаю."

Эта прокламація послужила программою для дѣйствій Лазарева, и онъ, дѣйствительно, пока оставался въ Кумухѣ, проводилъ цѣлые дни окруженный народомъ. Сидя въ диванъ-ханы на ханскомъ креслѣ, онъ самъ выслушалъ жалобы, чинилъ разбирательства и тутъ же производилъ судъ и расправу, объявляя свои рѣшенія гласно и торжественно съ того самаго мѣста, съ котораго когда-то раздавалось властное слово казикумыкскихъ владыкъ. Это дѣйствовало на воображеніе народа. Лазаревъ не былъ ханомъ, не имѣлъ его правъ, но порядки, заведенные имъ, были крѣпче ханскихъ. Не прошло и мѣсяца, а народъ уже почувствовалъ на себѣ благодѣтельныя послѣдствія новыхъ правилъ, и, разносилъ по дальнимъ ауламъ молву о безпристрастіи и справедливости Лазарева.

Такъ наступилъ 1859-й годъ—послѣдній въ роковой борьбѣ мюридизма. До Лазарева, сидѣвшаго въ Кумухѣ, доносились только глухіе отголоски тогдашнихъ событій, которыя неслись и смѣнялись одни другими такъ быстро, что опереживали даже самыя затаенныя желанія главнокомандующаго. Занятіе нами Аргунскаго ущелья, покореніе нами Большой и Малой Чечни, погромы Нагорной, и заложеніе въ Салатавіи штабъ-квартиры Дагестанскаго полка,—всѣ эти событія конца 58-го и начала 59-го годовъ дали возможность Евдокимову воспользоваться выгоднымъ оборотомъ дѣлъ и неожиданно развить военныя дѣйствія до такихъ размѣровъ, кото-

рыя въ мартѣ мѣсяцѣ привели его подъ стѣны Веденя. Это была резиденція имама, пунктъ, гдѣ сосредоточивались всѣ религіозно-духовныя, административныя и боевыя силы имама.

Что бы отвлечь отъ него вниманіе и силы непріятеля, Врангель съ войсками дагестанскаго отряда въ то же время открылъ наступленіе въ Аухъ, и потомъ перешелъ въ Ичкерію, а съ другой стороны Лазареву предписано было сдѣлать усиленный набѣгъ въ койсубулинское общество, что бы отбить стада, ходившія подъ защитой уллу-калинской крѣпости.

Лазаревъ сосредоточилъ въ Кутишахъ все, что было у него подъ рукою—девять ротъ пѣхоты, шесть сотень даргинской милиціи, сотню мехтулинцевъ и двѣ сотни казикумыкской конницы. Въ ночь на 3-е марта отрядъ перевалилъ Кутишинскій хребетъ и сталъ спускаться къ старому Гергебилю. Но непріятель не былъ въ расплохѣ; его пикеты скоро открыли наше движеніе, —и на встрѣчу къ Лазареву выступилъ весь уллу-калинскій гарнизонъ. Завязалась перестрѣлка. Но открытый бой, разумѣется, не могъ продолжаться долго: непріятель бѣжалъ, и едва-едва успѣлъ вскочить въ свою крѣпость и запереть за собою ворота, какъ наша конница была уже на берегу Кара-Койсу. Въ крѣпость однако можно было проникнуть только черезъ висячій пѣшеходный мостъ, перекинутый надъ бездной, въ которой бушевала рѣка, а передъ мостомъ стояла каменная башня. Съ крѣпости гремѣли орудія, сквозь амбразуры башни градомъ сыпались пули, и конница остановилась. Тогда двѣ казикумыкскія сотни, желая отличиться на глазахъ Ивана Давыдовича, быстро спѣшились и бросились на башню; ихъ поддержали двѣ даргинскія сотни, не хотѣвшія уступить имъ пальму первенства въ храбрости. Предмостное укрѣпленіе было взято, гарнизонъ его истребленъ и башня разрушена.

„Будь у меня немного больше пѣхоты,—говорилъ Лазаревъ,—я бы взялъ Уллу-Кала съ одного удара; но съ девятью ротами, не имѣя въ резервѣ ни одного человѣка, отважиться на это было бы не благоразумно“. Непріятельскій скотъ также не удалось захватить, потому что горцы при первой тревогѣ успѣли перегнать его за Кара-Койсу. Пришлось ограничиться тѣмъ, что было уже достигнуто, и войска возвратились назадъ, оставивъ наглядным памятникомъ своего пребыванія передъ крѣпостью груду камней, въ которую превращена была предмостная башня.

Мы потеряли семь милиціонеровъ; какъ велика была потеря горцевъ—неизвѣстно, но въ числѣ убитыхъ находился ихъ пятисотенный начальникъ.

Набѣгъ на Уллу-Кала послужилъ началомъ къ секретной и весьма любопытной перепискѣ между княземъ Барятинскимъ и барономъ Врангелемъ. Вотъ что писалъ первый изъ нихъ 30-го марта 1859 года.

„Весьма секретно. Пишу вамъ собственноручно, любезный баронъ Александръ Евстафьевичъ, для лучшаго сокрытія тайны, и извиняюсь впередъ за трудъ, доставленный вамъ моимъ неразборчивымъ почеркомъ. Я чрезвычайно доволенъ послѣдними вашими военными дѣйствіями и ожидаю отъ нихъ положительной пользы... Но что меня болѣе всего заняло въ послѣднемъ вашемъ донесеніи, это набѣгъ полковника Лазарева на Уллу-Калу. Давно уже я помышлялъ объ этомъ пунктѣ, лично мнѣ извѣстномъ, и овладѣніе которымъ составляетъ для меня одно изъ важнѣйшихъ моихъ домогательствъ. Если бы вы пологали возможнымъ поручить занятіе онаго полковнику Лазареву, или кому либо другому по вашему усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы удержать это мѣсто за собою, то я согласенъ пожертвовать для этого пріобрѣтенія до 10 т. р. сер., которые до моего возврата прошу выдать изъ вашихъ суммъ. Мнѣ кажется, что

на эти деньги, и даже можетъ быть дешевле, можно купить самаго наиба. Совѣтъ мой не требовать вамъ ни росписки, ни отчета въ этой суммѣ, ибо могутъ быть изъ оной и остатки. А пріобрѣтеніе за 10 тысячъ укрѣпленія Уллу-Кала для меня такъ важно, что и вдвое за нее заплатить составляло бы все-таки экономію людей, денегъ, труда и времени. Объ содержаніи этого письма, кромѣ насъ двухъ и того, кому вы дадите это порученіе, никто не долженъ знать. Буду съ нетерпѣніемъ ждать вашего увѣдомленія".

Врангель, получивъ это письмо, отдалъ все дѣло въ руки Ивана Давыдовича Лазарева. Послѣдній отвѣчалъ, что приметъ всѣ мѣры къ тому, что бы исполнить желаніе главнокомандующаго, но предупреждалъ, что Абакара-Хаджи и коменданта Уллу-калинской крѣпости нельзя купить ни за какія деньги. Нужно взять крѣпость или открытою силой, или же поднять возмущеніе въ самомъ народѣ, но на это потребуется нѣкоторое время.

Барятинскій между тѣмъ торопилъ Врангеля. „Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ", писалъ онъ ему 26-го апрѣля, „извѣстій объ Уллу-Калѣ. Разрѣшеніе этого вопроса очень важно для меня, въ особенности если оно исполнится безъ особеннаго пролитія крови, и я предоставляю вамъ употребить на исполненіе этого важнаго предпріятія ту сумму, которую вы найдете для того необходимою, вовсе не ограничивая васъ размѣромъ ея; но мнѣ надобно непремѣнно, что бы не позже второй половины мая мѣсяца этотъ пунктъ былъ бы нами прочно занятъ, и надѣюсь вполнѣ на дѣятельность и рѣшительность вашу, что бы исполнить мое желаніе. Чѣмъ вы скорѣе испоните мое порученіе, тѣмъ я стану вамъ благодарнѣе".

Дѣло, не смотря на всѣ усилія Лазарева, подвигалось однакоже туго, и баронъ Врангель предложилъ

главнокомандующему овладѣть крѣпостію штурмомъ, ручаясь за успѣхъ, если войска будутъ поручены Лазареву, который успѣлъ уже составить себѣ довольно значительную партію, среди уллу-калинскаго гарнизона. На это Барятинскій не согласился. Онъ зналъ, что крѣпость очень сильна, что валы ея вооружены полевыми орудіями, и что гарнизонъ состоитъ изъ семи-сотъ человѣкъ, самыхъ заклятыхъ мюридовъ, да сотни абрековъ, которые скорѣе умрутъ, чѣмъ перейдутъ на сторону русскихъ. Всѣ эти соображенія останавливали главнокомандующаго, опасавшагося, что штурмъ Уллу-Калы потребуетъ сосредоточенія значительныхъ силъ, а это отвлечетъ войска Прикаспійскаго края отъ другихъ, еще болѣе важныхъ цѣлей. По этому Лазареву предоставлено было дѣйствовать, какъ онъ найдетъ удобнѣе. Лазаревъ продолжалъ переговоры и, какъ увидимъ, въ концѣ концовъ добился таки сдачи крѣпости, хотя нѣсколько позже срока, назначеннаго главнокомандующимъ, но за то на пріобрѣтеніе ея вмѣсто 20-ти тысячь, ассигнованныхъ Барятинскимъ, онъ издержалъ всего 1017 р. 35 к. *).

Уллу-калинскій набѣгъ былъ единственнымъ боевымъ эпизодомъ во время управленія Лазарева Кази-кумыкскимъ ханствомъ. Управленіе это, впрочемъ, продолжалась не долго, всего три мѣсяца, но въ этотъ короткій срокъ ханство, можно сказать, было пересоздано. Лазаревъ не коснулся ни народныхъ судовъ, ни народныхъ обычаевъ, потому что въ глазахъ его имѣли равное значеніе, какъ русскія законодательства, такъ духовныя постановленія шаріата и народные суды по адату. Онъ требовалъ только одной справедливости. По этому права и обязанности каждаго были имъ стро-

*) Письмо къ Барятинскому Врангеля 12-го сентября № 1157. Вся эта переписка заимствована изъ Шуринскаго архива, дѣло „о приходѣ и расходѣ экстраординарной суммы въ теченіи 1859 года.

го опредѣлены и очерчены; произволъ уничтоженъ; законы получили полную силу, и подъ защитою ихъ каждый могъ жить и дѣйствовать совершенно свободно. Понятно, почему казикумыкцы были глубоко потрясены извѣстіемъ объ отозваніи отъ нихъ Лазарева, который 29-го марта, вслѣдствіе новаго раздѣленія Прикаспійскаго края на три большіе военные отдѣла: Сѣверный, Средній и Южный,—назначенъ былъ начальникомъ и командующимъ войсками Средняго Дагестана. Въ этотъ вновь созданный районъ входила вся передовая линія, начинавшаяся у Агачъ-Калы и кончавшаяся Цудахарскимъ фортомъ, а затѣмъ часть шамхальскихъ владѣній, все Мехтулинское ханство, Даргинскій округъ и часть Сюргинскаго общества. Резиденціею Лазарева назначены были Кутиши. Казикумыкское ханство отошло по новому расписанію къ Южному Дагестану и и поступило подъ управленіе князя Тарханъ-Моуравова.

Въ этой новой должности и застаютъ Ивана Давыдовича послѣднія событія кавказской войны. Веденъ уже былъ взятъ. Готовилась большая экспедиція въ горы, и войскамъ Прикаспійскаго края предназначалось дѣйствовать къ сторонѣ Аваріи двумя отдѣльными колоннами: главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ барона Врангеля, шли черезъ Гумбетъ въ долину Андійскаго Койсу, а отрядъ генерала Манюкина, переваливъ Койсубулинскій хребетъ, долженъ былъ слѣдовать черезъ Бурундукъ-Кале, и Иргонай къ Зырянамъ, откуда ему надлежало войти въ связь съ главными силами. Но войска только еще стягивались на сборные пункты, какъ пронеслась молва, что въ пограничныхъ наибствахъ собирается большая партія для вторженія въ наши предѣлы.. Это былъ Магометъ-Шефи, младшій сынъ Шамиля *), впервые выступившій на боевое по-

*) Нынѣ генералъ-маіоръ, состоитъ при командующемъ войсками Казанскаго военнаго округа.

прище подъ руководствомъ извѣстнаго наиба Омара Салтинскаго. Лазаревъ тотчасъ принялъ всѣ мѣры осторожности, и, благодаря имъ, набѣгъ не удался. Это было 1-го іюля. Горцы въ значительныхъ силахъ бросились было на цудахарскій скотъ, но вмѣсто него наткнулись на ожидавшую ихъ милицію, и были разбиты на голову. Гарнизонъ Цудахарскаго форта съ своей стороны сдѣлалъ вылазку и гналъ непріятеля до Салтинскаго моста, за которымъ партія разсыпалась по своимъ ауламъ. Трудно даже сказать, что именно хотѣли достигнуть горцы этимъ набѣгомъ? Партія была слишкомъ слаба для того, что бы задержать и даже замедлить наше наступленіе, а объ отгонѣ какой либо сотни и даже тысячи барановъ, казалось бы, имъ думать было не время въ виду той суровой обстановки, въ которую поставленъ былъ Шамиль. И, дѣйствительно, набѣгъ не помѣшалъ ни чему.

Во второй половинѣ іюля, какъ только наступила пора экспедиціи, отрядъ генерала Манюкина собрался на перевалѣ черезъ Койсубулинскій хребетъ, и отсюда 20-го числа двинулся къ Бурундукальскому ущелью *). Лазаревъ командовалъ авангардомъ. Это ущелье, каменная стѣна, башня—все было хорошо извѣстно Ивану Давыдовичу, который два раза самъ разметывалъ эту самую стѣну, и теперь увидѣлъ ее сново еще грознѣе и крѣпче, чѣмъ прежде. Башня, стоявшая когда-то по-одоль, соединялась теперь со стѣнкой крытою галлерею, а амбразуры ея были направлены такъ, что обстрѣливали единственный подступъ къ воротамъ. Милиціонеры, бывшіе впереди, кричали, что бы гарнизонъ, запершійся въ башнѣ, сдался и отворилъ ворота. Горцы отвѣчали выстрѣлами. Тогда Лазаревъ выдвинулъ два горныя

*) Отрядъ составляли четыре съ $^1/_2$ ботальона пѣхоты со взводомъ горной артиллеріи, дивизіонъ сѣверскихъ драгунъ, 7 сотенъ пѣшей, и 12 сотенъ конной милиціи.

орудія, и какъ только была пробита брешъ, сотня даргинцевъ бросилась въ проломъ и въ нѣсколько минутъ овладѣла башнею. Защитники ея погибли, и никто не подалъ имъ помощи, хотя аулъ Араканы былъ недалеко, за сосѣдней скалою.

Пока пѣхота разбрасывала стѣну, Лазаревъ съ конницей произвелъ рекогносцировку до самаго Иргоная и возвратился назадъ безъ выстрѣла. Это служило яснымъ доказательствомъ, что жители койсубулинской долины, ошеломленные быстрымъ успѣхомъ русскаго оружія, готовы были принять нашу сторону, или, по крайнѣй мѣрѣ, смотрѣть равнодушно навсе, что будетъ твориться кругомъ. Манюкинъ въ тотъ же день двинулся впередъ и, пройдя Иргонай, занялъ Зыряны, памятные блокадой, которую здѣсь выдержалъ Пассекъ. Теперь переправа черезъ Аварское Койсу находилось въ нашихъ рукахъ, и Манюкину оставалось только открыть сообщеніе съ главными силами, которыя стояли уже на Ахъ-кентскихъ высотахъ, въ самомъ сердцѣ нагорнаго Дагестана.

Быстрое появленіе нашихъ войскъ на прямой дорогѣ къ Хунзаху точно уничтожило плотину, удерживавшую горцевъ до сихъ поръ еще во власти Шамиля. Все устремилось въ нашъ лагерь съ изъявленіемъ покорности. Первыми явились аварскіе депутаты, а за ними стали прибывать старшины и почетные жители разныхъ койсубулинскихъ селеній. Имена многихъ изъ этихъ людей были извѣстны намъ по кровавымъ битвамъ, въ которыхъ мы съ ними встрѣчались; многіе изъ нихъ славились своею храбростью и ожесточенною ненавистью къ русскимъ. Теперь все измѣнилось; политическая роль мюридизма окончилась,—онъ палъ, и бывшіе мюриды, эти суровые отшельники, не признававшіе ничего, кромѣ молитвъ и газавата, являлись мирными гостями русскаго лагеря. Ихъ было однако такъ много, и просьбы ихъ были такъ многочисленны и разнообразны, что баронъ

Врангель немедленно вызвалъ къ себѣ полковника Лазарева и поручилъ ему устройство и управленіе всѣхъ вновь покорившихся койсубулинскихъ обществъ.

Среди гостей не было однако ни Абакара-Хаджи, ни коменданта Уллукалинской крѣпости, а безъ нихъ торжество наше было не полно, потому что сильная крѣпость удерживала отъ покорности цѣлыя два пограничныя наибства, заключавшія въ себѣ болѣе десяти самыхъ большихъ, многолюдныхъ и воинственныхъ селеній. Лазаревъ нашелъ однако возможность въ тотъ же день какимъ-то тайнымъ путемъ переслать свое письмо къ Уллу-калинскому коменданту. Что было сказано въ этомъ письмѣ—неизвѣстно, но черезъ два дня, 24 Іюля, въ лагерь генерала Манюкина явились старшины Кикунъ и Гергебиля съ заявленіемъ, что крѣпость сдается, а вслѣдъ затѣмъ уллукалинскій комендантъ „за преданность и оказанныя намъ важныя услуги“, получилъ 700 рублей изъ той самой суммы, которая была ассигнована на пріобрѣтеніе крѣпости. Дѣло такимъ образомъ сладилось, и Лазаревъ, не теряя времени, выступилъ изъ лагеря къ Кикунамъ съ небольшимъ отрядомъ, всего двѣ роты пѣхоты, дивизіонъ драгунъ и три сотни даргинской милиціи. Онъ повелъ отрядъ кратчайшею дорогой, или, лучше сказать, совсѣмъ безъ дороги черезъ Бурундукальское ущелье, и въ тотъ же день къ 6-тъ часамъ по полудни остановился на Кудухскихъ высотахъ. Отсюда видна была крѣпость. Она стояла внизу, точно прислонившись къ скалѣ, возвышавшейся уступомъ присамомъ сліяніи двухъ рѣкъ Кара и Казикумыкскаго Койсу. Ея земляные валы, съ блестѣвшими на нихъ мѣдными орудіями, глядѣли внушительно; но еще внушительнѣе смотрѣла тысячная толпа народа, собравшаяся въ той самой долинѣ, гдѣ еще такъ недавно гремѣли упорныя битвы. Теперь народу было больше, чѣмъ собиралось его въ былые дни на тревоги, онъ былъ во-

оруженъ по прежнему, а между тѣмъ стоялъ неподвижно,—ни звука, ни шелеста. Поразителенъ былъ этотъ переходъ отъ недавней вражды и задора къ полному оцѣпенѣнію.

На Кудухскихъ высотахъ Лазаревъ былъ встрѣченъ старшинами, выѣхавшими изъ Кикунъ и Гергебиля. Въ пышныхъ восточныхъ выраженіяхъ, они заявили, что отнынѣ населеніе этихъ двухъ, громкихъ въ исторіи Кавказа, ауловъ навсегда склоняется къ стопамъ русскаго Государя, и просили занять, теперь уже не нужную имъ, крѣпость. Лазаревъ двинулся впередъ съ одною милиціею. Передъ висячимъ мостомъ, гдѣ еще лежала груда камней разбросанной имъ башни, стояла громадная толпа народа, собравшаяся совсѣхъ окрестныхъ деревень и расположившаяся шпалерами. Она привѣтстовала его по восточному обычаю молча, низкими поклонами. Въ тоже время съ крѣпостныхъ верковъ грянулъ салютаціонный залпъ изъ всѣхъ орудій, послѣ чего артиллеристы, сложивъ свои принадлежности, сошли съ укрѣпленій. Лазаревъ одинъ переѣхалъ мостъ; но едва онъ очутился въ крѣпости, среди вооруженнаго гарнизона, какъ тяжелыя ворота захлопнулись, завизжали желѣзные засовы, и милиція, слѣдовавшая сзади, была отъ него отрѣзана. Положеніе, можно сказать, было критическое, но Иванъ Давыдовичъ сохранилъ полное самообладаніе. Точно ничего не замѣчая, онъ продолжалъ подвигаться впередъ, разсыпая кругомъ себя пригоршнями блестящіе червонцы: опуститъ руку въ правый карманъ,—и швырнетъ цѣлую горсть золота въ толпу, стоящую направо; опуститъ лѣвую руку – и червонцы золотымъ дождемъ брызнутъ налѣво. Этотъ пріемъ до того озадачилъ горцевъ, наслышавшихся уже о великодушіи и щедрости Лазарева, что ворота опять распахнулись, и милиція была пропущена. Лазаревъ тотчасъ приказалъ принять крѣпостное имущество: порохъ, ар-

тиллерійскіе снаряды и орудія, которыхъ оказалось четыре: одно горскаго литья, другое чугунное, туринскаго завода, а два остальныя несомнѣнно принадлежали русской артиллеріи, такъ какъ на нихъ были клейма: Брянскъ и Петербургъ.

Такъ совершилось занятіе нами одного изъ сильнѣйшихъ оплотовъ непріятельской земли, и въ тотъ же самый день сдались, находившіяся подъ его защитой, деревни: Араканы, Кудухъ и всѣ остальныя, лежавшія въ пространствѣ между Кара и Аварскимъ Койсу.

Лазаревъ тотчасъ вступилъ въ управленіе покорившимися обществами, и сразу съ умѣлъ привлечь къ себѣ буйныхъ койсубулинцевъ, которые по цѣлымъ днямъ толпились возлѣ его палатки и вслушивались въ каждое его слово: являлась-ли необходимость послать гонца въ сосѣдній отрядъ,—и тотчасъ выходило 5—6 охотниковъ; нужно было перекинуть мостъ черезъ Кара-Койсу,—и мостъ былъ готовъ на вторые сутки. Даже жители дальнихъ ауловъ, принадлежавшіе къ другимъ горскимъ обществамъ, считали какъ бы обязанностью извѣщать его обо всемъ, что у нихъ дѣлается. Такъ Иванъ Давыдовичъ первый узналъ о бѣгствѣ Шамиля на Гунибъ, и о разграбленіи имущества имама самими-же горцами. Извѣстилъ его объ этомъ одинъ изъ жителей Куяды, нѣкто Дебиръ-Али, приславшій къ нему письмо слѣдующаго содержанія: „Извѣщаемъ васъ, что недавно между куядинскимъ обществомъ и возмутителемъ Шамилемъ случилось жаркое дѣло: Шамиля разбили и отняли у него 32 лошади, одну мѣру серебра и много имущества. Послѣ того онъ пробрался съ нѣкоторыми приверженцами на Гунибъ, который теперь укрѣпляетъ, но часть его людей еще остается въ Руджинскихъ лѣсахъ; мы также укрѣпляемъ свои горы и будемъ въ нихъ защищатся противъ Шамиля. Просимъ васъ приказать нашимъ сосѣдямъ

прислать къ намъ конницу для поддержки нашихъ силъ.“

Иванъ Давидовичъ тотчасъ распорядился послать къ нимъ часть своихъ койсубулинцевъ, а съ остальною милиціей перешелъ на новую позицію и сталъ между Салтами и Гунибомъ.

Глава XVIII.

(1859).

Гунибъ—послѣдній оплотъ мюридизма.—Начатіе переговоровъ.—Свиданіе Лазарева съ Кази-Магомою, и разультаты этого свиданія.—Штурмъ Гуниба.—Возобновленіе переговоровъ и поѣздка Лазарева въ станъ Шамиля.—Роль Ивана Давыдовича при сдачѣ имама.—Представленіе Шамиля главнокомандующему.—Дальнѣйшія дѣйствія Лазарева, и характерная черта его принимать на личную отвѣтственность все, что онъ находилъ полезнымъ для края.—Назначеніе его начальникомъ „Временнаго Управленія вновь покорившимися горцами" и производство въ генералы.

Гунибъ!... Сколько съ этимъ именемъ соединяется воспоминаній у старыхъ кавказцевъ. Гунибъ—это конецъ мюридизма, финалъ кровавой рапсодіи, тридцать пять лѣтъ наполнявшей трущобы Дагестана непрерывнымъ громомъ войны и звукомъ оружія. Здѣсь, на Гунибѣ, сказано было послѣднее слово кавказскихъ имамовъ, слово, стряхнувшее наконецъ съ народовъ тяжелую цѣпь мюридзма. Гунибъ—это могила газавата, также какъ бѣдная кюринская деревня Ярагъ была его родиной, а Гимры—его колыбелью.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ нашими войсками, концентрически сдвигавшимися отъ всѣхъ окраинъ Дагестана, Шамиль вынужденъ былъ наконецъ искать послѣдняго убѣжища на небольшомъ пространствѣ земли, принадлежавшей еще андаляльскому обществу. Здѣсь съ четырьмя стами мюридовъ, до конца оставшихся вѣрными своему имаму, онъ занялъ неприступный Гунибъ, который представлялъ собою отдѣльную громадную скалу, подымающуюся болѣе чѣмъ на семь съ половиною тысячь футъ надъ уровнемъ моря.

Скала эта лежитъ на лѣвомъ берегу Кара-Койсу и съ трехъ сторонъ оканчивается почти отвѣсными обрывами, и только съ четвертой, съ восточной стороны,

между громадами нависшихъ камней и утесовъ, какъ узкая лента, вьтся тропа, перегращдаемая на самой вершинѣ горы оборонительною стѣнкой съ бойницами; толстыя ворота запирались желѣзными засовами, а надъ воротами устроена была батарея изъ трехъ орудій, оставшихся еще въ распоряженіи Шамиля. На самомъ Гунибѣ былъ небольшой аулъ, нѣсколько хуторовъ и мельницъ, березовая роща, прекрасныя пастбища, пахотныя поля,—однимъ словомъ все, что нужно для жизни человѣка и для того, что бы выдержать какую угодно блокаду.

Въ половинѣ августа 1859 года русскія войска обложили Гунибъ, но главнокомандующій, желая избѣжать напраснаго кровопролитія, нашелъ возможнымъ начать переговоры съ Шамилемъ и поручилъ вести ихъ полковнику Лазареву, какъ человѣку, пользовавшемуся между горцами большою популярностью. Шамиль потребовалъ однако, что бы въ переговорахъ участвовалъ и Даніель-бекъ, бывшій султанъ елисуйскій, незадолго опять перешедшій на нашу сторону. Даніель не соглашался. „Почему вы не хотите принимать участіе въ переговорахъ?“ спросилъ его Барятинскій.—„Я опасаюсь измѣны и мстительности Шамиля,“ отвѣчалъ Даніель.— „Не бойтесь, возразилъ на это Барятинскій: я поручаю васъ полковнику Лазареву, который съумѣетъ защитить васъ“. Парламентеры отправились, и въ тотъ-же день изъ дер. Готоча извѣстили Шамиля о своемъ прибытіи. Съ ними были еще полковникъ Али-ханъ аварскій и Сеидъ, одинъ изъ гимринскихъ родственниковъ Шамиля. Имамъ съ своей стороны назначилъ для переговоровъ старшаго сына своего Кази-Магому—и свиданіе состоялось 19-го августа въ гунибскихъ садахъ, куда наши парламентеры прибыли въ сопровожденіи только десяти милиціонеровъ. Кази-Магома также явился съ небольшимъ числомъ тѣлохранителей; но вслѣдъ затѣмъ въ садахъ появилась партія мюридовъ съ четырьмя значками.

Лазаревъ показалъ на нихъ рукою и сказалъ: это нарушаетъ условія переговоровъ.

—Нѣтъ, отвѣчалъ уклончиво Кази-Магома: — это простая толпа любопытныхъ.

По его предложенію всѣ сошли съ лошадей и сѣли на разосланныя бурки. Лазаревъ началъ говорить первый. Онъ объявилъ, что, въ случаѣ добровольной сдачи Шамиля, главнокомандующій разрѣшаетъ ему свободный выѣздъ въ Мекку со всѣмъ его семействомъ и даже принимаетъ на себя его дорожные расходы. Затѣмъ онъ выяснилъ всю невозможность дальнѣйшаго сопротивленія горцевъ и совѣтывалъ имъ уступить необходимости, принявъ—пока еще есть время—великодушное предложеніе главнокомандующаго.

—Имамъ съ благодарностью принялъ бы эти условія, отвѣчалъ Кази-Магома, но что бы переселиться въ Турцію, ему нужно имѣть разрѣшеніе султана. Пусть главнокомандующій дастъ намъ возможность послать гонца въ Константинополь, а до его возвращенія русскіе не должны ничего предпринимать противъ Гуниба.

—Подобныя условія—возразилъ на это Лазаревъ— ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть приняты. Главнокомандующій безъ всякаго сомнѣнія дастъ пропускъ вашему гонцу, но конечно съ тѣмъ, что бы Шамиль ожидалъ отвѣта въ Темиръ Ханъ Шурѣ, въ Дербентѣ или Дешлагарѣ, а стоять съ войсками все это время на позиціи передъ Гунибомъ—вещь совершенно не сбыточная.

Оказалось, что Кази-Магома не былъ уполномоченъ на рѣшеніе столь важнаго вопроса, и Лазаревъ въ ожиданіи отвѣта возвратился въ лагерь. Докладывая о результатахъ переговоровъ начальнику главнаго штаба генералу Милютину, онъ сообщилъ, что прокламація главнокомандующаго къ Шамилю не была имъ передана.

—Почему же вы ее не передали? спросилъ Милютинъ.

—Тамъ есть выраженіе „сложить оружіе,“ отвѣтилъ Лазаревъ. Это напрасно оскорбило бы Шамиля и его мюридовъ, находящихся и безъ того въ крайне напряженномъ состояніи. Лучше объ этомъ не упоминать. Оружіе ихъ намъ нестрашно, а между тѣмъ одна эта фраза заставитъ ихъ драться на-смерть и будетъ стоить намъ множество жертвъ.

Барятинскій согласился перемѣнить прокламацію, и она на слѣдующій день отправлена была къ Шамилю съ особою депутаціей. Ее возили поручичъ Магома дженгутайскій, Даногоногома и бывшій согратлинскій наибъ Курбаныловъ. Но прокламація не произвела ожидаемаго дѣйствія. Шамиль, подозрѣвая коварный умыселъ выманить его изъ неприступной мѣстности, боялся довѣриться русскимъ и потребовалъ въ заложники полковника Лазарева. Въ этомъ ему, разумѣется, было отказано. Тогда онъ прислалъ свой знаменитый отвѣтъ: „Да совершится воля Аллаха. Гунибъ-гора высокая; на ней правовѣрные мусульмане, и въ ихъ рукахъ мечи для священнаго газавата. Я стою на горѣ. Надо мною еще выше—Богъ; русскіе—внизу: пускай штурмуютъ.“

На что въ этомъ случаѣ расчитывалъ престарѣлый имамъ—трудно сказать. Быть можетъ, занимая Гунибъ, онъ пологалъ, что непреступная гора хотя на время задержитъ успѣхи нашего оружія, а тамъ подойдетъ зима, выпадетъ снѣгъ, всѣ сообщенія въ Нагорномъ Дагестанѣ прекратятся, и русскіе вынуждены будутъ покинуть горы. Но ожиданія его не исполнились. Войска не стали тратить время на продолжительную осаду, а двинулись прямо на штурмъ, и въ ночь на 25-е августа взошли на вершину горы. Главнокомандующій поднялся вслѣдъ за войсками, дѣлая попути распоряженія къ предупрежденію бѣгства Шамиля. Лазаревъ, въ качествѣ начальника вновь покореннаго края, разослалъ вовсѣ окрестныя селенія отряды своей конницы для объявленія жителямъ

о взятіи Гуниба, и для занятія такихъ мало-доступныхъ мѣстъ, въ которыя могъ броситься Шамиль въ томъ случаѣ, ежели бы ему удалось бѣжать. Но Шамилю бѣжать съ Гуниба было некуда. Штурмъ подкосилъ его послѣдніе боевые ресурсы. Болѣе ста человѣкъ мюридовъ пало геройскою смертью, отстаивая послѣдній оплотъ мюридзма, а съ остальною горстью, оставшеюся еще въ живыхъ, Шамилъ заперся въ аулѣ, вокругъ котораго тѣсною стѣною сдвинулись теперь 14 батальоновъ пѣхоты. Не возможность сопротивленія была очевидна. Баронъ Врангель, стоявшій съ своимъ штабомъ впереди отряда, въ разстояніи всего полуружейнаго выстрѣла отъ непріятеля, послалъ къ Шамилю требовать безусловной сдачи, подъ опасеніемъ немедленнаго начатія штурма. Шамиль выслалъ двухъ парламентеровъ, которые тотчасъ и были отправлены къ главнокомандующему, находившемуся въ полутора верстѣ позади отряда. На дорогѣ они встрѣтили Лазарева и сообщили ему, что имамъ желаетъ заключить съ русскими миръ.

— Я совѣтую вамъ не раздражать главнокомандующаго такими предложеніями,—сказалъ имъ Лазаревъ:— теперь уже поздно договариваться о мирѣ; вы можете просить только о милости.

Черезъ полъ-часа одинъ изъ нихъ, по имени Юнусъ, вернулся въ аулъ ни съ чѣмъ, а другой, Хаджи-Али, передался на нашу сторону и остался въ лагерѣ. Между тѣмъ приближался вечеръ. Дѣло надо было окончить до наступленія сумерокъ, а потому баронъ Врангель отдалъ приказаніе, что бы войска готовились къ штурму. Въ эту минуту опять появился Юнусъ и заявилъ, что Шамиль проситъ прислать къ нему полковника Лазарева.

— Ну что-же, поѣзжайте! — сказалъ баронъ Ивану Давыдовичу:—но передайте Шамилю, что такъ какъ предложенія главнокомандующаго имъ не были приняты, то онъ долженъ сдаться теперь безусловно.

Лазаревъ отправился одинъ, въ сопровожденіи только переводчика Викилова, который нуженъ былъ ему лишь для передачи извѣстій барону Врангелю. Въѣзжая въ аулъ, онъ увидѣлъ на небольшой площадкѣ толпу вооруженныхъ мюридовъ, а нѣсколько поодаль отъ нихъ, возлѣ осѣдланной лошади, стоялъ человѣкъ высокаго роста съ задумчивымъ и суровымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ въ зеленый бешметъ и длинную черкеску, обшитую простою тесьмою; на головѣ—бѣлая кисейная чалма, длинные концы которой были откинуты за спину; на ногахъ чевяки и красныя сафьянныя ноговицы. Оружіе его составляли простой черный кинжалъ безъ всякой оправы, шашка въ сафьянныхъ ножнахъ и два пистолета: одинъ въ чехлѣ, а другой за поясомъ. По величественной позѣ, и въ особенности по этой бѣлой характерной чалмѣ, не трудно было отгадать въ немъ Шамиля. Но Лазаревъ не подалъ вида, что узналъ грознаго повелителя горъ и обратился къ мюридамъ съ просьбой указать ему имама. Когда это было исполнено, онъ почтительно подошелъ къ нему, и послѣ короткаго, но довольно тяжолаго молчанія: сказалъ:

Шамиль! Всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ въ горахъ, пока стоятъ самыя горы. Покорись же силѣ судьбы и предайся великодушію Государя: ты этимъ спасешь тысячу людей, оставшихся тебѣ вѣрными въ самомъ несчастіи. Въ этой тысячѣ не одни мюриды,—ихъ мало, но здѣсь мирные жители, дѣти и женщины. За ихъ слѣпую и безграничную преданность они заслуживаютъ отъ тебя этой жертвы. Покажи, что ты великъ, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, и что можешь безропотно и съ твердостью перенести опредѣленіе Всевышняго. Во имя Бога!—пойдемъ, нечего медлить.

Если бы на Гунибѣ Шамиль былъ съ одними своими мюридами, онъ можетъ быть и рѣшился бы пасть съ

оружіемъ въ рукахъ; но тутъ являлись на сцену семейства, обрекаемыя на смерть въ случаѣ его упорства. Было надъ чѣмъ призадуматься старому Шамилю! Онъ очевидно колебался между убѣжденіями всей жизни и привязанностію къ многочисленному семейству, бывшему съ нимъ на Гунибѣ. Послѣднее чувство скоро одержало верхъ. Онъ обратился къ Лазареву и сказалъ:

— Если ты убѣжденъ, что со мною русскіе не поступятъ дурно, то иди къ моимъ сыновьямъ и останься тамъ, покуда я не вернусь.

— Я пришелъ сюда,— отвѣтилъ Лазаревъ,—по твоему желанію, что бы вмѣстѣ итти къ главнокомандующему, а не присланъ къ тебѣ аманатомъ. Если хочешь, пойдемъ теперь-же; если не хочешь—то я уйду одинъ.

Въ эту минуту среди мюридовъ раздался громкій ропотъ, и толпа стала надвигаться на Лазарева. Лазаревъ вспыхнулъ. Властнымъ и грознымъ окрикомъ, онъ заставилъ ее отшатнуться назадъ, а затѣмъ, обратившись къ Шамилю, сказалъ ему спокойно.

— Эти люди въ слѣпой привязанности къ тебѣ сами не знаютъ, что говорятъ, и что дѣлаютъ. За что они требуютъ гибели твоей и твоей семьи. Жизнь и свобода ея въ твоихъ рукахъ. Рѣшайся, иначе будетъ поздно.

Шамиль колебался.

— Ручаешся-ли ты,—спросилъ онъ, наконецъ,—что мнѣ позволено будетъ возвратиться къ своему семейству?

Лазаревъ отвѣчалъ утвердительно.

— Хорошо,—сказалъ Шамиль:—я поѣду, но подъ условіемъ, что бы на пути въ вашъ лагерь не было ни одного мусульманина: я не хочу видѣть людей, измѣнившихъ мнѣ въ несчастіи.

Эту просьбу исполнили, и милиція тотчасъ же была отодвинута назадъ за наши батальоны. Когда объ

этомъ сообщили Шамилю, онъ молча сѣлъ на коня и рядомъ съ Лазаревымъ, окруженный сорока мюридами, державшими ружья на изготовкѣ, выѣхалъ изъ аула.

И такъ, грозный имамъ Чечни и Дагестана, герой 43-го года, Ахульго, ичкеринскаго лѣса и Дарго, послѣ геройской тридцатилѣтней борьбы, шелъ, что бы сложить оружіе къ ногамъ побѣдителя. Понятно, какія чувства наполняли душу кавказскаго солдата при видѣ этого зрѣлища. Едва показался Шамиль, какъ грянуло „ура!“, но этотъ невольный порывъ едва не испортилъ дѣла: смущенный имамъ быстро повернулъ свою лошадь назадъ, и только находчивость Лазарева, сказавшаго, что этимъ крикомъ войска отдаютъ ему заслуженную дань уваженія, успокоила Шамиля, и онъ рѣшился продолжать свой путь.

Когда шествіе приблизилось къ войскамъ, генералъ-адьютантъ баронъ Врангель, стоявшій во главѣ отряда, первый привѣтствовалъ Шамиля, и, ласково отвѣтивъ на его поклонъ, сказалъ, что хотя до сихъ поръ русскіе были его врагами, но что теперь онъ найдетъ въ нихъ лучшихъ для себя друзей.

Такимъ образомъ первая встрѣча Шамиля ознаменована была словами мира и дружелюбнаго привѣта. Теперь вся трудность заключалась въ томъ, что бы подвести Шамиля къ главнокомандующему одного, разлучивъ его съ мюридами, которые, свирѣпо глядя на русскихъ, казалось, каждую секунду готовы были начать кровавую рѣзню.

Лазаревъ принялся увѣщевать Шамиля оставить мюридовъ въ отдаленіи, говоря, что съ такимъ множествомъ тѣлохранителей неприлично явиться къ главнокомандующему безоружному, и почти не имѣющему при себѣ конвоя. Шамиль, какъ кажется, и самъ опасался, что бы его мюриды не натворили чего-нибудь совсѣмъ не подходящаго, и, приказавъ имъ остановиться, про-

должалъ дальнѣйшій путь въ сопровожденіи только Лазарева, да своего любимца Юнуса, съ которымъ ни за что не хотѣлъ разстаться. Но едва проѣхали они нѣсколько саженъ, какъ прискакалъ прапорщикъ Узбашевъ съ новымъ приказаніемъ представить Шамиля обезоруженнымъ. Какъ ни важно было это приказаніе, но исполнить его было нельзя, не возбудивъ крайней подозрительности мюридовъ, и Лазаревъ рѣшился принять отмѣну приказанья на личную свою отвѣтственность.

Было три часа пополудни, когда Шамиль сошелъ съ коня, и наложивъ одну руку на рукоять кинжала, а другою опершись на шашку, остановился передъ княземъ Барятинскимъ.

По лѣвую сторону его находился Юнусъ, по праву Лазаревъ. Главнокомандующій въ походномъ сюртукѣ и въ буркѣ сидѣлъ на камнѣ, случайно попавшемся ему въ березовой рощѣ. Вокругъ стояла его свита. Всѣ взоры обратились теперь на стараго имама, на лицѣ котораго изображалось глубокое душевное волненіе.

Послѣдовало короткое молчаніе.

Шамиль! сказалъ, наконецъ, Барятинскій: ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и незахотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь. Теперь я пріѣхалъ за тобою. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло,— и она рѣшила его въ нашу пользу. Теперъ объ этихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Ты долженъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно тебѣ ручаюсь — это за личную безопасность твою и твоего семейства.

Когда эти слова переданы были Шамилю, онъ отвѣчалъ:

— Сардарь! я не внялъ твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за родину; но теперь народы мои мнѣ измѣ-

нили, наибы мои разбѣжались, да и самъ я утомился борьбою. Я старъ, мнѣ 63 года. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ, и отъ души желаю Государю успѣха въ управленіи горцами для ихъ собственнаго блага.

— Я немедленно пошлю тебя къ Государю Императору,—сказалъ Барятинскій, вставая и садясь на коня:—а теперь, какъ военноплѣнный, ты долженъ отправиться въ лагерь, куда полковникъ Лазаревъ доставитъ тебѣ и твое семейство.

Шамиль этого не ожидалъ; онъ измѣнился въ лицѣ, и обратившись къ Лазареву, сказалъ: „Ты обманулъ меня!" Положеніе было критическое. Шамиль, державшійся рукою за кинжалъ, стоялъ такъ близко, что при нападеніи не было ни какой возможности защищаться шашкой, и Лазаревъ, какъ разсказывалъ самъ, рѣшился, въ случаѣ крайности, ударомъ кулака сбросить имама въ кручу. Однако дѣло кончилось мирно. „Успокойся", сказалъ ему Лазаревъ: „исполни волю сардаря, и ты не будешь раскаиваться: я уже получилъ приказаніе привезти къ тебѣ твое семейство". Шамиль уѣхалъ, а Иванъ Давыдовичъ отправился къ мюридамъ, которые, не видя долго своего повелителя, начинали уже волноваться. Увидѣвъ Лазарева, они бросились къ нему съ угрозами, требуя возвращеніе имама.

—„Имамъ,—отвѣчалъ Лазаревъ,—бесѣдуетъ съ главнокомандующимъ,—а я посланъ въ аулъ привести его семейство. Слѣдуйте и вы за мною".

Лазаревъ, будучи одинъ, безъ конвоя, находился въ полной власти мюридовъ, но его спокойствіе до того обезоружило этихъ суровыхъ людей, что они поѣхали за нимъ съ такою же покорностью, какъ прежде ѣздили за своимъ имамомъ.

Перевозка семейства Шамиля въ лагерь доставила Ивану Давыдовичу много хлопотъ, такъ какъ темная

ночь застигла его въ дорогѣ и пришлось заночевать на лѣвомъ берегу Кара-Койсу. Въ довершеніе непріятностей, младшій сынъ Шамиля, Магометъ-Шефи, съ своимъ семействомъ и съ одною изъ женъ имама куда-то исчезъ, и только послѣ долгихъ розысковъ былъ найденъ на той сторонѣ рѣки въ кавалерійскомъ лагерѣ, куда онъ попалъ случайно, отбившись отъ поѣзда. Утромъ, наконецъ, всѣ прибыли въ главный лагерь, и Лазаревъ, представляя Шамилю его семейство, напомнилъ ему вчерашній, несправедливый упрекъ его въ обманѣ. Шамиль добродушно просилъ извиненія, говоря, что онъ не надѣялся на такой дружескій пріемъ со стороны побѣдителей.

Такимъ образомъ одно порученіе, возложенное на Лазарева, было имъ исполнено; но другое, секретное—обезоружить и представить всѣхъ мюридовъ, составлявшихъ гарнизонъ Гуниба, для преданія ихъ военному суду, было отмѣнено имъ собственною властію. Докладывая объ этомъ начальнику главнаго штаба; Лазаревъ говорилъ: „Обезоружить мюридовъ, которые еще недавно обрекали себя на смерть въ защиту имама—значило бы вызвать новый, кровопролитный штурмъ, котораго такъ избѣгалъ самъ главнокомандующій. Но только штурмъ этотъ былъ бы еще ужаснѣе, чѣмъ первый, потому что послѣ плѣненія Шамиля въ немъ не было надобности, а между тѣмъ въ разгарѣ его погибли бы не одни мюриды, а женщины и дѣти. Подобные примѣры, за время моей службы въ Дагестанѣ, я видѣлъ не разъ. Цѣль главнокомандующаго была очистить аулъ отъ пришельцевъ—и это достигнуто: въ аулѣ остались одни коренные жители, а мюриды, отпущенные мною съ оружіемъ, разошлись по домамъ, и съ этой минуты будутъ такими же мирными жителями, какъ и всѣ остальные“.

„Впрочемъ“, добавилъ Иванъ Давыдовичъ: „если главнокомандующему угодно непремѣнно арестовать ихъ,

то это можно будетъ исполнить административнымъ порядкомъ. Я ручаюсь, что всѣ они явятся ко мнѣ по первому требованію.“ Милютинъ отправился съ этимъ докладомъ къ князю Барятинскому, и главнокомандующій не только одобрилъ распоряженія Лазарева, но и приказалъ освободить мюридовъ отъ всякаго преслѣдованія.

Нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ мужеству Лазарева, который принималъ на себя громадную отвѣтственность, три раза останавливая распоряженія главнокомандующаго, такъ и къ самому главнокомандующему, который, будучи облеченъ почти царскою властію, три раза отмѣнялъ свои приказанія, только въ виду настойчивости Лазарева. Въ этомъ взаимномъ довѣріи вождя къ своимъ подчиненнымъ, и подчиненныхъ къ своему вождю и лежалъ залогъ тѣхъ быстрыхъ успѣховъ, которые въ три года привели насъ къ концу нескончаемой, казалось, войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Съ окончательнымъ покореніемъ Восточнаго Кавказа, къ прежнимъ тремъ военнымъ отдѣламъ Прикаспійскаго края прибавился четвертый, подъ именемъ „Временнаго Управленія вновь покореннымъ краемъ.“ Въ составъ его вошли: Аварское ханство, а затѣмъ общества: Койсубулинское, Андаляльское, Салтинское, Куядинское, Тилитлинское, Годатлинское, Карахское, Дорадо-Мурандинское, Ретлу и Цунта-Ахвахъ, образовавшія собою Гунибскій округъ. Округъ этотъ всецѣло подчинялся „Временному Управленію,“ но что касается Аваріи, то она, вмѣстѣ съ обществами Каратинскимъ и Богуляльскимъ, поставлена была въ зависимость отъ „Управленія“ только въ одномъ военномъ отношеніи, а вся административная часть была передана въ руки аварскаго хана. Представляя этотъ проэктъ на утвержденіе князя Барятинскаго, на другой же день послѣ взятія Шамиля, баронъ Врангель просилъ, что

бы начальникомъ этого отдѣла былъ назначенъ „испытанный уже въ отличномъ умѣньи управлять дагестанскими народами полковникъ Лазаревъ, съ производствомъ его въ генералъ-маіоры.“

„О назначеніи полковника Лазарева начальникомъ Временнаго Управленія,—отвѣчалъ Барятинскій барону Врангелю отъ 27-го августа,—отданъ приказъ сего-же числа. Что же касается до производства его въ генералъ-маіоры, то я поставляю себѣ за особое удовольствіе ходатайствовать теперь же объ этой монаршей милости, въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ имъ, и той пользы, которую онъ можетъ принести для водворенія устройства въ новопокоренномъ краѣ.“

Такъ состоялось новое назначеніе Лазарева, а вслѣдъ затѣмъ высочайшимъ приказомъ 6-го марта 1860 года онъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Ходатайство о Лазаревѣ было послѣднимъ актомъ въ служебной дѣятельности барона Врангеля по управленію Дагестаномъ. На слѣдующій день онъ былъ уволенъ въ продолжительный отпускъ и навсегда покинулъ Кавказъ, а на мѣсто его начальникомъ Прикаспійскаго края, переименованнаго въ Дагестанскую область, назначенъ былъ генералъ-маіоръ князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ.

Глава XIX.

(1860—1861).

Открытіе Временнаго Управленія на Гунибѣ.—Система, принятая Лазаревымъ относительно горцевъ.—Возстаніе въ Чечнѣ и отголоси его въ Дагестанѣ.—Экспедиція Лазарева въ Карату.—Торжественное празднованіе годовщины взятія Шамиля.—Новое назначеніе Лазарева начальникомъ Средняго Дагестана.—Каракулъ-Магома и возмущеніе Ункратля.—Присоединеніе къ Среднему Дагестану Андійскаго округа.—Усмиреніе Ункратля.—Отзывъ князя Меликова о дѣятельности Лазарева.—Чрезвычайная награда.

Послѣ покоренія Восточнаго Кавказа управленіе дагестанскими горцами, по крайнѣй мѣрѣ, въ нисшихъ инстанціяхъ, осталось тоже, какое существовало при Шамилѣ, т. е. аулами управляли старшины или кадіи, избираемые народомъ, а нѣсколько ауловъ, обыкновенно принадлежавшихъ къ одному и тому же обществу, подчинялись наибамъ, которымъ ввѣрялась вся распорядительная и судебная власть въ предѣлахъ, опредѣленныхъ особою инструкціей. Такихъ наибствъ, подъ управленіемъ Лазарева, находилось одинадцать, изъ которыхъ три входили въ составъ Аварскаго ханства, а восемь составляли Гунибскій округъ, подвѣдомственный особому окружному начальнику. Для объединенія-же и сосредоточенія всѣхъ дѣлъ, какъ внутреннихъ, такъ административныхъ и особенно военныхъ, учреждено было „Временное Управленіе“, состоявшее изъ начальника его, генерала Лазарева, помощника его, въ чинѣ штабъ-офицера, двухъ старшихъ адъютантовъ, письмоводителя, медика и нѣсколькихъ переводчиковъ. Судебныя дѣла вершились народнымъ судомъ, который также находился подъ предсѣдательствомъ Лазарева, а непремѣннымъ членомъ его были кадій и депутатъ отъ народа.

Съ учрежденіемъ „Временнаго Управленія,“ резиденція Лазарева была перенесена на Гунибъ, какъ въ

пунктъ, находившійся почти въ самомъ центрѣ наиболѣе важной части Дагестанской области. Но на исторической горѣ не было ни какихъ поселеній, кромѣ небольшаго аула, откуда жители давно уже были выселены, такъ какъ это мѣсто предназначалось для постройки Гунибскаго укрѣпленія; покинутыя же и обвѣтшалыя сакли временно отданы были подъ помѣщеніе больныхъ нижнихъ чиновъ и складъ строительнаго матеріала, оберегаемаго двумя пѣхотными ротами. Управленію, такимъ образомъ, помѣститься было негдѣ, и пока для него воздвигались кое-какія зданія, оно въ теченіи цѣлаго года ютилось или въ калмыцкихъ кибиткахъ, или въ палаткахъ, и даже въ шалашахъ, разбросанныхъ по юго-восточному скату горы, на небольшой площадкѣ, гдѣ, среди каменныхъ глыбъ, обитало множество змѣй, фалангъ и скорпіоновъ.

Неприглядна, но оригинальна была эта обстановка, сообщавшая нашему „Управленію“ видъ не русскаго, а скорѣе какого нибудь мѣстнаго туземнаго учрежденія. Русскихъ солдатъ здѣсь совсѣмъ не было видно, а вокругъ палатокъ двигались, сидѣли или лежали группами суровые горцы, съ ногъ до головы обвѣшанные оружіемъ. Это были все старые шамилевскіе мюриды, изъ которыхъ Лазаревъ сформировалъ себѣ нѣчто въ родѣ почетнаго конвоя. Этимъ онъ достигалъ разомъ двухъ цѣлей: во первыхъ, онъ привлекалъ и привязывалъ къ себѣ людей, которые, судя по всей ихъ прошлой жизни, могли бы сдѣлаться опасными для спокойствія края; а во вторыхъ, черезъ нихъ онъ вліялъ на народъ, который, видя русскаго начальника, окруженнаго самыми близкими слугами Шамиля, и самъ мало-по-малу начиналъ примиряться съ этою, чуждою ему доселѣ, властію невѣрныхъ.

Съ тою же политическою цѣлью Лазаревъ хлопоталъ и заботился о скорѣйшемъ сформированіи постоянной милиціи изъ горцевъ, расчитывая, что въ нее по-

ступятъ всѣ безпокойные люди, которыхъ тяготило бездѣйствіе, или недостаточныя средства къ жизни. Онъ не боялся довѣрить себя охранѣ буйныхъ, еще не перебродившихъ народовъ Дагестана, - но въ этомъ-то довѣріи именно и лежала вся сила и обояніе его власти.

Временныя лишенія, часто даже въ предметахъ первой необходимости, испытываемыя всѣми чинами Управленія на Гунибѣ, мало смущали Ивана Давыдовича, понимавшаго ихъ неизбѣжность при поселеніи въ такой глухой и мало-доступной мѣстности. Но онъ заботился однако, что бы никто и ни въ чемъ не встрѣчалъ нужды. Поэтому все, что жило съ нимъ на Гунибѣ, что наѣзжало туда случайными гостями, встрѣчало въ кибиткѣ Ивана Давыдовича не только готовый обѣдъ, ужинъ и чай, но пользовалось даже его табакомъ и свѣчами. Когда ему доложили, что всего его мѣсячнаго жалованья едва хватаетъ на одинъ только столъ, онъ отвѣчалъ: „А что же будетъ, если я перестану кормить ихъ? Вѣдь на Гунибѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни табельдотовъ. Царь даетъ мнѣ достаточно столовыхъ, и моя обязанность заботиться о моихъ подчиненныхъ.“ Съ этй точки его нельзя уже было сбить ни какими доводами.

Въ такихъ же широкихъ размѣрахъ обнаруживались его гостепріимство и щедрость по отношенію къ сколько нибудь вліятельнымъ горцамъ, для пріема которыхъ онъ даже держалъ особаго повара-персіянина, умѣвшаго мастерски изготовлять какіе-то особые пилавы и шашлыки. По отзывамъ людей, близко знавшихъ Лазарева, на всѣ эти угощенія и подарки расходовалась имъ не только полностію вся экстраординарная сумма, но прибавлялось къ ней еще и значительная часть собственнаго содержанія.

Ласкаяя горцевъ, оказывая имъ знаки полнаго довѣрія, Лазаревъ однако не спускалъ глазъ съ своихъ новыхъ пріятелей, понимая, что наше положеніе въ заво-

еванномъ краѣ еще не настолько упрочилось, что бы можно было въ немъ жить, спустя рукава. „Пока будетъ существовать поколѣніе, воспитанное Шамилемъ,-писалъ онъ по этому поводу князю Левану Ивановичу Меликову, — намъ нельзя пологаться на неизмѣнное расположеніе къ намъ народа, столько разъ увлекавшагося, и легко могущаго увлечься вновь отъ случайностей, которыя являются внезапно и не всегда могутъ быть даже предупреждаемы. Доказательствомъ этого въ его глазахъ служили волненія, уже начавшіяся въ Терской области. По этому, что бы подобные безпорядки не повторились и въ Дагестанѣ, гдѣ они могли быть гораздо опаснѣе, Лазаревъ настаивалъ съ одной стороны на скорѣйшей постройкѣ укрѣпленій, какъ на Гунибѣ, такъ на Карадагскомъ и Салтинскомъ мостахъ, а съ другой—на проложеніи по всей странѣ широкихъ колесныхъ дорогъ, которыя обезпечили бы намъ сообщенія въ горахъ съ самыми недоступными пунктами. Но для этихъ работъ требовалось время, а между тѣмъ волненія легко могли перекинуться теперь же изъ сосѣдней области, и Лазаревъ все время разъѣзжалъ по краю, стараясь предупреждать и разсѣивать всѣ недоразумѣнія, возникавшія въ народѣ отъ превратныхъ слуховъ и толковъ. Главною задачею его было внушить населенію довѣріе къ нашему правительству, и онъ достигалъ этого тщательнымъ подборомъ должностныхъ лицъ, особенно наибовъ, изъ числа которыхъ многіе служили Шамилю. Такіе люди, какъ Доногоногома, Муртазали тилитлинскій, Хаджіо и другіе, пользовавшіеся въ народѣ большимъ вліяніемъ, удерживали его не только отъ проявленія какого либо замѣшательства, но даже отъ признаковъ сочувствія къ тѣмъ непріятнымъ событіямъ, какія происходили въ Чечнѣ.

Почему начались волненія въ Терской области, объ этомъ здѣсь распространяться не мѣсто; но къ числу другихъ причинъ нельзя не отнести и ту, что мюри-

дизмъ, такъ долго господствовавшій въ горахъ, оставилъ еще многихъ тайныхъ приверженцевъ, которые, желая возвратить утраченное значеніе, готовы были дѣйствовать противъ насъ изъ однихъ своихъ честолюбивыхъ видовъ. Такіе люди находились и въ Дагестанѣ. Знаменитый тилитлинскій кадій Кибитъ-Магома, Омаръ-Дебиръ, герой салтинской обороны, и нѣкоторые другіе, замѣченные Лазаревымъ въ желаніи играть политическую роль, были отстранены имъ подъ разными почетными предлогами отъ всякаго участія въ управленіи страною и, такимъ образомъ, лишены возможности непосредственно вліять на массы. Съ этой стороны Лазаревъ былъ спокоенъ; но его озабочивало то обстоятельство, что мятежъ, начавшійся среди ичкеринцевъ, въ дремучихъ лѣсахъ ихъ родины, мало-по-малу перебросился въ горы и захватилъ ближайшій къ нимъ Андійскій округъ, принадлежавшій къ той же Терской области, но населенный лезгинами. Отсюда безпорядки, уже по одному племенному сочувствію, легко могли проникнуть въ сосѣднюю Аварію, которая при всѣхъ политическихъ движеніяхъ всегда играла первенствующую роль въ Датестанѣ. Поэтому Иванъ Давыдовичъ зорко слѣдилъ за нею, тѣмъ болѣе, что внутри самаго ханства уже таились зародыши, грозившіе намъ въ будущемъ нескончаемыми смутами. Аваріею управлялъ въ то время Ибрагимъ-ханъ, человѣкъ молодой, не лишенный дарованій, но, къ сожалѣнію, до того пристрастившійся къ спиртнымъ напиткамъ, что подъ ихъ вліяніемъ сталъ воображать себя однимъ изъ тѣхъ древнихъ аварскихъ хановъ, которые распологали судьбами Дагестана. Подчиненіе русской власти, значительно стѣснявшей его произволъ, было ему ненавистно. Онъ прежде всего и старался показать народу полную свою независимость отъ Лазарева, даже въ военномъ отношеніи. Приказанія послѣдняго или исполнялись медленно, или не исполнялись совсѣмъ

подъ тѣми или другими предлогами. Иванъ Давыдовичъ не имѣлъ права вмѣшиваться во внутреннія распорядки ханства, а между тѣмъ видѣлъ, что при дурной системѣ управленія, въ ней можетъ вспыхнуть пожаръ, который потомъ тушить будетъ трудно. Предвидѣніе это и не замедлило оправдаться лѣтомъ въ томъ же 1860-мъ году, когда въ Каратѣ, подвластной Аваріи, начались безпорядки. На требованіе прекратить ихъ, ханъ отвѣчалъ уклончиво и даже сталъ на сторону каратинцевъ. Тогда, не давая времени усилиться безпорядкамъ, Лазаревъ быстро собралъ отрядъ и занялъ Карату, служившую еще недавно резиденціею старшаго сына Шамиля. Аварская конница, вызванная въ отрядъ, шла въ авангардѣ, и Лазаревъ имѣлъ намѣреніе, въ случаѣ надобности, пустить ее въ первую голову, что бы заставить драться съ каратинцами и, такимъ образомъ, разъединить ихъ интересы на будущее время. Аварцы шли не охотно, но все таки шли, потому что за спиной у нихъ была преданная Лазареву гунибская конница. Къ счастію, на этотъ разъ дѣло не дошло до столкновенія. Быстрое занятіе Караты и нравственное давленіе, оказанное Лазаревымъ, заставило жителеіі понять, что всякій неосторожный шагъ, сдѣланный ихъ главарями, поведетъ за собою только разореніе страны,—и они притихли.

Быстрое прекращеніе безпорядковъ и вообще „отличное управленіе вновь покореннымъ краемъ“ доставило Лазареву въ томъ-же году орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Прошелъ годъ послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, и Лазаревъ задумалъ ознаменовать годовщину этого событія особымъ народнымъ праздникомъ, устроеннымъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя были полны еще воспоминаній о послѣднемъ имамѣ. Вотъ что писалъ по этому поводу князь Меликовъ въ письмѣ своемъ къ начальнику главнаго штаба генералу Милютину:

„....Изъ Кумуха отправился я черезъ Чохъ на праздникъ 25-го августа на Гунибъ, куда, кромѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ Дагестанской области, были приглашены всѣ ханы и почетные жители; между ними находились Кибитъ-Магома и всѣ знаменитости Дагестана, временъ шамилевскаго управленія. Празднество совершено было съ подобающею торжественностью въ присутствіи множества собравшихся сюда изъ любопытства окрестныхъ жителей. Они не были приглашены, но и для нихъ устроенъ былъ особый народный обѣдъ съ изобильными явствами и угощеніями. По окончаніи празднества всѣ представители дагестанскихъ обществъ принесли мнѣ поздравленіе и выразили искреннюю благодарность нашему правительству за освобожденіе ихъ отъ тревожной жизни и бѣдствій, сопряженныхъ съ войною.“

Вмѣстѣ съ этимъ празднествомъ совпало и новое назначеніе Лазарева, значительно расширившее кругъ его дѣятельности и самый районъ, подвѣдомственный его управленію. 19-го августа 1860 года послѣдовалъ приказъ, по которому вся Дагестанская область въ военно-административномъ отношеніи вновь раздѣлена была на четыре отдѣла: Сѣверный, Средній, Южный и Верхній (изъ обществъ ближайшихъ къ Лезгинской линіи). Лазаревъ назначенъ былъ командующимъ войсками въ Среднемъ Дагестанѣ, куда, кромѣ прежняго Гунибскаго округа и Аварскаго ханства, присоединено было еще все ханство Казикумыкское и, сверхъ того, нѣсколько мелкихъ обществъ, поставленныхъ, впрочемъ, по внутренней администраціи въ зависимость отъ Аваріи.

Но скоро и этотъ районъ пришлось еще расширить присоединеніемъ къ нему цѣлаго Андійскаго округа, входившаго до тѣхъ поръ въ составъ Терской области. Нужно сказать, что послѣ покоренія восточной части Кавказа, граница между областями Дагестанской

и Терской проведена была по Андійскому Койсу, вслѣдствіе чего къ послѣдней изъ нихъ отошли всѣ тѣ лезгинскія общества, которыя лежали по лѣвую сторону этой рѣки, какъ-то: Ункратль, Чамалаль, Технуцалъ, Гумбетъ, Андія и два небольшія наибства, принадлежавшія Бежитскому округу (Верхняго Дагестана) Тиндальское и Хваршинское. Опытъ однако скоро убѣдилъ въ неудобствѣ такого раздѣленія, такъ какъ всѣ эти горныя общества рѣзко отличались отъ чеченскихъ народовъ и образомъ жизни и своими обычаями, да и по географическому положенію были ближе къ мѣстамъ дагестанскихъ управленій, нежели къ терскимъ, съ которыми въ теченіи зимы почти не имѣли сообщеній. Все это затрудняло надъ ними надзоръ администраціи, и когда чеченскій бунтъ нашелъ себѣ отголосокъ среди этихъ обществъ,—въ Тифлисѣ рѣшили отдѣлить ихъ отъ Терской области и присоединить къ Среднему Дагестану. Но пока объ этомъ шла переписка, случилось слѣдующее происшествіе.

Въ Ункратльскомъ обществѣ, едва-ли не самомъ дикомъ изъ всѣхъ дагестанскихъ племенъ, появился весною 1861 года нѣкто Каракулъ-Магома, который, увлекшись примѣромъ своихъ сосѣдей чеченцевъ, собралъ небольшую шайку и сталъ разбойничать по дорогамъ Верхняго Дагестана. Мелкіе разбои, доставившіе ему нѣкоторую извѣстность среди соплеменниковъ, не могли удовлетворить однако честолюбивыхъ стремленій Каракулъ-Магомы, и скоро дѣятельность его приняла совершенно другое направленіе. Случилось, что въ это самое время въ Тиндальскомъ обществѣ стояли лагеремъ три роты Куринскаго пѣхотнаго полка, высланныя изъ Преображенскаго укрѣпленія на рубку лѣса. Однажды, когда большинство солдатъ находилось на работахъ, и лагерь оставался подъ охраной только трехъ офицеровъ и тридцати нижнихъ чиновъ, Каракулъ-Магома получилъ отъ

одного изъ жителей, Исанъ-Дебира, записку слѣдующаго содержанія: „Отчего не нападешь на русскихъ?— ихъ въ лагерѣ мало.“ Каракулъ-Магома тотчасъ воспользовался этимъ. 24 мая 1861 года партія его, состоявшая не болѣе какъ изъ пятидесяти человѣкъ, среди бѣлаго дня скрытно пробралась дремучимъ лѣсомъ и, снявъ пикетъ, стоявшій на опушкѣ, кинулась въ лагерь. Нападеніе сдѣлано было до того неожиданно, что два офицера, застигнутые въ расплохъ въ своихъ палаткахъ, были убиты, а третій смертельно раненъ. 16 нижнихъ чиновъ, не успѣвшихъ схватиться за оружіе, также были изрублены, но остальные 14 сбѣжались въ кучку и принялись отстрѣливаться. Тогда Каракулъ-Магома повернулъ назадъ и скрылся такъ быстро, что роты, подоспѣвшія на выстрѣлы, никого уже не застали.

Забравъ съ собой убитыхъ и раненыхъ, куринскія роты возвратились въ Преображенское, оставивъ часть лагернаго имущества подъ охраною ближайшаго хутора. Неизвѣстно откуда узналъ объ этомъ Каракулъ-Магома, но, пользуясь отсутствіемъ ротъ, напалъ на хуторъ и разграбилъ все, что было въ немъ покинуто. Эти неожиданные успѣхи мятежниковъ вызвали новыя осложненія въ Терской области. Весь Ункратль и часть Чамолала приняли сторону Каракулъ-Магомы, который уже мечталъ изъ простаго разбойника стать главою возмутившагося народа, прорваться съ нимъ въ Чечню и соединиться съ шайками Умы и Атабая.

Извѣстія объ этихъ происшествіяхъ произвели въ Тифлисѣ сильное впечатлѣніе. „Хотя Ункратль, писалъ начальникъ штаба Кавказской арміи къ князю Меликову, не переданъ вамъ еще офиціально, но я убѣдительно прошу васъ, ради общей пользы, принять самыя энергическія мѣры, что бы остановить заразу въ самомъ началѣ. Необходимо, не теряя минуты, сдѣлать туда экспе-

дицію, что бы примѣрно наказать разбойниковъ на страхъ всему окрестному населенію.“

Князь Меликовъ просилъ однако отложить экспедицію до осени. Онъ боялся упустить время самое удобное для дорожныхъ работъ въ Дагестанѣ, боялся, что мятежники, пользуясь хорошею погодою, успѣютъ скрыться въ горахъ, усиливъ собою шайку Умы, скрывавшуюся не подалеку въ трущобахъ Чеберлоевскаго наибства, а главное, опасался издержекъ, предвидя, что экспедиція потребуетъ значительныхъ силъ, такъ какъ нельзя ручаться за то, что бы и тѣ аулы Ункратля, которые не принимали участія въ мятежной попыткѣ тиндальцевъ, теперь, изъ страха подвергнуться общему наказанію, не встрѣтили бы наши войска вмѣстѣ съ Каракулъ-Магомою, „Осенью же – заканчивалъ онъ свое письмо начальнику штаба, —когда каждый горецъ въ виду наступающей зимы не рѣшится покинуть своего жилища, экспедиція можетъ быть сопряжена съ несравненно меньшею стоимостью, и результаты ея будутъ положительнѣе“...

Ходатайство Меликова было уважено, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же ускорило и передачу въ вѣдѣніе его Андійскаго округа, что бы дать ему возможность распоряжаться въ немъ самостоятельно. Въ началѣ Іюня вопросъ этотъ былъ рѣшенъ окончательно, и начальникъ Средняго Дагестана генералъ-маіоръ Лазаревъ получилъ приказаніе принять Андійскій округъ подъ свое управленіе.

Лазаревъ сознавалъ необходимость быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, а потому, выѣзжая изъ Гуниба, написалъ князю Меликову, что, въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ въ горахъ, онъ будетъ дѣйствовать немедленно, не ожидая осени; что онъ до послѣдней крайности воздержится отъ употребленія русскихъ войскъ, а возстановленіе спокойствія въ странѣ и усмиреніе непокорныхъ возложитъ на самихъ-же горцевъ,

которые должны дать доказательства своей вѣрности и усердія нашему правительству.“ Мысль эту онъ осуществилъ на дѣлѣ, и дальнѣйшая дѣятельность его въ новомъ краѣ представляетъ прекрасный обращикъ строго обдуманной и хорошо выполненной системы, основанной на глубокомъ пониманіи духа народа.

Онъ началъ съ того, что прибылъ въ укрѣпленіе Преображенское для пріема новаго округа съ необычайною пышностью, окруженный двадцатью подвѣдомственными ему наибами, среди которыхъ находились почти всѣ почетнѣйшія лица Средняго Дагестана, какъ-то: Муртазали тилитлинскій, Даногоногома, Хаджіо, Омаръ-салтинскій и другіе. За ними слѣдовали восемь конныхъ сотенъ отборныхъ лезгинъ, по преимуществу старыхъ мюридовъ. Такое торжественное появленіе новаго правителя сильно подѣйствовало на умы народа, въ понятіяхъ котораго только та власть и можетъ пользоваться уваженіемъ, которая окружена почетомъ и богатствомъ. Немедленно по своемъ пріѣздѣ Лазаревъ открылъ окружное правленіе въ Ботлихѣ, въ одномъ изъ многолюднѣйшихъ селеній Технуцала, а затѣмъ объѣхалъ новыя владѣнія, и не посѣтилъ только Ункратля, который на отрѣзъ отказался принять къ себѣ русскія власти. Лазаревъ остановился на его границѣ и послалъ сказать жителямъ, что будетъ къ нимъ скоро.

Между тѣмъ наибомъ Ункратля и Чамалала онъ тутъ же назначилъ Хаджіо, бывшаго казначея Шамиля, поручивъ ему, какъ человѣку вліятельному, составить себѣ въ Ункратлѣ партію, съ помощію которой можно бы было, хотя отчасти, парализовать дѣйствія нашихъ противниковъ. Хаджіо дѣйствительно проникнулъ въ Ункратль, но ближе познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, извѣстилъ Ивана Давыдовича, что экспедиція необходима, такъ какъ волненіе усиливается, и аулъ за ауломъ присягаютъ на вѣрность Каракулъ-Магомѣ. Лазаревъ

донесъ объ этомъ Меликову и рѣшился дѣйствовать.

Къ тѣмъ восьми-стамъ всадникамъ, которые прибыли съ нимъ изъ Средняго Дагестана, онъ присоединилъ милицію Андійскаго округа, и 14-го Іюля двинулъ на Ункратль двадцать двѣ конныя сотни. За этимъ грознымъ полчищемъ, въ видѣ резерва, слѣдовали изъ Ботлиха дивизіонъ Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, еще далѣе— три батальона пѣхоты съ четырьмя горными орудіями.

По собраннымъ свѣдѣніямъ приверженцы Каракулъ-Магомы занимали аулы Верхнія и Нижнія Хоршіни, куда кратчайшій путь шелъ вверхъ по Андійскому Койсу; но этотъ путь представлялъ собою рядъ непрерывныхъ тѣснинъ, занятыхъ уже непріятелемъ. Такимъ образомъ для движенія въ Ункратль оставалась свободною только одна тропинка по веришнамъ Андійскаго хребта, тропинка до того неудобная, что ею избѣгали пользоваться даже сами туземцы. Но эту послѣднюю тропу необходимо было избрать для слѣдованія уже потому, что, владѣя хребтомъ, мы лишали Каракулъ-Магому содѣйствія Умы и Атабека. Лазаревъ и повелъ по ней свой отрядъ. Мы не будемъ описывать всѣхъ трудностей, которыя пришлось перенести ему во время этого движенія; довольно сказать, что отрядъ растянулся болѣе чѣмъ на 20-ть верстъ, и горныя орудія пришлось снять съ вьюковъ и все время нести на рукахъ. Въ одномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ тропа входила въ ущелье, обставленное крутыми, лѣсистыми скатами, Ума съ своими чеченцами попытался было загородить дорогу, но конница, посланная въ обходъ, быстро заставила его очистить путь, и отрядъ прошелъ съ потерею только шести человѣкъ ранеными.

17-го Іюля войска вышли изъ горъ и расположились лагеремъ близъ озера Чадыръ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ аула, гдѣ непріятель засѣлъ за крѣпкими завалами. Появленіе русскаго генерала съ войсками въ такихъ

мѣстахъ, гдѣ никто никогда не видалъ даже ополченій Шамиля, до того поразило ункратльцевъ, что, по первому требованію Лазарева, всѣ старшины, возмутившихся селеній, явились съ изъвленіемъ покорности. Жители, увидѣвшіе въ отрядѣ лучшихъ и почетнѣйшихъ лодей Дагестана, поняли всю ничтожность затѣяннаго Каракулъ-Магомою дѣла, и поспѣшили отстать отъ возмутителя. Такимъ образомъ Каракулъ-Магома съ перваго же шага остался одинъ, безъ поддержки тѣхъ, на которыхъ такъ много расчитывалъ. Съ нимъ осталось только 147 человѣкъ. Лазаревъ объявилъ однако старшинамъ, что не дастъ имъ пощады и уничтожитъ всѣ ихъ поля и жилища, если сами они, своими собственными руками, не приведутъ къ нему Каракулъ-Магому совсею его шайкою. Эта угроза имѣла такое дѣйствіе, что въ теченіи двухъ дней всѣ сподвижники Каракула одинъ по одному были перехвачены и приведены въ нашъ лагерь. Только самъ Каракулъ, его зять и шесть отчаянныхъ абрековъ остались въ завалахъ. Тогда Лазаревъ послалъ къ нимъ Хаджіо, Муртазали и Доногоногому, придавъ имъ еще 30 конныхъ милиціонеровъ. Они проникли въ завалъ подъ видомъ переговоровъ, и безъ труда заставили главу возстанія и всѣхъ его сообщниковъ, выйдти къ намъ съ повинною головою. Вся эта экспедиція лучше и рельефнѣе всего выражена въ самомъ рапортѣ князя Меликова, который доносилъ отъ 31-го Іюля 1861-го года слѣдующее:

„Не прошло послѣ пріѣзда генерала Лазарева мѣсяца, какъ онъ своими благоразумными дѣйствіями, не прибѣгая даже къ силѣ оружія, а однимъ нравственнымъ вліяніемъ выполнилъ возложенное на него порученіе съ такимъ успѣхомъ, болѣе котораго трудно было и желать: возмутившіяся общества успокоены, а глава возмущенія въ нихъ самъ явился съ повинною головою.

„Успѣхъ этотъ для насъ чрезвычайно важенъ, какъ

потому, что совершенъ въ тѣхъ обществахъ, кои, по понятіямъ самихъ туземцевъ, считались совершенно не доступными, и которыя никогда не были занимаемы не только нашими, но и войсками Шамиля, а еще болѣе потому, что соединеніе Каракулъ-Магомы съ мятежниками Терской области, дѣйствующими тамъ и понынѣ, подъ предводителствомъ Умы и Атабека, грозило разлить пламя возстанія на всемъ пространствѣ горъ отъ Андійскаго Койсу до Гехи. И если этого не случилось, то мы обязаны только уму и неусыпной дѣятельности генерала Лазарева и рѣдкому знанію его духа здѣшнихъ народовъ. Я даже убѣжденъ, что въ настоящее время онъ сдѣлался въ глазахъ у горцевъ баснословнымъ героемъ, одного имени котораго будетъ на долгое время достаточно для того, что бы усмирять всякія попытки къ возмущенію.

„Спѣша донести о таковой новой заслугѣ генерала Лазарева, я полагаю, что скорая, и соотвѣтственная важности самихъ обстоятельствъ, награда его была бы справедливымъ возмездіемъ за понесенные имъ труды."

И Лазареву, по мимо ордена св. Станислава 1-ой степени, которой онъ еще не имѣлъ, пожалована была прямо анненская лента.

Въ тоже время появился слѣдующій приказъ по арміи отъ 10 августа 1861-го года.

„Съ душевнымъ удовольствіемъ спѣшу передъ лицомъ всей арміи обявить искреннюю мою благодарность, какъ генералъ лейтенанту князю Меликову за его въ высшей степени благоразумныя распоряженія, такъ и исполнителю этихъ распоряженій генералъ-маіору Лазареву за его энергическія и въ полной мѣрѣ искусныя дѣйствія."

Глава XX.

(1862—1863)

Новыя волненія, произведенныя въ Тилитлѣ Кази-Магомою.—Возстаніе въ Закаталахъ.—Дѣятельность Лазарева при водвореніи порядка въ Среднамъ Дагестанѣ.—Рѣчь его къ представителямъ народа.—Новая чрезвычайная награда Лазарева.—Характеръ дѣятельности его по управленію горцами.—Записка его по поводу сформированія милицій на случай внѣшней войны.—Взглядъ его на необходимость уничтоженія въ краѣ ханскихъ управленій.—Его записка по этому поводу.—Рѣзкое противорѣчіе взглядовъ его съ общимъ направленіемъ высшей администраціи.

Послѣ уничтоженія Каракулъ-Магомы, пытавшагося возмутить Ункратль, тревожный 1861 годъ завершился окончательнымъ истребленіемъ и другихъ мятежническихъ партій, Умы и Атабая, державшихся въ Чечнѣ и Шатоѣ. Но для Кавказа далеко еще не наступило время обсолютнаго покоя, и едва безпорядки прекращались въ одномъ, какъ уже возникали въ другомъ мѣстѣ, требуя опять вмѣшательства вооруженной силы.

Въ самомъ началѣ 1862 года, въ Тилитлѣ появился новый проповѣдникъ, нѣкто Кази-Магома, только что возвратившійся изъ Мекки. Кази-Магома пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ, какъ зять и двоюродный братъ извѣстнаго тилитлинскаго кадія Кибитъ-Магомы, а потому и тайныя подстрекательства его къ вооруженному возстанію, естественно, нашли себѣ живой отголосокъ въ извѣстной части населенія. Если бы Лазаревъ былъ менѣе внимателенъ къ проявленіямъ тѣхъ или другихъ симптомовъ приближающейся бури, въ Тилитлѣ легко могли-бы повториться событія, предшествовавшаго года. Но Иванъ Давыдовичъ при первыхъ слухахъ самъ прибылъ въ Тилитль, и съ своею обычною энергіею покончилъ дѣло быстрою административною высылкою

Кази-Магомы въ Россію. Кибитъ-Магома также оказался прикосновеннымъ къ дѣлу. Правда, онъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ зятю по той причинѣ, что считалъ возстаніе рѣшительно не возможнымъ, пока масса народа не будетъ имѣть достаточныхъ причинъ негодовать на русское владычество; но тѣмъ не менѣе онъ зналъ о пропогандѣ, и Лазаревъ нашелъ необходимымъ выслать его въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда осенью того же года онъ, съ разрѣшенія нашего правительства, переселился въ Турцію.

Партія, не успѣвшая еще окрѣпнуть и лишенная своихъ предводителей, разсѣялась сама собою. Однако арестъ Кази-Магомы и высылка стараго кадія возбудили въ горахъ множество толковъ, результаты которыхъ сказались, только спустя нѣкоторое время, когда на плоскости Закатальскаго округа неожиданно вспыхнуло возстаніе.

Поводомъ къ нему на этотъ разъ послужило не совсѣмъ умѣлое распространеніе православной вѣры среди ингелойцевъ, которые дѣйствительно когда-то были христіянами. Но это было очень давно. Съ тѣхъ поръ народъ уже забылъ свою вѣру и всецѣло отдался магометанству. Миссіонерство, конечно, было нужно; но въ равной мѣрѣ нужна была и величайшая политическая осторожность въ проведеніи этой мѣры, а главное, надо было, что бы христіанская община, возникавшая среди мусульманскаго міра, служила бы образцомъ чистоты своихъ нравовъ и возвышенныхъ идей. Къ сожалѣнію, ничего этого не было въ Закатальскомъ округѣ. Лазаревъ въ подвѣдомственныхъ ему владѣніяхъ позволялъ принимать святое крещеніе только людямъ безупречной нравственности, а тамъ принимали всѣхъ безъ разбору, часто людей, мѣнявшихъ религію не по убѣжденію, а ради корыстныхъ и житейскихъ благъ. Все это до извѣстной степени озлобляло мусульманское населеніе,

быть можетъ даже просто изъ одной только зависти къ тѣмъ привилегіямъ, которыя получали христіане, но этимъ пользовались люди злонамѣренные, преслѣдовавшіе свои личные виды, и они-то, поддерживая броженіе умовъ, вызвали наконецъ взрывъ лѣтомъ 1863 года. Лазаревъ черезъ своихъ лазутчиковъ зналъ о такомъ тревожномъ положеніи дѣлъ въ Верхнемъ Дагестанѣ и не разъ предупреждалъ объ этомъ князя Левана Ивановича Меликова; но послѣдній, самъ долго управлявшій джаро-бѣлоканскими лезгинами, не допускалъ даже мысли о возможности среди нихъ открытаго возстанія. Онъ самъ признается въ этомъ, говоря въ одномъ изъ своихъ донесеній, „что не только для него, но и для самаго ближайшаго мѣстнаго начальника и даже для всѣхъ другихъ, сколько нибудь знавшихъ тотъ округъ, возстаніе по многимъ причинамъ было дѣломъ совершенно неожиданнымъ.“ Между тѣмъ предсказанія Лазарева сбылись съ поразительною точностью. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Бѣлоканахъ будутъ строить православную церковь, муллы и вожаки движенія тотчасъ истолковали лезгинамъ это событіе, какъ прямое посягательство на ихъ религіозныя вѣрованія,—и мятежъ разомъ охватилъ весь Закатальскій округъ. Нѣкто Хаджи-Муртузъ сталъ во главѣ возстанія. Небольшой русскій отрядъ, встрѣченный имъ подъ Бѣлоканами, потерпѣлъ пораженіе; самъ начальникъ Верхняго Дагестана генералъ-маіоръ князь Шаликовъ былъ убитъ въ этомъ несчастномъ сраженіи; войска отступили, и крѣпость Закаталы очутилась въ блокадѣ.

Лазаревъ находился въ это время въ Тифлисѣ, расчитывая провести лѣто вмѣстѣ съ семействомъ на пятигорскихъ водахъ. Но, получивъ извѣстіе о происшествіи подъ Бѣлоканами, онъ тотчасъ поскакалъ въ Шуру и явился первымъ официіальнымъ вѣстникомъ кроваваго событія, о которомъ ходили только неясные, даже не вну-

шавшіе довѣрія, слухи. Онъ прибылъ какъ нельзя болѣе кстати, потому что возстаніе разгоралось на самой опасной почвѣ, грозя охватить весь Дагестанъ религіознымъ движеніемъ. И Лазаревъ не потерялъ ни одной лишней минуты: прямо отъ князя Меликова онъ сѣлъ на коня, и проскакавъ верхомъ въ 13—14 часовъ около полутораста верстъ, явился на Гунибъ, гдѣ его совсѣмъ не ожидали.

Край онъ нашелъ въ сильномъ броженіи; множество людей, подъ видомъ заработковъ, ушло въ Закаталы и тамъ пристало къ мятежникамъ; въ Тилитлѣ укрывались агенты, присланные отъ джаро-бѣлоканъ для возмущенія народа; въ Гидатлѣ были уже случаи, что жители стрѣляли по нашимъ командамъ; въ Гумбетѣ устроивались народныя собранія, на которыхъ рѣшалось, гдѣ и когда напасть на русскіе отряды; въ Ункратлѣ шла поголовная пропаганда, а въ Хоршахъ образовалась даже вооруженная шайка, которая, засѣвъ въ укрѣпленной башнѣ, не позволяла наибу арестовать виновныхъ. Почва, стало быть, была подготовлена и нужно было только явиться какому нибудь фанатику, въ родѣ Каракулъ-Магомы, чтобы увлечь за собою народъ. И тѣмъ не менѣе, никакихъ признаковъ религіознаго движеніе въ краѣ Лазаревымъ замѣчено не было. Напротивъ, въ народѣ распущенъ былъ слухъ, что русскіе намѣрены постепенно захватить всѣхъ вліятельныхъ людей, имѣвшихъ когда либо значеніе въ краѣ, особенно во время управленія Шамиля, и удалить ихъ въ Россію, чтобы затѣмъ, когда народъ останется безъ своихъ представителей, тѣснить его по произволу. Слухи эти были продолженіемъ все тѣхъ же вымышленныхъ разглашеній, которыми сопровождался въ свое время арестъ Кибитъ-Магомы; но теперь они ходили уже въ такомъ преувеличенномъ видѣ, что, напр. въ Гумбетѣ называли даже по именамъ людей, предназначенныхъ нами для ссылки. Легковѣрные горцы были встревожены этою молвою, и, принимая

мѣры противъ ожидаемыхъ насилій, рѣшили сами напасть на наше окружное управленіе въ Ботлихѣ, а затѣмъ на роту, стоявшую въ Тлохѣ. Къ счастію они не успѣли привести въ исполненіе свой замыселъ. Неожиданное появленіе Лазарева сразу отрезвило умы народа и заставило его искать спасенія въ безусловной покорности. „Заговорщики, какъ доносилъ князь Меликовъ, сами усомнились въ дѣйствительности дошедшихъ до нихъ слуховъ и, отказавшись отъ всякихъ попытокъ къ возстанію, стали бояться только того, что бы оставленные ими замыслы не дошли до начальства и не навлекли бы на нихъ заслуженную кару.“ Но Лазаревъ имѣлъ обо всемъ уже самыя точныя свѣдѣнія. Онъ ѣхалъ по краю грозою, и вездѣ, гдѣ онъ появлялся, народъ безпрекословно выдавалъ зачинщиковъ; тридцать семь человѣкъ изъ нихъ, признанныхъ наиболѣе виновными, были арестованы и высланы въ Шуру для дальнѣйшаго отправленія ихъ во внутреннія губерніи. Затѣмъ Лазаревъ донесъ князю Меликову, что если волненія еще и не вездѣ улеглись, то они не грозятъ ни какими серьезными послѣдствіями, и что онъ, ознакомившись съ причинами, ихъ вызвавшими, вполнѣ ручается за спокойствіе Дагестана. Эти успокоительныя извѣстія въ свою очередь дали возможность князю Меликову немедленно двинуться для усмиренія Закатальскаго округа и притомъ съ одною туземною конницею. Это былъ фактъ знаменательный. Русскій генералъ, вовсе не имѣя при себѣ регулярныхъ войскъ, велъ изъ глубины Дагестана, черезъ снѣговыя, почти неприступныя горы три тысячи конныхъ лезгинъ,—и велъ ихъ для усмиренія тѣхъ же лезгинъ, не опасаясь за свои сообщенія, которыя сторожило грозное имя Лазарева.

Иванъ Давыдовичъ между тѣмъ собралъ на Гунибъ представителей отъ всѣхъ сословій Средняго Дагестана и вышелъ къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

„Наибы, старшины и дебиры! Я созвалъ васъ съ тѣмъ, что бы передать вамъ о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя въ мое отсутствіе возникли въ нѣкоторыхъ частяхъ ввѣреннаго мнѣ края. Къ сожалѣнію, причиною ихъ были люди, въ большинствѣ или ученые, или занимавшіе при Шамилѣ мѣста наибовъ. Они своимъ подстрекательствомъ встревожили и взволновали умы населенія."

„Русское правительство, послѣ окончательнаго покоренія Дагестана, не обратило даже вниманія на преступленія тѣхъ лицъ, которыя во времена Шамиля дѣйствовали во вредъ русскимъ. Оно забыло имъ все прошлое и великодушно простило всѣхъ. Поступая такимъ образомъ, оказывая повсюду милосердіе, внося въ систему управленія начала адата и шаріата, оно пологало сдѣлать народъ счастливымъ послѣ деспотизма Шамиля; оно ожидало за то благодарности и преданности покоренныхъ.

„Многіе изъ васъ, дѣйствительно, оправдали эти ожиданія. Но къ вашему несчастію нашлись среди васъ и такіе фанатики, которые при малѣйшей тревогѣ, гдѣ бы то ни было, тотчасъ сѣяли смуту съ явнымъ намѣреніемъ нарушить общественное спокойствіе. Такъ было и въ нынѣшнемъ году при возстаніи въ Закаталахъ. Многіе, имѣвшіе при Шамилѣ значеніе, и которымъ тогдашній порядокъ приносилъ личныя выгоды, обрадовались этому случаю, что бы поднять мятежъ и въ Среднемъ Дагестанѣ. Люди эти понесли уже заслуженную кару.

„Меня удивляетъ, однако, что они нашли себѣ послѣдователей изъ числа людей, пользующихся полною свободою, обласканныхъ правительствомъ и ничѣмъ не стѣсненныхъ. Никто изъ вашихъ начальниковъ не вмѣшивается въ вашу религію, въ семейныя права ваши; адаты оставлены въ полной ихъ силѣ; общественныя

земли, отобранныя Шамилемъ, отданы обратно обществамъ; всякая собственность, какъ частная, такъ и общественная, остаются неприкосновенными."

„Повинностей вы никакихъ не отбываете. А если возложены на васъ работы по устройству дорогъ, то вы видите сами, что эти дороги остаются въ вашемъ-же краѣ, для вашего же благоденствія; а за дороги военныя, которыя проводитъ правительство при помощи жителей, вы получаете хорошую плату.

„Изъ всего сказаннаго мною, вы должны видить, что правительство, кромѣ хорошаго, въ ущербъ вамъ ничего не дѣлаетъ. Вотъ почему людей, которые употребили во зло и снисходительность, и вниманіе и заботливость его, я долженъ былъ наказать самымъ строжайшимъ образомъ.

„Мнѣ прискорбно наказывать васъ потому, что я считаю населеніе, управляемаго мною края, своею собственною семьею; но вы сами вынуждаете меня прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Я не разъ говорилъ вамъ объ этомъ, но изъ недавняго прошлаго вижу, что мои наставленія не вполнѣ подѣйствовали на нѣкоторыя лица, которыя, впрочемъ, за то и поплатились. Надѣюсь, что, послѣ новаго разъясненія съ моей стороны, вы наконецъ поймете систему нашего управленія, и то довѣріе, которое вамъ оказываютъ. Положившись на васъ, правительство изъ вашей же среды сформировало охранную стражу, т. е. милицію, въ преданности которой также, какъ и въ вѣрности вашей, оно не сомнѣвается. Лучшаго доказательства довѣрія къ вамъ дать невозможно. Умѣйте цѣнить это. Не довѣряя вамъ, правительство намѣсто вашей стражи, легко могло бы назначить сюда драгунъ или казаковъ.

„Все, что я сказалъ вамъ, считаю достаточнымъ и приказываю все это передать вашимъ обществамъ.

„Здѣсь, на Гунибѣ, сегодня закладывается мечеть для единовѣрцевъ вашихъ. Будетъ очень прилично

вамъ, какъ мусульманамъ, бросить въ фундаментъ мечети по камню."

Рѣчь эта, въ особенности заключительныя слова ея, показывавшія уваженіе къ религіознымъ вѣрованіямъ народа, имѣла послѣдствіемъ полное умиротвореніе всего Дагестана, въ которомъ не осталось даже и слѣдовъ какого либо броженія. Заслуга Ивана Давидовича въ этомъ отношеніи была такъ очевидна, что августѣйшій главнокомандующій Кавказской армею, дѣлая объ немъ представленіе, нашелъ недостаточнымъ для него очередной награды, и Лазаревъ, минуя Анну 1-й степени съ короной, получилъ прямо орденъ св. Владиміра 2-го класса.

Такова была дѣятельность Ивана Давыдовича въ военномъ отношеніи. Но не меньшаго, если еще не большаго вниманія заслуживаютъ его распоряженія по внутренному управленію краемъ, который, можно сказать, онъ зналъ въ совершенствѣ. Кто-то справедливо сказалъ, что онъ жилъ жизнію самаго народа; онъ чувствовалъ біеніе его сердца, а потому всѣ его взгляды и рѣшенія на возникавшіе тогда вопросы,—а ихъ являлась цѣлая масса—представлялись всегда безусловно вѣрными, были-ли они направлены на развитіе внутренняго благосостоянія страны, или представляли собою нѣкоторыя стѣснительныя мѣры для обузданія пылкихъ страстей, порождавшихъ въ краѣ тѣ вредные элементы, отъ которыхъ желательно было избавиться.

Одинъ изъ такихъ вопросовъ возникаетъ именно въ томъ же 1863 году въ самый разгаръ польскаго возстанія, когда отношенія Россіи къ западнымъ державамъ настолько обострились, что грозили большою внѣшнею войною. Ожидали, что Турція также пристанетъ къ коалиціи, и намъ, только что покончившимъ у себя дома съ закатальскимъ бунтомъ, приходилось подумать о томъ, чтобы усилить насколько возможно боевыя средства Кавказа. Лучшею мѣрою признавалось сформиро-

ваніе туземныхъ милицій, которыя, будучи высланы въ дѣйствующій корпусъ, могли бы значительно усилить его прекрасною конницею; но такъ какъ у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ опасались вліянія турецкихъ эмиссаровъ, которые, пользуясь обстоятельствами, могли черезъ людей вліятельныхъ и сильныхъ волновать населеніе, то въ этихъ видахъ считали нужнымъ привлечь во вновь формируемыя сотни именно такихъ людей, удаленіе которыхъ изъ края на время войны могло быть полезнымъ. Лазаревъ получилъ предписаніе составить заблаговременно всѣ нужныя соображенія по этому предмету, но держать ихъ въ секретѣ и объявить народу только въ самый моментъ призыва и сформированія милиціи, когда неизбѣжность войны станетъ уже очевидною.

Съ послѣднею мѣрою Лазаревъ не согласился. Весь долгій служебный опытъ убѣждалъ его, что этимъ путемъ мы никогда не дойдемъ до намѣченной цѣли, и онъ, не стѣсняясь, высказалъ свой взглядъ въ слѣдующемъ письмѣ къ командующему войсками въ Дагестанской области *).

„Милиція, вновь формируемая въ Дагестанѣ, — писалъ Иванъ Давыдовичъ — предназначается для дѣйствій въ предстоящей внѣшней войнѣ и, слѣдовательно, соотвѣтственно этой цѣли, должна представлять дѣйствительную боевую силу, и въ то же время должна заключать въ себѣ элементы, удаленіе которыхъ на время войны полезно для края. Этими условіями, по моему мнѣнію, опредѣляются всѣ соображенія, а затѣмъ и самый способъ формированія милицій.

Выводъ изъ края вооруженной массы, въ средѣ коей должны быть по возможности люди вліятельные, т. е. пользующіеся значеніемъ въ народѣ, — выводъ ихъ на неопредѣленное, и быть можетъ на весьма продолжительное время, для войны противъ единовѣрныхъ имъ

*) Письмо помѣчено „Августъ 1863 года“.

мусульманскихъ населенiй, требуетъ для успѣшнаго выполненiя большой обдуманности и осторожности. Прежде всего я полагаю невозможнымъ формировать милицiю передъ самою войною, или въ то время, когда обстоятельства укажутъ уже здѣшнему населенiю ея неизбѣжность. Можетъ случиться, что именно тѣ люди, коихъ зачисленiе особенно желательно, не поступятъ тогда добровольно, ибо поймутъ особенное назначенiе милицiи дѣйствовать внѣ края. Тогда мы будемъ поставлены въ необходимость выбора между двумя крайностями: или сформировать милицiю, не соотвѣтствующую основнымъ условiямъ, или прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ, могущимъ неблагопрiятно отозваться на краѣ. Что бы избѣгнутъ этого, въ Среднемъ Дагестанѣ слѣдуетъ теперь же приступить къ сформированiю сотенъ, начавъ съ Андiйскаго округа и постепенно переходя къ другимъ округамъ. Такимъ образомъ къ началу будущей весны милицiя можетъ быть доведена до шести сотенъ,—т. е: до наибольшей цыфры, какую въ состоянiи выставить Среднiй Дагестанъ для внѣшней войны. Конечно, это потребуетъ излишняго расхода, такъ какъ новыя сотни, причисленныя временно къ составу Дагестанской постоянной милицiи, должны нести одинаковую съ нею службу, а слѣдовательно и получать одинаковое съ ней содержанiе. Но съ другой стороны это избавитъ насъ въ будущемъ отъ еще большихъ расходовъ для подавленiя волненiй и безпорядковъ, кои неизбѣжно явятся при спѣшномъ формированiи милицiи. Составленныя такимъ образомъ сотни будутъ находиться въ рукахъ своихъ офицеровъ, и когда обстоятельства потребуютъ, —выступятъ туда, куда будетъ приказано, а если война не состоится—будутъ распущены.“ Кромѣ того, Лазаревъ полагалъ необходимымъ назначить сотенныхъ командировъ изъ числа тѣхъ влiятельныхъ лицъ, удаленiе которыхъ изъ края было особенно желательно. Имъ же онъ

предполагалъ поручить и самое сформированіе сотенъ, расчитывая, что этимъ путемъ войдетъ въ милицію наибо́льшее число людей, именно склонныхъ къ безпокойствамъ и фанатическимъ увлеченіямъ. „Что же касается до общаго начальствованія надъ всѣми шестью сотнями Средняго Дагестана, писалъ онъ князю Меликову, то необходимо выбрать человѣка, хорошо знакомаго съ бытомъ и характеромъ горскаго населенія, обладающаго достаточною боевою опытностью и способнаго внушить къ себѣ полное довѣріе въ подчиненныхъ горцахъ. Избранному для этого лицу нужно дать извѣстную, довольно обширную степень самостоятельности, какъ въ строевомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, дабы горцы видѣли въ немъ прямаго и дѣйствительнаго начальника."

Мнѣніе Лазарева, отчасти по экономическимъ, а отчасти и по другимъ причинамъ, не было принято. У насъ опасались держать на готовѣ туземныя войска, представлявшія собой готовую боевую силу, боялись предоставить слишкомъ большія права ихъ полковымъ командирамъ, и рѣшили оттягивать дѣло до послѣдней минуты. Къ счастію, тучи, надвигавшіяся съ запада, разсѣялись, и формированіе милиціи не состоялось,—иначе тѣ затрудненія, на которыя указывалъ Лазаревъ, возникли бы неминуемо, какъ они возникли впослѣдствіи, во время турецкой войны 1877 года, когда Ивана Давыдовича не было уже въ Дагестанѣ.

Если убѣжденія и взгляды Лазарева такъ рѣзко расходились со взглядами высшей административной власти въ такомъ вопросѣ, какъ формированіе милиціи, то они являлись уже діаметрально противоположными ей въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось хановъ, ихъ управленія и значенія въ краѣ.

Еще въ то время, когда война на Восточномъ Кавказѣ только что близилась къ своему окончанію, главнокомандующій князь Барятинскій приказалъ составить

соображенія о новомъ управленіи Дагестаномъ и потребовалъ, что бы оно основано было на полномъ поддержаніи ханской власти повсюду, гдѣ она существовала, и на устройство въ остальныхъ частяхъ такого управленія, которое сохраняло бы уваженіе къ стариннымъ сословнымъ и поземельнымъ правамъ туземцевъ, предоставляя мусульманскому духовенству судъ и расправу только въ такихъ дѣлахъ, которыя и до начала мюридизма производились по шаріату. Барятинскій считалъ одною изъ главныхъ ошибокъ прежняго управленія Кавказомъ уничтоженіе властей, созданныхъ, будто бы, народною жизнію, и стремленіе наше пріобрѣсти сочувствіе массъ черезъ пренебреженіе къ ихъ родовымъ аристократическимъ началамъ. Онъ полагалъ напротивъ, что наша цѣль должна заключаться прежде всего въ обезсилиніи духовенства, изъ котораго сложился мюридизмъ, а затѣмъ въ поддержаніи высшаго сословія тамъ, гдѣ оно существуетъ, въ возстановленіи его въ мѣстахъ, гдѣ сохраняются еще слѣды его, и даже созданіемъ таковаго вновь тамъ, гдѣ его никогда не существовало.

Князь Меликовъ явился точнымъ исполнителемъ этой идеи. „Интересы наши требовали,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ,—чтобы преждевременнымъ уничтоженіемъ, вѣками установившагося порядка управленія, не возбудить противъ правительства неудовольствія и ропота въ значительной части Дагестана. При томъ нѣкоторые изъ туземныхъ правителей пользовались значеніемъ и уваженіемъ въ народѣ, и въ случаѣ удаленія ихъ легко могли поддерживать неудовольствіе народа и тѣмъ парализировать на первыхъ же порахъ дѣйствія и значеніе, только что открывшихся, нашихъ управленій“... „Мнѣ было близко извѣстно—говоритъ онъ далѣе,—сколько вреда нанесло намъ преждевременное пренебреженіе, оказанное родовымъ отличіямъ и властямъ, и потому, искренно раздѣляя взглядъ фельдмаршала,

я, съ своей стороны, прилагалъ всѣ усилія къ поддержанію ханской власти и старался возбудить къ этому подвѣдомыхъ мнѣ лицъ"...

Но возбудить въ сердцѣ Ивана Давыдовича нѣжныя чувства къ ханскому управленію оказалось совершенно невозможнымъ Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ его, а потому, не стѣсняясь, возражалъ въ своихъ донесеніяхъ, что неудовольствія и ропота народа мы можемъ ожидать отъ возстановленія, а не отъ упраздненія ханствъ, и что изъ четырехъ, находившихся тогда въ Дагестанѣ владѣльцевъ, ни одинъ не пользовался народною любовью и даже самомалѣйшимъ значеніемъ, которое могло бы быть для насъ опасно. „Ошибочный взглядъ нашъ на хановъ—писалъ онъ въ своей запискѣ, —происходилъ отъ того, что мы, по незнакомству съ исторіею края, приписывали дагестанскимъ владѣльцамъ такія права, которыхъ они никогда не имѣли. Мы почему-то полагали, что воля хана въ народѣ священна, и что если ханы будутъ привлечены на нашу сторону,—то это будетъ вполнѣ гарантировать намъ спокойствіе и вѣрность ихъ владѣній. Но въ этомъ-то и заключалась наша ошибка. Во всемъ Дагестанѣ были только одни ханы дербентскіе, пользовавшіеся такою самостоятельностью; всѣ же остальные являлись не болѣе, какъ только охранителями и исполнителями народной воли, подчинявшейся безусловно однимъ только адатамъ. Власть хановъ, за исключеніемъ дербентскихъ, была весьма ограничена. Они имѣли право наказывать смертью только рабовъ или чагаровъ, т. е. людей, вышедшихъ изъ сословія холоповъ; но они не могли касаться ни чьихъ имуществъ, а тѣмъ болѣе имуществъ узденей, которые, какъ люди свободные, подчинялись только суду народному."Лазаревъ въ своей интересной запискѣ приводитъ въ доказательство того съ какою ревностью народъ охранялъ свои права и отстаивалъ адаты, слѣдующіе два случая:

Однажды, во времена Ермолова, къ Ахмедъ-хану аварскому, одному изъ сильнѣйшихъ тогдашнихъ владѣльцевъ, явилась дѣвушка съ жалобой, что она изнасилована роднымъ отцомъ. Ханъ потребовалъ къ себѣ отца, и выстрѣломъ изъ пистолета убилъ преступника. Казалось бы, что этотъ аварецъ вполнѣ заслуживалъ смерти, и тѣмъ не менѣе жители Хунзаха, взволнованные и оскорбленные самоуправствомъ хана, подняли возмущеніе. „Если аварецъ виновенъ, кричали они, то онъ долженъ быть казненъ по приговору народа! „Хану грозила серьезная опасность. Онъ заперся въ своемъ крѣпкомъ дворцѣ, избѣгая мщенья, но и тамъ его чуть-чуть ни забросали каменьями. Едва удалось его приближеннымъ успокоить народъ и уговорить его розойтится.

Въ другой разъ, уже при Паскевичѣ, Ахмедъ-ханъ мехтулинскій, прибывъ въ селеніе Даргели, убилъ одного узденя, къ которому питалъ личную месть. Узнавъ объ этомъ, народъ бросился на домъ, гдѣ остановился ханъ, угрожая ему смертью за смертъ своего односельца. И ханъ безсомнѣнія погибъ бы, если бы его нукеры не успѣли разобрать часть задней стѣнки сакли и этимъ путемъ не дали-бы ему возможности бѣжать въ Дженгутай. Даргели послѣ того не могли уже оставаться въ его владѣніи, и ханъ промѣнялъ ее шамхалу тарковскому на Кака-Шуру.

Каждая смерть, по мимо народной воли, преслѣдовалась подобнымъ же образомъ. Только тогда, когда ханы убивали и рѣзали членовъ своего собственнаго дома, не происходило смутъ, потому что на подобные поступки народъ смотрѣлъ, какъ на семейныя дѣла ханской фамиліи, и въ нихъ не вмѣшивался. Такъ было до прихода русскихъ, и даже въ первое время нашего владычества. Но потомъ дѣла измѣнились. Съ развитіемъ въ горахъ мюридизма, мы сами стали поддерживать ханскую власть, какъ бы стараясь найти въ ней про-

тивовѣсъ демократическимъ стремленіямъ кавказскихъ имамовъ. Ханы почуяли въ насъ сильную опору и стали безконтрольно распоряжаться не только имуществомъ, но даже и жизнію своихъ подвластныхъ. Мы на это смотрѣли сквозь пальцы, а народъ молчалъ, потому что его протестъ былъ бы задавленъ русскими штыками. Но народъ никогда не признавалъ за ханами подобнаго права, а относился къ нему только, какъ къ самоуправству и насилію. Это и было насиліе, которое, не принося намъ никогда существенной пользы, безъ надобности колебало только въ народѣ уваженіе къ русскому управленію. Лазаревъ въ этомъ именно видѣлъ крупнѣйшую ошибку нашей администраціи. Но если при прежнихъ обстоятельствахъ, въ разгаръ кавказской войны, на эту ошибку можно было смотрѣть еще, какъ на зло неизбѣжное, то при водвореніи всеобщаго мира, надо было стараться отдѣлаться отъ него, какъ можно скорѣе, что бы возвратить народу его исконныя права, и покончить разъ на всегда съ отжившею и не нужною ханскою властію. Случаи къ этому представлялись не разъ, но у насъ не хотѣли ими пользоваться. Правда, казикумыкскихъ хановъ болѣе уже не было, но взамѣнъ ихъ появились за то два новые хана: аварскій и кюринскій. Быть можетъ появились бы снова и ханы казикумыкскіе, но Лазаревъ противодѣйствовалъ этому всѣми зависящими отъ него средствами, стараясь отдалить отъ правительства всякую мысль предоставить власть кому нибудь изъ потомковъ послѣдняго хана, и даже настаивая, во избѣжаніе будущихъ смутъ, на удаленіе ихъ изъ края, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Мѣру эту сочли тогда излишнюю, а между тѣмъ событія 1877 года показали, что опасенія Лазарева имѣли свои основанія, такъ какъ сынъ Агаларъ-бека Джафаръ и родственники его Абдулъ-Меджидъ и Фатали-бекъ первые подняли знамя возстанія въ Казикумыкѣ. Джафаръ и Меджидъ,

взятые въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, были повѣшены, а Фатали убитъ подъ Лавашами.

Еще опредѣлительнѣе, и даже въ болѣе рѣзкихъ формахъ Лазаревъ выразилъ свой протестъ на наши отношенія къ ханамъ по поводу смерти шамхала тарковскаго Абу Муссelимъ хана, скончавшагося въ октябрѣ 1860 года. Иванъ Давыдовичъ тогда же не примину́лъ указать на необходимость воспользоваться этимъ случаемъ, что бы включить шамхальство въ число окружныхъ управленій. Но мнѣніе Лазарева и на этомъ разъ не было принято; въ достоинство шамхала былъ возведенъ сынъ Абу-Муселима князь Шамсудинъ, хотя уже и безъ титула „валія Дагестана,“ что слишкомъ явно противорѣчило бы общей системѣ русскаго управленія. Но тѣмъ не менѣе Шамсудинъ испросилъ разрѣшеніе устроить торжественный обрядъ своего коронованія по древнимъ обычаямъ, существовавшимъ при прежнихъ шамхалахъ. Разрѣшеніе это было дано, и на праздникъ собрались представители всего Дагестана, среди которыхъ первенствующее мѣсто занималъ акушинскій кадій, долженствовавшій опоясывать шамхаловъ мечомъ и надѣвать на ихъ голову баранью папаху. Иванъ Давыдовичъ также получилъ офиціальное приглашеніе на это торжество, но онъ отъ него отказался, выразивъ сожалѣніе, „что подобное торжество устраивается въ такое время, когда наступила пора постепенно уничтожать всѣ вредные обычаи, а вмѣстѣ съ ними и вредное вліяніе шамхаловъ.“

Рѣзкая противоположность взглядовъ создавала Ивану Давыдовичу множество служебныхъ столкновеній и непріятностей, которые онъ переносилъ съ твердостью, не желая поступаться своими убѣжденіями. Кто оказался правъ – выяснило время. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ сила обстоятельствъ заставила наше правительство отказаться отъ прежней системы, и князь Леванъ

Ивановичъ Меликовъ самъ ходатайствовалъ о замѣнѣ двухъ ханскихъ управленій окружными. Правда, онъ прибавлялъ, что дѣлаетъ это потому, что не имѣетъ въ виду способныхъ мусульманскихъ правителей изъ фамилій, властвовавшихъ въ Кюрѣ и Аваріи,—но, очевидно, это была только уступка нашимъ прежнимъ взглядамъ и требованіямъ. Достойныхъ пріемниковъ, къ счастію для насъ, дѣйствительно не оказалось, и волею не волей пришлось замѣстить устраняемыхъ хановъ русскими штабъ-офицерами, поставленными во главѣ окружныхъ управленій.

Нельзя не замѣтить, что поводовъ къ смѣщенію хановъ набралось слишкомъ достаточно. Кюринскій ханъ, какъ доносилъ князь Меликовъ, возбудилъ къ себѣ общее негодованіе народа непомѣрно-тягостными налогами, и когда жители рѣшились принести жалобу, онъ самъ нашелъ невозможнымъ оставаться долѣе въ званіи правителя и просилъ о сложеніи съ него ханскаго достоинства. Что же касается до Ибрагима-хана аварскаго, то онъ былъ устраненъ отъ управленія за противозаконныя дѣйствія, совершенныя въ припадкѣ болѣзненнаго раздраженія, повторявшагося съ нимъ все чаще и чаще, вслѣдствіе чрезмѣрнаго пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ.

Такъ уничтожились ханства Аварское и Кюринское, а черезъ четыре года были упразднены и послѣдніе туземные владѣльцы: шамхалъ тарковскій, ханъ мехтулинскій и правители Кайтага и Табасарани.

Глава XXI.

(1860—1877)

Административная дѣятельность Лазарева по управленію Среднимъ Дагестаномъ.—Проложеніе колесныхъ дорогъ и эпизодъ съ койсубулинцами.—Рѣшеніе Лазаревымъ сложныхъ поземельныхъ вопросовъ.—Взглядъ его на кровомщеніе.—Назначеніе Лазарева начальникомъ 21-ой дивизіи.—Адресъ, поднесенный ему горцами. Сдача дивизіи и назначеніе состоять при войскахъ Кавказской арміи.

Одна изъ главныхъ заботъ Ивана Давыдовича по управленіи Среднимъ Дагестаномъ заключалась въ устройствѣ и проложеніи въ краѣ дорогъ, имѣвшихъ, по его взглядамъ, значеніе не только въ отношеніи обезпеченія нашего владычества, но и въ отношеніи тѣсно связаннаго съ этимъ дѣломъ экономическаго и умственнаго развитія народа. Ни торговля, ни просвѣщеніе не могли проникнуть въ него безъ дорогъ, и жители, столько вѣковъ замкнутые въ громадахъ своихъ неприступныхъ горъ, никогда не отрѣшились бы безъ нихъ отъ присущей имъ дикости, фанатизма и хищническаго настроенія. Въ этихъ видахъ, по мимо дорогъ военныхъ, прокладываемыхъ средствами самаго правительства, Лазаревъ, для устройства частныхъ и торговыхъ путей сообщенія, обложилъ населеніе натуральною повинностью, которую оно отбывало въ то время, когда заканчивало свои полевыя работы. Повинность эта на первыхъ порахъ не совсѣмъ нравилась жителямъ, но такъ какъ они не могли не сознавать пользы для самихъ же себя, то работы, не стоившія казнѣ ни одной копейки, производились довольно усердно. Одна изъ такихъ дорогъ прокладывалась между прочимъ отъ Гуниба до Салтинскаго моста, и далѣе черезъ Гергебиль, Кудухъ и Араканы къ Унцукулю. Часть ея была уже окончена, но другая, на-

чиная отъ Кудухскихъ садовъ, соединена была съ такими затрудненіями, что въ одинъ прекрасный день койсубулинцы бросили свои инструменты и, составивъ сходку, поклялись больше не ходить на работу. Лазаревъ находился въ это время въ Темиръ-ханъ-шурѣ. Онъ тотчасъ вызвалъ съ Гуниба свою конвойную сотню, и съ ней поѣхалъ на мѣсто происшествія. Ему предшествовалъ гонецъ съ приказомъ къ мѣстному наибу, который долженъ былъ прочесть его немедленно на народной сходкѣ. Приказы Лазарева всегда носили на себѣ особый оригинальный отпечатокъ, но въ данномъ случаѣ онъ былъ чрезвычайно характеренъ: „койсубулинцы!— говорилось въ немъ:—я ѣду къ вамъ и долженъ застать васъ или на работахъ съ инструментами, или же въ завалахъ съ винтовками въ рукахъ. Выбирайте любое.“ Такое посланіе произвело свое дѣйствіе, и когда Лазаревъ прибылъ въ Гимры, его встрѣтила толпа стариковъ и женщинъ, а народъ былъ весь на работахъ. Лазаревъ осмотрѣлъ дорогу и остался ею доволенъ. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ прежде не было никакого пути, онъ проѣхалъ въ коляскѣ отъ самаго Гергебиля до слiянія двухъ койсъ Аварскаго и Казикумыкскаго. Но здѣсь колесный путь оканчивался, такъ какъ дорогу на двухъверстномъ разстояніи пераграждала громадная, сплошная скала, требовавшая для разработки египетской работы; она-то и послужила поводомъ къ неожиданному волненію жителей, но за то на будущій годъ предпологалось открыть уже прямое сообщеніе Гуниба съ Унцукулемъ. Но что бы дорога эта могла приносить пользу не только народу, но и самому правительству, необходима была еще одна вѣтвь отъ Араканъ черезъ Шеншерекъ и Аркасъ въ шамхальскую равнину. Для этой вѣтви требовались однако уже наемные рабочіе, такъ какъ жители Средняго Дагестана всѣ имѣли свои участки, и на эту вѣтвь рабочихъ рукъ не хватало. По

исчисленію Лазарева дорога могла обойтись въ 35-ть тысячь рублей; но что бы не вводить казну въ издержки, онъ нашелъ возможнымъ покрыть расходъ по этому предмету изъ собственныхъ суммъ Средняго Дагестана, образовавшихся отъ различныхъ остатковъ. Ихъ набиралось до 19-ти тысячь, а недостающія деньги онъ предпологалъ отнести на будущую экономію. Къ сожалѣнію, на слѣдующій годъ Лазаревъ оставилъ свой постъ, и предпологаемыя имъ работы остались не доконченными.

Въ тѣхъ же видахъ развитія внутреннихъ силъ страны, вызваны были имъ къ жизни многія старыя селенія, истребленныя безпощадной войною, и въ первый же годъ его управленія возникли изъ развалинъ Хунзахъ, Гергебиль, Салты, Кудали и Кегеръ.

Не мало предстояло ему заботъ и по другимъ отраслямъ чисто административной дѣятельности, особенно въ сферѣ тяжебныхъ дѣлъ, гдѣ приходилось разрѣшать такіе вопросы, передъ которыми становились въ тупикъ искуснѣйшіе юристы горъ. Здѣсь, на первомъ планѣ, являлись поземельные споры, возникавшіе между вновь покоренными горцами и тѣми, которые заблаговременно, еще во время войны, перешли на нашу сторону. Начало этихъ споровъ, слѣдовательно, относилось еще ко времени Шамиля, когда многіе горцы изъ подвластныхъ ему владѣній выбѣгали въ наши предѣлы или вслѣдствіе убійствъ, навлекавшихъ на нихъ кровомщеніе, а еще чаще вслѣдствіе притѣсненій наибовъ, дѣйствовавшихъ не всегда безкорыстно, такъ какъ все движимое и недвижимое имущество бѣжавшихъ поступало въ ихъ пользу. Послѣ покоренія Дагестана вся масса этихъ людей нахлынула на прежнія мѣста и настоятельно потребовала полнаго возстановленія ихъ правъ семейныхъ и имущественныхъ. Они явились въ край, какъ побѣдители, съ оружіемъ въ рукахъ, но они ничего не требовали кромѣ того, что имъ принадлежало по праву, чѣмъ

владѣли ихъ дѣды, отцы и они сами. Претензія ихъ признавалась справедливой даже противной стороною, но тутъ являлись безконечныя осложненія: жены, которыя ими были покинуты, давно уже по приговорамъ обществъ были выданы замужъ и имѣли дѣтей отъ другихъ отцовъ; земли, которыя они оставили пустопорожними, теперь, лежали воздѣланныя или застроенныя, очевидно стоившія новымъ владѣльцамъ не малыхъ расходовъ; иные поземельные участки оказывались уже перепроданными въ другія и даже въ третьи руки. Какъ найти было исходную точку во всѣхъ этихъ спорахъ, начало которыхъ покрывалось иногда двадцати лѣтнею давностью. И тѣмъ не менѣе ихъ надо было рѣшить, надо было вознаградить тѣхъ, которые шли рядомъ съ нами въ долгой и тяжкой борьбѣ, и которые всецѣло служили интересамъ нашего русскаго дѣла. На ихъ сторонѣ были и право и справедливость.

Но еще сложнѣе представлялся вопросъ о тѣхъ абрекахъ, которые бѣжали отъ насъ къ Шамилю и вслѣдствіе того лишились своего имущества, конфискованнаго или ихъ бывшими ханами или самими же обществами. Какъ люди, измѣнившіе намъ, они сами не считали себя вправѣ требовать безусловнаго возврата своихъ земель, но съ другой стороны, бѣдствуя въ скитальческой жизни въ горахъ и не находя нигдѣ осѣдлаго пристанища, они были въ самомъ жалкомъ положеніи и не могли воспользоваться благами наступившаго мира. Правительству приходилось уже самому позаботиться объ этихъ людяхъ и водворить ихъ на прежнихъ или новыхъ мѣстахъ, устранивъ, такимъ образомъ, то тяжелое бремя, которымъ они могли бы сдѣлаться для всего Дагестана.

Что бы рѣшить всѣ эти запутанныя дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ не вызвать новыхъ волненій и новой вражды между возвратившимися на родину и тѣми, которые владѣли ихъ собственностью, нуженъ былъ большой по-

литическій тактъ, знаніе народнаго духа, твердость въ проведеніи своихъ рѣшеній, и авторитетъ, который могъ бы подчинять себѣ массы. Съ первыхъ же дней вступленія Ивана Давыдовича въ новую должность, онъ былъ засыпанъ подобными просьбами,—и рѣшалъ ихъ всегда публично, при стеченіи народа, чтобы рѣшенія его могли быть слышаны и обсуждаемы всѣми. Не желая стѣснять жителей вызовомъ ихъ въ отдаленные пункты, гдѣ были учреждены народные суды, онъ самъ предпринималъ съ этою цѣлью частыя поѣздки по краю, стараясь по возможности чинить свой судъ въ мѣстахъ самыхъ тяжбъ, что бы скорѣе удовлетворять всѣмъ этимъ жгучимъ потребностямъ. Семейныя дѣла кончались чаще всего полюбовно, но въ поземельныхъ—Лазареву приходилось почти всегда повторять одну и ту же заключительную фразу: „Будь доволенъ, что ты въ теченіи столькихъ-то лѣтъ пользовался доходами съ его земли; теперь возьми затраченную тобою сумму и возврати ему его собственность.“ Сдѣлка обыкновенно совершалась тутъ же, и земля, по оцѣнкѣ ея стариками, выкупалась или самимъ претендентомъ, или же Лазаревъ, снисходя къ его бѣдности, самъ вносилъ за него деньги, изъ находившейся въ его распоряженіи эстраординарной суммы. Вѣра въ его справедливость была такъ велика, что всѣ его словесныя рѣшенія никогда ни куда не записывались, а приводились въ исполненіе немедленно черезъ посредство мѣстныхъ наибовъ,—и не было случая какого либо недоразумѣнія, спора, протеста или заявленія не удовольствія.

Возвратить эмигрантамъ утраченное имущесто, водворить ихъ на старыхъ земляхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ установить ихъ дружескія связи съ прежними владѣльцами — всѣ эти задачи исполнены были Лазаревымъ успѣшно. Но огрждать безопасность тѣхъ, на которыхъ тяготѣла кровь, онъ былъ не въ состояніи, потому что

это являлось дѣломъ народныхъ обычаевъ,—а съ ними приходилось считаться. Много было приложено имъ старанiй къ искорененiю этого вреднаго обычая, но полную отмѣну его онъ считалъ преждевременнымъ.

„На первое время—писалъ онъ въ своихъ представленiяхъ,—довольно ослабить этотъ обычай, и я пользуюсь каждымъ случаемъ, что бы внушить народу, что съ покоренiемъ Дагестана, когда благость русскаго Государя выразилась однимъ общимъ помилованiемъ, ему надлежало бы послѣдовать такому же примѣру, а не искать своего суда и расправы надъ тѣми, которые навлекли на себя кровомщенiя. Но, внушая это народу, я вмѣстѣ съ тѣмъ принимаю такiя мѣры, которыя болѣе или менѣе согласуются съ существующими адатами въ различныхъ мѣстностяхъ Дагестана.“

Въ этомъ отношенiи намъ не безъинтересно познакомиться, какъ съ личнымъ взглядомъ Ивана Давыдовича на этотъ важный предметъ, такъ и съ тѣми аргументами, которыми онъ отстаиваетъ свои убѣжденiя передъ высшимъ начальствомъ.

„Кровомщенье, говоритъ онъ въ своей запискѣ, возникаетъ по народнымъ обычаямъ только въ трехъ главныхъ случаяхъ: вслѣдствiе убiйства—все равно умышленнаго или нечаяннаго, вслѣдствiе преступной связи мужчины съ женщиной или дѣвушкой, и вслѣдствiе оскорбленiя женской чести.

„Человѣкъ, убившiй кого нибудь, какъ разбойникъ, съ цѣлью грабежа или по злобѣ, и человѣкъ, совершившiй убiйство нечаянно, или въ раздраженiи во время ссоры и драки; явный прелюбодѣй, уличенный на мѣстѣ, и человѣкъ, только дотронувшiйся до женщины съ дурнымъ намѣренiемъ, одинаково несутъ одно и тоже наказанiе—кровомщенiе. Ясно, что обычай, карающiй такъ несоразмѣрно преступленiя столь различныхъ степеней,

долженъ быть отмѣненъ,—и начало этому уже положено при самомъ введеніи русскаго управленія, когда разбои и преднамѣренныя убійства положено наказывать по законамъ имперіи, а не по народнымъ обычаямъ.

„Всякая торопливость и всякая необдуманность въ столь щекотливомъ дѣлѣ, при глубокомъ убѣжденіи народа въ справедливости этого обычая, освященнаго религіею и постановленіями шаріата, могутъ вызвать такія осложненія, какія для насъ совсѣмъ не желательны. Поэтому необходима постепенность во всѣхъ нашихъ мѣропріятіяхъ."

„Если теперь же отмѣнить кровомщенье—продолжаетъ онъ далѣе,—то чѣмъ же мы замѣнимъ его? Наказаніями, опредѣленными законами имперіи? но въ такомъ случаѣ старые преступники понесутъ двойное наказаніе, а это будетъ противорѣчить самому духу русскихъ законовъ. Съ другой стороны снять кровомщенье, тяготѣющее надъ ними, мы совершенно не вправѣ, потому что преступленія останутся тогда безнаказанными, —а это вызоветъ справедливый ропотъ народа."

Выйти изъ этого положенія, по мнѣнію Лазарева, можно было только, оставивъ существующее уже кровомщенье во всей его силѣ, лишь съ тѣми ограниченіями, которыя успѣли привиться къ народу; а преступленія, совершаемыя впредь, наказывать по русскимъ законамъ въ той мѣрѣ, какъ понимаетъ эти преступленія наше законодательство, отнюдь не пренебрегая однако понятіями и взглядами самаго народа. Такъ напр: убійца-разбойникъ, и убійца съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ должны подлежать ссылки въ каторжныя работы; убійство въ запальчивости во время ссоры и драки наказывается ссылкою въ Россію, а убійца случайный оставляется безъ всякаго наказанія, кромѣ уплаты извѣстной пени наслѣдникамъ убитаго. Виновные въ преступной связи съ женщиной или дѣвушкой, а также оскорбители

ихъ чести, подвергаются тюремному заключенію на годъ, съ употребленіемъ ихъ на работы въ крѣпостяхъ Дагестанской области, а женщины и дѣвушки, изобличенныя въ нарушеніи цѣломудрія, платятъ штрафъ и на годъ изгоняются изъ своихъ селеній.

„Этими наказаніями — говоритъ Лазаревъ—мы не слишкомъ отдалимся отъ народныхъ понятій и подойдемъ довольно близко къ духу нашихъ законовъ. Конечно, наказанія по отношенію къ нарушителямъ цѣломудрія слишкомъ строги,—но они необходимы, что бы, по сравненію съ наказаніями прежними, не показались бы народу послабленіемъ распущенности нравовъ.

„Но, кромѣ того, есть еще одинъ родъ убійства, преступнаго, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, но который долженъ быть исключенъ изъ общаго кодекса о наказаніяхъ:—это немедленное убійство любовниковъ, застигнутыхъ на самомъ мѣстѣ преступленія. По народнымъ адатамъ такое убійство не только не подлежитъ ни какому преслѣдованію, но даже и самыя дѣла объ этомъ не разбираются. Намъ также нужно снисходить къ такимъ преступникамъ, принимая во вниманіе строгій взглядъ народа на нарушеніе цѣломудрія,—и ссылку въ каторжную работу замѣнить ссылкой въ Россію, и то на короткое время.“

Таковы были возрѣнія Ивана Давыдовича, которыми онъ руководился во все время своего управленія краемъ. Впослѣдствіи, подъ его вліяніемъ, обычай кровомщенья сталъ видоизмѣняться, постепенно утрачивая именно тѣ черты своего варварскаго характера, которыя представлялись наиболѣе несообразными съ духомъ времени, и наиболѣе вредными и жестокими. Такъ напр. по его распоряженію въ Среднемъ Дагестанѣ уничтоженъ обычай, существовавшій, какъ непременная принадлежность кровомщенья — это обычай срывать до основанія дома, портить поля или вырубать сады, принадлежавшіе убійцѣ.

Запрещены были такъ же подъ страхомъ каторжныхъ работъ всѣ подкупы на убійства, засады и нападенія въ деревнѣ, которая дала у себя убѣжище преступнику. Въ послѣднемъ случаѣ Лазаревъ руководился народнымъ обычаемъ, который требовалъ, что бы деревня или хозяинъ дома защищали того, кому дали пріютъ, всѣми своими средствами, отвѣчая убійствомъ за убійство, и тѣмъ вызывая новыя кровомщенья.

Лазаревъ полагалъ, что дальнѣйшія дѣйствія въ этомъ направленіи могутъ, наконецъ, привести къ изданію общаго постановленія, отмѣняющаго въ краѣ всякій личный судъ и расправу. „Такимъ образомъ—говоритъ онъ въ своей запискѣ—съ изданіемъ новаго постановленія, въ краѣ нѣкоторое время будетъ существовать еще кровомщенье, но оно будетъ составлять право только тѣхъ, которые имѣли кровную месть до изданія новаго закона. Фактическое же пользованіе этимъ правомъ, при естественномъ и постепенномъ уменьшеніи числа кровниковъ, будетъ обнаруживаться все рѣже и рѣже; и если прибавить къ этому стараніе окружныхъ начальниковъ примирять враговъ, что въ Среднемъ Дагестанѣ практикуется весьма успѣшно, то можно сказать съ увѣренностью, что въ два-три года кровомщенье исчезнетъ будто само собою, безъ всякихъ острыхъ и принудительныхъ мѣръ съ нашей стороны.“

Послѣдствія вполнѣ показали насколько были правильны эти воззрѣнія Лазарева.

Между тѣмъ отношенія, невольно возникавшія у него съ различными лицами, вслѣдствіе несогласія во взглядахъ на тѣ или другіе административные вопросы, настолько начали тяготить Ивана Давыдовича, что онъ рѣшилъ, наконецъ, оставить службу по народному управленію и просилъ о перечисленіи его во фронтъ. Желаніе его было уважено, и въ началѣ 1865-го года Лазаревъ назначенъ былъ начальникомъ 21-ой пѣхотной дивизіи,

штабъ которой расположенъ былъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Прощаніе его съ горцами Средняго Дагестана было очень трогательно. Они поднесли ему на память его управленія богато-оправленную азіатскую шашку, и, кромѣ того, адресъ, составленный отъ лица всѣхъ наибовъ, кадіевъ, ученыхъ муллъ и простолюдиновъ. Вотъ этотъ адресъ въ переводѣ его съ арабскаго на русскій языкъ:

„Да возвеличитъ Васъ Богъ, и да пріумножитъ онъ Ваше счастіе!

„Прежде между нами были насилія, безпорядки, нападенія, убійства, грабежи, и для жизни нашей великое утѣсненіе. Съ распространеніемъ же надъ нами владычества великаго Государя и съ назначеніемъ Васъ нашимъ начальникомъ, мы попали на счастливую дорогу предковъ нашихъ и вкусили сладость милостей монарха нашего. Огонь возмутительныхъ безпорядковъ между нами погасъ, и вредные люди поникли головами. Вы указали намъ прямую дорогу, Вы научили насъ порядку, и мы начали жить спокойно и въ совершенномъ довольствіи.

„Нынѣ, когда мы услыхали, что Вы покидаете насъ, то облились кровью сердца наши, разбились мысли наши, и мы сдѣлались изумленными и печальными.

„Просимъ васъ, что бы Вы показали новому начальнику тѣ самые пути, по которымъ Вы вели насъ, и тѣ самые порядки, которымъ Вы насъ научили. Мы же не перестанемъ молиться за Васъ до конца жизни нашей. Взгляните на насъ, какъ отецъ на дѣтей своихъ. Мы же никогда не забудемъ Вашей доброты, и милостей къ намъ великаго Государя.

„Съ печалью и воздыханіями оканчиваемъ.“

Лазаревъ прокомандовалъ дивизіею три года, былъ произведенъ за отличіе по службѣ въ генералъ лейтенанты, но въ началѣ 1868-го года подалъ рапортъ объ от-

численіи его отъ настоящей должности. Офиціальною причиною онъ выставилъ болѣзненные припадки, происходившіе отъ старой раны, полученной подъ Мискинджами; но по всей вѣроятности были и другія причины, которыя онъ не хотѣлъ оглашать, но на которыя намекаетъ въ письмѣ своемъ къ Павлу Гиляровичу Пржецлавскому: „Если увидите барона Александра Евстафьевича (Врангеля)--писалъ онъ отъ 16 января 1869 года, —передайте отъ меня душевный поклонъ и скажите, что при свиданіи разскажу ему всю исторію, по которой оставилъ командованіе дивизіей. Онъ меня одобритъ. Я знаю, что онъ меня любитъ и неточныя свѣдѣнія могутъ его безпокоить"... Въ Тифлисѣ, по видимому, такъ же знали объ этихъ причинахъ; покрайней мѣрѣ, начальникъ штаба Кавказской арміи писалъ Ивану Давыдовичу 7 февраля 1868 года слѣдующее:

„Его Высочество, высоко цѣня вашу службу и несомнѣнную пользу, приносимую вами, какъ по управленію горскими народами, такъ и по другимъ различнымъ возлогавшимся на васъ порученіямъ, предлагаетъ вамъ, если пожелаете увольненія отъ должности начальника 21-й дивизіи, состоять при Кавказской арміи, при чемъ государь великій князь расчитываетъ не разъ имѣть случай воспользоваться вашими способностями и опытностью для исполненія обязанностей, которыя главнокомандующему будетъ угодно на васъ возложить. Съ такою перемѣною въ вашемъ служебномъ положеніи, Его Высочество, имѣетъ въ виду обезпечить васъ въ матеріальномъ отношеніи и будетъ ходатайствовать о сохраненіи вамъ содержанія по настоящей вашей должности начальника дивизіи." Лазаревъ благодарилъ великаго князя письмомъ, и 6-го марта 1868-го года былъ назначенъ состоять при Кавказской арміи, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

Такъ сощелъ со сцены сорока семи лѣтъ отъ роду

одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей кавказской войны. Оставаясь безъ должности, онъ жилъ сначала въ Баку, а потомъ въ Дешлагарѣ. Но и въ эту глухую пору своей жизни, тяготившую его, полнаго энергіи и силъ, своею бездѣятельностью, онъ былъ осчастливленъ особымъ вниманіемъ императора Александра II-го, которому представился во время проѣзда его по Дагестану осенью 1871 года. „Знаешь-ли, Лазаревъ,—сказалъ ему государь,—кто меня познакомилъ съ тобою? Шамиль! Онъ такъ много, и такъ восторженно говорилъ мнѣ о тебѣ!...“ По отъѣздѣ государя Лазареву пожалована была новая награда; но этою наградою былъ орденъ св. Анны 1-ой степени съ императорскою короною,—тотъ самый, который онъ уже миновалъ, будучи за особыя отличія награжденъ прямо владимірскою звѣздою. Теперь значеніе послѣдней награды уничтожалось уже само собою.

Не смотря на эти невзгоды, Иванъ Давыдовичъ сохранилъ полное спокойствіе духа, полную вѣру въ будущность, и писалъ къ Пржецлавскому: „Я не для того отчислился, что-бы навсегда оставаться при настоящемъ моемъ назначеніи, хотя мнѣ и очень хорошо: я получаю 5700 рублей, сижу дома и воспитываю дѣтей. Но послѣ такого милостиваго вниманія государя императора, я еще въ большемъ долгу оказать при первомъ случаѣ особенную услугу при всегдашней моей энергіи, и я повторяю вамъ, что не теряю на это надежду...“

Но шли годы, минуло девять лѣтъ со времени зачисленія Лазарева по Кавказской арміи, а случая примѣнить ему свои дарованія къ дѣлу не представлялось. Но вотъ наступилъ наконецъ памятный 1877-ой годъ, и имя Лазарева сразу заняло почетное мѣсто въ ряду тѣхъ немногихъ, выдающихся нашихъ вождей,

которые когда либо получали на Кавказѣ орденъ св. Георгія 2-го класса.

Такихъ лицъ съ самаго начала кавказской войны было только тринадцать: *Германъ* за Баталпашинскую побѣду, *Гудовичъ* за взятіе Анапы, *Котляревскій* за штурмъ Ленкорани, *Паскевичъ* за покореніе Эривани, князь *Бебутовъ* за Башъ-Кадыкъ-Ларъ, *Муравьевъ* за взятіе Карса въ 1855-мъ году, князь *Барятинскій* за покореніе Восточнаго Кавказа; великій князь *Михаилъ Николаевичъ* и графъ *Евдокимовъ* за окончаніе Кавказской войны; графъ *Лорисъ-Меликовъ*, князь *Мирскій*, *Гейманъ* и *Лазаревъ* за войну 1877-го года.

Глава XXII.

(1877)

Приготовленія къ турецкой войнѣ.—Письмо Лазарева къ князю Д. И. Мирскому.—Назначеніе его командующимъ войсками въ пограничныхъ уѣздахъ и дѣятельность его въ этой должности.—Неудачный бой подъ Кизилъ-тапою.—Назначеніе Лазарева начальникомъ Байрактарскаго отряда.—Трехъдневное сраженіе 20, 21 и 22, сентября.—Возвращеніе войскъ на прежнія позиціи.—Новый планъ атаки.—Лазаревъ назначается начальникомъ обходной колонны.

Наступилъ 1877-й годъ съ его тревогами, надеждами и опасеніями. Въ исторіи не часто бываютъ такіе моменты, которые пришлось переживать Россіи въ два предшествовавшіе года, когда политическія событія такъ благопріятно подготовляли почву для сознательнаго и глубоко прочувствованнаго народнаго движенія. Маленькая Сербія, объявившая войну могущественной Турціи, вызывала симпатіи во всѣхъ слояхъ нашего общества, выражавшіяся и крупными пожертвованіями, и тѣми высокими чувствами, которыя заставляли русскую молодежь и стариковъ-ветерановъ умирать подъ сербскими знаменами. Вездѣ предчувствовалась близость большой кровавой войны, и къ ней готовились исподволь. Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому общему подъему духа и 2-го Января отправилъ письмо на имя князя Д. И. Святополкъ-Мирскаго, прося его доложить великому князю-главнокомандующему о своемъ желаніи служить въ предстоящую войну во фронтѣ.

„Я не прошу, писалъ онъ, какого либо особаго назначенія; мнѣ, какъ старому солдату, достаточно будетъ стать на флангѣ какого нибудь баталіона, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти въ атаку противъ непріятеля и тѣмъ исполнить долгъ присяги, данной великому своему государю“.

Но желаніе Ивана Давыдовича осуществилось еще не скоро. Война была объявлена, войска перешли границу, взяли Ардаганъ, обложили Карсъ и перебросили часть своихъ силъ за Саганлугскій хребетъ, чтобы совмѣстно съ Эриванскимъ отрядомъ, дошедшимъ уже до Драмъ-дага, разбить соединенныя турецкія арміи, а затѣмъ обратиться на Карсъ и Арзерумъ. Но этотъ первый саганлугскій походъ, какъ извѣстно, окончился для насъ весьма неудачно, завершившись кровавою зивинскою катастрофою. Въ свое время бой этотъ вызвалъ много сужденій и толковъ, придававшихъ ему значеніе поворотной точки кампаніи, и послужившій главною причиной цѣлаго ряда послѣдующихъ отступленій и застоя въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Только въ эти критическія минуты и вспомнили у насъ, наконецъ, объ Иванѣ Давыдовичѣ Лазаревѣ. Онъ вызванъ былъ телеграммой въ дѣйствующій корпусъ и затѣмъ приказомъ 28 Іюня назначенъ командующимъ войсками въ пограничныхъ съ Турціей уѣздахъ Тифлисской и Эриванской губерній.

При трудныхъ обстоятельствахъ того времени, когда, ввиду наступленія турецкой арміи, мы внуждены были снять блокаду Карса и отодвинуться ближе къ границамъ, чтобы оградить наши собственные предѣлы отъ вторженія турокъ,—постъ этотъ являлся крайне отвѣтственнымъ и требовалъ большой распорядительности. Лазареву подчинялись всѣ полевыя, мѣстныя и иррегулярныя войска, расположенныя въ уѣздахъ Ахалцыхскомъ, Ахалкалакскомъ, Александропольскомъ, Эчміадзинскомъ и Сурмалинскомъ. По отношенію къ нимъ онъ пользовался правами начальника дивизіи, а по отношенію къ властямъ гражданскимъ, къ земскимъ и инымъ учрежденіямъ, къ уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ, къ комендантамъ крѣпостей и укрѣпленій—правами военнаго губернатора. Такимъ образомъ ему приходилось забо-

титься о правильномъ движеніи громадныхъ транспортовъ, направлявшихся черезъ Александрополь, о перевозкѣ и успокоеніи раненыхъ, объ устройствѣ госпиталей, и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдить за мусульманскимъ населеніемъ края, грозившимъ при нашей неудачѣ перейти на сторону турокъ и увеличить затрудненія для нашихъ малочисленныхъ отрядовъ партизанскою войною. Турецкіе курды, дѣйствительно, уже начинали врываться въ наши предѣлы и, пользуясь содѣйствіемъ мѣстныхъ татаръ, нападали на передовыя армянскія деревни. Лазаревъ немедленно вооружилъ жителей старыми казачьими ружьями и придалъ имъ нѣкоторую военную организацію. Благодаря этому, курды, напавшіе на деревню Махмуджухъ, Александропольскаго уѣзда, потерпѣли пораженіе, но за то на другой день они повторили набѣгъ на д. Багирханъ и отбили всѣ принадлежавшія ей стада. Жители настигли ихъ на границѣ, но, сами атакованные значительными силами, вынуждены были отступить, потерявъ семь человѣкъ и всѣ стада, угнанныя курдами. Было ясно, что подобныя происшествія могли быть прекращены только тогда, когда намъ удалось бы отодвинуть непріятеля отъ нашихъ границъ,—и на это обращено было теперь особенное наше вниманіе.

Надо сказать, что когда Лазаревъ прибылъ въ Александрополь, турецкая армія Мухтаръ-паши занимала уже всю горную цѣпь, идущую отъ Карса до рѣки Арпачая, и, спустившись на сѣверный склонъ Аладжи, тянулась отсюда черезъ Авліярскія горы и группы Орлокскихъ и Визинкевскихъ высотъ до самыхъ передовыхъ укрѣпленій Карса. Такимъ образомъ образовался обширный укрѣпленный лагерь, въ которомъ Карсъ и Аладжа составляли два крайніе опорные пункта, а прочія укрѣпленныя высоты служили для него, какъ бы отдѣльными фортами. Передъ этою сильною арміею стоялъ нашъ малочисленный корпусъ, расположившись у Кюрюкъ-дара,

и выдвинувъ свой сильный авангардъ, подъ начальствомъ генерала Девеля къ Башъ-кадыкъ-ларскимъ высотамъ. Авангардный лагерь, гдѣ сосредоточена была вся кавалерія и восемь батальоновъ пѣхоты при 32-хъ орудіяхъ, прикрывался со стороны непріятеля отдѣльною высокою горою Кизилъ-тапа, которая служила намъ главнымъ опорнымъ пунктомъ, и постоянно была занята наблюдательнымъ отрядомъ. Съ другой стороны Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова, тѣснимый превосходными силами, отступилъ обратно въ наши предѣлы и сталъ у Игдыря, а противъ него на русской территоріи расположился турецкій корпусъ Измаила-паши, занимавшій Агридагскія горы. Положеніе дѣлъ было критическое. Ходили слухи, что Мухтаръ-паша намѣренъ былъ двинуть значительную часть своихъ силъ за Арпачай на Кульпы, чтобы соединиться съ Измаиломъ и поднять за собою все мусульманское населеніе страны. У насъ явились опасенія даже за Тифлисъ, которому непріятель угрожалъ со стороны Эривани, тѣмъ болѣе, что мѣстные татары начинали уже волноваться. Политическія обстоятельства края требовали немедленнаго очищенія нашей территоріи отъ турокъ, а потому весь центръ тяжести военныхъ дѣйствій, естественно, переносился къ Эриванскому отряду, куда изъ главныхъ силъ посылались подкрѣпленія за подкрѣпленіями. Иванъ Давыдовичъ также получилъ приказаніе взять небольшой отрядъ, *) расположенный въ Ани и отправить его на помощь къ Тергукасову. Лазаревъ повелъ его самъ, и хотя былъ старше Тергукасова, но добровольно изъявилъ желаніе стать подъ его начальство, чтобы участвовать въ общей атакѣ непріятельской позиціи, предположенной на 7-ое августа. Атака эта однако не состоялась, отчасти потому, что колонна Лазарева прибыла только 8-го числа, задержанная

*) Кубинскій пѣхотный полкъ, батальонъ Дербентскаго, пѣшая батарея и двѣ сотни Кизляро-Гребенскаго полка.

въ пути случайными обстоятельствами, а отчасти потому, что позиція, занятая непріятелемъ, оказалась не подъ силу нашему Эриванскому отряду. Тогда Лазаревъ оставилъ войска у Тергукасова, а самъ возвратился въ Александрополь, гдѣ его ожидало новое назначеніе.

Событія на главномъ театрѣ войны развивались такъ быстро и принимали такой невыгодный для насъ оборотъ, что опытность и энергія Лазарева должны были получить себѣ болѣе обширныя примѣненія, чѣмъ тѣ обязанности, которыя отправлялись имъ въ тылу дѣйствующаго корпуса. Дѣло въ томъ, что Мухтаръ-паша, искусно воспользовавшись ослабленіемъ нашихъ главныхъ силъ, самъ перешелъ въ наступленіе и въ ночь на 13-ое августа, бросившись на Кизилъ-тапу, овладѣлъ ею нечаяннымъ нападеніемъ. Съ потерею этого важнаго пункта мы не могли уже держаться на Башъ-кадыкъ-ларскомъ полѣ и отошли къ Байрактару, чтобы прикрыть единственную колесную переправу черезъ Арпачай у Кивача.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Иванъ Давыдовичъ 20-го августа неожиданно былъ вызванъ въ главную квартиру и назначенъ начальникомъ Байрактарскаго отряда на мѣсто генерала Девеля, отправленнаго къ войскамъ Тергукасова. Назначеніе Лазарева было принято съ общимъ сочувствіемъ, какъ по тому довѣрію, которымъ онъ пользовался въ войскахъ, такъ и по той энергіи и рѣшимости характера, которыми отличались всѣ его дѣйствія. Онъ провелъ всю свою боевую жизнь на передовыхъ позиціяхъ, и горная война выработала въ немъ такіе пріемы, какіе необходимы были для начальника авангарда. Впослѣдствіи Иванъ Давыдовичъ и связалъ свое имя съ наиболѣе блестящими фактами этой кампаніи въ Арменіи.

Прошло около мѣсяца со времени назначенія Лазарева, а на главномъ театрѣ войны не происходило ничего особеннаго. Обѣ арміи стояли другъ противъ друга

въ новыхъ укрѣпленныхъ позиціяхъ, и стычки происходили только за линіею нашихъ аванпостовъ, куда высылались охотничьи команды, получившія со времени пріѣзда Лазарева болѣе широкую организацію, чѣмъ прежде. Онъ испыталъ ихъ пользу еще во время войны въ Дагестанѣ, и теперь подобныя команды заведены были при всѣхъ пѣхотныхъ частяхъ, и Лазаревъ, поставивъ передъ ними ясныя и точно опредѣленныя цѣли, самъ руководилъ ихъ поисками. Каждую ночь выходили онѣ въ поле, производили рекогносцировки, собирали свѣдѣнія о непріятелѣ и производили нападенія на самые лагери, имѣя одну общую цѣль заставить турокъ сосредоточить большую часть своихъ силъ на ихъ правомъ флангѣ, и тѣмъ ослабить лѣвый, гдѣ находился путь отступленія къ Карсу.

Изъ числа этихъ командъ пользовалась особенною извѣстностью команда Саматъ-Аги Косумова, совершавшая, по донесенію Лазарева, подвиги по истинѣ достойные удивленія. Этотъ Саматъ, родомъ борчалинскій татаринъ, былъ нѣкогда страшнымъ разбойникомъ, наводившимъ съ своею шайкою ужасъ на все Закавказье. Два раза его ссылали въ каторжныя работы, два раза бѣжалъ онъ съ Сахалина, потомъ перебрался въ Турцію и только при самомъ началѣ кампаніи явился въ Тифлисъ съ повинною головой, прося позволить ему искупить на войнѣ свои прежніе грабежи и разбои. Съ своими неустрашимыми сподвижниками, знавшими въ Турціи всѣ входы и выходы, онъ оказывалъ намъ огромныя услуги, и Лазаревъ имѣлъ черезъ него самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія. Не было такого предпріятія или дѣла, на которыя не рѣшился бы Саматъ и притомъ ему, какъ человѣку умному, съ желѣзнымъ характеромъ, и умѣвшему подчинять себѣ волю другихъ, почти всегда все удавалось. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, онъ съ своими отважными товарищами, проходилъ не

только сквозь турецкія конныя и пѣшія цѣпи, но забирался въ самый турецкій лагерь, гдѣ производилъ грабежи, убійства и разбои, не хуже чѣмъ на почтовыхъ дорогахъ; а однажды проникъ даже за главную турецкую позицію, и въ тылу ея, за Аладжею, сжегъ всѣ непріятельскіе склады фуража и провіанта. Подъ нимъ было убито 18 лошадей, и самъ онъ во время своей разбойничьей жизни былъ раненъ 22 раза, но его богатырская натура легко переносила всѣ невзгоды, сопряженныя съ его бурной и неутомимой дѣятельностію. Лазаревъ высоко ставилъ эту даровитую личность и умѣлъ цѣнить его заслуги. До пріѣзда Лазарева Саматъ получилъ уже всѣ четыре георгіевскіе креста и званіе юнкера милиціи; но ему хотѣлось быть офицеромъ, и Лазаревъ пообѣщалъ ему производство, если онъ приведетъ съ Кизилъ-тапы живого турка, не жалкаго перебѣжчика, которые всѣмъ надоѣли, а настоящаго боевого солдата, который бы могъ дать болѣе вѣрныя указанія о положеніи арміи непріятеля. На другой день съ разсвѣтомъ Саматъ уже ожидалъ Лазарева съ заказаннымъ туркой. Оказалось, что онъ взялъ было пять человѣкъ, но такъ какъ всѣ они артачились, а нуженъ былъ только одинъ, то онъ четверыхъ прирѣзалъ, и въ томъ числѣ какого-то венгерца или поляка; требовался турокъ, — онъ турку и привелъ. Лазаревъ исходатайствовалъ ему чинъ прапорщика, а впослѣдствіи Саматъ получилъ офицерскій георгіевскій крестъ и своими подвигами заслужилъ прощеніе своему отцу и брату, находившимся на каторжныхъ работахъ за тѣже самыя разбойничьи продѣлки.

Въ такихъ партизанскихъ дѣйствіяхъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, но посреди этихъ мелкихъ стычекъ уже чуялась близость рѣшительныхъ событій, — наступалъ тотъ моментъ перелома войны, когда наши войска снова должны были перейти къ наступленію. Этотъ моментъ, собственно говоря, наступилъ тотчасъ же послѣ неудач-

наго сраженія 13-го августа, когда главнокомандующій самъ прибылъ въ главную квартиру дѣйствующаго корпуса и принялъ войска въ свое непосредственное командованіе. Онъ сразу рѣшилъ возвратиться на прежній путь дѣйствій, и первыя распоряженія его коснулись именно сосредоточенія войскъ на главномъ театрѣ войны, гдѣ рѣшалась участь кампаніи. Изъ Эриванскаго отряда, очевидно имѣвшаго въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій лишь второстепенное значеніе, потребовали обратно всѣ части, посланныя изъ дѣйствующаго корпуса, а въ тоже время къ намъ прибыла изъ Россіи цѣлая гренадерская дивизія, и постепенно подходили войска изъ Ардагана, съ Черноморскаго побережья и даже съ береговъ Урала и Волги.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ нашими охотниками, мы знали, что послѣ потери нами Кизилъ-тапы, турецкая армія, спустившись съ Аладжинскихъ горъ, сосредоточила главную массу своихъ войскъ на равнинѣ, въ окрестностяхъ Хаджи-вали и Суботана, имѣя передъ своимъ фронтомъ сильно укрѣпленныя горы Инахъ-тепеси и Кизилъ-тапу. Тамъ виднѣлись сплошныя массы турецкихъ палатокъ и помѣщалась главная квартира самого Мухтара-паши. Въ центрѣ и къ лѣвому флангу, прикрытыхъ отъ нашей стороны также двумя высокими горами—Большія и Малыя Ягны, турецкіе лагери шли все рѣже и малочисленнѣе, а высоты Авліяра и Визинкева совсѣмъ опустѣли. Карсъ приходился теперь позади лѣваго фланга турокъ, а потому гарнизонъ его всегда могъ поддержать войска, расположенныя на Большихъ и Малыхъ Ягнахъ, могъ даже поспѣть къ Визинкеву, но не могъ предотвратить катастрофу, которая угрожала турецкой арміи, въ случаѣ пораженія ея лѣваго фланга, вслѣдствіе чего всѣ силы Мухтаръ-паши, отброшенныя къ Аладжинскимъ горамъ, оказались бы отрѣзанными отъ Карса.

У насъ хотѣли воспользоваться такимъ невыгоднымъ

расположеніемъ непріятеля, и, какъ только подошли послѣднія подкрѣпленія, рѣшили атаковать турецкую армію, направивъ главный ударъ на ея лѣвый флангъ. Для этого войска раздѣлены были на два большіе отряда: правый, подъ личною командою корпуснаго командира генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова (32 батальона, 37 сотенъ и 104 орудія) должны были взять Большія и Малыя Ягны, и затѣмъ быстро идти на Визинкевъ, чтобы стать въ центрѣ турецкой арміи и захватить въ свои руки всѣ пути, ведущіе къ Карсу.

Этому отряду должна была содѣйствовать особая колонна генерала Шелковникова ($5^1/_2$ баталіоновъ, 3 сотни и 12 орудій), посланная въ обходъ Аладжи со стороны Камбинскаго поста и предназначенная для удара въ тылъ непріятеля.

Затѣмъ лѣвый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Лазарева (11 батальоновъ пѣхоты, 15 сотенъ и 40 орудій) назначенъ былъ для демонстраціи противъ главныхъ турецкихъ силъ, расположенныхъ отъ Суботана до Инахъ-тепеси, съ тѣмъ, чтобы задержать правый флангъ турокъ и не допустить его подать помощь тѣмъ пунктамъ, на которые предположено вести нашу главную атаку. Такъ какъ Лазаревъ долженъ былъ дѣйствовать преимущественно артиллерійскимъ огнемъ, то ему придана была еще полубатарея изъ осадныхъ орудій съ полевою запряжкой.

Наконецъ, главный резервъ, подъ начальствомъ генерала Шатилова, (10 батальоновъ, 12 сотенъ, 52 полевыхъ и 16 осадныхъ орудій съ конною запряжкой) расположился въ серединѣ между двумя отрядами, на большой дорогѣ отъ Караяла къ Суботану.

Атака назначена была 20-го сентября.

Вечеромъ 19-го числа колонна Лазарева сосредоточилась впереди Караяла у огузлинской балки и отсюда въ три часа пополуночи двинулась къ Кюльверану. Се-

леніе оказалось незанятымъ непріятелемъ и войска, обойдя его стороною, развернулись въ боевой порядокъ на высотахъ лѣваго берега рѣчки Маврикъ-чай. Три батальона съ пѣшею батареею, подъ командою полковника князя Амираджиби, заняли позицію фронтомъ къ Кизилъ-тапѣ и Суботану; значительно лѣвѣе ихъ расположились еще четыре батальона съ двумя пѣшими батареями, подъ начальствомъ генерала Рыдзевскаго, а резервъ и вся кавалерія стали за нашимъ правымъ флангомъ. *)

Едва начался разсвѣтъ, какъ три батареи, выдвинутыя на позицію, открыли жестокій огонь по Кизилъ-тапѣ, а въ тоже время послышалась кононада на нашемъ правомъ флангѣ, и сраженіе разомъ охватило всю непріятельскую линію отъ Большихъ и Малыхъ Ягновъ до Инахъ-тепеси включительно. Лазаревъ съ своимъ штабомъ стоялъ невдалекѣ отъ Кюльверана на высокомъ холмѣ, откуда видно было все поле начинавшагося сраженія. Но уже съ самаго начала онъ видѣлъ по тому упорному, ни на минуту не ослабѣвавшему огню, который гремѣлъ съ вершинъ Малой Ягны, что удачи на этомъ пунктѣ намъ ожидать нельзя. Дѣйствительно, турки во-время успѣли подвести значительную часть карсскаго гарнизона, и сдѣлали тщетными всѣ наши

*) Въ колоннѣ князя Амираджиби: 4-й Кавказскій стрѣлковый батальонъ и по баталіону отъ полковъ Елизаветпольскаго и Гурійскаго съ І-ою батареею 40-й артил. бригады.

Въ колоннѣ генерала Рыдзевскаго: два батальона Гурійскаго полка и по батальону отъ полковъ Елизаветпольскаго и Владикавказскаго со 2-ю и 5-ю батареями 40-й артил. бригады.

Въ резервѣ, подъ командой генерала Гурчина—три батальона Абхазскаго полка и батальонъ Елизаветпольскаго съ 4-ю батареею 40-й артил. бригады.

Кавалерію, подъ командой генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, составляли: І-й Волжскій казачій полкъ, сотня 2-го Волжскаго полка, 3-й Дагестанскій и Александропольскій конно-иррегулярные полки и конные команды охотниковъ Штабсъ-Капитана Еліосидзе и прапорщика Саматъ-Аги, со 2-ю Кубанскою конною батареею.

усилія овладѣть Малыми Ягнами: штурмъ былъ отбитъ, и гора осталась въ рукахъ непріятеля. Большія Ягны были взяты, но это стоило намъ такихъ потерь и такого утомленія войскъ, что идти на Авліяръ было уже не съ чѣмъ. Между тѣмъ Мухтаръ-паша, сосредоточившій съ самаго начала все свое вниманіе на Кизилъ-тапѣ, теперь, съ потерею Большихъ Ягновъ, разгадалъ нашъ планъ—прорвать его центръ и поспѣшно двинулъ войска къ Авліяру. Во весь опоръ неслись туда турецкія батареи и бѣгомъ бѣжали изъ хаджи-валинскаго лагеря батальоны пѣхоты. Попытка генерала Шака занять Суботань, чтобы задержать это движеніе турокъ, не увѣнчалась успѣхомъ, и нашъ отрядъ, послѣ упорнаго боя, долженъ былъ отступить съ значительною потерею. Между тѣмъ Авліяръ былъ уже занятъ турками, и открытая атака его войсками, утомленными предшествовавшимъ боемъ, была немыслима. Корпусный командиръ остановилъ наступленіе, а между тѣмъ, какъ разъ въ это время, на Аладжинскихъ горахъ, около 10 часовъ утра, внезапно появилась колонна Шелковникова, вышедшая въ тылъ непріятеля. Но теперь она осталась одинокою; помочь ей было нечѣмъ, и этотъ малочисленный отрядъ, со всѣхъ сторонъ окруженный турками, долженъ былъ прокладывать себѣ обратный путь оружіемъ. Онъ понесъ огромную потерю, но сохранилъ всю артиллерію и вынесъ почти всѣхъ раненыхъ. Задача нашей главной колонны, такимъ образомъ совсѣмъ не была исполнена.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ Ивана Давыдовича Лазарева.

Бой въ его отрядѣ съ разсвѣта до 8 часовъ утра ограничивался одною сильною канонадой. Непріятель, ожидавшій рѣшительной атаки съ нашей стороны на Кизилъ-тапу или Инахъ-тепеси, держался въ строго оборонительномъ положеніи, и только нѣсколько батальоновъ, выдвинутыхъ имъ на позицію, поддерживали жи-

вой ружейный огонь. Часовъ въ восемь утра, когда Большія Ягны уже были взяты, Лазаревъ получилъ извѣстіе, что шесть турецкихъ батальоновъ быстро идутъ отъ Суботана, чтобы ударить во флангъ колонны князя Амираджиби, и тотчасъ поддержалъ ее изъ резерва батальономъ Абхазскаго полка. Но турки скоро остановились и стали отходить назадъ къ Суботану, гдѣ вслѣдъ затѣмъ загорѣлась сильная канонада. Это шелъ бой въ колоннѣ генерала Шака, который, врѣзавшись клиномъ во фронтъ турецкаго расположенія у Хаджи-вали, стремился занять Авліяръ. Въ отрядѣ Лазарева сознавали всю важность своевременной поддержки Шака, но разстояніе между обоими отрядами было 10 верстъ, и отдѣлить на такое значительное пространство часть своихъ силъ,—значило бы дать возможность туркамъ самимъ перейти въ наступленіе и броситься съ Кизилъ-тапы во флангъ войскамъ, сражавшимся подъ Большими Ягнами.

Между тѣмъ турки, ободренные нашею неудачею, дѣйствительно, готовились перейти въ наступленіе. Часовъ въ девять утра, когда уже окончательно выяснился ходъ боя подъ Ягнами, четыре батальона, разсыпанные густою цѣпью въ двѣ линіи и, поддержанные нѣсколькими турецкими батареями, быстро двинулись на колонну Рыдзевскаго. Лазаревъ немедленно подкрѣпилъ ее частью своей кавалеріи, а между тѣмъ двѣ наши батареи открыли такой огонь картечными гранатами, что батальоны смѣшались и повернули назадъ. Нѣсколько турецкихъ офицеровъ напрасно старались возстановить порядокъ; весь правый флангъ непріятельской цѣпи былъ окончательно разсѣянъ, но лѣвый, засѣвшій въ оврагѣ Маврикъ-чая, открылъ жестокій огонь по нашимъ батареямъ. Цѣлый градъ пуль летѣлъ даже въ наши заднія линіи и производилъ въ нихъ страшныя опустошенія. Долго держаться подъ такимъ огнемъ было нельзя,

и Рыдзевскій, выдвинувъ двѣ роты Елизаветпольскаго полка во флангъ непріятеля, попытался выбить его продольнымъ огнемъ. Турки, дѣйствительно, очистили оврагъ, а елизаветпольцы увязались за ними въ погоню, но, встрѣченные на томъ берегу турецкими резервами, были остановлены и стали подаваться назадъ. Видя затруднительное положеніе ротъ, весь 1-й батальонъ Елизаветпольскаго полка и три роты гурійцевъ, подъ общею командою маіора Скосаревскаго, бросились черезъ Маврикъ-чай на помощь къ своимъ и, опрокинувъ турокъ, въ свою очередь гнали ихъ до самаго оврага передъ Кизилъ-тапою. Зарвавшіеся батальоны очутились теперь такъ далеко отъ нашей боевой позиціи, что не могли уже расчитывать на скорую поддержку, а потому стали отодвигаться назадъ медленно, въ стройномъ порядкѣ, преслѣдуемые густою цѣпью непріятельскихъ стрѣлковъ, провожавшихъ ихъ непрерывнымъ огнемъ изъ своихъ, быстро заряжавшихся, ружей. Подъ этимъ огнемъ обратная переправа черезъ Маврикъ-чай могла грозить намъ большими потерями; но, къ счастію, въ эти минуты на помощь къ нимъ подоспѣла небольшая часть конницы, высланная Рыдзевскимъ. Двѣ сотни Александропольскаго конно-иррегулярнаго полка и охотничьи команды Еліосидзе и Саматъ-Аги внезапно вынеслись изъ Маврикъ-чайскаго оврага и съ такою стремительностью налетѣли съ фланга на турецкую цѣпь, что моментально изрубили болѣе ста человѣкъ прежде, чѣмъ ошеломленные турки успѣли сбѣжаться въ кучки. Но положеніе ихъ отъ этого стало еще затруднительнѣе, такъ какъ наши батальоны, воспользовавшись сплоченностью непріятельскаго строя, принялись разстрѣливать его дружными залпами. Кавалерія грозила имъ новою атакой, и турки, не выдержавъ, повернули назадъ и обратились въ бѣгство. Наши войска спокойно перешли Маврикъ-чай и стали на свои позиціи.

Въ то время, когда бой въ колоннѣ Рыдзевскаго находился еще въ полномъ разгарѣ, Шелковниковъ появился на высшей точкѣ Аладжи и сталъ въ ожиданіи нашей атаки на Авліярскія высоты. Но воспользоваться выгоднымъ положеніемъ обходной колонны, послѣ ничтожнаго развитія нашихъ наступительныхъ дѣйствій со стороны Большихъ Ягновъ, уже не представлялось возможнымъ. Малочисленный отрядъ Шелковникова, потратившій задаромъ столько энергіи, настойчивости и мужества, предоставленъ былъ своимъ собственнымъ силамъ, и самъ очутился въ критическомъ положеніи. Чтобы, какъ нибудь, облегчить ему отступленіе, Лазаревъ послалъ на присоединеніе къ Шелковникову весь 3-й Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и четыре роты, снятыя имъ съ Учъ-тапы, подъ общею командою маіора князя Чавчавадзе. Но отрядъ этотъ долженъ былъ идти кружнымъ путемъ, чтобы миновать турецкія позиціи, а потому, когда онъ достигъ только Инахъ-тепеси, Шелковниковъ уже отступилъ, и нашимъ войскамъ пришлось возвратиться обратно.

Между тѣмъ послѣ отважной атаки Скосаревскаго непріятель прекратилъ всѣ наступительныя дѣйствія противъ отряда Лазарева и ограничился только артиллерійскимъ огнемъ, который длился до поздняго вечера. Но вотъ затихла, наконецъ, и эта пальба. Лазаревъ отозвалъ стрѣлковую цѣпь и, выставивъ аванпосты, расположилъ войска бивуакомъ на своихъ боевыхъ позиціяхъ. Самъ онъ разбилъ свою палатку на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго слѣдилъ за боемъ въ теченіе дня, не смотря на то, что мѣстность такъ сильно обстрѣливалась турецкими стрѣлками, что рядомъ съ Лазаревымъ былъ смертельно раненъ ружейною пулею полковникъ Вейсфлогъ, командовавшій въ отрядѣ артиллеріею.

Упорный и кровопролитный бой 20-го сентября стоилъ намъ 40 офицеровъ и болѣе трехъ тысячъ нижнихъ

чиновъ, выбывшими изъ строя. Бой былъ безрезультатный, но тѣмъ не менѣе, владѣя Большими Ягнами, мы не лишались возможности продолжать свои операціи на Авліяръ и Визинкевъ, такъ какъ главныя массы турецкихъ войскъ по прежнему оставались противъ отряда Лазарева между Инахъ-тепеси и Суботаномъ. Поэтому главнокомандующій рѣшилъ дать войскамъ на слѣдующій день отдыхъ, не снимая ихъ съ боевыхъ позицій, а 22-го числа продолжать бой и довести его до конца занятіемъ Авліяра.

Ночь во всѣхъ отрядахъ прошла спокойно; но едва наступилъ разсвѣтъ, какъ у насъ замѣтили сильное движеніе турецкихъ войскъ въ пространствѣ между Суботаномъ и Кюльвераномъ. Было очевидно, что непріятель готовилъ ударъ на наше лѣвое крыло, и, дѣйствительно, въ то время, какъ наши главныя силы стояли никѣмъ не тревожимыя, въ отрядѣ Лазарева разыгралось жестокое сраженіе.

Замѣтивъ сосредоточеніе турецкихъ войскъ противъ колонны полковника князя Амираджиби, Лазаревъ поставилъ свои войска въ боевой порядокъ, но, не желая завязывать бой, ограничился рѣдкой канонадой, а между тѣмъ потребовалъ изъ резерва батальонъ Елизаветпольскаго полка съ батареей, а другую батарею и батальонъ Гурійцевъ перевелъ сюда изъ колонны Рыдзевскаго. Вся кавалерія выдвинулась изъ-за праваго фланга и расположилась передъ обширнымъ Кюльверанскимъ полемъ. Въ два часа пополудни турки начали наступленіе, и десять турецкихъ батальоновъ двинулись на князя Амираджиби тремя колоннами, имѣя впереди густыя стрѣлковыя цѣпи. Перестрѣлка постепенно оживлялась, а между тѣмъ къ турецкимъ батареямъ присоединился пушечный огонь съ вершинъ Кизилъ-тапы и съ террасъ Керъ-хана и Суботана. Наши осадныя орудія, расположенныя передъ Кизилъ-тапою и на

Учъ-тапѣ, также приняли участіе въ этомъ бою, и канонада загорѣлась страшная. У насъ между тѣмъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ непріятельской пѣхоты; но Лазаревъ отдалъ строгій приказъ никому не трогаться съ мѣста, чтобы дать туркамъ время отойти, какъ можно дальше отъ своихъ укрѣпленій. И, надо сказать, что войска дѣйствовали съ замѣчательною выдержкою. Вообще, очевидцы разсказываютъ, что всѣ распоряженія съ нашей стороны дѣлались чрезвычайно спокойно, части войскъ вводились въ дѣло твердо, безъ суеты; стрѣлковыя цѣпи поддерживались во-время, батареи выѣзжали на самую дѣйствительную дистанцію.

Въ пятомъ часу пополудни къ колоннѣ князя Амираджиби подошли еще два батальона Эриванскаго полка и двѣ батареи, выдвинутыя изъ главнаго резерва. Въ это время непріятель прошелъ уже Кюльверанъ и находился отъ насъ въ разстояніи не болѣе пяти или шести-сотъ шаговъ. Казалось, что вотъ-вотъ грянетъ „ура!“ и начнется отчаянная штыковая работа... Но Лазаревъ медлилъ. Онъ давно уже приказалъ всей кавалеріи и двумъ ротамъ Елизаветпольскаго полка скрытно зайти во флангъ непріятеля,—и теперь ожидалъ результата этого движенія. Елизаветпольцы, далеко опередившіе кавалерію, мастерски исполнили этотъ маневръ, и какъ только послышалась въ той сторонѣ горячая перестрѣлка, по всей боевой линіи пронесся единодушный крикъ „ура!“ и наши батальоны, какъ одинъ человѣкъ, ринулись на турокъ. Трудно себѣ представить, что либо стремительнѣе этой атаки. Непріятель, пріостановившійся было, чтобы наскоро устроить себѣ ложементы, моментально выскочилъ изъ своихъ закрытій, и, повернувъ назадъ, обратился въ полное бѣгство. Наши войска на плечахъ у нихъ перенеслись черезъ Маврикъ-чай, овладѣли Кюльвераномъ и гнали непріятеля вплоть до Су-

ботана, куда турки бѣжали подъ защиту своихъ укрѣпленій, бросая по дорогѣ свои пибоди, зарядные и патронные ящики. Все поле было усѣяно турецкими трупами. Къ сожалѣнію, кавалерія, посланная Лазаревымъ заскакать въ тылъ непріятеля, запоздала на своихъ измученныхъ, непоенныхъ коняхъ и вовсе не приняла участія въ дѣлѣ.

Вообще, вся эта атака носила на себѣ характеръ безпримѣрной энергіи и страстности. Одинъ англійскій корреспондентъ, находившійся въ то время на Караялѣ говоритъ: „Любо было глядѣть, какъ эти войска, подъ искуснымъ управленіемъ генерала Лазарева, оставивъ въ сторонѣ вѣчную, непроизводительную перестрѣлку, бросились впередъ безъ всякаго колебанія, съ удивительнымъ, безупречнымъ мужествомъ“.

Между тѣмъ начинало уже смеркаться. Лазаревъ, опасаясь слишкомъ опаснаго увлеченія, разослалъ всю свою свиту остановить наши войска, но сдѣлать это было нелегко. Наступила ночь, а бой все еще продолжался, и ружейные огоньки у Суботана, перебѣгавшіе по линіямъ турецкихъ ложементовъ и траншей, показывали, что наши все идутъ и идутъ впередъ. Елизаветпольцы съ княземъ Амираджиби ворвались даже въ самый суботанскій лагерь, гдѣ перевернули вверхъ дномъ все, что попалось имъ подъ руку, и только уже здѣсь, на отнятой у турокъ позиціи, наконецъ, остановились. Но въ ту минуту, какъ бой смолкалъ у Суботана, на склонахъ Кизилъ-тапы, гдѣ слышались до тѣхъ поръ только пушечные выстрѣлы, вдругъ замелькали ружейные огоньки, скоро опоясавшіе гору непрерывною огненною лентою. Залпы орудій участились, и, наконецъ, слились въ одинъ несмолкаемый гулъ. Это—три баталіона Рыдзевскаго, стоявшіе передъ Кизилъ-тапою, воспользовались ослабленіемъ непріятельскаго праваго фланга, и бросились штурмовать самую гору. Войска въ

темнотѣ быстро взбирались по склону Кизилъ-тапы и достигли ея вершины, когда Лазаревъ, не имѣвшій возможности поддержать эту атаку, прислалъ приказаніе остановиться.

Ночь прекратила бой по всей линіи, и только на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, чуть не подъ небесами, сверкали еще выстрѣлы и раздавался могучій громъ тяжелыхъ орудій. Это Учъ-тапа перестрѣливалась съ Кизилъ-тапою. Наши войска спокойно спустились съ горы, но у Суботана оставались до самой полуночи и затѣмъ отошли назадъ на свою позицію, даже непреслѣдуемые непріятелемъ. По дорогѣ собрано было множество ружей пибоди и до 40 зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ. Къ сожалѣнію, при колоннѣ князя Амираджиби вовсе не было лошадей, а вести тяжелые ящики на людяхъ, двое сутокъ находившихся въ безпрерывномъ огнѣ, было невозможно; рѣшились пожертвовать своими трофеями и, разломавъ ящики, войска побросали ихъ въ Маврикъ-чай вмѣстѣ съ патронами и артиллерійскими снарядами.

Потеря въ отрядѣ Лазарева за эти оба дня состояла изъ 39 офицеровъ и 757 нижнихъ чиновъ. Наградою Лазарева за этотъ трехдневный бой былъ орденъ Бѣлаго Орла съ мечами.

Бой 21-го сентября, не смотря на большія потери непріятеля, принесъ ему и огромныя выгоды тѣмъ, что Мухтаръ подъ прикрытіемъ своихъ сражавшихся войскъ, успѣлъ подвести отъ Аладжи къ Авліяру значительныя силы и занялъ его такъ прочно, что намъ безповоротно пришлось отказаться отъ продолженія нашихъ операцій. Общая атака, назначенная на 22-е число, была отмѣнена и Лазаревъ къ вечеру отвелъ свои войска назадъ къ Огузламъ. Большія Ягны были также брошены. Не успѣли наши войска однако укрѣпиться на новыхъ позиціяхъ, какъ вечеромъ 23-го Сентября въ Огузлахъ под-

нялась тревога – пришло извѣстіе, что непріятель со всѣми силами идетъ на Учъ-тапу, чтобы захватить ее въ свои руки и такимъ образомъ повторить Кизилъ-тапинскую катастрофу. Въ виду опасности, грозившей всему байрахтарскому лагерю, Нижегородскій драгунскій полкъ получилъ приказаніе скакать отъ Караяла къ Учъ-тапѣ, и, присоединивъ къ себѣ по пути еще два батальона Владикавказскаго полка, держаться на горѣ во что бы то ни стало до прибытія остальныхъ подкрѣпленій. Лазаревъ также двинулъ туда отъ Огузловъ весь 1-й Волжскій казачій полкъ, три сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, охотничьи команды и конную батарею; но тревога оказалась фальшивою. Непріятель, ослабленный и демарализованный кровавою трехдневною битвою, не только не помышлялъ о новыхъ захватахъ, но, не расчитывая даже на свои собственныя позиціи, думалъ лишь о своевременномъ и благополучномъ отступленіи на старыя позиціи, которыя занималъ до 13-го августа по вершинамъ Аладжинскихъ горъ.

Пока Мухтаръ дѣлалъ втайнѣ эти распоряженія, у насъ, въ главной квартирѣ, также разработывался планъ новой атаки, заключавшійся въ томъ, что болѣе трети дѣйствующаго корпуса предполагалось направить черезъ Канбинскую переправу въ обходъ непріятельскихъ позицій, и затѣмъ атаковать Авліяръ одновременно съ тыла и фронта. Не всѣ однако соглашались съ этимъ рискованнымъ планомъ. Противники его указывали на то, что при дурныхъ дорогахъ обходъ, въ 80 верстъ слишкомъ, не могъ быть выполненъ скоро, а между тѣмъ движеніе по условіямъ мѣстности все время будетъ на глазахъ непріятеля, и, слѣдовательно, мы лишимся двухъ главныхъ условій успѣха — быстроты и внезапности. „Турки“, говорили они, „конечно, бросятся всею массою на обходный отрядъ, связанный тяжелымъ

обозомъ, и разобьютъ его отдѣльно; въ лучшемъ случаѣ они свободно отступятъ въ Карсъ, чему слабый отрядъ, оставленный передъ фронтомъ, помѣшать не можетъ, а какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ успѣхъ кампаніи будетъ неминуемо скомпрометированъ“.

Во главѣ сторонниковъ этого плана стоялъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, упорно утверждавшій въ совѣтѣ, что не произайдетъ ни того, ни другого, и что результаты будутъ блестящіе, потому что турки во время обхода не тронутся съ мѣста ни для наступленія, ни для отступленія. Такая увѣренность, конечно, могла быть основана только на глубокомъ пониманіи духа противника, и авторитетъ Лазарева, поддержанный генераломъ Обручевымъ, одержалъ верхъ: планъ былъ принятъ и обходное движеніе рѣшено возложить на Лазарева.

Между тѣмъ, утромъ 27-го сентября съ передовыхъ постовъ дали знать, что турки уходятъ. Извѣстіе это быстро облетѣло лагерь, и войска по тревогѣ были двинуты немедленно къ Кизилъ-тапѣ и Суботану. На Кизилъ-тапѣ Лазаревъ не засталъ уже никого, но вправо отъ него, у Суботана, шло упорное дѣло въ колоннѣ генерала Геймана. Чтобы отвлечь отъ него непріятеля, Лазаревъ двинулъ часть своихъ войскъ на Керъ-ханы, гдѣ также завязалась сильная перестрѣлка. Бой продолжался до самой ночи. Въ это время успѣло уже выясниться, что турки оставили только свои передовыя позиціи, лежавшія на равнинѣ, и отъ Кизилъ-тапы, Большихъ и Малыхъ Ягновъ, Хаджи-вали и Суботана поднялись на Аладжинскія высоты. Можно однако предполагать съ увѣренностью, что непріятель, въ виду наступавшей зимы, не будетъ держаться долго на этой возвышенной позиціи, а отступитъ или въ Карсъ, или за Саганлугскій хребетъ, или же, наконецъ, двинется на

соединеніе съ Измаилъ-пашею, стоявшимъ противъ Эриванскаго отряда.

Чтобы своевременно разстроить планъ непріятеля и помѣшать движенію, куда бы то ни было, Лазаревъ получилъ приказаніе съ войсками, стоявшими передъ Кизилъ-тапою, въ ту же ночь съ 27 на 28-е сентября идти форсированнымъ маршемъ, чтобы къ свѣту занять Кигачъ, и оттуда двигаться дальше на Камбинскій постъ, Дигоръ и далѣе къ Орлокскимъ высотамъ въ тылъ непріятеля. Войска, собравшіяся къ Кизилъ-тапѣ по тревогѣ, не имѣли при себѣ ни продовольствія, ни хлѣба, ни даже достаточнаго количества патроновъ. Все это предполагалось доставить имъ впослѣдствіи, да и самый отрядъ долженъ былъ формироваться уже на походѣ.

Глава XXIII.

(1877)

Обходное движеніе Лазарева.—Бой 2-го октября и занятіе имъ Орлокскихъ высотъ въ тылу непріятеля.—Телеграмма Лазарева къ корпусному командиру.—Распоряженія въ главной квартирѣ.—Бой 3-го октября и разгромъ турецкой арміи.

Въ ночь съ 27-го на 28-е сентября всѣ части войскъ, входившія въ составъ отряда генерала Лазарева, прямо со своихъ боевыхъ позицій направлялись кратчайшимъ путемъ мимо Учъ-тапы, и, переправляясь черезъ Арпачай, останавливались на русской сторонѣ около Кигача. Всю ночь и весь слѣдующій день подходили сюда пѣхотныя части и артиллерія. Больше всего пришлось ожидать обозовъ, которые хотя были отправлены изъ Пиривали на рысяхъ, но все-таки могли поспѣть только къ вечеру. По плану, составленному въ главной квартирѣ, предполагалось, что Лазаревъ 28-го числа будетъ уже на Канбинскомъ посту, 29-го въ Дигорѣ, а 30-го займетъ Базарджикъ въ тылу непріятельской позиціи. Но исполнить этотъ маршрутъ на дѣлѣ не было никакой возможности. На Кигачѣ за сборомъ отряда мы потеряли цѣлый день, а потому въ Дигоръ прибыли только 30-го числа, опоздавъ на цѣлыя сутки. Авангардъ еще наканунѣ занялъ Акрякъ, лежавшій на прямомъ пути къ Базарджику, но главныя силы не могли тронуться дальше, такъ какъ отставшіе обозы загрузли въ сыпучихъ пескахъ, и на помощь къ нимъ пришлось выслать цѣлую половину отряда. Только къ вечеру 1-го октября стянулись, наконецъ, послѣднія повозки и загромоздили весь путь до Акряка, такъ что сообщенія авангарда съ Дигоромъ совершенно прекратились. Вмѣсто

трехъ дней обходное движеніе длилось уже пятыя сутки на глазахъ непріятеля, и Лазаревъ, ясно понимавшій всю невыгоду своего положенія, находился, какъ говоритъ Шнеуръ, *) все время въ лихорадочно-нервномъ раздраженіи. Наконецъ, онъ рѣшилъ бросить большую часть вагенбурга подъ прикрытіемъ трехъ баталіоновъ и дальше идти на легкѣ, лишь съ самымъ необходимымъ количествомъ колеснаго обоза.

Пока дѣлались всѣ эти распоряженія, и мы по неволѣ стояли въ бездѣйствіи, утромъ 1-го октября изъ главной квартиры прискакалъ генералъ Шелковниковъ, назначенный въ помощь Лазареву съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ болѣзни или раны послѣдняго, принять начальство надъ его войсками. Шелковниковъ выѣхалъ изъ главной квартиры въ 6 часовъ утра, а въ 10-ть пришла телеграмма изъ Дигора, что онъ уже прибылъ. До Дигора было болѣе 60-ти верстъ. Какимъ образомъ Шелковниковъ могъ проскакать такое разстояніе менѣе нежели въ четыре часа – это извѣстно ему одному. По всей вѣроятности онъ проскакалъ напрямикъ по линіи непріятельскихъ пикетовъ, но и въ такомъ случаѣ ему приходилось сдѣлать сорокъ верстъ съ лишнимъ.

Почти въ то-же время въ Дигоръ подошли остальныя войска, высланныя изъ Эриванскаго отряда, подъ командой генерала Цытовича, и обходная колоннна была сформирована уже окончательно. Теперь въ ней находилось $23^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 4 эскадрона драгунъ, 20 сотенъ казаковъ и милиціи и 80 орудій. **)

*) В. Сб. 1880, № 7. „Годъ на конѣ.“

**) Въ составъ отряда Лазарева входили слѣдующія части:

Пѣхота:		Кавалерія:	
Севастопольскаго полка	4 б.	Нижегородскій др. полкъ . . .	4 э.
Дербентскаго полка	4 „	Кизляро-Гребенской казачій полкъ	4 с.
Имеретинскаго полка	3 „	1-ый Волжскій полкъ	4 „
Кутаисскаго полка	3 „	2-ой Волжскій полкъ	4 „
Гурійскаго полка	3 „		

Какъ ни былъ силенъ этотъ отрядъ, но чтобы облегчить опасное положеніе его въ тылу непріятеля, всѣ остальныя войска дѣйствующаго корпуса (41 баталіонъ 8 эскадроновъ, 45 сотенъ и 148 орудій) все время, пока продолжалось обходное движеніе, продолжали стоять передъ фронтомъ турецкихъ позицій на готовѣ. Каждый день шла канонада, и каждый день оглушительные выстрѣлы нашихъ осадныхъ орудій, гудѣвшихъ равномѣрно по три или по четыре раза въ часъ, поражали не только турецкія боевыя позиціи, но даже ихъ лагери. Турецкія палатки снимались и переносились все выше и выше на Аладжу. Угрожая такимъ образомъ Мухтаръ-пашѣ ежеминутною атакой, мы не только не позволяли ему обрушиться на изоллированный отрядъ генерала Лазарева, но даже выдѣлить противъ него какія нибудь значительныя части.

Съ другой стороны самъ Лазаревъ искусно пользовался своимъ знаніемъ азіатскихъ народовъ и съумѣлъ ввести въ заблужденіе относительно своихъ настоящихъ намѣреній самыхъ тонкихъ и проницательныхъ людей среди мѣстнаго населенія. Разговаривая вездѣ съ вліятельными лицами, зная, что каждое слово его въ тотъ-же день дойдетъ до Мухтара, онъ съумѣлъ убѣдить всѣхъ, что идетъ совсѣмъ не на Базарджикъ, а въ тылъ праваго фланга турокъ, т. е. на южные склоны

Абхазскаго полка	3 „	Александропольскій конно-иррегуляр. полкъ . . .	4 „
Бакинскаго полка	2 „	3-го Дагестанскаго полка . . .	2 „
4-й стрѣлковый баталіона . . .	1 „	Уманскаго Каз. полка	2 „
3-го сапернаго баталіона. . .	2 р.		
Итого . . .	23½ р.	**Итого**	24 эскдр. и сотни

Артиллерія:

Шесть батарей 40-й артиллерійской бригады	48 орудій
5-я батарея 39-й артиллерійской бригады	8 „
Сводная батарея той-же бригады.	8 „
1-я Терская конная казачья батарея	8 „
13-я Донская конная батарея	8 „
Итого . . .	80 орудій.

Аладжи, куда уже разъ проникалъ генералъ Шелковниковъ. Особено большую услугу, по разсказамъ самого Ивана Давыдовича, оказалъ ему въ этомъ отношенiи дигурскiй мулла, съ которымъ произошла слѣдующая сцена.

Въ полночь, въ самый день прихода въ Дигуръ, Лазаревъ потребовалъ къ себѣ тамошняго муллу и обставилъ свиданiе съ нимъ самымъ таинственнымъ образомъ. Прекрасно владѣя туземнымъ нарѣчiемъ, онъ могъ обходиться безъ переводчика, что было особенно важно въ данномъ случаѣ и принялся доказывать муллѣ, что въ концѣ концовъ успѣхъ войны останется на нашей сторонѣ, что вся эта мѣстность будетъ присоединена къ Россiи, и что ему, какъ человѣку самому умному въ Дигорѣ, будетъ выгодно оказать услугу русскимъ теперь же, когда эта услуга будетъ особенно цѣнна.

—А въ чемъ должна заключаться эта услуга? – спросилъ мулла, сообразившiй, что можно ловко обмануть довѣрчиваго генерала.

—Намъ нуженъ,—сказалъ Лазаревъ, проводникъ, который указалъ-бы дорогу отъ Дигора прямо на верхъ Аладжи, чтобы выйти въ тылъ турецкимъ укрѣпленiямъ. Скажи откровенно: знаешь-ли ты дорогу и можно-ли пройти по ней съ артиллерiей?

—Дорога трудная, – отвѣчалъ мулла,—но пройти по ней можно.

Обрадованный этимъ извѣстiемъ, Лазаревъ сунулъ ему въ руку цѣлую горсть червонцевъ и сказалъ: „Будь готовъ, я за тобой пришлю скоро; но смотри—никому ни слова, чтобы кто нибудь не передалъ о моихъ намѣренiяхъ непрiятелю.

Мулла ушелъ и тотчасъ-же сообщилъ обо всемъ Мухтару. По утру Лазаревъ увидѣлъ, что непрiятель поспѣшно укрѣпляетъ вершины Аладжи, обращенныя противъ Дигора и послалъ за муллою.

—Мулла!—сказалъ онъ гнѣвно,—ты, какъ баба, разболталъ то, о чемъ я говорилъ съ тобою, а люди злонамѣренные передали это туркамъ.—

—Ты почемъ это знаешь?—спросилъ поблѣднѣвшій мулла.

—Посмотри, они ставятъ новыя укрѣпленія.

Мулла успокоился.

—Для этого, сказалъ онъ, мнѣ нечего было болтать. Турки не глупѣе насъ, они видятъ, что ты не выходишь изъ Дигора и строятъ укрѣпленія противъ Дигора.

Лазаревъ притворился, что вѣритъ, но спросилъ муллу: есть-ли обходная дорога, и берется-ли онъ провести насъ мимо укрѣпленій? Мулла обявилъ, что обойти укрѣпленія можно, но что обходить ихъ не стоитъ. „Ваши войска, прибавилъ онъ, такъ хороши, что имъ нечего боятся укрѣпленій. На твоемъ мѣстѣ я-бы пошелъ прямо на нихъ". Лазаревъ снова сунулъ муллѣ пригоршню золота и сказалъ: „Вижу, что ты не баба; ты говоришь, какъ слѣдуетъ говорить мужчинѣ. Я такъ и сдѣлаю,— только ты укажешь дорогу".

Обрадованный мулла ушелъ, а Мухтаръ черезъ нѣсколько часовъ уже зналъ весь разговоръ его съ Лазаревымъ.

Всѣ подобныя фальшивыя извѣстія доставлялись Мухтару людьми повидимому самыми вѣрными, и казались такъ убѣдительны, что появленіе нашей кавалеріи на базарджикской дорогѣ, принято было имъ за пустую демонстрацію, тѣмъ болѣе, что ни она, ни Лазаревъ съ своею пѣхотою не двигались дальше. Все это до такой степени обмануло соображенія турокъ, что они бросились укрѣплять южный склонъ Аладжи со стороны Дигора, нисколько не заботясь ни объ Орлокскихъ, ни о Визинкевскихъ высотахъ, такъ что въ окрестностяхъ Акряка, гдѣ стоялъ нашъ авангардъ, не было даже извѣстій о непріятелѣ.

Между тѣмъ, ночью на 2-е октябрѣ Лазаревъ оставилъ въ Дигорѣ только три батальона для прикрытія обозовъ, а съ остальными войсками, раздѣленными на двѣ колонны генераловъ Гурчина и Рыдзевскаго, выступилъ къ Акряку на соединеніе съ авангардомъ.

Стало свѣтать, и турки съ вершинъ Аладжи скоро увидѣли массу русской пѣхоты, стремившейся на базарджикскую дорогу. Только теперь понялъ Мухтаръ истинныя намѣренія Лазарева, и чтобы защитить лежавшія въ тылу у него Орлокскія высоты, поспѣшно двинулъ къ Базарджику 12 баталіоновъ пѣхоты при 18 орудіяхъ. Туда же, но кружнымъ путемъ черезъ Хаджи-халиль, направлены были еще шесть батальоновъ съ четырьмя орудіями, только что прибывшіе сюда съ эриванской границы. Въ авангардѣ прежде всего узнали о движеніи непріятеля и дали знать Лазареву, а между тѣмъ начальникъ авангарда генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ поспѣшно двинулся къ Базарджику, отдѣливъ небольшой кавалерійскій отрядъ изъ эскадрона драгунъ и сотни кизляро-гребенскихъ казаковъ, подъ командою Маіора Витте, влѣво для наблюденія за тѣми батальонами, которые должны были появиться со стороны Хаджи-Халиля.

Скоро передовые разъѣзды дали знать о появленіи турокъ. Вся кавалерія авангарда - три эскадрона нижегородскихъ драгунъ и три полка терскихъ казаковъ— тотчасъ пошли на рысяхъ, и, дѣйствительно, увидѣли на южномъ склонѣ Орлокскихъ высотъ нѣсколько таборовъ, которые поспѣшно возводили окопы, а къ нимъ бѣгомъ подходили еще батальоны, скрываемые отъ глазъ глубокою балкою. Кавалерія спѣшилась и завязала перестрѣлку. Въ эту минуту къ авангарду прискакалъ самъ Лазаревъ, въ сопровожденіи генерала Шелковникова. Онъ тотчасъ обратилъ вниманіе на высокую гору Шатыръ-оглы, примыкавшую къ правому флангу непріятельскихъ окоповъ,

и приказалъ кавалеріи занять ее, пока турки не успѣли на ней утвердиться. Занятіе Шатыръ-оглы давало намъ возможность взять во флангъ базарджикскую позицію и открывало свободный путь къ Визинкевскимъ высотамъ,—послѣдней тыльной позиціи передъ Авліяромъ. Казалось, что турки поняли значеніе Шатыръ-Орлы только въ послѣднія минуты, такъ какъ на вершинѣ ея виднѣлось пока не болѣе одного или двухъ таборовъ пѣхоты. Но едва дивизіонъ нижегородцевъ, переправившись черезъ довольно глубокую балку, сталъ подниматься на гору, какъ увидѣлъ, что южные склоны, обращенные къ намъ, обозначались уже тонкими черточками турецкихъ ложементовъ. Передъ нами въ два яруса стояли окопы, за которыми скрывалась турецкая пѣхота. Судя по резерву, виднѣвшемуся на вершинѣ горы, здѣсь можно было предположить отъ трехъ до четырехъ батальоновъ. Какъ разъ въ это время прискакалъ разъѣздъ съ извѣстіемъ, что отъ Большого Орлока двигается сюда же значительный турецкій отрядъ. Обстановка начинавшагося боя выяснилась теперь вполнѣ: спѣшенный дивизіонъ могъ выставить только 72 стрѣлка, и потому атаковать гору, занятую нѣсколькими батальонами, было-бы безразсудно. Къ тому же, къ намъ быстро подходилъ Дербентскій пѣхотный полкъ, и Лазаревъ, предоставивъ ему атаковать окопы, послалъ нижегородцевъ влѣво, чтобы выяснить положеніе дѣлъ у самаго Орлока.

Когда проходили мимо него дербентскіе батальоны, Лазаревъ подъѣхалъ къ полку и, поздоровавшись съ нимъ, сказалъ: „Ребята! не жалѣть своей жизни, но взять мнѣ Шатыръ-Оглы во что бы то ни стало: иначе турки превратятъ ее въ крѣпость и загородятъ намъ путь къ Визинкеву“. Дербентцы и двѣ роты саперъ отвѣтили дружнымъ ура! и двинулись на приступъ. 1-я батарея 40-й артиллерійской бригады и горная полубатарея 39-й наступали вмѣстѣ съ стрѣлковою цѣпью и мѣткимъ ог-

немъ засыпали окопы. Сюро на позицію вынеслась еще лихая конная батарея Терскаго казачьяго войска и также горячо принялась помогать штурмующимъ. Пѣхота, между тѣмъ, взбираясь по крутизнамъ, двигалась медленно, но не останавливаясь ни на минуту, и съ разстоянія двухъ-сотъ шаговъ кинулась на окопы въ штыки. Ударъ былъ настолько друженъ, и такъ хорошо разсчитанъ, что турки, отрѣзанные отъ Аладжи, бѣжали на другую высокую гору, „Безъимянную“, занятую въ то время уже шестью батальонами, пришедшими изъ Хаджи-Халиля.

Въ то время, когда дербентцы штурмовали еще гору, драгунскій дивизіонъ, посланный, какъ мы знаемъ, къ Орлоку, увидѣлъ вдалекѣ, въ прямомъ направленіи на Мугараджикъ, ясно обозначавшуюся линію ружейныхъ дымковъ, хотя звуковъ выстрѣловъ и не было слышно. Впереди насъ не могло быть никого, кромѣ маіора Витте, а потому всѣ пришли къ убѣжденію, что бой идетъ въ его отрядѣ. Разстояніе до этихъ дымковъ было верстъ шесть или семь. Драгуны пошли на рысяхъ, и, бросивъ въ сторонѣ Орлокскую башню, выѣхали прямо къ устью мугараджикскаго оврага, гдѣ неожиданно наткнулись на ужасающую картину только что отгремѣвшаго боя: кругомъ, по всѣмъ направленіямъ, лежали побитые драгуны, казаки и дагестанцы; тѣла ихъ раздѣты были до-нага, искажены и поруганы; на многихъ тлѣли рубахи и курилось бѣлье; въ воздухѣ пахло гарью... въ сторонѣ двигалась быстро какая-то турецкая пѣхота, но намъ виденъ былъ только ея хвостъ, а головныя части уже скрылись за гребнемъ довольно крутой и каменистой возвышенности. Не оставалось сомнѣнія, что передъ нами тѣ самые турецкіе батальоны, которые только что имѣли дѣло съ маіоромъ Витте и нанесли ему большія потери. Но что сталось съ отрядомъ и куда онъ отступилъ— ничего не было извѣстно. Минуты черезъ три разъѣзды,

слѣдившіе за непріятелемъ, дали знать, что турки поворачиваютъ къ Орлоку. Драгуны тотчасъ пошли голопомъ и, опередивъ непріятеля, спѣшились у развалинъ Орлокской башни. Къ нимъ скоро на помощь прискакалъ еще взводъ гребенцовъ съ ракетною командой,—и турки, внезапно осыпанные нашими выстрѣлами, вдругъ перемѣнили направленіе и, отстрѣливаясь, бросились на Безъимянную гору, куда также бѣжали и таборы, сбитые съ Шатыръ-Оглы.

Гора эта, заслонявшая путь къ Визинкеву, пріобрѣтала для насъ такимъ образомъ особо важное значеніе, такъ какъ отъ нея зависѣло теперь спасеніе турецкой арміи. Еслибы туркамъ удалось продержаться на ней только до ночи, то наше дѣло проиграно было бы безповоротно, такъ какъ Мухтаръ всегда успѣлъ бы отступить черезъ Визинкевскія высоты къ Карсу. Турецкій муширъ самъ видѣлъ съ высотъ Чифтъ-тепеси, что бой принимаетъ рѣшительный характеръ, и, понимая всю важность удержать за собою Безъимянную, двинулъ еще шесть батальоновъ, прибытіе которыхъ могло-бы дѣйствительно повернуть дѣло въ пользу непріятеля. Намъ надо было помѣшать этимъ новымъ таборамъ соединиться съ прежними, стоявшими на горѣ, и Лазаревъ, не имѣя подъ рукою свободной пѣхоты, отправилъ противъ нихъ 4-й эскадронъ Нижегородскаго полка, три сотни волжскихъ казаковъ и сотню гребенцовъ, подъ общею командой начальника штаба полковника Маломы. кавалерійскій отрядъ этотъ, скрытно расположившись за гребнемъ небольшаго пригорка, спѣшился и внезапно осыпалъ подходившіе батальоны такимъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ, что шесть турецкихъ таборовъ, конечно, имѣвшіе полную возможность смять горсть нашихъ всадниковъ, были отброшены къ сѣверу и, не успѣвъ прорваться къ Безъимянной горѣ, отступили къ Визинкеву. Стрѣлковый батальонъ, высланный для под-

держанія нашего отряда, шелъ бѣглымъ шагомъ, и все таки опоздалъ къ бою, вся честь котораго принадлежала одной кавалеріи. Лазаревъ придавалъ огромное значеніе результатамъ, достигнутымъ этимъ смѣлымъ дѣломъ, и полковникъ Малома *) награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Теперь, для довершенія нашихъ успѣховъ, оставалось еще овладѣть Безъимянной горою, командовавшей всею равниной до самаго визинкевскаго лагеря. Но овладѣть ею было не легко. Гора эта была еще выше, еще неприступнѣе Шатыръ-Оглы, и турки заблаговременно укрѣпили ее нѣсколькими рядами траншей и ложементовъ. Въ этихъ-то укрѣпленіяхъ собрались теперь, сбитые съ Шатыръ-Оглы, три базарджикскіе батальона и шесть хаджи-халильскихъ. Оставить эту гору въ рукахъ непріятеля до ночи—значило не сдѣлать ровно ничего, потому что безъ нея мы не могли утвердиться ни на Орлокскихъ высотахъ, ни въ Базарджикѣ. Между тѣмъ, главныя наши силы, шедшія изъ Дигора, были еще далеко, а день уже склонялся къ вечеру и медлить атакой было невозможно. Пришлось и эту сильно укрѣпленную гору атаковать тѣмъ-же Дербентскимъ полкомъ, который только что взялъ Шатыръ-Оглы и понесъ уже чувствительную потерю. Въ виду важности этой атаки Лазаревъ поручилъ ее генералу Шелковникову.

Но едва батальоны, вмѣстѣ съ саперными ротами, двинулись впередъ подъ звуки полкового марша, какъ непріятельскія траншеи окутались дымомъ, и масса свинца съ воемъ и визгомъ понеслась на атакующихъ. Трескъ непріятельскихъ вѣстрѣловъ превратился въ сплошной гулъ или рокотъ. Но дербентцы и саперы явились настоящими героями дня, удивляя всѣхъ своимъ безстрашіемъ и крѣпостью нервовъ. Они шли твердо, теряли

*) Нынѣ начальникъ Кубанской области и наказный атаманъ Кубанскаго Казачьяго войска.

товарищей, но не останавливались ни на минуту, торопясь скорѣе добраться до рукопашной схватки... Это была атака, по отзывамъ очевидцевъ, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ атакъ. Какъ только нижній рядъ ложементовъ былъ взятъ, солдаты неудержимо устремились вверхъ по горѣ, беря траншею за траншеей, а посреди штыкового боя не умолкая гремѣла полковая музыка... Но вотъ еще одно послѣднее усиліе,—и непріятель, сбитый съ вершины горы, бросился бѣжать къ Визинкеву. Кавалерія пустилась преслѣдовать бѣгущихъ. Въ эту минуту штурмовой маршъ точно оборвался, и съ вершины горы понеслись величавые звуки народнаго гимна, а затѣмъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ"... Дербентцы кричали Ура! Лазаревъ, поднявшійся на гору вмѣстѣ съ штурмовою колонной, объѣзжалъ батальоны и благодарилъ ихъ за молодецкую храбрость.

Дербентцы потеряли въ этомъ бою 6 офицеровъ и 120 нижнихъ чиновъ; но эти жертвы не пропали даромъ: съ занятіемъ Шатыръ-оглы и Безъимянной, мы стали твердою ногою на Орлокскихъ высотахъ, и турки, уже разбитые нравственно, не могли держаться на своихъ позиціяхъ.

Къ сожалѣнію, славный день этотъ былъ омраченъ извѣстіемъ о большой потерѣ, понесенной кавалерійскимъ отрядомъ маіора Витте, который, какъ мы сказали, былъ посланъ развѣдать о турецкой колоннѣ, шедшей со стороны Хаджи-Халиля. Поднимаясь изъ Мугарджикскаго оврага, Витте лицомъ къ лицу столкнулся съ шестью турецкими таборами и, не раздумывая долго, бросился въ шашки, чтобы проложить себѣ путь къ Орлокскимъ высотамъ, до которыхъ могъ доскакать въ какіе нибудь полъ-часа. Двѣсти всадниковъ пробились сквозь пятитысячный отрядъ пѣхоты и пустились во весь опоръ, чтобы уйти изъ-подъ выстрѣловъ; но тутъ подвернулся имъ на пути глубокій оврагъ, черезъ который переѣзда

не было. Витте мгновенно повернулъ назадъ, снова пробился сквозь всѣ батальоны, и хотя потерялъ почти половину отряда, но спустился въ Мугараджикскій оврагъ и окружнымъ путемъ присоединился къ отряду. Молва объ этомъ отважномъ подвигѣ ходила тогда по всей арміи и, дѣйствительно, бой 2-го октября представляетъ собою одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ въ исторіи кавалеріи всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Къ Лазареву подошла, наконецъ, вся колонна генерала Гурчина и прочно заняла отбитыя у турокъ позиціи. Войска расположились на ночь въ боевомъ порядкѣ на случай попытки турокъ къ прорыву, и вмѣсто аванпостовъ разсыпали боевыя стрѣлковыя цѣпи. Самъ Лазаревъ вернулся въ Базарджикъ, куда стягивались всѣ остальныя войска обходнаго отряда, и немедленно отправилъ корпусному командиру слѣдующую телеграмму:

„Караялъ. Корпусному командиру. Экстренно. Подать ночью. Сегодня непріятель, замѣтивъ движеніе моего авангарда къ Базарджику, поспѣшилъ занять высоты Шатыръ-Оглы, южнѣе Визинкева, въ высшей степени важныя. Медлить было невозможно, и я двинулъ въ бой сначала одинъ авангардъ, а потомъ колонну генерала Гурчина, прибывшую почти бѣгомъ. Со стороны непріятеля участвовали въ бою до 15 таборовъ съ незначительною артиллеріею. Высоты были отбиты у турокъ открытымъ штурмомъ. Непріятель, опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, обратился въ бѣгство. Подробности завтра; я стою съ отрядомъ въ виду визинкевскихъ лагерей. Необходимо завтра съ разсвѣтомъ атаковать со стороны Хаджи-Вали и Ягны Визинкевъ. Прошу убѣдительно объ этомъ. Я съ своей стороны также приступаю къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Тогда окончательная гибель всѣхъ силъ Мухтара, которыя окажутся отрѣзанными, будетъ неизбѣжна... Ожидаю на разсвѣтѣ рѣши-

тельныхъ дѣйствій генерала Геймана. Генералъ лейтенантъ Лазаревъ."

Телеграмма эта получена была на Караялѣ въ два съ половиною часа ночи, и корпусный командиръ, разбуженный депешею, тотчасъ отправился къ Великому Князю-главнокомандующему, гдѣ быстро составлена была диспозиція, начинавшаяся словами: „Вслѣдствіе удачно выполненнаго обхода генералъ лейтенантомъ Лазаревымъ, занявшимъ въ тылу непріятеля Орлокскія высоты, главныя силы перейдутъ сегодня въ общее наступленіе"... По этой диспозиціи колонна генерала Геймана должна была взять Авліяръ, составлявшій ключъ непріятельской позиціи, и отсюда, уже совмѣстно съ войсками Лазарева, атаковать Визинкевскія высоты, чтобы прорвать центръ непріятельскаго расположенія. Вправо отъ Геймана находилась колонна генерала Шака, охранявшая Большія Ягны и наблюдавшая за карсскимъ гарнизономъ, а влѣво—войска генерала Роопа шли на Аладжинскія высоты. Лазареву сообщено по телеграфу, что онъ долженъ принять серьезное участіе въ дѣлѣ только послѣ того, какъ главныя силы достигнутъ уже замѣтнаго успѣха.

Такъ наступило утро 3-го октября. Войска Лазарева, раздѣленныя на пять колоннъ, стояли въ ружьѣ, въ полной готовности къ бою. Главная колонна изъ семи батальоновъ, подъ начальствомъ генерала Шелковникова, предназначалась для атаки Визинкевской позиціи; вправо отъ нея расположились три батальона генерала Гурчина, наблюдавшіе за Аладжею, а два батальона съ генераломъ Алхазовымъ обезпечивали насъ отъ нападенія съ фланга и тыла. Затѣмъ общій резервъ изъ шести батальоновъ, подъ командой генерала Шатилова, расположился у Базарджика, а два батальона были отдѣлены для прикрытія вагенбурга.

Былъ уже девятый часъ утра, а приказанія насту-

пать ни отъ кого не получалось. Всѣ стояли въ томительномъ ожиданіи. Лазаревъ находился въ тылу у телеграфа и ждалъ извѣстій отъ корпуснаго командира; но ихъ не было, такъ какъ телеграфъ испортился и сообщенія прекратились. А между тѣмъ, бой въ главныхъ силахъ уже шелъ давно, но гулъ орудій не былъ намъ слышенъ, отчасти вслѣдствіе противнаго вѣтра, а отчасти вслѣдствіе массы горъ, раздѣлявшихъ наши отряды. Въ 11 часовъ Лазаревъ сѣлъ, наконецъ, на коня, и поскакалъ къ войскамъ, съ утра стоявшимъ уже въ боевомъ порядкѣ. Только теперь съ вершинъ Шатыръ-Оглы онъ увидѣлъ ясно, какъ весь сѣверный склонъ Аладжи уже дымился отъ массы турецкаго огня и нашихъ лопающихся снарядовъ. Надъ Авліяромъ стояло густое черное облако отъ безпрерывной пушечной и ружейной пальбы. Очевидно, это шла атака на Авліярскую гору, и турки, засыпаемые снарядами 64-хъ орудій, стянутыхъ въ одну громадную батарею, постепенно отодвигались назадъ къ Визинкевскимъ высотамъ, гдѣ были ихъ главные резервы. Наступала рѣшительная минута. Медлить было нельзя, и Лазаревъ приказалъ начать наступленіе.

Но тутъ представилась одна невыгодная сторона нашего положенія. Мы шли прямо на встрѣчу войскамъ генерала Геймана, а потому неминуемо должны были попасть подъ огонь своихъ же частей, и, въ свою очередь, открывъ огонь, поражали бы своихъ же. Поэтому генералъ Лазаревъ приказалъ наступать медленно, не увлекаясь слишкомъ впередъ, пока еще продолжалось усиленное обстрѣливаніе Авліяра, и, во всякомъ случаѣ, не открывать огня въ этомъ направленіи. Скоро однако же дѣло приняло неожиданно совсѣмъ иной оборотъ.

Одновременно съ движеніемъ колонны Шелковникова, тронулись къ позиціи, по направленію къ Визинкевскимъ высотамъ, и три эскадрона Нижегородскаго полка. Движеніе драгунъ тотчасъ-же замѣчено было съ

высокаго пика Чифтъ-Тепеси и стоявшая тамъ батарея открыла по нимъ огонь картечными гранатами. Полкъ тронулся рысью. Между тѣмъ одинъ изъ его разъѣздовъ скоро замѣтилъ небольшую кавалерійскую партію, пробиравшуюся къ Карсу, и при ней большое турецкое знамя, которое везли перекинутымъ черезъ сѣдло. По всей вѣроятности, его хотѣли спасти и отправили съ аладжинской позиціи въ крѣпость. Разъѣздъ, бросившійся въ погоню, разсѣялъ эту партію, и знамя было отбито. Это было первое знамя, взятое у турокъ, а потому Лазаревъ приказалъ отвезти его прямо къ Великому Князю, находившемуся тогда въ Хаджи-Вали.

Почти одновременно съ этою стычкой, драгуны, поднявшись на небольшую возвышенность, увидѣли три турецкіе табора съ четырьмя орудіями, которые, спустившись съ Чифтъ-Тепеси, пересѣкали визинкевскую дорогу и также направлялись къ Карсу. Очевидно, турецкая армія начинала уже отступленіе. Драгуны ринулись въ карьеръ, смѣшали батальоны въ одну общую кучу и захватили три орудія съ полною запряжкою. Остатки разбитыхъ таборовъ, отброшенные отъ карсской дороги, кинулись въ визинкевскій люнетъ, но часть, засѣвшая въ траншеяхъ по скату горы, была изрублена драгунами. Атака была блестящая, успѣхъ былъ полный, но этотъ-то самый успѣхъ и поставилъ Нижегородскій полкъ въ такое опасное положеніе, при которомъ малѣйшее колебаніе или даже простое раздумье — немедленно влекутъ за собой пораженіе. Случилось такъ, что Нижегородцы, далеко опередившіе свою пѣхоту, очутились передъ грозною визинкевскою позиціею одни, безъ всякой поддержки, и притомъ подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ: спереди ихъ поражалъ главный люнетъ, вѣнчавшій визинкевскую гору, слѣва была небольшая горка, опоясанная траншеями въ два яруса, а справа, отъ Авліяра, наступали наши гре-

надеры, и принимая Нижегородцевъ, стоявшихъ среди турецкихъ позицій, за непріятельскую конницу, осыпали ихъ огнемъ стрѣлковыхъ цѣпей и картечными гранатами. Напрасно драгуны махали киверами, кричали ура, подавали сигналы —ничего не помогало. Тогда на встрѣчу гренадерамъ поскакалъ прапорщикъ Тургіевъ; но пока недоразумѣніе выяснилось и пальба прекратилась, полкъ уже нашелъ выходъ изъ своего отчаяннаго положенія,— и этимъ выходомъ была—безумно смѣлая кавалерійская атака на непріятельскія укрѣпленія. 2-й эскадронъ повернулъ налѣво противъ траншей, а 1-й и 4-й двинулись прямо на главный визинкевскій люнетъ.

Съ послѣдняго загремѣлъ бѣшеный огонь, но драгуны, очертя голову, перенеслись черезъ валъ на коняхъ –и укрѣпленіе въ мигъ было залито кровью и завалено трупами. То-же самое сдѣлалъ 2-й эскадронъ и захватилъ въ траншеяхъ непріятельское орудіе.

Только теперь подоспѣлъ сюда Дербентскій полкъ, все время бѣжавшій по самымъ слѣдамъ Нижегородцевъ. Солдаты едва переводили духъ отъ усталости, но были бодры, веселы и наэлектризованы успѣхомъ, котораго были свидѣтелями. Они восторженно привѣтствовали нижегородцевъ, бросая вверхъ шапки, крича ура и хлопая въ ладоши. „Эхъ, господа драгуны, работу у насъ отняли“, иронизировали другіе, смотря не безъ зависти на укрѣпленія и поля, заваленныя турецкими трупами. Но ни одни дербентцы были свидѣтелями лихой атаки драгунъ; ее видѣлъ съ высотъ Авліяра весь отрядъ Геймана, и офицеры его разсказывали потомъ, что шашечные клинки драгунъ, то поднимавшіеся, то опускавшіеся, такъ и горѣли, такъ и сверкали на солнцѣ. Вслѣдъ за дербентцами поднялась вся колонна Шелковникова и вмѣстѣ съ нею прибылъ самъ генералъ Лазаревъ.

Визинкевскія высоты были взяты.

Теперь войска генераловъ Лазарева и Геймана со-

шлись на визинкевскихъ горахъ и сюда-же съѣхались всѣ наши военноначальники. Турецкая армія, разрѣзанная на двѣ части, или бѣжала въ Карсъ, гдѣ гибла на дорогѣ подъ ударами нашей конницы, или же стояла на Аладжѣ, не смѣя спуститься на Карсскую равнину, уже занятую нашими войсками. Надо сказать, что еще наканунѣ, немедленно по окончаніи боя 2-го октября, Мухтаръ паша, лично распоряжавшійся имъ съ позиціи на Чифтъ-Тепеси, ночью возвратился въ свою главную квартиру и, собравъ военный совѣтъ, объявилъ, что непріятель уже обошелъ тылъ арміи, и что послѣдствія сегодняшняго боя, онъ признаетъ настолько серьезными, что ему остается одно—немедленно отступить съ аладжинской позиціи къ Карсу. Ночью были отправлены туда всѣ турецкіе обозы, а за ними должны были двигаться войска; но благопріятная минута для этого уже была пропущена. Правда, пока бой шелъ еще на Авліярѣ, а войска Лазарева стояли на базарджикской позиціи, самъ Мухтаръ-Паша въ, сопровожденіи англійскаго генерала Кемпбеля и небольшой свиты, сидѣвшей на превосходныхъ коняхъ, успѣлъ промчаться въ Карсъ по долинѣ между Базарджикомъ и Визинкевымъ, но главное турецкое знамя, отправленное вслѣдъ за нимъ, и первые три батальона, попытавшіеся спуститься съ Чифтъ-Тепеси, чтобы начать отступленіе, попали, какъ мы уже знаемъ, въ руки драгунъ. Батальоны были истреблены, а знамя и четыре орудія увеличили собою число русскихъ трофеевъ. Отступать туркамъ было уже некуда, и корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, послѣ короткаго совѣщанія съ генералами Лазаревымъ и Гейманомъ, двинулъ отъ Визинкева большую часть войскъ къ Чифтъ-Тепеси, куда отступали, и гдѣ группировались теперь всѣ турецкіе таборы, съ утра тѣснимые съ аладжинскихъ позицій войсками генерала Роопа. Такимъ образомъ, здѣсь собра-

лись теперь три турецкія дивизіи. Войска Лазарева и Геймана окружили подножье Чифтъ-Тепеси и никому не позволяли спуститься на равнину. Одинъ только отважный Мусса Кундуховъ, (бывшій генералъ русской службы), пользуясь сумерками, успѣлъ проскочить съ своими четырьмя батальонами къ югу на Кагызманъ и увезъ съ собою четыре полевыя орудія. У остальныхъ турецкихъ пашей недостало для этого ни мужества, ни искусства.

Такъ какъ время клонилось уже къ вечеру, то, опасаясь, что, съ наступленіемъ ночи, непріятель не попытался бы прорваться, по примѣру Кундухова, Лазаревъ приказалъ колоннѣ генерала Гурчина идти на приступъ. Но колонна еще не достигла сферы непріятельскаго огня, какъ турки выкинули бѣлый флагъ и къ Гурчину подъѣхалъ майоръ Рифадъ-бей, въ сопровожденіи офицера и трубача, прося остановить атаку. Огонь по всей турецкой линіи уже прекратился. Колонна наша также остановилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Лазаревъ, принявшій Рифадъ-бея, тотчасъ отправилъ его назадъ съ запиской, чтобы паши немедленно явились къ нему, а турки свезли орудія и спустили бы свои обезоруженные батальоны на равнину. „Это рѣшительно невозможно, отвѣчалъ Решидъ паша, выслушавъ Рифадъ-бея, и отправилъ его обратно къ Лазареву съ слѣдующею запискою: „Старшій изъ насъ, пашей, уже отправился къ главнокомандующему съ предложеніемъ нашихъ условій. Просимъ позволенія дождаться отвѣта". Лазаревъ задержалъ Рифадъ-бея у себя, и турецкій офицеръ ночевалъ вмѣстѣ съ нимъ у бивуачнаго костра, разведеннаго на высокомъ отрогѣ горы Чифтъ-Тепеси. Между тѣмъ главнокомандующій, направляясь черезъ поле сраженія, мимо Авліяра, прибылъ на Везинкевскія высоты, гдѣ и получилъ извѣстіе о сдачѣ турецкой арміи. Корпусный командиръ тотчасъ поскакалъ къ войскамъ генерала Роопа, и тамъ при свѣтѣ плохого огарка, въ

простой телѣгѣ, подписанъ былъ актъ о сдачѣ, въ силу котораго Омаръ-паша сдалъ нашимъ войскамъ 27 батальоновъ, въ томъ числѣ семь пашей, 264 офицера, 6084 нижнихъ чиновъ и 35 полевыхъ орудій. Все оружіе, всѣ боевые запасы и громадные обозы остались въ нашихъ рукахъ; только офицерамъ сохранено было ихъ частное имущество, и главнокомандующій приказалъ возвратить имъ шпаги.

Такъ блистательно закончился бой 3-го Октября и непосредственнымъ послѣдствіемъ его является вторичная осада Карса и движеніе русскихъ войскъ за Саганлугъ къ Арзеруму.

Трудное обходное движеніе, выполненное Лазаревымъ съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ, и рѣшившее, можно сказать, участь турецкой арміи, сдѣлало имя его извѣстнымъ не только въ цѣлой Россіи, но и во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, гдѣ живо интересовались судьбою компаніи на мало-азіатскомъ театрѣ войны. Даже вѣнскія, туркофильскія газеты искренно и съ восторженными похвалами отозвались о мастерски исполненномъ маневрѣ, и особенно объ искусно веденномъ боѣ 2-го числа, положившемъ начало разгрому арміи Мухтара. Изъ русскихъ губерній Лазаревъ также получилъ массу поздравительныхъ телеграммъ. Мы приведемъ одну изъ нихъ, случайно найденную нами въ бумагахъ покойнаго генерала.

Въ главную квартиру дѣйствующей арміи генералу Лазареву.

По уполномочію Самарскаго земскаго собранія имѣю честь поздравить, ваше превосходительство, какъ героя побѣды, одержанной 3-го октября надъ арміею Мухтара-паши. Предсѣдатель Собранія, губернскій предводитель дворянства Мордвиновъ.

Государь Императоръ пожаловалъ Лазареву орденъ Св. Георгія 3-го класса.

Глава XXIV.

(1877)

Назначеніе Лазарева начальникомъ Карсскаго отряда.—Рѣшеніе его продолжать осаду.—Расположеніе блокадныхъ отрядовъ.—Устройство осадныхъ батарей и бой 24-го октября.—Занятіе нами Хафиза.—Военный совѣтъ передъ штурмомъ.—Предварительныя распоряженія Лазарева.—Подъемъ въ войскахъ нравственнаго духа.—Диспозиція Лазарева.

Бѣжавшая съ авліярскихъ высотъ, разбитая анатолійская армія ушла за Саганлугъ, и грозный Карсъ лицомъ къ лицу остался одинъ передъ главными силами дѣйствующаго корпуса. Но обстоятельства заставили насъ раздѣлить эти силы на два отряда: одинъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, двинулся по слѣдамъ бѣгущаго непріятеля за Саганлугъ, и только другой, подъ командой генералъ-лейтенанта Лазарева,—40 батальоновъ пѣхоты, 44 эскадрона и сотни и 124 орудія, всего свыше 26 тысячъ штыковъ и сабель,—долженъ былъ приступить къ блокадѣ и бомбардированію Карса. Задача ему предстояла не легкая, такъ какъ гарнизонъ этой первоклассной крѣпости простирался до 30 тысячъ, вмѣстѣ съ вооруженными жителями; и если мы превосходили его въ чемъ нибудь, то развѣ только въ численности своей кавалеріи.

Поэтому, когда на военномъ совѣтѣ, собранномъ тотчасъ послѣ авліярской побѣды, поставленъ былъ вопросъ, что предпринять противъ Карса?—то голоса раздѣлились. Многіе высказались въ пользу того, чтобы, въ виду приближающейся зимы, расположить войска на зимовыя квартиры, а осаду Карса отложить до будущаго года; другіе, напротивъ, держались того мнѣнія, что это дастъ возможность туркамъ только оправиться послѣ своихъ недавнихъ пораженій и укрѣпиться въ Карсѣ

еще сильнѣе. Всѣхъ энергичнѣе настаивалъ на послѣднемъ рѣшеніи Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ, утверждавшій, что Карсъ долженъ и можетъ быть взятъ теперь же, и что другого, болѣе удобнаго момента для насъ никогда не представится. Его убѣжденность и полная энергіи рѣчь одержали верхъ надъ всѣми остальными соображеніями—и блокада Карса была рѣшена.

6-го октября Лазаревъ переѣхалъ съ визинкевскихъ высотъ въ Мугараджикъ и отсюда произвелъ нѣсколько рекогносцировокъ, чтобы установить, по возможности, тѣсную блокаду Карса. Съ 10-го числа стали подходить войска и постепено занимать позиціи, избранныя Лазаревымъ, соотвѣтственно самому расположенію карсскихъ укрѣпленій, образовывавшихъ, какъ извѣстно, три отдѣльныя самостоятельныя группы. На лѣвомъ берегу Карсъ-чая, напротивъ Шорахскихъ высотъ, гдѣ тянулся цѣлый рядъ сильныхъ укрѣпленій: Тохмасъ-табія, Чимъ, Вели-паша и другія, расположились 14 съ $^1/_2$ батальоновъ при 52-хъ орудіяхъ, подъ командою генералъ-лейтенанта Роопа. Они облегали Карсъ съ сѣверо-запада и отрѣзывали ему всѣ сообщенія съ Арзерумомъ. По другую сторону рѣчки стоялъ отрядъ генерала Алхазова въ 20 батальоновъ при 32-хъ орудіяхъ, наблюдая съ мугараджикскаго плато за фортами: Сувари, Канлы и Хафизъ, составлявшими юго-восточную группу укрѣпленій со стороны карсской равнины. Наконецъ, въ непосредственной связи съ этимъ отрядомъ, съ сѣверо-запада, противъ Чакмахскихъ высотъ и укрѣпленій Карадага и Арабъ-табіи находилось еще пять батальоновъ и 24 орудія, подъ командой генерала Шатилова.

Въ видахъ возможно большаго стѣсненія блокады, между этими отдѣльными отрядами были поставлены вокругъ всей крѣпости кавалерійскія части, а впереди расположена сплошная линія аванпостовъ, державшая какъ гарнизонъ, такъ и жителей города, въ полномъ разобще-

ніи со внѣшнимъ міромъ. Черезъ кольцо, окружавшее Карсъ, возможно было пробраться развѣ одиночнымъ людямъ, и то съ большимъ трудомъ и опасностью. По всему было видно, говоритъ одинъ очевидецъ, что Лазаревъ, со свойственною ему энергіею, рѣшился на этотъ разъ покончить съ Карсомъ, во чтобы то ни стало. И онъ, дѣйствительно, не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью. Блокадная линія, занимавшая въ окружности болѣе 60-ти верстъ, требовала для наблюденія за нею безпрерывныхъ разъѣздовъ, и въ то время, какъ главная квартира и корпусный командиръ находились въ с. Большой Текмѣ на арзерумской дорогѣ, Лазаревъ не имѣлъ даже постояннаго мѣстопребыванія, и мы, говоритъ Шнеуръ, въ продолженіи почти цѣлаго мѣсяца вели цыганскую жизнь, которая, при отвратительной дождливой погодѣ и ночныхъ морозахъ, грозила привести на край могилы всякій не особенно крѣпкій организмъ; но Лазаревъ, не смотря на свои лѣта, выносилъ эти невзгоды замѣчательно бодро.

Съ установленіемъ блокады Карса, на сцену, естественно, выступилъ другой вопросъ, какимъ путемъ овладѣть крѣпостію: блокадой, правильною ли систематическою осадой, или, наконецъ, штурмомъ. Лазаревъ былъ сторонникомъ штурма, и настойчиво доказывалъ его необходимость. „Блокада Муравьева, говорилъ онъ, имѣла большое значеніе въ то время, потому что въ крѣпости не было продовольствія. Теперь весь городъ переполненъ запасами, и турки не нуждаются въ доставкѣ ихъ извнѣ. О правильной осадѣ нечего и думать: она затянется, и конца ея нельзя даже предвидѣть, а между тѣмъ наступитъ зима, и мы отъ болѣзней потеряемъ вдвое и втрое больше людей, чѣмъ на самомъ кровопролитномъ приступѣ“. Единственная уступка, которую онъ дѣлалъ, заключалась въ непродолжительномъ бомбардированіи крѣпости изъ осадныхъ орудій, съ цѣлью ослабить нѣкоторые верки, и тѣмъ облегчить штурму-

ющихъ. Онъ даже намѣтилъ главные пункты атаки. Это была юго-восточная группа укрѣпленій, расположенная внизу на равнинной мѣстности. Стратегическое значеніе этой группы было слабѣе другихъ, такъ какъ даже при удачномъ штурмѣ, мы неминуемо очутились бы во взятыхъ укрѣпленіяхъ подъ перекрестнымъ огнемъ съ батарей Карадага и Шорахскихъ высотъ. Но за то эта группа укрѣпленій была гораздо доступнѣе прочихъ; по взятіи ея, мы легко проникали въ городъ и, овладѣвши всѣми его запасами и самою цитаделью, ставили грозныя высоты Карадага и Шораха въ такое изолированное положеніе, при которомъ они не могли держаться. Рѣшеніе это, энергично поддержанное самимъ корпуснымъ командиромъ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ, принято было большинствомъ голосовъ, и теперь оставалось назначить только самый день штурма.

Между тѣмъ, въ ожиданіи осадной артиллеріи, за которою послали въ Александрополь, Лазаревъ устроилъ близъ верхняго Караджурана батарею изъ четырехъ дальнобойныхъ орудій, съ цѣлью предварительно разрушить оборонительныя казармы въ южныхъ укрѣпленіяхъ и дѣйствовать по цитадели. Но эта первая канонада вызвала турокъ на такую энергическую мѣру, которая ясно опровергла слухъ, ходившій у насъ, объ упадкѣ духа въ карсскомъ гарнизонѣ: непріятель съ замѣчательною смѣлостью выдвинулъ противъ нашихъ дальнобойныхъ орудій полевую батарею, помѣстивъ ее въ двухъ верстахъ отъ Хафиза, и своимъ безпрерывнымъ огнемъ не только значительно ослабилъ наше бомбардированіе, но и стѣснилъ весь кругъ нашихъ дѣйствій въ извѣстномъ районѣ. Лазаревъ задумалъ было овладѣть этою батарейкой посредствомъ ночнаго нападенія, но въ главной квартирѣ не дали на это разрѣшенія, вѣроятно, считая все это дѣло не достаточно серьезнымъ въ данное время.

На другой день, 23 октября, прибыли къ намъ 48 осадныхъ орудій. Лазаревъ съ ранняго утра былъ уже на конѣ и вмѣстѣ съ начальникомъ инженеровъ осматривалъ и рекогносцировалъ мѣстность для закладки батарей на нашемъ лѣвомъ флангѣ, противъ Мугараджика. Самымъ выгоднымъ пунктомъ, удобнымъ для дѣйствія по укрѣпленію Канлы и по сосѣднимъ траншеямъ, признавалась д. Караджуранъ, занятая однако турецкими аванпостами, располагавшимися здѣсь по гребню довольно пологаго отрога. Съ наступленіемъ сумерекъ, Лазаревъ выслалъ сюда нѣсколько батальоновъ, которые отбросили турецкіе посты и, не смотря на сильный огонь какъ съ форта, такъ и подоспѣвшихъ турецкихъ подкрѣпленій, утвердились на гребнѣ. Къ свѣту здѣсь уже стояли три батареи, и каждая изъ нихъ была вооружена четырьмя осадными орудіями.

На другой день, 24 числа, назначено было произвести подобное же нападеніе на турецкіе аванпосты на нашемъ правомъ флангѣ, съ тѣмъ, чтобы поставить батареи противъ Хафиза; но здѣсь турки давно уже имѣли свою батарею, о которой сказано выше, и для прикрытія которой держались въ полѣ значительныя силы. По этому, предвидя, что бой будетъ серьезный, Лазаревъ поручилъ вести атаку лично генералу Алхазову, въ распоряженіе котораго назначено было три батальона изъ мугараджикскаго и два батальона изъ визинкевскаго лагерей. Но прежде, чѣмъ эта колонна успѣла собраться, турки сдѣлали отчаянную вылазку противъ Караджурана, чтобы заставить насъ снять осадныя батареи, понимая, что усиленное бомбардированіе ихъ верковъ можетъ значительно ускорить паденіе крѣпости. Всѣ крѣпостные форты, которые могли только направить сюда свой огонь, сосредоточили его на нашу лѣвую позицію. Между тѣмъ турецкая пѣхота, вышедшая изъ крѣпости въ значительныхъ силахъ, перешла въ рѣшительное

наступленіе. Четыре батальона, оставленные нами для защиты батарей, очутились въ весьма опасномъ положеніи, такъ какъ, выдвинутые далеко впередъ отъ нашего лагеря, они не могли расчитывать на скорую помощь и не могли отступить, связанные тяжелыми орудіями, не имѣвшими запряжки. Къ счастью, турки не рѣшились на штурмъ, понадѣявшись исключительно на свой, дѣйствительно, ужасный огонь, и тѣмъ дали время прибыть нашимъ подкрѣпленіямъ. Это были два батальона имеретинцевъ, подъ командою полковника Карасева. Онъ тотчасъ перешелъ въ наступленіе и, послѣ горячей схватки, отбросилъ турокъ обратно къ Карсу.

Бой на лѣвомъ флангѣ былъ уже въ полномъ разгарѣ, когда колонна Алхазова только въ 4 часа пополудни сосредоточилась, наконецъ, на указанныхъ мѣстахъ, противъ Хафиза. Три батальона, подъ личною командой генерала, двинулись прямо на батарею; два батальона Кутаисскаго полка, пришедшіе изъ Визинкева, подъ командой своего командира полковника Фадѣева, обходили ее справа. Подъ сильнымъ крѣпостнымъ огнемъ послѣдняя колонна приняла значительно въ сторону и скоро потеряла изъ виду своихъ товарищей. Стемнѣло совершенно; пальба, гремѣвшая влѣво отъ нея у батарейки, стала отодвигаться назадъ и затѣмъ смолкла. Офицеръ, посланный разыскать Кутаисцевъ, не нашелъ ихъ и вернулся назадъ. А кутаисцы, между тѣмъ, не получая приказанія отступить, все идутъ и идутъ впередъ, подъ страшнымъ огнемъ непріятельскихъ верковъ. Но вотъ, во мракѣ осенней ночи передъ ними вырисовался темный силуэтъ какого то форта. Это Хафизъ. Вдругъ грянуло ура:—и два батальона, перескочивъ черезъ брустверъ, внезапно ворвались въ укрѣпленіе. Часть гарни зона бѣжала; другая, запершаяся въ казармѣ, была перебита или положила оружіе. Въ Карсѣ поднялась тревога. Какой-то таборъ бросился было отбивать у насъ

укрѣпленіе, но легъ подъ штыками. За однимъ табо-ромъ послѣдовали однако нѣсколько другихъ. Турки штурмовали теперь собственное свое укрѣпленіе, но самыя бѣшеныя атаки ихъ были отбиты, —Хафизъ остался за нами. Между тѣмъ приближался уже разсвѣтъ, и Фадѣевъ, не получая ни откуда никакихъ извѣстій, приказалъ заклепать и испортить всѣ турецкія орудія, собралъ плѣнныхъ и, покинувъ фортъ, заваленный турецкими тѣлами, сталъ отступать къ лагерю. Паника у турокъ была такъ велика, что его никто не преслѣдовалъ. Кутаисцы потеряли всего до 50 человѣкъ, но принесли съ собою кавалерійскій штандартъ, захваченный въ Хафизѣ, замки отъ орудій и привели 10 офицеровъ и 70 нижнихъ чиновъ плѣнными.

Въ лагерѣ у насъ, между тѣмъ, всѣ находились въ крайнемъ безпокойствѣ, не зная, куда дѣвались цѣлые два баталіона. Алхазовъ замѣтилъ ихъ отсутствіе только тогда, когда батарея была взята, и турки отступили къ Карсу. Лазаревъ, тревожась за участь батальоновъ, разослалъ разыскивать ихъ всѣхъ своихъ ординарцевъ. Но такъ какъ ни кому не приходило въ голову искать ихъ въ Хафизѣ, то кутаисцевъ нигдѣ не нашли. Явилось предположеніе, что они сбились съ дороги и вернулись въ лагерь. Послали въ Визинкевъ,—но тамъ о нихъ также ничего не знали, и только по утру, съ возвращеніемъ Фадѣева, разъяснилось, наконецъ, гдѣ они были. Когда стало извѣстно, что Хафизъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ находился въ нашихъ рукахъ, сожалѣніямъ Лазарева не было конца. „Если бы только я зналъ это, говорилъ онъ, я бы бросилъ въ бой всѣ войска, и теперь мы были бы уже въ Карсѣ“. Къ сожалѣнію, люди, посланные Фадѣевымъ изъ Хафиза, сбились ночью съ дороги и не могли розыскать ни Лазарева, ни Алхазова. Иванъ Давыдовичъ вполнѣ оцѣнилъ молодецкое дѣло кутаисцевъ, и первый поздравилъ Фадѣева.

Черезъ нѣсколько дней, 28-го октября, всѣ наши осадныя батареи были докончены и началось усиленное бомбардированіе фортовъ. По словамъ лазутчиковъ, опустошенія, вносимыя въ городъ, были до того значительны, что изъ предмѣстья Байрамъ-паша пришлось всѣхъ жителей перевести въ отдаленные кварталы. Въ городѣ царилъ общій ропотъ. Выборные отъ народа приходили къ коменданту, требуя, чтобы онъ вышелъ съ гарнизономъ изъ крѣпости; но паша объявилъ, что будетъ держаться до послѣдняго человѣка, а чтобы прекратить всякіе толки, приказалъ нѣсколько человѣкъ, изъ числа наиболѣе шумѣвшихъ, повѣсить на базарѣ.

Но такъ или иначе, а дѣло приближалось къ развязкѣ. Блестящій подвигъ кутаисцевъ доказалъ на дѣлѣ насколько были правы сторонники штурма, и 28-го октября Лазаревъ былъ вызванъ въ Веранъ-Кале, куда перемѣстилась главная квартира, для окончательнаго обсужденія этого вопроса. Штурмъ назначенъ былъ въ ночь съ 1-го на 2-е ноября. Мысль о назначеніи ночного штурма вызвала было въ военномъ совѣтѣ оживленные споры, но, въ концѣ концовъ, всѣ согласились съ доводами Лазарева, ставившаго ночь однимъ изъ главныхъ условій успѣха. Тогда же, по его непосредственнымъ указаніямъ, составлена была диспозиція, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ:

Три штурмовыя колонны назначаются для овладѣнія южными карсскими фортами: 1) колонна генерала Алхазова идетъ на Хафизъ, 2) колонны генерала Граббе и полковника Вождакина атакуютъ Канлы и 3) колонна подполковника Меликова беретъ Сувари и затѣмъ, перейдя на лѣвый берегъ Карсъ-чая, атакуетъ вмѣстѣ съ войсками генерала Комарова укрѣпленіе Чимъ. Непосредственнное руководство этими тремя штурмовыми колоннами принялъ на себя начальникъ Карсскаго отряда генералъ Лазаревъ. На этомъ особенно настаивалъ

корпусный командиръ, признававшій за Лазаревымъ, помимо его несомнѣнныхъ боевыхъ достоинствъ, еще особое военное счастіе. Но за Лазаревымъ была еще и другая цѣнная черта—онъ не признавалъ отступленія. И когда было обращено вниманіе генерала Лазарева, что въ его диспозиціи нѣтъ указанія „относительно порядка отступленія“, онъ рѣшительно сказалъ „что отступать не будетъ“.

Затѣмъ генералъ Роопъ, выдѣливъ отъ себя колонну Комарова для овладѣнія Чимомъ, демонстрируетъ съ остальными войсками противъ шорахскихъ укрѣпленій, а генералъ Шатиловъ—противъ Арабъ-табіи и Карадага.

—Ну слава Богу! говорили въ войскахъ, когда узнали, что руководство штурмовыми колоннами возложенно на Лазарева: теперь половина дѣла уже сдѣлана“... До того вѣра и любовь къ нему солдатъ была велика, справедливо замѣчаетъ Мещерскій.

1-го ноября съ утра погода стояла ненастная; моросилъ мелкій холодный дождь, а къ полудню повалилъ снѣгъ, который быстро таялъ и образовывалъ такую липкую грязь, что движенія пѣхоты становились крайне затруднительными. Въ добавокъ, съ наступленіемъ сумерекъ, спустился такой густой туманъ, что даже въ близкомъ разстояніи нельзя было различать предметовъ. Не смотря на то, войска уже были готовы и ожидали только приказанія выступить. Отрядная квартира Лазарева находилась тогда въ верхнемъ Караджуранѣ; вечеромъ онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ колоннъ, и послѣ совѣщанія съ ними, пришелъ къ убѣжденію что въ такую погоду предпринимать штурма не возможно. Въ 11 часовъ ночи онъ послалъ объ этомъ телеграмму къ корпусному командиру, который немедленно доложилъ ее главнокомандующему,—и штурмъ былъ отложенъ до болѣе благопріятнаго времени.

Началось опять усиленное бомбардированіе крѣпости,

а между тѣмъ войска, оставленныя на своихъ позиціяхъ, стояли въ полной готовности къ движенію по первому приказанію. Охотники по ночамъ пробирались сквозь непріятельскіе аванпосты, чтобы лучше ознакомиться со всѣми подступами къ карсскимъ укрѣпленіямъ; съ ними ходили и проводники, назначенные въ каждую колонну по два: одинъ армянинъ и одинъ турокъ, которые могли бы контролировать другъ друга. Такимъ образомъ, всѣ обстоятельства штурма были строго обдуманы, всѣ необходимыя мѣры приняты, а между тѣмъ погода послѣ ненастныхъ дней стала разъясняться, и размокшій отъ дождей грунтъ окрѣпъ настолько, что пѣхота могла двигаться по немъ уже безъ затрудненія. Ночи были лунныя. Вечеромъ 3 ноября, въ палаткѣ генерала Лазарева собрались нѣкоторые изъ начальствующихъ лицъ. Бесѣда шла о предстоящемъ штурмѣ, и у Лазарева окончательно сложилось убѣжденіе о необходимости воспользоваться изморозью и лунными ночами, какъ обстоятельствами благопріятствующими штурму. Лунныя ночи удобны для оріентированія, но недостаточно свѣтлы для обнаруженія нашихъ движеній съ дальняго разстоянія. Объ этомъ Лазаревъ поручилъ генералу Гурчину сообщить въ главную квартиру. Вслѣдствіе сего штурмъ былъ назначенъ съ 5-го на 6-е ноября.

Оставалось еще два дня, и Лазаревъ, какъ опытный вождь, воспользовался ими, чтобы наэлектризовать войска и поднять въ нихъ духъ и нравственныя силы на высокую степень. Для этого онъ испросилъ разрѣшеніе раздать георгіевскіе кресты всѣмъ нижнимъ чинамъ, отличившимся въ предшествовавшихъ дѣлахъ, и еще не успѣвшимъ получить заслуженныхъ ими отличій. Ихъ было около тысячи человѣкъ. Весь вечеръ 4-го числа и все утра 5-го Лазаревъ самъ раздавалъ эти кресты въ присутствіи всѣхъ нижнихъ чиновъ, запросто толпившихся возлѣ походной ставки. Навѣшивая крестъ,

Лазаревъ цѣловалъ каждаго кавалера, и каждому желалъ перемѣнить на предстоящемъ штурмѣ этотъ крестъ на высшую степень. Солдаты встрѣчали новыхъ кавалеровъ дружнымъ ура!—и, конечно, вся эта торжественная обстановка, весь этотъ военный праздникъ не остались безъ вліянія на нихъ при послѣдовавшихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыя они не разъ попадали при штурмѣ. Никто изъ присутствовавшихъ и не подозрѣвалъ, что штурмъ будетъ въ эту же самую ночь. Рѣшеніе это хранилось въ величайшей тайнѣ. А между тѣмъ, пока раздавались кресты, въ Караджуранѣ устраивался уже главный перевязочный пунктъ, и штабные офицеры спѣшно переписывали копіи съ окончательной диспозиціи, которая къ полудню была получена уже во всѣхъ частяхъ, вмѣстѣ съ приказаніемъ раздать сухари и патроны.

Вотъ въ чемъ заключалась эта окончательная диспозиція, составленная и подписанная Лазаревымъ.

§ 1.

Въ измѣненіе прежней диспозиціи, согласно предписанію корпуснаго командира, составъ и назначеніе ввѣренныхъ мнѣ колоннъ опредѣляются слѣдующія:

1) Колонна генералъ-маіора Комарова, въ составѣ трехъ батальоновъ Пятигорскаго полка, трехъ батальоновъ Ростовскаго гренадерскаго полка и полубатареи 6-й батареи 39-й артиллерійской бригады, назначается для атаки укрѣпленія Чимъ. Для этого колонна генералъ-маіора Комарова со сборнаго пункта слѣдуетъ арзерумской дорогой, по лѣвому берегу Карсъ-чая и, подойдя къ Армянскому предмѣстью и, свернувъ влѣво на гору, овладѣваетъ укрѣпленіемъ Чимъ съ тыла.

2) Колонна подполковника князя Меликова, изъ 4-го стрѣлковаго батальона и двухъ батальоновъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, слѣдуетъ по правому берегу Карсъ-чая, мимо Кичикъ-кея, къ укрѣпленію Сувари-табія и

овладѣваетъ имъ, стараясь зайти также въ тылъ. Колонна эта, по овладѣніи укрѣпленіемъ Сувари, немедленно слѣдуетъ сначала по правому берегу Карсъ-чая, затѣмъ переходитъ рѣку и присоединяется къ колоннѣ генералъ-маіора Комарова близъ укрѣпленія Чимъ.

3) Колонна генералъ-маіора графа Граббе, въ составѣ трехъ батальоновъ Перновскаго гренадерскаго полка, батальона Севастопольскаго полка и 1-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона.

4) Колонна полковника Вождакина: три батальона Севастопольскаго полка и два батальона Имеретинскаго полка.

Послѣднія двѣ колонны, 3-я и 4-я, назначаются для овладѣнія укрѣпленіемъ Канлы.

5) Колонна генералъ-маіора Алхазова, три батальона Кутаисскаго и два Владикавказскаго пѣхотныхъ полковъ, назначается для овладѣнія укрѣпленіемъ Хафизъ-паша.

Общій резервъ, два батальона Владикавказскаго полка, слѣдуетъ за колонной генерала Алхазова, подъ начальствомъ старшаго изъ батальонныхъ командировъ.

Въ прикрытіе осадныхъ батарей—батальонъ Имеретинскаго полка.

§ 2.

Начальство надъ всѣми войсками, дѣйствующими на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, а также и надъ колонной генералъ-маіора Комарова и князя Меликова, по присоединенію ея къ первой колоннѣ, поручаю генералъ-лейтенанту Роопу.

Войска, дѣйствующія на правомъ берегу Карсъ-чая, за исключеніемъ отряда генералъ-лейтенанта Шатилова, находятся подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ.

§ 3.

Войска колонны генералъ-маіора Комарова, вмѣстѣ

съ колонной князя Меликова, по овладѣніи укрѣпленіемъ Чимомъ, по усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Роопа, оставляютъ часть войскъ въ означенномъ укрѣпленіи, а другою занимаютъ часть города по лѣвому берегу Карсъ-чая. Въ укрѣпленіи Сувари отъ колонны князя Меликова оставить одну роту пѣхоты.

Колонны графа Граббе и полковника Вождакина по овладѣніи укрѣпленіемъ Канлы, подъ общимъ начальствомъ перваго, оставивъ въ занятомъ укрѣпленіи два батальона, занимаютъ лѣвую часть города (по своей рукѣ) по правому берегу рѣки, между озеромъ и базаромъ съ одной стороны и рѣкою съ другой.

Колонна генералъ-маіора Алхазова, оставивъ также въ укрѣпленіи Хафизѣ два батальона, занимаетъ правую часть города (по своей рукѣ) между озеромъ и базаромъ съ одной стороны, и цитаделью съ другой.

Войскамъ, по овладѣніи укрѣпленіями, слѣдовать для занятія города лишь по моему приказанію, но при этомъ не стѣсняю начальниковъ колоннъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ идти въ городъ немедленно по овладѣніи даннымъ укрѣпленіемъ.

§ 4.

Полевыя батареи распредѣляются такъ:

Къ колоннѣ генералъ-маіора Комарова: 1-я батарея гренадерской бригады, полубатарея 5-й батареи 38-й бригады и четыре горныя орудія 6-й батареи 39-й артиллерійской бригады, всего 16 орудій.

Къ колоннѣ графа Граббе: 2-я батарея гренадерской бригады.

Къ колоннѣ полковника Вождакина: 3-я батарея 38-й артиллерійской бригады.

Въ колонну генералъ-маіора Алхазова: 6-я батарея 19-й артиллерійской бригады.

Въ резервѣ 1-я батарея 40-й бригады.

При осадныхъ батареяхъ средней группы остается 5-я батарея 40-й бригады.

Полевая артиллерія съ войсками не слѣдуетъ, а остается на сборныхъ пунктахъ, подъ прикрытіемъ на каждомъ пунктѣ батальона отъ своей колонны. Съ разсвѣтомъ, по полученіи приказаній отъ начальниковъ колоннъ, батареи придвигаются къ тѣмъ укрѣпленіямъ, которыя заняты войсками тѣхъ колоннъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ. Батальоны, ихъ прикрывающіе, по прибытіи къ укрѣпленіямъ, если обстоятельства потребуютъ, по полученіи приказаній, слѣдуютъ въ городъ на присоединеніе къ своимъ колоннамъ.

§ 5.

Роты 3-го сапернаго батальона распредѣляются такъ: рота въ колонну графа Граббе; полурота въ колонну полковника Вождакина; рота въ колонну генералъ-маіора Алхазова, полурота въ колонну князя Меликова и рота къ войскамъ генерала Роопа, отъ которой 20 человѣкъ назначить къ отряду генералъ-лейтенанта Шатилова.

Въ каждой саперной части имѣть команды съ динамитными патронами. Саперамъ имѣть съ собою также земляные мѣшки и ломы.

§ 6.

При каждой колоннѣ имѣть по десяти человѣкъ артиллеристовъ отъ тѣхъ полевыхъ батарей, которыя назначены въ составъ колоннъ, согласно настоящей диспозиціи. Артиллеристамъ имѣть съ собою ерши и молотки для порчи орудій, въ случаѣ надобности. Озаботиться объ этомъ предоставляется начальнику артиллеріи отряда полковнику Бернгарду.

§ 7.

Съ началомъ атаки нижнихъ укрѣпленій часть войскъ колонны генералъ-лейтенанта Роопа и колонны гене-

ралъ-лейтенанта Шатилова демонстрируютъ—первая противъ Шорахскихъ укрѣпленій, а вторая противъ Карадагскихъ. Демонстрація, по возможности, должна быть настолько успѣшна, чтобы задержать войска, защищающія тѣ укрѣпленія, противъ которыхъ она будетъ ведена, на своихъ мѣстахъ.

§ 8.

При колоннахъ 2-й, 3-й и 5-й, назначенныхъ для атаки укрѣпленій юго-восточной стороны, имѣть по одному станку для сигнальныхъ ракетъ, а Чимской колоннѣ два станка. При занятіи укрѣпленія Сувари пускаются двѣ ракеты, по овладѣніи Канлы,—три, Хафиза – четыре ракеты, и по овладѣніи Чимомъ—двѣ ракеты, пущенныя одновременно.

§ 9.

Всѣмъ колоннамъ взять съ собою семнадцать штурмовыхъ лѣстницъ, принявъ ихъ въ селеніи Верхній Караджуранъ отъ командира Имеретинскаго полка.

§ 10.

Въ каждой колоннѣ вызвать команды охотниковъ, которые должны слѣдовать во главѣ колоннъ.

§ 11.

При слѣдованіи колоннъ со сборныхъ пунктовъ строжайше воспрещается: куреніе, громкій разговоръ и вообще всякій шумъ, а также воспрещается имѣть съ собою собакъ. Лошадей въ каждой колоннѣ разрѣшается имѣть позади частныхъ резервовъ. Строжайше воспрещается подавать въ колоннахъ сигналы на рожкахъ. Во всѣхъ колоннахъ полковые хоры музыки слѣдуютъ за колоннами.

§ 12.

Колоннамъ по приближеніи къ непріятельскому расположенію слѣдовать какъ можно быстрѣе. Огня не открывать, и на непріятельскій не отвѣчать.

§ 13.

По занятіи непріятельскихъ фортовъ, города и лагерей, людямъ строго воспрещается расходиться за добычею. Съ замѣченныхъ въ томъ будетъ взыскано по всей строгости законовъ. Командиры батальоновъ отвѣтствуютъ за выходъ людей изъ фронта, а начальники колоннъ за всякій безпорядокъ, произведенный въ ихъ колоннахъ.

§ 14.

Въ каждую колонну назначить, по распоряженію маіора князя Чавчавадзе, по 10 казаковъ при расторопномъ урядникѣ для отправки донесеній. Казакамъ слѣдовать позади колоннъ.

§ 15.

Каждой части взять съ собою патронные ящики, которымъ слѣдовать при частномъ резервѣ каждой колонны.

§ 16.

Паркамъ для пѣхотныхъ частей колоннъ 3, 4, 5 и резерва находиться въ селеніи Верхній Караджуранъ.

Парки для снабженія батарей—по назначенію начальника артиллеріи отряда.

Назначеніе мѣстъ для парковъ 1-й и 2-й колонны предоставляется усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Роопа, а въ Мацринской колоннѣ – генералъ-лейтенанта Шатилова.

§ 17.

Для относа раненыхъ людямъ изъ фронта не выхо-

дить, а для этого имѣть въ каждомъ батальонѣ санитарныя команды, о чемъ озаботиться полковымъ медикамъ.

§ 18.

Перевязочный пунктъ для колоннъ, дѣйствующихъ на правомъ берегу Карсъ-чая, кромѣ колонны генералъ-лейтенанта Шатилова, назначается въ селеніи Верхній Караджуранъ, а для другихъ колоннъ, по назначенію генераловъ Роопа и Шатилова.

Фургоны для перевозки раненыхъ слѣдуютъ позади частныхъ резервовъ каждой колонны. Дивизіонный же лазаретъ 1-й гренадерской дивизіи располагается въ с. Азаткевъ.

§ 19.

Людямъ слѣдовать безъ ранцевъ и имѣть при себѣ на одни сутки сухарей и по два фунта варенаго мяса на человѣка.

§ 20.

Сборные пункты для штурмовыхъ колоннъ назначаются: для колоннъ графа Граббе и полковника Вождакина - въ д. Верхній Караджуранъ; для колонны генералъ-маіора Алхазова - верстахъ въ двухъ позади правофланговой группы батарей № 10, 11, 12 и 13. Общій резервъ собирается здѣсь же, близъ колонны генерала Алхазова.

Сборный пунктъ для колоннъ генералъ-маіора Комарова и князя Меликова назначается генералъ-лейтенантомъ Роопомъ; равнымъ образомъ генералъ-лейтенантъ Шатиловъ назначаетъ сборный пунктъ для своей колонны по своему усмотрѣнію.

§ 21.

Со сборныхъ пунктовъ штурмовымъ колоннамъ 1-й

и 2-й выступить сегодня, 5-го ноября, въ 7 часовъ вечера, а 3, 4 и 5 въ 8 часовъ вечера же.

§ 22.

Палатокъ не снимать и лагеремъ оставаться на своихъ мѣстахъ.

§ 23.

Я буду находиться съ началомъ движенія колоннъ у средней группы батарей, именно у № 6, а потомъ при Канлинской колоннѣ.

§ 24.

Временно состоящіе при мнѣ подполковникъ Едигаровъ, капитанъ Чарковскій и штабсъ-капитанъ Завріевъ назначаются первые два состоять при мнѣ, а послѣдній при колоннѣ генерала Алхазова.

§ 25.

Проводники и переводчики въ каждую колонну назначаются по приложенному списку.

§ 26.

Кавалерія, бывшая въ отрядѣ генералъ-маіора Комарова и князя Щербатова, распредѣляется по усмотрѣнію генералъ-лейтенанта Роопа и развиваетъ возможно рѣшительныя дѣйствія, подъ руководствомъ начальника кавалеріи генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе. *)

1-я сводная кавалерійская дивизія располагается у

Составъ этой кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Щербатова, слѣдующій: Нижегородскаго драгунскаго полка 2 э., Сѣверскаго полка 2 э., 1-й Кизляро-Гребенскій полкъ 4 сот., 1-го Полтавскаго коннаго полка $2^1/_2$ сот., 7 Оренбургскаго казачьяго полка 3 сот., 2 Астраханскаго казачьяго полка 4 сот., Ахалцыхскаго конно-иррегулярнаго полка 2 сот. Всего 4 эскадрона и $15^1/_2$ сотенъ. Кавалерія эта прикрываетъ большую Арзерумскую дорогу и располагается у с. Кюмбетъ, занимая отдѣльными частями Чавтликай и Бозгалы.

селенія Чахмауръ для наблюденія за дорогами черезъ Самоватъ на Арзерумъ и Ардаганъ. Но, независимо отъ этого, она развиваетъ усиленныя демонстративныя дѣйствія противъ укрѣпленій Чакмахскихъ высотъ, и при удобномъ случаѣ, если окажется возможнымъ, занимаетъ которое нибудь изъ нихъ *).

Кавалерія, бывшаго отряда генерала Алхазова, сосредоточивается къ 7 часамъ вечера у с. Верхній Караджуранъ, подъ начальствомъ маіора князя Чавчавадзе, а затѣмъ слѣдуетъ далѣе по рѣкѣ Карсъ-чаю, и, остановившись выше Кичикъ-Кевскаго моста, дѣйствуетъ по моему личному указанію **).

Аванпосты въ излишнихъ мѣстахъ снять и сосредоточить въ с. Чахмауръ подъ начальствомъ командующаго 1-й кавалерійскою дивизіею.

Посты летучей почты остаются на своихъ мѣстахъ.

§ 27.

Главный резервъ, въ составѣ трехъ батальоновъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка, 5 и 6-й батарей 1-й гренадерской артиллерійской бригады, дивизіона Сѣверскаго драгунскаго полка и 2-й конной Кубанской батареи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дена, располагается въ с. Камацуръ.

Двѣ роты изъ главнаго резерва отъ Екатеринославскаго полка назначаются въ с. Веранъ-Кала для охра-

*) Первая сводная кавалерійская дивизія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шереметева: Тверской драгунскій полкъ 4 эс., 1-й Кубанскій казачій полкъ 6 сот., 2 Владикавказскаго казачьяго полка 4 сот., Ейскаго казачьяго полка 1 сот., и при ней 2-я Кубанская конная батарея. Всего 4 эскадрона, 11 сотенъ и 8 орудій.

**) Подъ командой маіора князя Чавчавадзе состояли слѣдующія части: 3-й Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ 4 сот., 2 Волжскаго казачьяго полка 1 сотня, 6-го Оренбургскаго казачьяго п. 2 сотни, Тіонетская конная с. 1. При этомъ отрядѣ 14-я донская конная батарея. Всего 8 сот. и 8 орудій. Кавалерія князя Чавчавадзе должна была поддерживать связь между штурмовыми колоннами Лазарева, дѣйствовавшими на правомъ берегу Карсъ-чая, и войсками генерала Роопа, находившимися по ту сторону рѣчки.

ненія главной и корпусной квартиръ и для содержанія тамъ карауловъ.

Подлинную подписалъ: Начальникъ Карсскаго отряда генералъ-лейтенантъ Лазаревъ.

Такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Лазарева, находились штурмовыя колонны, назначенныя для овладѣнія юго-восточными карсскими фортами. Войска, демонстрировавшія на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, подчинялись генералу Роопу, а противъ Карадага—генералу Шатилову. Начальствованіе надъ всѣми тремя отрядами оставалось на корпусномъ командирѣ генералъ-адъютантѣ Лорисъ-Меликовѣ, находившемся при главномъ резервѣ у д. Камацуръ.

Глава XXV.

(1877)

Штурмъ Карса.

Вечеромъ 5-го ноября, когда полная луна поднялась уже на небосклонѣ, войска, назначенныя къ штурму, выстроились передъ своими палатками. Все было готово къ движенію. Лазаревъ въ послѣдній разъ объѣзжалъ штурмовыя колонны и въ полъ-голоса поздравлялъ всѣхъ „съ предстоящею побѣдою“. Эта самоувѣренность передъ такимъ рискованнымъ дѣломъ, какъ ночной штурмъ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шнеуръ, нѣкоторымъ показалась тогда утрировкой; но Лазаревъ въ ту же ночь показалъ на дѣлѣ, что у него эти слова были результатомъ глубокаго убѣжденія и безповоротной рѣшимости побѣдить. Онъ снялъ фуражку и, благоговѣйно осѣнивъ войска крестнымъ знаменіемъ, прибавилъ: „Теперь, съ Богомъ“.

Какъ шелестъ листьевъ, говоритъ другой очевидецъ, пролетѣлъ по рядамъ глухой шопотъ людей, какъ бы выражавшихъ одобреніе и благодарность этихъ сѣрыхъ шинелей, идущихъ на смерть, за ласковое слово, обращенное къ нимъ передъ труднымъ дѣломъ.

Колонны двинулись. Было уже 8 часовъ вечера. Свѣтлая лунная ночь, озарявшая покрытыя серебристымъ инеемъ поля, рисовала вдали грозные силуэты фортовъ. Морозъ крѣпчалъ. Глубокая тишина, прерываемая лишь отдаленнымъ громомъ, продолжавшихъ свое дѣло осадныхъ батарей, царила повсюду. Всѣ молчали въ напряженномъ ожиданіи. Вдругъ съ непріятельской стороны молнія пушечнаго выстрѣла прорѣзала ночную темноту, и высокій Шорахъ разомъ опоясался

огненными зигзаками. Это генералъ Роопъ начинаетъ свою демонстрацію и ведетъ ее съ такою энергіею, что привлекаетъ на себя значительную часть непріятельскихъ силъ; даже самъ комендантъ Хуссейнъ-паша поспѣшилъ туда изъ Хафиза, пологая, что главная атака идетъ на Шорахъ.

А между тѣмъ штурмовыя колонны двигаются по равнинѣ, ничѣмъ не нарушая ночной тишины. Направленія взяты были вѣрно, и войска уже подходили подъ форты, когда всѣ турецкія батареи разомъ открыли бѣшеный огонь по наступающимъ. Колонны бросились впередъ и скрылись въ багровомъ дыму, окутавшимъ непроницаемою завѣсою непріятельскіе форты. Штурмъ начался. Лазаревъ со своею свитой и двумя сотнями прикрытія выѣхалъ впередъ и сталъ въ пространствѣ между фортами Канлы и Хафизомъ. Ночь и мѣстность скрывали отъ него большую часть поля начавшагося сраженія, о ходѣ котораго только и можно было судить по бо́льшей или меньшей силѣ огня, который здѣсь или тамъ развиваетъ непріятель. Но вотъ, на темномъ небѣ яркою звѣздочкою вспыхнула сигнальная ракета и разсыпалась разноцвѣтными огнями, а вслѣдъ за нею поднялась и другая. Это условные сигналы изъ колонны Меликова, и по свитѣ Лазарева проносится радостный шопотъ, что Сувари взятъ. Но это еще только начало. Сосѣднія укрѣпленія Канлы и Хафизъ обороняются слишкомъ упорно. Грянувшее было „ура!“ давно уже смолкло, и въ той сторонѣ слышится только горячая, лихорадочная перестрѣлка; ружейный огонь достигаетъ тамъ крайняго напряженія. Ясно, что войска встрѣтили серьезный отпоръ и не могутъ сломить сопротивленія. Между тѣмъ уже первый часъ ночи, а бой все еще идетъ на валахъ, и нельзя предвидѣть, чѣмъ онъ окончится. Лазаревъ давно уже разослалъ всѣхъ своихъ ординарцевъ, что бы хоть сколько нибудь

оріентироваться въ сумятицѣ ночного штурма, но извѣстія, получаемыя имъ, были одно другого печальнѣе.

Начнемъ съ колонны Меликова. Ворвавшись въ Сувари безъ выстрѣла и истребивъ штыками его гарнизонъ, она быстро переправилась черезъ Карсъ-чай въ Армянскомъ предмѣстьѣ и двинулась къ Чиму, чтобы какъ можно скорѣе содѣйствовать атакѣ Комарова. Но Комарова подъ Чимомъ не оказалось. Почти два часа маленькая русская колонна держалась одна подъ страшнымъ огнемъ непріятеля; но когда Меликовъ получилъ смертельную рану, и отрядъ убѣдился, что о Комаровѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, онъ штыками пробилъ себѣ обратный путь, бросилъ Сувари и отступилъ къ главному резерву. Сувари опять заняли турки.

Впослѣдствіи уже оказалось, что колонна Комарова не попала на путь, указанный по диспозиціи. Со сборнаго пункта Комаровъ (находившійся въ веденіи Роопа) дѣйствительно выступилъ на укрѣпленіе Чимъ, но замѣтивъ по дорогѣ, что съ Шорахскихъ высотъ спускаются у него на флангѣ какія-то турецкія войска, повидимому вышедшія изъ Тахмасъ-Табіи, онъ остановилъ отрядъ и выдвинулъ въ ту сторону сначала одинъ батальонъ, но потомъ, не ограничиваясь этимъ, началъ постепенно поддерживать его другими войсками и, такимъ образомъ, скоро вся колонна его была обращена на Тахмасъ-Табію. Пятигорскій полкъ подъ страшнымъ огнемъ мужественно пошелъ на приступъ грознаго укрѣпленія, памятнаго намъ со времени муравьевскаго штурма, но, потерявъ убитымъ храбраго своего командира полковника Бучкіева, долженъ былъ отступить съ огромною потерею.

Только тогда Комаровъ рѣшился продолжать свое движеніе на Чимъ. Но благопріятная минута для овладѣнія имъ была уже пропущена: колонна Меликова ушла назадъ, а батальоны Комарова, послѣ потерь, по-

несенныхъ ими подъ Тахмасъ-Табіей, были настолько ослаблены, что не могли справиться съ большимъ укрѣпленіемъ, и атака не удалась. Отбитыя войска отступили назадъ и болѣе уже не вступали въ дѣло. Такимъ образомъ, бой на лѣвомъ флангѣ окончился для насъ полнѣйшею неудачею. Но не менѣе тревожны были извѣстія и изъ колонны Граббе. Войска ея овладѣли рвомъ и главнымъ брустверомъ, заняли передовые редуты, но далѣе не могли двинуться ни шагу. Сильный огонь изъ оборонительной казармы, замыкавшей горжу средняго бастіона, парализировалъ всѣ наши усилія. Граббе и смѣнившій его полковникъ Бѣлинскій были убиты; полковникъ Вождакинъ контуженъ и оставилъ поле сраженія. Батальонные и ротные командиры давали знать, что силы ихъ истощены, и что безъ скораго прибытія резервовъ имъ нельзя удержаться на занятыхъ позиціяхъ. Въ Хафизѣ дѣла шли нѣсколько лучше, но и оттуда просили подкрѣпленій.

Подобныя извѣстія могли смутить каждаго. Но не таковъ былъ Лазаревъ, твердость и мужество котораго, казалось, росли по мѣрѣ встававшихъ передъ нимъ затрудненій. Онъ уже рѣшилъ, что ни въ какомъ случаѣ не будетъ расходовать главнаго резерва. Онъ берегъ его до послѣдней крайности, и, пославъ приказаніе войскамъ, чтобы обходились собственными силами, поѣхалъ къ Канламъ. Скоро онъ очутился въ сферѣ самаго дѣйствительнаго ружейнаго огня. Пули летали кругомъ, и въ одну минуту нѣсколько лошадей возлѣ него было ранено. Вдругъ позади его произошло нѣкоторое замѣшательство; многіе соскочили съ сѣделъ. Лазаревъ догадался въ чемъ дѣло, но даже не обернулся назадъ и только спросилъ: „Кто раненъ?“—„Поручикъ Лазаревъ, ваше превосходительство“, отвѣтилъ чей-то дрогнувшій голосъ.

„Убрать“, коротко произнесъ генералъ. Ни одинъ

мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ его при вѣсти о ранѣ любимаго племянника. Это былъ сынъ старшаго брата его, Беджана, молодой артеллеристъ, подававшій своими способностями большія надежды. Онъ ѣхалъ въ Арзерумъ и, не смотря на запрещеніе дяди, пристроился къ свитѣ его волонтеромъ. Только послѣ штурма, вернувшись въ свою палатку, Лазаревъ далъ волю накипѣвшему и долго сдерживаемому горю. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ. Рана оказалась смертельною: пуля прошла изъ виска въ високъ и задѣла глазные нервы. Несчастный юноша ослѣпъ; онъ былъ безъ сознанія, но пока въ немъ теплилась жизнь, онъ все время пѣлъ самымъ чистымъ, свѣжимъ и звучнымъ голосомъ. „Эта пѣснь умирающаго юноши, говоритъ въ своихъ запискахъ Мещерскій:—что то ужасное... Я и теперь еще ее слышу“...

Между тѣмъ, на пути къ Канламъ Лазарева догналъ ординарецъ корпуснаго командира. Онъ передалъ ему о неудачной атаки Чима, о потерѣ Сувари, и прибавилъ, что если Лазаревъ, въ виду упорной защиты Канловъ и Хафиза, не надѣется на успѣхъ штурма, то корпусный командиръ разрѣшаетъ ему начать отступленіе. „Передайте корпусному командиру—отвѣчалъ на это Лазаревъ:—что я штурмую безповоротно. Если не возьму Карса ночью, то возьму его днемъ, или буду драться до слѣдующей ночи“. Едва ординарецъ поскакалъ назадъ, какъ цѣлый снопъ ракетъ поднялся къ небу и огненнымъ дождемъ озарилъ на мгновеніе окрестность. Хафизъ былъ взятъ. Съ этимъ извѣстіемъ прискакалъ къ Лазареву офицеръ генеральнаго штаба Шнеуръ и передалъ ему слова генерала Алхазова, что Хафизъ уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ отданъ туркамъ. Это была первая радостная вѣсть въ эту тяжелую ночь.

Только теперь Лазаревъ рѣшился поддержать наши войска у Канлы, но и то не изъ главнаго резерва, а приказалъ Алхазову направить туда часть войскъ изъ

Хафиза, и двѣ роты Имеретинскаго полка, взятыя изъ прикрытія къ осаднымъ батареямъ.

Теперь разскажемъ въ общемъ очеркѣ то, что происходило въ Канлахъ и Хафизѣ *).

Канлы одновременно атакованы были двумя колоннами Граббе и Вождакина. Охотники изъ второй колонны первые ворвались въ лѣвый редутъ и, поддержанные во время батальономъ Имеретинскаго полка, подъ личною командою полковника Карасева, прочно утвердились на занятой ими позиціи. За то вся остальная колонна Вождакина, принявшая слишкомъ вправо, была остановлена жестокимъ огнемъ съ новой батареи, поставленной турками между Канлы и Хафизомъ. Войска, озадаченныя неожиданнымъ препятствіемъ, на нѣсколько минутъ смѣшались. Самъ Вождакинъ, получившій контузію, оставилъ поле сраженія, пославъ приказаніе полковнику Карасеву принять начальство надъ колонной. Но Карасевъ былъ уже въ Канлахъ, и колонна нѣкоторое время совсѣмъ оставалась безъ начальника. Тогда роты, по инціативѣ своихъ командировъ, сами овладѣли батареей, но, поражаемыя огнемъ со всѣхъ карсскихъ верковъ и угрожаемыя атакой турецкихъ резервовъ, вынуждены были думать только о собственной защитѣ. Такимъ образомъ, колонна Вождакина разбилась на двѣ отдѣльныя части, изъ которыхъ каждая была слишкомъ слаба, чтобы продолжать наступленіе, и по неволѣ ограничивалась лишь упорною обороною того, что уже было ими захвачено.

Одновременно съ этимъ колонна Граббе, овладѣвшая правымъ редутомъ, кинулась на главное укрѣпленіе. Бой на валу шелъ ожесточенный. Граббе былъ убитъ, но войска овладѣли брустверомъ, и часть ихъ, подъ начальствомъ маіора Герича, ворвалась внутрь укрѣпленія. Здѣсь опять завязалась отчаянная рукопашная схватка.

*) Изъ донесенія Лазарева о штурмѣ Карса.

Скоро Геричъ былъ убитъ, и войска, поражаемыя изъ оборонительной казармы, снабженной мортирами и двухъ ярустною ружейною обороною, тщетно пытались удержаться во дворѣ укрѣпленія. Попытка полковника Бѣлинскаго штурмовать казарму окончилась для насъ весьма неудачно; пуля сразила его наповалъ, и войска, отброшенныя отъ казармы, вынуждены были отойти обратно за брустверъ. Тогда турки сами перешли въ наступленіе. Но въ это время къ намъ подошло, наконецъ, небольшое подкрѣпленіе, присланное самимъ корпуснымъ командиромъ. Это былъ 3-й Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и часть волжскихъ казаковъ, прискакавшіе сюда подъ личною командой начальника кавалеріи генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ начальникъ инженеровъ корпуса полковникъ Бульмерлингъ, присланный изъ главной квартиры принять начальство надъ колонной послѣ смерти Граббе. Князь Чавчавадзе, быстро спѣшивъ свою кавалерію, поддержалъ ею пѣхоту, и брустверъ снова былъ занятъ, но спуститься внизъ подъ страшнымъ огнемъ изъ оборонительной казармы было невозможно. Дворъ укрѣпленія былъ пустъ: ни турки, ни мы не могли на немъ показаться.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда палъ Хафизъ, и Лазаревъ направилъ сюда значительныя подкрѣпленія.

Канлы уже были близко, когда къ Лазареву прискакалъ новый гонецъ отъ Алхазова съ извѣстіемъ о взятіи Карадага. Это сильное укрѣпленіе, вѣнчавшее собою Карадагскую гору, считалось оплотомъ Карса, и было до того неприступно, что овладѣніе имъ открытымъ штурмомъ никому не приходило въ голову. Какъ это случилось, подробности пока еще не были извѣстны; но Лазаревъ понялъ, что съ паденіемъ Карадага участь Карса уже рѣшена, какъ бы не защищались Канлы,—а

потому, не придавая имъ теперь уже особаго значенія, онъ повернулъ обратно къ Хафизу. Проѣзжая Хафизъ, онъ узналъ отъ Алхазова слѣдующее:

Войска шли на укрѣпленіе съ двухъ сторонъ: слѣва два батальона Владикавказскаго полка съ маіоромъ Урбанскимъ, справа—два батальона кутаисцевъ съ полковникомъ Фадѣевымъ. Генералъ Алхазовъ велъ резервъ, что бы, въ случаѣ надобности, поддержать ту или другую колонну.

Замѣтивъ по направленію выстрѣловъ, что Фадѣевъ беретъ слишкомъ вправо, и потому опасаясь, что бы весь гарнизонъ Хафиза не обратился на лѣвую колонну, Алхазовъ двинулъ резервы, и самъ атаковалъ Хафизъ вмѣстѣ съ Урбанскимъ. Турки, не выдержавшіе нашего натиска, сначала подались внутрь укрѣпленія, но потомъ, укрывшись и устроившись за разрушенною каменною казармою, снова бросились отнимать занятую нами часть вала. Бой начался кровопролитный. Скоро на помощь къ намъ подоспѣлъ однако еще батальонъ владикавказцевъ, составлявшій частный резервъ полковника Фадѣева, и тогда гарнизонъ частью былъ уничтоженъ, а частью отброшенъ въ городъ. Хафизъ былъ взятъ, но о полковникѣ Фадѣевѣ не было никакого извѣстія, и никто не зналъ, гдѣ онъ находится.

Вотъ что оказалось впослѣдствіи. Подходя къ укрѣпленію, Фадѣевъ попалъ подъ огонь боковой траншеи, и прежде чемъ атаковать Хафизъ, рѣшился выбить изъ нея непріятеля. Ударъ въ штыки—и кутаисцы, преслѣдуя по пятамъ бѣгущихъ турокъ, вмѣстѣ съ ними очутились у самой подошвы Карадага. Тогда Фадѣевъ быстро сообразилъ возможность ворваться на ихъ плечахъ въ самое укрѣпленіе и настойчиво продолжалъ преслѣдованіе. Обстоятельства ему благопріятствовали: ночная темнота скрывала слабость его силъ, а бѣгущій впереди непріятель самъ указывалъ тропу, по которой

только и можно было подняться на отвѣсные утесы Карадага. Скоро войска очутились у подножія грозной Зіаретской башни. Башня взята была съ одного удара, а вслѣдъ за нею пало и Карадагское укрѣпленіе. Небольшая часть спасшагося гарнизона укрылась въ Арабъ-Табіи.

Но дѣло этимъ еще не окончилось. Турки скоро опомнились и, собравъ значительныя силы, выступили изъ Арабъ-Табіи, чтобы попытаться отбить назадъ Карадагъ. Бой, на время замолкшій, возобновился съ новою яростью; но въ это время Лазаревъ уже былъ въ Хафизѣ и послалъ приказаніе генералу Шатилову двинуться впередъ со всѣмъ своимъ отрядомъ и прочно занять Карадагъ.

Сдѣлавъ эти распоряженія и осмотрѣвъ Хафизъ, Лазаревъ отправился въ городъ, гдѣ на самой окраинѣ его увидѣлъ нѣсколько тысячъ нашихъ солдатъ, столпившихся въ безпорядкѣ возлѣ турецкаго госпиталя и провіантскаго магазина. Здѣсь были люди разныхъ полковъ: стрѣлки, севастопольцы, имеретинцы, владикавказцы и кутаисцы, прорвавшіеся сюда изъ Хафиза, отъ батареи Фези-паши и даже изъ Канловъ. Рѣзня уже окончилась, судя потому, что все пространство между этими фортами, лагерями и городомъ было завалено турецкими трупами. Вдали поднимался черный дымъ и сверкало пламя пожара: это горѣла часть базара, подожженнаго уже нашими солдатами. При появленіи Лазарева вся эта толпа встрѣтила его несмолкавшимъ дружнымъ ура! Поздоровавшись съ людьми и поблагодаривъ ихъ за молодецкую службу, которую они сослужили въ эту ночь, Лазаревъ приказалъ полковнику Бауму, командиру 3-го Сапернаго батальона, устроить всѣ эти разрозненныя части, и какъ можно скорѣе занять мосты, чтобы прервать сообщенія непріятеля съ зарѣчною стороною. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая успокоить городскихъ

жителей, онъ самъ хотѣлъ проѣхать по улицамъ города; но едва завернулъ за уголъ госпиталя, надъ которымъ развѣвалось знамя красной луны, какъ встрѣченъ былъ изъ домовъ такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, что въ одну минуту въ его прикрытіи ранено было нѣсколько лошадей. Пришлось отказаться отъ этого намѣренія, и Лазаревъ, поручивъ Бауму очистить городъ, самъ поѣхалъ мимо батареи Фези-паши къ Канламъ. Батарею онъ нашелъ прочно занятою севастопольцами, но въ виду неопредѣлившагося еще исхода штурма Канловъ, замки изъ турецкихъ орудій были вынуты и зарыты въ землю.

Въ Канлахъ къ этому времени дѣла также значительно поправились. Прибывшія подкрѣпленія дали возможность полковнику Карасеву завладѣть всѣмъ лѣвымъ фасомъ укрѣпленія, а полковнику Бульмерлингу возобновить попытку противъ центральнаго бастіона. Но здѣсь всѣ наши усилія разбились опять о твердыню неприступной казармы. Полковникъ Бульмерлингъ, ни одинъ разъ поднимаясь на валъ, пробовалъ вступать въ переговоры съ храбрымъ гарнизономъ, требуя даже, чтобы его впустили въ казарму. Но гарнизонъ, такъ честно и такъ долго отстаивавшій свой постъ, на всѣ предложенія отвѣчалъ безусловнымъ отказомъ. Въ эту минуту, разсказываетъ Тхаржевскій, къ намъ прибылъ, наконецъ, обожаемый Лазаревъ, предварительно объѣхавшій войска по всѣмъ передовымъ линіямъ ихъ расположенія. Онъ благодарилъ всѣхъ бывшихъ во рву и на валахъ людей, и ему отвѣчали такимъ восторженнымъ, долго не смолкавшимъ „ура!“, которое заглушало даже громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Турки, воображая, что мы начинаемъ новую атаку, открыли изъ своей казармы страшный огонь. Не дожидаясь его окончанія, Лазаревъ верхомъ поднялся на валъ и на чистомъ турецкомъ языкѣ сталъ уговаривать гарнизонъ прекра-

тить оборону, тѣмъ болѣе, что онъ послѣдній изъ гарнизоновъ атакованныхъ фортовъ, не попавшій еще въ наши руки. Во время этой рѣчи выстрѣлы все еще продолжались, и въ двухъ шагахъ отъ Лазарева была ранена лошадь начальника штаба отряда полковника Маламы, но гарнизонъ видимо начиналъ уже колебаться. Чтобы ускорить развязку, Лазаревъ приказалъ подвести орудія, и угрозой открыть огонь заставилъ турокъ наконецъ согласиться на сдачу.

Ворота отворились и люди, оставляя оружіе въ казармѣ, начали выходить изъ нея на площадку. Ихъ тотчасъ окружали наши солдаты и въ качествѣ военноплѣнныхъ отправляли въ лагерь. Канлы, наконецъ, пали; послѣдній редюитъ, стоившій намъ столько крови и жизней, былъ занятъ въ 4 часа утра, когда уже начинался разсвѣтъ.

Приведя затѣмъ всѣ части въ порядокъ, приказавъ поставить ихъ за валами, чтобы скрыть отъ продолжавшагося еще непріятельскаго огня съ Шораха, и вызвавъ къ укрѣпленію изъ резерва одну батарею гренадерской бригады, Лазаревъ сталъ ожидать извѣстій изъ города, откуда доносились еще отголоски уже замиравшаго боя. Вскорѣ получены были подробныя свѣдѣнія:

По отъѣздѣ Лазарева полковникъ Баумъ штурмовалъ дома, изъ которыхъ производилась стрѣльба, и своими энергическими дѣйствіями заставилъ болѣе 650 человѣкъ турецкихъ солдатъ положить оружіе. Убитыхъ была цѣлая масса, но замѣчательно, что среди нихъ не находилось ни одной женщины, ни одного ребенка, которыхъ въ домахъ, подвергшихся кровавой расправѣ, было однако не мало. Эту черту нашего штурма Лазаревъ ставилъ особенно высоко и никогда ее не забывалъ. Баумъ распорядился также, чтобы прекратить начавшійся пожаръ, уговаривая солдатъ, разгоряченныхъ боемъ, ничего не поджигать и беречь наши бу-

дущія зимовыя квартиры. Въ то же время онъ выслалъ роту Имеретинскаго полка и часть саперъ къ Сувари, покинутому нами послѣ неудачной атаки Чима, и снова занятому турками. Но какъ только непріятель увидѣлъ приближеніе нашихъ войскъ, онъ самъ поспѣшилъ очистить укрѣпленіе, и оно окончательно перешло въ наши руки. Карсъ доживалъ свои послѣднія минуты. Едва Лазаревъ получилъ извѣстіе о взятіи Сувари, какъ грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ снова огласилъ утесы Карадага, но уже не со стороны укрѣпленія, занятаго Фадѣевымъ,—а со стороны Мацры, откуда долженъ былъ подойти Шатиловъ. Это была атака генерала Рыдзевскаго, который съ Абхазскимъ полкомъ и частію Гурійскаго штурмовалъ Арабъ-Табію. Выстрѣлы скоро смолкли. И когда разсвѣло, - первое, что обрисовалось на ясномъ небосклонѣ, были развернутыя знамена трехъ полковъ 40-й дивизіи, вѣявшія надъ Карадагомъ и Арабъ-Табіей.

Теперь всѣ укрѣпленія, лежавшія на правомъ берегу Карсъ-чая были нами взяты; всѣ важнѣйшіе пункты города заняты Баумомъ. Запершіяся въ цитадели турецкія войска уже не оборонялись и отворили ворота, направленнымъ на нее двумъ батальонамъ владикавказцевъ. Весь карсскій гарнизонъ положилъ оружіе.

Съѣздивъ къ корпусному командиру и отдавъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Лазаревъ возвратился назадъ и, расположившись на холмѣ впереди укрѣпленія Канлы, сталъ ожидать окончательной развязки. Былъ уже день, и съ холма хорошо можно было слѣдить за послѣднимъ актомъ кровавой драмы, разыгрывавшейся къ западу отъ Карса на высокихъ, покрытыхъ снѣгомъ, горахъ. Тамъ столпилась теперь большая часть турецкой арміи, которая, видя паденіе крѣпости, спустилась внизъ и всею массою ринулась на-проломъ, чтобы проложить себѣ дорогу къ Арзеруму. Ей удалось сбить

часть нашей пѣхоты, но торжество ее продолжалось не долго. Со всѣхъ сторонъ понеслась наша кавалерія и перерадила ей путь въ то время, какъ вся пѣхота генерала Роопа быстро надвигалась съ тыла. Бой при такихъ условіяхъ не могъ продолжаться долго: спаслось только нѣсколько всадниковъ, и въ томъ числѣ самъ комендантъ крѣпости, а вся масса турецкихъ войскъ окончательно положила оружіе. Во всѣ нагорные форты съ музыкой и распущенными знаменами вступила наша пѣхота.

Такимъ образомъ закончились боевыя дѣйствія этой замѣчательной ночи, продолжавшіяся ровно 12 часовъ. Трофеями нашими было болѣе 17 тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ пять пашей и 800 офицеровъ, триста три орудія и масса разныхъ запасовъ. Въ госпиталяхъ было найдено болѣе 4500 человѣкъ больныхъ и раненыхъ турокъ.

Потеря наша состояла изъ одного генерала (графа Граббе) 76 офицеровъ и 2183 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя убитыми, ранеными и контужеными.

„Начальники колоннъ—такъ заканчиваетъ свое донесеніе Лазаревъ корпусному командиру:—равно всѣ командиры полковъ, батальоновъ, ротъ и субалтернъ-офицеры геройски выполнили долгъ присяги и служили частямъ примѣромъ своими отличными подвигами. Во все время штурма солдаты свято исполняли приказанія; они почти не стрѣляли и дѣйствовали одними штыками. Только этимъ героическимъ поведеніемъ и объясняется почему укрѣпленія одно за другимъ попадали въ наши руки, не смотря на упорную, а мѣстами даже отчаянную защиту турецкихъ гарнизоновъ, часто превышавшихъ своею численностію, атаковавшія войска. Многіе изъ высшихъ начальниковъ и офицеровъ пали въ этомъ сраженіи, ревнуя о славѣ нашего оружія. Долго останется въ памяти враговъ нашихъ, что древній оплотъ

турокъ въ Анатоліи, который считался неприступнымъ, палъ въ рукопашномъ бою нашихъ славныхъ войскъ. Я не могу перечислить всѣхъ особенно отличившихся въ ночномъ штурмѣ; но всѣхъ отъ генерала до солдата считаю героями этого дня. Многіе заслужили высшій военный орденъ св. Георгія, о которыхъ и буду просить ходатайства вашего у главнокомандующаго Кавказскою арміею".

Паденіе Карса войска отпраздновали 8-го Ноября, въ самый день тезоименитства своего главнокомандующаго Великаго князя Михаила Николаевича большимъ парадомъ, на равнинѣ между фортами Канлы и Хафизомъ, еще дымившимися свѣжею кровью своихъ защитниковъ. Всѣми войсками командовалъ генералъ Лазаревъ. Войска вышли на парадъ въ той же одеждѣ, въ которой были на штурмѣ, и въ строю виднѣлось не мало офицеровъ и нижнихъ чиновъ съ повязками и на костыляхъ: это были раненые, не пожелавшіе оставить фронта. По окончаніи благодарственнаго молебствія произведена была пальба со всѣхъ фортовъ изъ отбитыхъ турецкихъ орудій, а затѣмъ пропѣта вѣчная память убитымъ. Чувствовалось всѣми, говоритъ одинъ очевидецъ, что подъ этимъ небомъ, въ этомъ самомъ воздухѣ витаютъ надъ нами души, отшедшихъ прежде насъ, нашихъ отцовъ и братій...

Такъ совершилась одна изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ нашей Кавказской арміи,— задача, безспорно имѣвшая громадное значеніе въ судьбахъ нашей турецкой кампаніи. Во первыхъ, мы пріобрѣли сильную крѣпость, служившую оплотомъ Анатоліи противъ вторженія русскихъ, вмѣстѣ съ огромною территоріею, населенною по преимуществу христіанами; а во вторыхъ, съ уничтоженіемъ многочисленнаго карсскаго гарнизона, мы совершенно обезпечивали свой тылъ при наступленіи къ Арзеруму, и въ то же время могли свободно рас-

полагать значительною частію нашихъ войскъ, прикованныхъ до тѣхъ поръ къ одному только извѣстному пункту.

Въ чисто боевомъ отношеніи паденіе Карса заслуживаетъ еще большаго вниманія, какъ фактъ безпримѣрный въ новѣйшей военной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, грозная первоклассная крѣпость, обладающая не только естественною защитой въ своихъ передовыхъ, окружающихъ ея высотахъ, но огражденная еще неприступными фортами, вооруженными болѣе нежели тремя стами тяжелыхъ круповскихъ орудій, обильно снабженная провіантомъ и всѣми боевыми запасами, защищаемая многочисленнымъ гарнизономъ, равнымъ, если не превышавшимъ даже своею численностію атаковавшія его войска,— пала въ одну ночь, и пала подъ ударами только штыковъ, даже безъ предварительнаго серьезнаго ея обстрѣливанія. Артиллерія совсѣмъ не пришлось участвовать въ дѣлѣ, такъ какъ ни одна штурмовая колонна ея при себѣ не имѣла. Фактъ этотъ остается единственнымъ въ военныхъ лѣтописяхъ всѣхъ европейскихъ народовъ.

Надо было видѣть всѣ эти грозныя твердыни и безчисленныя укрѣпленія,—говоритъ одинъ современникъ, чтобы понять и оцѣнить ту громадную энергію вождя, то безстрашіе и рѣшимость войскъ, которыя выполнили эту задачу въ какіе нибудь двѣнадцать часовъ времени. Не даромъ, событіе это произвело поражающее впечатлѣніе не только въ цѣлой Россіи, но и вездѣ за границею.

Наградою Лазарева былъ орденъ св. Георгія 2-го класса Большого Креста.

Въ то же время, чтобы сохранить память о немъ въ преданіяхъ Кавказской арміи и самаго Карса, фортъ Канлы, какъ защищавшійся упорнѣе другихъ и стоившій намъ бóльшей половины нашей общей потери,—повелѣно именовать навсегда фортомъ Лазарева.

Глава XXVI.

Назначеніе Лазарева начальникомъ Эриванскаго отряда.—Прибытіе въ Игдырь и прокламація къ курдамъ.—Заключеніе перемирія.—Назначеніе Лазарева временно-командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ.—Его распоряженія на случай возобновленія военныхъ дѣйствій.—Поѣздка въ Арзерумъ. —Впечатлѣнія этой поѣздки на войска, на турокъ и на христіанъ.

Съ занятіемъ Карса прекратилась и военная дѣятельность Карсскаго отряда, вызваннаго къ жизни чисто боевыми потребностями. Почти цѣлая половина его, т. е. вся сороковая дивизія и кавалерія князя Щербатова (16 эскадроновъ и сотенъ), подъ общею командою генерала Шатилова, немедленно ушла за Саганлугъ, чтобы усилить войска, дѣйствовавшія противъ Арзерума, а остальныя расположились на зимовыя квартиры. На первый планъ стали выдвигаться вопросы чисто административнаго свойства. На нашихъ глазахъ, говоритъ въ своихъ запискахъ Шнеуръ, но почти безъ всякаго участія съ нашей стороны, все въ краѣ и въ городѣ стало понемногу приходить въ порядокъ: явилось гражданское управленіе съ военнымъ губернаторомъ во главѣ, устроилась полиція съ служителями изъ мѣстныхъ жителей мусульманъ и армянъ, улицы освѣтились, никогда не виданными дотолѣ, фонарями, и наѣхалъ торговый людъ, позволившій намъ вспомнить опять о нѣкоторомъ комфортѣ. Штабъ генерала Лазарева продолжалъ существовать, но работъ у него на рукахъ сравнительно было немного, такъ какъ за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ этой части края, вся дѣятельность сосредоточилась по преимуществу въ гражданскихъ канцеляріяхъ. Но эта томительно-спокойная обстановка продолжалась для Лазарева однако не долго: 7-го января 1878 года, онъ былъ назначенъ на мѣсто генерала Тер-

гукасова начальникомъ Эриванскаго отряда, а 8-го вмѣстѣ съ полковникомъ Маломою выѣхалъ въ Игдырь, гдѣ расположена была тогда отрядная квартира. Этому отряду, разбросанному въ то время на огромномъ пространствѣ: въ Эриванской губерніи, въ Баязетскомъ и Алашкертскомъ санджакахъ, предстояла на весну блестящая дѣтельность за хребтомъ Алла-Дагомъ, въ южныхъ частяхъ арзерумскаго вилаета, гдѣ, послѣ паденія Карса и блокады самого Арзерума, предполагалось распространить наше владычество въ Мушскомъ и Ванскомъ пашалыкахъ, т. е. въ округахъ, населенныхъ по преимуществу христіанами. Въ этихъ видахъ войска Эриванскаго отряда предположено было довести до двухъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи. Войска подходили постепенно, а между тѣмъ Лазаревъ озаботился привлеченіемъ на нашу сторону пограничныхъ курдовъ, съ которыми, впрочемъ, церемонился немного. По прибытіи въ Игдырь, онъ немедленно отправилъ къ нимъ слѣдующую грозную прокламацію:

„Считаю долгомъ обратиться къ вамъ, какъ начальникъ императорскихъ войскъ, расположенныхъ въ сосѣдствѣ съ вами, въ Алашкертскомъ и Баязетскомъ санджакахъ. Вамъ извѣстно о побѣдахъ, одержанныхъ нашими великими императорскими войсками на Дунаѣ и о взятіи ими Адріанаполя, откуда всѣ наши силы стремятся завладѣть Константинополемъ. Вамъ близко извѣстно также объ окончательномъ пораженіи Мухтаръ-паши на Аладжѣ и бѣгствѣ его къ Арзеруму, о взятіи штурмомъ извѣстнаго вамъ Карса, о плѣненіи 20-ти тысячнаго его гарнизона, о пораженіи турокъ на Деве-Бойнѣ и о тѣсной блокадѣ Арзерума. Мнѣ нечего говорить вамъ объ этихъ, Богомъ дарованныхъ намъ, побѣдахъ: вы сами о нихъ лучше знаете.

„Выяснивъ вамъ всѣ эти обстоятельства, и не же-

лая явиться къ вамъ прямо съ оружіемъ въ рукахъ для разгромленія вашихъ предѣловъ, чтобы не дать повода нѣкоторымъ изъ васъ сказать, что русскіе безпощадно бьютъ и грабятъ народъ,—я, какъ начальникъ отряда, имѣющій повелѣніе отъ моего главнаго сардаря двигаться съ войсками въ ваши предѣлы, предупреждаю васъ, что тѣхъ, кто окажетъ сопротивленіе, предамъ огню и мечу. Настоящее предложеніе мое заключается въ томъ, чтобы вы принесли безъ пролитія крови, полную покорность нашему Великому Императору и прислали бы вашихъ представителей ко мнѣ въ Алашкертъ, гдѣ они получатъ отъ меня полную инструкцію для управленія народомъ, при чемъ вы должны выдать все имущество, запасы и оружіе, принадлежащее вашему бывшему турецкому правительству. Религія ваша останется неприкосновенною, всякая ваша собственность останется не тронутою, а затѣмъ въ отношеніи продовольствія войскъ хлѣбомъ, фуражемъ и дровами, вы будете продавать ихъ, по существующимъ въ краѣ цѣнамъ, и даже по болшей цѣнѣ противъ обыкновенной.

„Все это считаю долгомъ высказать на тотъ конецъ, чтобы вы не были введены въ заблужденіе людьми злонамѣренными, а исполнили-бы все, сказанное мною. Если же какому нибудь обществу изъ васъ не угодно будетъ пріѣхать ко мнѣ въ Алашкертъ, я на томъ не настаиваю и не принуждаю: я приду къ тѣмъ самъ, и сложивъ съ себя грѣхъ передъ Богомъ и нареканіе народа, сдѣлаю все, что мнѣ слѣдуетъ. Тогда раскаяніе будетъ поздно. Ожидаю отъ васъ отвѣта въ короткое время. Дана сія прокламація 18-го января 1878 года. Начальникъ всѣхъ войскъ отъ Эривани до Ванской границы, генералъ-лейтенантъ Лазаревъ“.

Но прокламація эта не успѣла еще распространиться среди народа, какъ получено было извѣстіе о заключеніи перемирія, на основаніи котораго турки сдали

намъ Арзерумъ, и войскамъ приказано было остановиться тамъ, гдѣ ихъ застанетъ это распоряженіе. Учреждена была демаркаціонная линія, и сношенія съ курдами пока пріостановились. „Есть надежда“, писалъ въ это время Лазаревъ“, что скоро состоится миръ, чему мы всѣ рады...“

Всѣ заботы Ивана Давыдовича обращены были теперь на прекращеніе сильнаго тифа, свирѣпствовавшаго въ Баязетѣ и его окрестностяхъ. Прославленную своею защитою крѣпость пришлось покинуть совсѣмъ, а войска перевесть въ Игдырь, откуда главная квартира Лазарева перенесена была 5-го февраля въ Эчміадзинъ.

Но между тѣмъ, какъ на поляхъ Азіатской Турціи возстановилось спокойствіе послѣ только что отгремѣвшей бури, война продолжалась въ знакомыхъ Лазареву горахъ Дагестана, гдѣ все было охвачено однимъ общимъ народнымъ возстаніемъ. Ахты, памятные Ивану Давыдовичу по тяжкой ранѣ, опять были въ блокадѣ и переживали тѣ же трудные дни, какъ и за 30 лѣтъ передъ этимъ; теперь ихъ защищалъ подполковникъ Узбашевъ, бывшій начальникомъ Самурскаго округа, одинъ изъ выдающихся сотрудниковъ Лазарева по управленію горскими народами. Лазаревъ имѣлъ изъ Тифлиса свѣдѣнія, что стоустая молва уже назначаетъ его начальникомъ Дагестанской области, но слухи эти, очевидно, были ему непріятны. „Странно было бы“, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, „если бы я, при теперешнемъ моемъ положеніи въ дѣйствующемъ корпусѣ, принялъ бы подобное предложеніе и явился въ тотъ Дагестанъ, гдѣ имѣлъ въ свое время огромные труды, которые постепенно при другихъ взглядахъ исчезли и привели край въ такое положеніе“.

Но Лазареву готовилось другое назначеніе. Генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ отправился въ это время для излеченія болѣзни въ продолжительный

отпускъ, и на его мѣсто, временно-командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ, назначенъ былъ генералъ Гейманъ. Прибытія его изъ Арзерума ожидали со дня на день, какъ вдругъ, 13 апрѣля, пришла телеграмма о его кончинѣ. На другой же день, 14-го числа, послѣдовалъ приказъ о назначеніи командующимъ корпусомъ генералъ-лейтенанта Лазарева. Князь Святополкъ-Мирскій тотчасъ послалъ къ нему всѣ распоряженія, сдѣланныя по Саганлугскому отряду, которыя, за смертію Геймана, не были еще приведены въ исполненіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ къ нему:

„Политическія обстоятельства складываются такимъ образомъ, что представляется возможность новаго разрыва съ Турціей, а потому, на всякій случай, намъ необходимо теперь же принять всевозможныя мѣры къ тому, что бы событія не застали насъ въ расплохъ.

Въ случаѣ разрыва съ Турціей, при угрожающемъ положеніи, принятомъ Англіей, и вслѣдствіе выступленія съ Кавказа 1-й гренадерской и предстоящаго ухода 40-й дивизіи, мы можемъ быть поставлены въ необходимость поспѣшно оставить Арзерумъ и отступить къ Саганлугу, а для этого необходимо: 1) принять теперь же самыя энергическія мѣры къ возможно скорѣйшей эвакуаціи больныхъ изъ Арзерума и его окрестностей къ Саганлугу и далѣе; 2) сдѣлать соображенія и подготовить мѣры къ тому, чтобы на случай внезапнаго выступленія изъ Арзерума уничтожить все находящееся тамъ турецкое военное имущество, а равно и укрѣпленія, насколько это окажется возможнымъ и 3) выбрать пункты для укрѣпленныхъ позицій на Саганлугѣ и приступить немедля къ сооруженію самыхъ укрѣпленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ для соображенія Лазарева сообщалось, что, не считая 41-ой дивизіи, расположенной въ Приріонскомъ краѣ, мы будемъ располагать для обороны Саганлуга и горныхъ выходовъ отъ Батума и Ольты до Верхней

долины Ефрата, только 19, 38, 39 пѣхотными и Кавказской гренадерской дивизіями, да восемью резервными батальонами, предназначавшимися для гарнизона Карса.

Но и изъ этого малаго количества войскъ, большая часть его, т. е. все то, что было въ арзерумскомъ отрядѣ, находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Тифозная эпидемія приняла угрожающіе размѣры, и съ каждымъ днемъ поглащала все новыя и новыя жертвы. Больныхъ была масса, а средствъ никакихъ. Санитарная часть находилась въ ужасномъ положеніи, а о гигіеническихъ мѣрахъ нечего было и думать, когда люди ходили безъ одежды и обуви; многіе совсѣмъ не имѣли бѣлья, и нерѣдко подъ лохмотьями мундировъ виднѣлись дырявые кителя, замѣнявшіе рубахи. Князь Чавчавадзе, вступившій въ командованіе арзерумскимъ отрядомъ, послѣ смерти Геймана, телеграфировалъ Мирскому, что въ случаѣ разрыва съ турками онъ можетъ выставить въ поле только 4.000 пѣхоты, триста драгунъ и пять батарей, лошади которыхъ совершенно изнурены. Больныхъ въ госпиталѣ 4.300 человѣкъ и эвакуація ихъ встрѣчаетъ большія затрудненія: подводъ нѣтъ, мостъ на Каракуртѣ снесенъ, а дорога на Саракамышъ совсѣмъ не разработана, такъ что движеніе транспортовъ совсѣмъ остановилось. Если разрывъ послѣдуетъ до вывоза больныхъ, то необходимость вынудитъ оставить ихъ здѣсь, а тогда уничтоженіе турецкихъ запасовъ и укрѣпленій можетъ неблагопріятно отозваться на оставленныхъ. При энергическомъ движеніи непріятеля и при невозможности, за неимѣніемъ кавалеріи, слѣдить за нимъ, отступленіе отряда будетъ весьма затруднительно, особенно при полной неспособности къ движенію артиллеріи и обозовъ. Необходимо нынѣ-же для обезпеченія фланговъ и тыла выдвинуть Эриванскій отрядъ къ Делибабѣ.

Въ самомъ Арзерумѣ было не совсѣмъ спокойно; ходили какіе-то тревожные слухи и, дѣйствительно, нельзя

было не замѣтить нѣкоторыхъ не совсѣмъ успокоительдыхъ симптомовъ Городъ кишѣлъ турецкими солдатами, прибывавшими, правда, по одиночкѣ, но все-таки въ значительномъ числѣ. Турецкія власти говорили, что это безсрочно-отпускные, распущенные по домамъ, но армяне утверждали, что это редифы, собираемые въ Арзерумъ для устройства варѳоломѣевской ночи, въ случаѣ еслибы война разгорѣлась снова. Говорили, что ночью было поймано нѣсколько турецкихъ солдатъ, отмѣчавшихъ дома, въ которыхъ жили офицеры. Наконецъ, стали встрѣчаться даже случаи ночныхъ нападеній на одиночныхъ людей. Армяне глухо волновались, и многіе собирали свои пожитки, чтобы слѣдовать за нашими войсками, еслибы мы почему либо оставили городъ. Въ окрестностяхъ также появились значительныя толды вооруженныхъ курдовъ, а въ сосѣдніе санджаки прибывали регулярныя турецкія войска съ артиллеріею.

„Изъ всѣхъ этихъ извѣстій, писалъ князь Мирскій Лазареву отъ 18-го Апрѣля, вы увидите насколько спѣшно и необходимо прибытіе ваше къ дѣйствующему корпусу, а потому прошу васъ меня увѣдомить, когда вы можете выѣхать изъ Тифлиса“. Лазаревъ выѣхалъ на другой же день и 19-го числа былъ уже въ Карсѣ. Здѣсь, ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, онъ не могъ не признать положеніе Арзерумскаго отряда весьма опаснымъ, тѣмъ болѣе, что общее состояніе войскъ было весьма неудовлетворительно. Въ дѣйствующемъ корпусѣ, за возвращеніемъ въ Россію 1-й гренадерской дивизіи, остались только полки Кавказской гренадерской 39 и 40 дивизіи, Севастопольскій полкъ изъ 19-й, и два стрѣлковые, да два саперные батальона. За отмѣной экспедиціи со стороны Игдыря, Лазаревъ предполагалъ передвинуть на усиленіе главныхъ силъ большую часть Эриванскаго отряда.

Въ качествѣ командовавшаго дѣйствующимъ кор-

пусомъ Лазаревъ поражалъ всѣхъ и своею неутомимою дѣятельностью и необычайною простотою своей жизни. Въ Карсѣ онъ занималъ, какъ говоритъ Пржеславскій, одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, самое скромное помѣщеніе, состоявшее всего изъ двухъ, далеко не комфортабельныхъ, комнатъ: пріемной и кабинета, который служилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней и гостиною. Впрочемъ, онъ никогда и не любилъ жить сибаритомъ.

Съ ранняго утра до обѣда Лазаревъ принималъ у себя доклады начальника штаба, военнаго губернатора Карсской области, корпуснаго интенданта, освѣдомлялся о благосостояніи края, объ обезпеченіи войскъ довольствіемъ и отдавалъ энергическія распоряженія объ очисткѣ города, о спускѣ воды и канавъ, наполненныхъ оружіемъ и трупами, попавшими туда во время штурма, о перемѣщеніи массы турецкихъ раненыхъ изъ городскаго госпиталя въ окрестныя деревни на попеченіе поселянъ, и, наконецъ, о сожженіи турецкаго госпитальнаго имущества, могшаго только усилить, свирѣпствовавшую въ краѣ, эпидемію. Затѣмъ онъ почти ежедневно осматривалъ войска, посѣщалъ различныя городскія учрежденія и лично наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій. Весь день работа кипѣла у него съ лихорадочною дѣятельностью, и только уже позднимъ вечеромъ онъ давалъ себѣ полный отдыхъ, и въ это время любилъ поиграть въ вистъ или въ пикетъ съ своими обычными партнерами.

Насколько мѣры, принятыя Лазаревымъ по улучшенію матеріальнаго положенія войскъ, имѣли успѣшный результатъ, доказательствомъ можетъ служить письмо стараго кавказскаго ветерана, бывшаго начальника Лазарева по Дагестану, генералъ-адъютанта князя Григорія Димитріевича Орбеліани. „Приношу вамъ искреннюю благодарность, пишетъ Орбеліани къ Ивану Давыдовичу отъ 20-го мая, за ваше письмо, въ которомъ выражено

чувство вашего ко мнѣ расположенія, всегда дорого мною цѣнимаго. Оно сердечно радуетъ меня тѣмъ, что опять, по прежнему, возникаетъ между нами дружеская переписка. Я люблю васъ за то, что молодой поручикъ Лазаревъ и въ высшихъ чинахъ остается тѣмъ же неизмѣннымъ, непоколебимымъ въ своихъ честныхъ убѣжденіяхъ, какъ относительно служебныхъ обязанностей, такъ и дружескихъ. Вы радуете меня еще и потому, что наши несравненные солдаты, подъ вашимъ отцовски-неусыпнымъ попечительствомъ, наконецъ, успокоятся, отходнутъ и возстановятъ свои силы для новыхъ великихъ подвиговъ, послѣ тѣхъ страшныхъ, невыносимыхъ трудовъ, лишеній всякаго рода, голода и холода, которымъ они были безпомощно отданы на пожраніе въ теченіи всей зимы. Богъ свидѣтель, какъ я самъ здѣсь страдалъ за нашихъ героевъ-страдальцевъ, которые своимъ баснословнымъ мужествомъ спасли Закавказскій край и вмѣстѣ съ тѣмъ честь и славу всей русской арміи"...

Устроивъ, наконецъ, по возможности все, что касалось къ обезпеченію продовольственной части въ войскахъ, къ снабженію ихъ всѣми необходимыми предметами, и къ укомплектованію разстроенныхъ частей, Лазаревъ предпринялъ поѣздку въ Арзерумъ, съ цѣлью осмотрѣть Саганлугскій отрядъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ появленіемъ сдержать фанатизмъ мусульманъ, и поднять духъ христіанскаго населенія.

29-го Мая по Арзеруму разнеслась молва, что Лазаревъ ѣдетъ и будетъ ночевать въ Гассанъ-Кала, верстахъ въ двадцати отъ города. Весь Арзерумъ пришелъ въ неописанное волненіе. Куда не пойдешь, кого не встрѣтишь, говоритъ очевидецъ, вездѣ говорятъ о Лазаревѣ. Войска ликуютъ, но арзерумскіе турки серьезно призадумались, потому что въ пріѣздѣ Лазарева усматриваютъ тайную цѣль, что Арзерумъ навсегда оста-

нется у русскихъ. Они собираются въ кружки, шепчутся между собою и злобно поглядываютъ на толпы армянъ, ходившихъ по городу съ веселыми лицами. Еще за нѣсколько дней мы опасались возстанія въ городѣ, но одинъ слухъ, что ѣдетъ Лазаревъ, разсѣялъ всѣ мечтанія турокъ. Въ Арзерумѣ Лазарева никто еще не видѣлъ, но грозная молва о немъ предшествовала его пріѣзду, и турки и армяне, равно привыкшіе встрѣчать въ предмѣстникѣ его утонченную вѣжливость и мягкость въ обращеніи, теперь трепетали передъ суровымъ и строгимъ режимомъ новаго корпуснаго командира.

30-го мая съ утра всѣ лавки въ городѣ были заперты, и весь народъ, разряженный по праздничному, толпами валилъ за карсскую заставу. Въ 11 часовъ утра почетный караулъ съ распущеннымъ знаменемъ и музыкой прибылъ на консульскую площадь и выстроился у дома мѣстнаго богача Каспаръ-аги Назаряна, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для Лазарева. Всѣ городскія власти, съ военнымъ губернаторомъ генераломъ Духовскимъ во главѣ, французскій и персидскій консулы, армянскіе и греческіе эфендіи, ожидали его у городскихъ воротъ, а командующій войсками генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе встрѣтилъ его у самаго спуска съ девебойнской позиціи. Лазаревъ ѣхалъ верхомъ среди несмолкаемаго крика ура! и, снимая папаху, привѣтливо раскланивался съ народомъ. Вдругъ онъ придержалъ коня, пораженный стройнымъ пѣніемъ звучнаго дѣтскаго хора: это ученики армянскихъ школъ, выстроенные на высокомъ холмѣ, пѣли ему свою привѣтственную кантату: „Да здравствуетъ храбрый полководецъ, да здравствуетъ Лазаревъ, краса и слава своего народа“... Лазаревъ, видимо тронутый, подъѣхалъ къ дѣтямъ, поблагодарилъ ихъ и сказалъ, что посѣтитъ ихъ школы, чтобы лично убѣдиться, какъ они учатся „Въ наукѣ свѣтъ, сказалъ онъ имъ, а вы надежда и буду-

щіе свѣточи вашего народа“... У городскихъ воротъ онъ выслушалъ привѣтственную рѣчь городского муниципалитета, но здѣсь брови его сдвинулись и глаза метнули искры. „Радъ, что въѣзжаю въ вашъ городъ мирно и спокойно“, сказалъ онъ имъ сухо,—но этотъ короткій отвѣтъ сразу истолковалъ имъ, что ему извѣстно многое, что они считали покрытымъ глубокою тайною.

Описывая въѣздъ Лазарева, г-жа Духовская *) въ своемъ „Дневникѣ русской женщины“, говоритъ между прочимъ: я съ женою французскаго консула помѣстилась на балконѣ ихъ дома, который выходилъ на площадь, гдѣ собрался почетный караулъ, хоръ музыки и много офицеровъ въ мундирахъ. Говорятъ, что встрѣча за городомъ была необыкновенно торжественная; плоскія крыши домовъ были также буквально залиты народомъ; женщины махали Лазареву платками, кланялись и осѣняли его крестнымъ знаменіемъ. Наконецъ, и мы услыхали шумъ и крики ура! видимъ, впереди бѣжитъ масса красныхъ фесокъ; за ними двѣ сотни казаковъ съ большими значками; далѣе Лазаревъ, раскланивающійся направо и налѣво; съ обѣихъ сторонъ его—мужъ мой и князь Чавчавадзе; за ними много военныхъ, опять казаки, —и шествіе замыкалось неисчислимыми толпами народа. Флагъ на домѣ французскаго консула салютовалъ, а надъ домомъ корпуснаго командира взвилось русское знамя, какъ только Лазаревъ показался на площади. Все это вышло эффектно до поразительности; здѣшніе жители не запомнятъ подобнаго торжества“.

Другой очевидецъ, принадлежащій къ чинамъ нашего дипломатическаго корпуса, описываетъ смотръ, произведенный на слѣдующій день войскамъ, собраннымъ подъ Арзерумомъ. „Замѣчательны были, говоритъ онъ, то одушевленіе войскъ, и та горячая любовь, которыя были выражены ими храброму генералу. Многіе солдаты,

---

*) Супруга Арзерумскаго военнаго губернатора.

болѣвшіе тифомъ и еще не оправившіеся послѣ болѣзни, едва державшіеся на ногахъ, выпросились изъ госпиталя, чтобы встрѣтить его, какъ подобаетъ, въ строю. Проходя по фронту, Лазаревъ замѣтилъ одного изъ такихъ солдатъ, исхудалаго, съ желтымъ лицомъ, едва державшагося на ногахъ: колѣни его дрожали, голова была опущена внизъ. Лазаревъ остановился: „Это что такое? крикнулъ онъ, сдвинувъ угрюмыя брови: ты развѣ не русскій солдатъ, что стоишь съ опущенною головою. Стой прямо!“ Солдатъ собралъ послѣднія силы, поднялъ голову, вытянулся и принялъ неестественно бодрый видъ. „Вотъ такъ. Молодецъ! сказалъ Лазаревъ и, подойдя къ солдату, поцѣловалъ его. „Это мое спасибо,—сказалъ онъ,—за то, что ты больной пришелъ меня встрѣтить.“ Восторгу въ войскахъ не было предѣловъ. Да, Лазаревъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ генераловъ, которые умѣютъ обращаться съ солдатомъ, и за которымъ солдаты пойдутъ безповоротно, говорили мнѣ потомъ офицеры“.

На другой день, послѣ смотра, 2-го іюня, Лазаревъ принималъ въ залахъ губернаторскаго дома всѣхъ чиновъ гражданскаго управленія, городской муниципалитетъ, духовенство христіанское и мусульманское, почетныхъ гражданъ и именитыхъ турокъ. Лазаревъ обходилъ всѣхъ, со всѣми разговаривалъ, всѣхъ благодарилъ за службу, но къ туркамъ обратился съ грозной и категорическою рѣчью:

„Я слышалъ“, сказалъ онъ, „что мусульмане не довольны тѣмъ, что русскіе вступили въ Арзерумъ. Вы должны знать, что ничего не дѣлается безъ воли Аллаха. Если же вы недовольны, то ваши сѣтованія должны обратиться на ваше бывшее турецкое правительство, которое не могло защитить васъ. Наша граница, милостію Божіею,—нашъ мечъ. Трудно, не возможно стоять противъ него. Я желаю, чтобы мусульмане жили мирно, въ согласіи съ христіанами, и тогда милость на-

шего Императора будетъ простираться на всѣхъ одинаково. Я не потерплю, чтобы христіане, къ которымъ и я принадлежу, переносили прежнее суровое обращеніе. Вы будете хороши, и я буду хорошъ для васъ; вы будете дурны, и я буду дуренъ для васъ во сто кратъ больше. Совѣтую вамъ избѣгать моего гнѣва. Воспользуйтесь счастливымъ и мирнымъ управленіемъ нашимъ, займитесь своими дѣлами, пока дула русскихъ ружей будутъ охранять ваше спокойствіе. Но знайте, что если я услышу о какомъ нибудь намѣреніи съ вашей стороны нарушить это спокойствіе, я не употреблю противъ васъ оружія. Я не буду это чистое, святое оружіе государево пятнать гнусной и грязною кровью измѣнниковъ; я прикажу повѣсить васъ на вашихъ же собственныхъ веревкахъ и на вашихъ же деревьяхъ. Я разрушу и сожгу ваши дома и дворы; я не пощажу никого, ни высшихъ, ни нисшихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ и предстану смѣло передъ моимъ Богомъ. Я скажу, что я исполнилъ свой долгъ: я увѣщевалъ ихъ жить мирно. Знайте, что я свое слово держу; распросите обо мнѣ, и вы услышите, что я никогда не нарушалъ его. Желаю вамъ мира, чтобы намъ остаться друзьями...“

„Надо было присутствовать“, говоритъ одинъ очевидецъ, „чтобы понять тотъ ужасъ, который изображался на лицахъ турокъ во время рѣчи Лазарева, и я увѣренъ, что если у кого нибудь изъ нихъ таились злыя мысли, то онѣ исчезли изъ ихъ головы, до того страшна была вся фигура русскаго генерала. Весь этотъ день городъ только и толковалъ что объ этой рѣчи, передавая ее въ тысячи пересказахъ. Но тѣ, къ кому она относилась, не могли въ тоже время не отдавать ему и должной справедливости. „Въ каждомъ словѣ этого человѣка“, сказалъ одинъ сановный турокъ „слышаться твердость и сила. Это настоящій русскій муширъ: ему надо вѣрить“.

Въ общемъ Лазаревъ произвелъ на всѣхъ одинаково-сильное впечатлѣніе. Онъ сдѣлалъ визиты командующему войсками, военному губернатору, мѣстному архіепископу и другимъ почетнымъ лицамъ, не исключая турокъ, посѣтилъ въ городѣ всѣ учрежденія, церкви и школы, и вездѣ очаровывалъ всѣхъ крайнею простотою своего обращенія. „Сегодня,—отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ госпожа Духовская,—я познакомилась съ Лазаревымъ; какъ видно, онъ не изъ тѣхъ людей, которымъ высокій постъ кружитъ голову". Шестнадцать дней, которые Лазаревъ провелъ въ Арзерумѣ, были непрерывнымъ рядомъ торжественныхъ обѣдовъ и празднествъ, даваемыхъ въ честь его и русскими, и армянами, и турками. Но изъ всѣхъ этихъ празднествъ особенно симпатиченъ былъ ему праздникъ, устроенный 4-мъ стрѣлковымъ баталльономъ, который долгое время находился подъ его командой въ Дагестанѣ, и затѣмъ съ особеннымъ отличіемъ сражался въ его отрядахъ на Аладжѣ и на штурмѣ Карса. На праздникъ были приглашены не только всѣ офицеры, но и всѣ нижніе чины, когда либо служившіе подъ начальствомъ Ивана Давыдовича; въ арзерумскомъ отрядѣ ихъ собралось болѣе 200 человѣкъ, и Лазаревъ, такъ сказать, былъ окруженъ живыми воспоминаніями своего славнаго прошлаго. Вечеръ удался на славу, и гости разошлись только съ восходомъ солнца. Это было настоящее старое кавказское пиршество, со всѣми его атрибутами: съ музыкой, пѣсенниками, пляской, съ пушечными выстрѣлами и фейерверкомъ. Тостамъ за храбраго генерала не было конца. Лазаревъ былъ глубоко тронутъ любовью войскъ, а опираясь на эту любовь, онъ смѣло глядѣлъ впередъ и не боялся будущаго.

Еще недавно, разговаривая съ карсскимъ губернаторомъ, онъ спросилъ его: отобрано-ли отъ городскихъ жителей оружіе и благополучно-ли совершилась эта процедура?

— Горожане спокойно подчинились вашему распоряженію, отвѣтилъ губернаторъ. „Но, собирая оружіе, я приказалъ записывать имена хозяевъ и объявить имъ, что когда мы будемъ сдавать обратно Карсъ турецкому правительству, то возвратимъ имъ оружіе.

— „Какъ бы не такъ! Вы—князь Горчаковъ, что-ли?“ воскликнулъ Лазаревъ: „отдать туркамъ Карсъ, который стоилъ намъ столько крови... Да откуда это вы взяли, ваше превосходительство? Прежде чѣмъ сдать его туркамъ, я велю разорить и городъ и крѣпость, не оставивъ камня на камнѣ, такъ что жители не отыщутъ даже мѣста, гдѣ они когда-то стояли“. Тоже самое повторилъ онъ теперь и въ Арзерумѣ. „Карсъ мы взяли“ сказалъ онъ: „и не отдадимъ его назадъ, что бы не толковала тамъ берлинская конференція: а поупрямятся турки еще, то потеряютъ и Арзерумъ“. „Васъ мало— обратился онъ къ солдатамъ:— но ваша сила не въ числѣ, а въ вашей беззавѣтной преданности Государю. Прикажетъ онъ—и мы остановимся только тамъ, гдѣ насъ остановитъ смерть“. Солдаты грянули „ура!“ а пѣсенники запѣли пѣсню, только что сложенную про подвиги Лазарева.

Пробывъ послѣ этого праздника въ Арзерумѣ еще два дня, Лазаревъ 16-го іюня выѣхалъ обратно въ Карсъ и на пути получилъ извѣстіе о заключеніи мира. Карсъ, а равно Ардаганъ и Батумъ оставались за нами, но Арзерумъ приказано было сдать обратно турецкому правительству.

Глава XXVII.

Дѣятельность Лазарева по окончаніи войны.—Сношенія его съ Арзерумомъ.—Мѣры, принятыя имъ для огражденія христіанъ.—Оставленіе нами Арзерума.—Прощаніе Лазарева съ войсками.—Послѣднія награды.

Война окончилась. Приказомъ по войскамъ Кавказской арміи отъ 12-го Іюня дѣйствующій корпусъ со всѣми его управленіями былъ упраздненъ. Но одновременно съ тѣмъ образовано было новое управленіе отдѣльнаго карсскаго отряда, который, по прежнему, порученъ былъ генералу Лазареву.

Въ составъ этого новаго отряда вошли всѣ войска бывшаго дѣйствующаго корпуса, за исключеніемъ 1-ой гренадерской дивизіи, ушедшей въ Россію, и кавказской гренадерской дивизіи, вмѣстѣ съ 3-ю кавалерійскою, которыя выдѣлены были въ особый самостоятельный резервъ, не подчинявшійся начальнику отряда.

Такимъ образомъ, подъ начальствомъ Лазарева состояло въ карсской области: 40-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, Севастопольскій пѣхотный полкъ съ батареей 21-й артиллерійской бригады, 3-й Саперный батальонъ, восемь батальоновъ резервныхъ и 2-я кавалерійская дивизія съ конною терскою батареею. Кромѣ того, сюда же причислены были: 3-й Дагестанскій и Александропольскій конно-иррегулярные полки, куртинскій конно-иррегулярный дивизіонъ и 2-й Астраханскій казачій полкъ, занимавшій посты отъ Карса до Александрополя и Саракамыша.

Въ Арзерумской области расположены были: 39-я дивизія съ бригадой артиллеріи, 4-й Кавказскій стрѣлковый и 1-й Саперный батальоны, 1-я кавалерійская дивизія и конная батарея Кубанскаго войска. Гражданское управленіе всею, занятою нами турецкою террито-

ріею, включая сюда и самый Арзерумъ, находилось также подъ главнымъ вѣдѣніемъ Лазарева. Это была самая трудная часть во всей его тогдашней дѣятельности, потому что населеніе края, состоявшее изъ христіанъ и мусульманъ, находившихся, вслѣдствіе историческаго хода событій, въ крайне враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу—требовало отъ него высокой справедливости, строгости и настойчивости въ проведеніи всѣхъ административныхъ распоряженій. Вопросъ осложнялся тѣмъ, что удаленіе отъ своей операціонной базы, ставило въ необходимость довольствовать войска исключительно средствами края, нерѣдко въ ущербъ жителей, а развитіе болѣзненности въ войскахъ, вслѣдствіе совокупности множества неблагопріятныхъ причинъ климатическихъ, хозяйственныхъ и чисто военныхъ, довело до эпидеміи; борьба съ нею являлась возможной однако только при полной ассенизаціи зараженныхъ мѣстностей, а эта ассенизація встрѣчалась полнымъ недовѣріемъ въ средѣ населенія невѣжественнаго и фанатическаго. Къ этому въ послѣднее время добавилась еще эвакуація свыше шести тысячъ больныхъ, потребовавшая значительныхъ жертвъ и полнаго напряженія перевозочныхъ средствъ занятаго нами края. Къ счастію, Лазаревъ, въ лицѣ арзерумскаго военнаго губернатора генерала Духовскаго, нашелъ себѣ достойнаго помощника, дѣятельность котораго обратила на себя вниманіе не только нашихъ властей, но заслужила дань глубокаго уваженія турокъ и удивленіе иностранцевъ. Такимъ образомъ, всѣ эти многотрудныя задачи были выполнены администраціею арзерумской области блистательно, при томъ сердечномъ отношеніи къ дѣлу, которое проявило къ намъ армянское населеніе, пользовавшееся, по свидѣтельству генерала Духовскаго, каждымъ случаемъ, чтобы оказывать намъ услуги въ самыхъ многообразныхъ формахъ.

„Почти семи мѣсячное пребываніе въ Арзерумѣ

русскихъ“, писалъ онъ въ своемъ донесеніи Лазареву, „настолько сблизило насъ съ мѣстнымъ армянскимъ населеніемъ, что оно не хочетъ примириться съ мыслію объ оставленіи нами Арзерума. Все это отлично видятъ здѣшніе мусульмане, на которыхъ отношенія христіанъ къ русскимъ производятъ самое тяжелое, раздражающее впечатлѣніе. Мусульманамъ по неволѣ пришлось затаить на время свои чувства, но нельзя не предвидѣть, что, какъ только Арзерумъ будетъ покинутъ русскими, озлобленіе мусульманъ обнаружится въ самыхъ широкихъ размѣрахъ“.

Судьба христіанскаго населенія сильно тревожила Лазарева. Между нимъ и Духовскимъ происходили частыя сношенія, въ большинствѣ телеграммами, такъ какъ со времени обнародованія рѣшенія Берлинскаго конгресса среди армянъ Арзерумской области возникло сильное движеніе въ пользу поголовнаго переселенія въ предѣлы Россіи. Между тѣмъ недостатокъ свободныхъ земель и другія причины вынуждали наши власти всѣми мѣрами противодѣйствовать такому стремленію. Задача эта являлась очень трудною, такъ какъ ежедневныя столкновенія мусульманъ съ христіанами, сопровождаемыя со стороны турокъ угрозами поголовной рѣзни по уходѣ русскихъ, дѣлали всѣ наши увѣщанія безнадежными, и тревожное состояніе мѣстныхъ армянъ возрастало все болѣе и болѣе. Движеніе обнаружилось съ особенною силой 15-го Августа, когда военный губернаторъ получилъ отъ Лазарева депешу слѣдующаго содержанія: „Предваряю, что немедленно по сдачѣ намъ Батума и его округа, войска наши отойдутъ изъ Арзерума за линію новой границы. Прошу васъ теперь же озаботиться приведеніемъ въ ясность всего принятаго нами отъ турокъ имущества для безостановочной сдачи онаго тотчасъ по полученіи приказанія; подготовить и обусло-

вить самый порядокъ передачи Арзерума и предупредить о предстоящей перемѣнѣ турецкія власти“.

Депеша эта произвела на армянъ потрясающее впечатлѣніе. Вѣсть о скоромъ оставленіи края русскими въ высокой степени встревожило все населеніе. Жители бросили свои жатвы, оставляли уборку хлѣбовъ и массами спѣшили въ городъ провѣрить основательность этого слуха; здѣсь они находили полное ему подтвержденіе. Мысль бросить все и идти за русскими войсками еще съ большимъ упорствомъ поддерживалась многочисленными христіанскими жителями города. Волненіе стало общимъ, и мѣстному архіепископу Арутину стоило не малаго труда уменьшить первые порывы своей возбужденной паствы. Между тѣмъ Лазаревъ, постоянно и внимательно слѣдившій за этимъ дѣломъ, понялъ, что для успокоенія народа нуженъ его авторитетный голосъ и немедленно, 24-го августа, отправилъ къ армянамъ свою прокламацію. Но, къ сожалѣнію, она находилась еще въ пути, когда въ Арзерумѣ случилось происшествіе, носившее характеръ совершенно частный, но важное въ томъ отношеніи, что всѣ, послѣдовавшія затѣмъ событія, находились въ большей или меньшей связи съ упомянутымъ фактомъ. Въ ночь съ 30 на 31 августа въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Арзерума четыре турка ворвались въ одинъ армянскій домъ, изранили хозяина, и затѣмъ въ его присутствіи изнасиловали его жену. На крикъ сбѣжался однако народъ, явилась полиція, и трое турокъ были пойманы, но четвертый успѣлъ бѣжать и не былъ розысканъ. Вѣсть объ этомъ происшествіи въ преувеличенномъ видѣ немедленно облетѣла весь городъ, и встревоженные армяне толпами стали стекаться въ ограду своей церкви, гдѣ обыкновенно происходили у нихъ совѣщанія. Здѣсь стали звонить въ колокола, и при набатѣ сбѣжался народъ изъ отдаленныхъ частей города и даже изъ предмѣстій.

Наступило утро. Лавки купцовъ и ремесленниковъ были заперты, — обычный способъ протеста на востокѣ, и народъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, потребовалъ защиты отъ своего архіепископа. Увѣщанія послѣдняго не имѣли успѣха и только озлобили массу, которая рѣшилась идти къ дому губернатора. Чтобы сохранить какой нибудь порядокъ, архіепископъ пошелъ вмѣстѣ съ ними, во главѣ выбранной имъ депутаціи, а за ними валила толпа. Губернаторъ самъ вышелъ на встрѣчу и уговаривалъ народъ не тревожиться, обѣщая принять серьезныя мѣры къ обезпеченію мѣстнаго христіанскаго населенія. Успокоенная русскою властью, толпа стала уже расходиться, какъ вдругъ прибѣжалъ армянинъ съ крикомъ, что одинадцати-лѣтній сынъ его зарѣзанъ на турецкомъ базарѣ. На несчастіе, какъ разъ въ это время показался на улицѣ полицейскій обходъ, который велъ трехъ вчерашнихъ преступниковъ на гаубтвахту. Ожесточенная толпа отбила ихъ у полицейскихъ и стоило много усилій, чтобы вырвать ихъ изъ рукъ народа полуживыми. Волненіе охватило весь городъ, и Богъ знаетъ, какою междоусобицею разразилось бы напряженное состояніе и турокъ и армямъ, если бы въ этотъ моментъ не подоспѣла прокламація Лазарева. Духовской не приминулъ воспользоваться ею, какъ самымъ сильнымъ орудіемъ для успокоенія народа, и объявленіе ея поручилъ не полиціи, а самому духовенству. Архіепископъ въ тотъ же день собралъ весь народъ въ ограду соборной церкви, и, подъ торжественный звонъ колоколовъ, вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ Божій храмъ, гдѣ совершилъ торжественное богослуженіе. Затѣмъ онъ вышелъ къ народу въ полномъ святительскомъ облаченіи, развернулъ прокламацію Лазарева, и со ступеней святаго алтаря прочелъ во всеуслышаніе слѣдующее: „Армянскому народу Арзерума и его области. Дошло до моего свѣдѣнія, что христіан-

скіе жители Арзерума и прилегающихъ къ нему мѣстностей, оставляемыхъ въ скоромъ времени нашими войсками, согласно договора, заключеннаго между русскимъ и турецкимъ правительствомъ, безпокоятся о своемъ будущемъ положеніи и тревожатся даже о своей судьбѣ.

„Будучи поставленъ на высокій постъ главнаго начальника края, я имѣю положительныя данныя, преподанныя мнѣ свыше, что послѣ удаленія подчиненныхъ мнѣ войскъ, никто не нарушитъ вашего спокойствія, и ничто не коснется васъ для измѣненія вашего положенія къ худшему. Если среди васъ появляются неблагонамѣренные люди, которые изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, или по другимъ побужденіямъ, распространяютъ возмутительные и тревожные слухи, стараясь убѣдитъ васъ въ неизбѣжно предстоящихъ вамъ притѣсненіяхъ, то удаляйте ихъ отъ себя, и оставайтесь въ увѣренности достигнуть вполнѣ мирной жизни, не пытаясь переселяться изъ мѣстъ, гдѣ находятся могилы вашихъ предковъ, гдѣ живутъ ваши семейства; не покидайте мѣстъ, съ обладаніемъ которыхъ связано ваше матеріальное благосостояніе. Всякое переселеніе сопряжено съ большими лишеніями и невзгодами, а тѣмъ болѣе переходъ въ наши предѣлы,—въ страну вамъ незнакомую, гдѣ, во всякомъ случаѣ, ожидаетъ васъ неизвѣстное будущее. Вѣрьте, что участіе къ вамъ, обнаруживаемое державнымъ Нашимъ Императоромъ и его народомъ, одинаково раздѣляется другими государствами Европы, подписавшими Берлинскій трактатъ; и правительство отоманской имперіи, не сомнѣваюсь, съ полною охотой приметъ на себя всѣ обязанности, лежащія на немъ въ отношеніи васъ, одинаково какъ и ко всѣмъ другимъ подданнымъ, и что принимаемыя имъ мѣры бубутъ направлены къ тому, чтобы гарантировать вамъ, какъ имущественную, такъ и полную личную безопасность.

„Въ бытность мою въ Арзерумѣ, я высказывался въ томъ же смыслѣ вашимъ представителямъ, и, будучи глубоко убѣжденъ въ искренности намѣреній турецкаго правительства и прочности участія, которое вы встрѣчаете повсюду, вновь подтверждаю полную для васъ необходимость подчиниться законнымъ властямъ, и видѣть въ нихъ полную для васъ опору. Если дѣла позволятъ мнѣ, то я еще разъ побываю въ Арзерумѣ и лично повторю все то, что теперь объявляю въ этой прокламаціи. Въ заключеніе, я выражаю надежду, что вы, съ увѣренностью въ справедливости всего вышеизложеннаго, будете держаться настоящаго моего къ вамъ оповѣщенія“.

Народъ, подъ вліяніемъ одного только имени Лазарева, выслушалъ прокламацію въ благоговѣйномъ молчаніи, а трогательная рѣчь архіепископа, въ яркихъ образахъ изобразившаго ту бѣдственную участь, которую могли встрѣтить переселенцы на чужбинѣ, окончательно сломило упорство народа, и многіе, уже двинувшіеся изъ своихъ селеній большими караванами, вернулись назадъ. Въ тоже время для большаго успокоенія арзерумскихъ жителей, генералъ Духовской вызвалъ изъ лагеря батальонъ пѣхоты и занялъ караулы на площадяхъ и улицахъ. Ночные патрули были усилены. Спокойствіе мало по малу стало возстановляться, но армяне говорили открыто, что надѣяться на турецкое правительство они ни въ какомъ случаѣ не могутъ, и, ссылаясь на прежніе опыты, пророчили и ожидали большихъ безпорядковъ послѣ ухода русскихъ. Слухи объ этомъ усилились еще болѣе, когда стало извѣстно, что арзерумскимъ валіемъ по прежнему останется муширъ-Измаилъ-паша. „Все христіанское населеніе,—писалъ по этому поводу арзерумскій губернаторъ къ генералу Лазареву,—близко знакомое съ прошлою дѣятельностью этого мушира, относится къ его нынѣшнему назначенію

крайне не дружелюбно. Всѣ утверждаютъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ въ должности арзерумскаго вали слѣдовало бы видѣть болѣе энергичнаго и безпристрастнаго человѣка, не поддающагося фанатизму, и не смотрящаго съ обычнымъ равнодушіемъ на настоящія враждебныя отношенія мусульманскаго и христіанскаго элементовъ. Не только введеніе обѣщанныхъ реформъ, но и нѣкоторое улучшеніе соціальнаго положенія здѣшняго христіанскаго населенія при правленіи мушира Измаилъ-паши считается дѣломъ не сбыточнымъ, и вотъ почему прибытіе его въ Арзерумъ обозначаетъ лишь возобновленіе существовавшихъ до войны порядковъ. Таково общественное мнѣніе объ Измаилѣ".

Между тѣмъ наступило время передачи Арзерума туркамъ. 1-го сентября выступилъ изъ города первый эшелонъ русскихъ войскъ, а 6-го прибылъ въ городъ турецкій губернаторъ Гаджи-Гуссейнъ-паша, и тотчасъ же послѣдовала передача туркамъ городскихъ учрежденій. Весь этотъ день христіанское населеніе Арзерума толпилось у дома русскаго губернатора, благодарило его за управленіе, прощалось съ нимъ, повѣряло ему свои затаенныя скорби. „Видно было—говоритъ Духовской въ своихъ запискахъ—что народъ переживалъ весьма чувствительную для него минуту".

7-го числа въ 11 часовъ утра въ городъ вступили турецкія войска: два батальона пѣхоты, батарея и три эскадрона уланъ, подъ начальствомъ ферика Муссы-паши Кундухова. За городомъ встрѣтилъ его нашъ комендантъ съ эскадрономъ драгунъ при хорѣ трубачей, а у квартиры ожидалъ почетный караулъ отъ Бакинскаго пѣхотнаго полка. Массы народа съ утра двинулись къ трапезундскимъ воротамъ, а по пути всѣ крыши домовъ были заняты мужчинами и женщинами, преимущественно магометанами, обратно тому, какъ было при торжественномъ въѣздѣ въ Арзерумъ генерала Лазарева.

Тогда толпы христіанъ кричали ура, и всюду слышна была зурна, а теперь толпы мусульманъ по своимъ обычаямъ были безмолвны; только городскіе улемы, шедшіе толпою впереди войскъ, со своимъ священнымъ знаменемъ, да ученики мусульманскихъ школъ съ кораномъ, который несъ на головѣ одинъ изъ нихъ, пѣли свои молитвы. Мусса Кундуховъ, бывшій генералъ нашей службы, отлично говорившій по русски, проѣхалъ прямо въ мечеть и потомъ сдѣлалъ визиты командующему войсками генералу Шереметеву, военному губернатору и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Въ это время, по предварительному условію, происходила смѣна нашихъ карауловъ турецкими, а затѣмъ всѣ наши административныя лица выѣхали изъ города въ лагерь, и въ пять часовъ пополудни, 7-го Сентября, Арзерумъ сталъ снова турецкимъ городомъ.

На слѣдующій день выступили изъ лагеря и послѣднія русскія войска, вмѣстѣ со всѣми чинами русскаго управленія. У карсскихъ воротъ ихъ встрѣтилъ турецкій батальонъ съ музыкой и со знаменемъ. Русскіе генералы остановились противъ турецкаго войска, и послѣдній эшелонъ Арзерумскаго отряда прошелъ мимо нихъ, причемъ звуки нашей музыки сливались съ турецкою. На всѣхъ возвышенностяхъ толпились любопытные турки, пришедшіе посмотрѣть на уходъ русскихъ. Христіанъ почти не было видно. Обѣ стороны видимо избѣгали другъ друга, но напряженіе было такъ велико, что довольно было малѣйшей искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ.

„Въ послѣдніе дни нашего пребыванія въ краѣ, „писалъ Духовской генералу Лазареву“, произошло 32 случая грабежей, убійствъ и насилій, совершенныхъ надъ христіанами, и хотя все это были случаи частные, которые не носили характера общаго заговора, но тѣмъ не менѣе они давали поводъ къ распространенію слуховъ, что въ предстоящій праздникъ байрама готовится

рѣзня христіанъ. Передъ своимъ отъѣздомъ я имѣлъ по этому поводу продолжительный разговоръ съ Муссою Кундуховымъ, который, хотя отказывался вѣрить въ существованіе подобнаго заговора и отрицалъ самую возможность приведенія его въ исполненіе, однако же, во избѣжаніе всякихъ случайностей, немедленно принялъ самыя энергическія мѣры. Потомъ я узналъ, что наканунѣ байрама собраны были имъ всѣ старшины и почетныя лица изъ окрестностей Арзерума и имъ объявлено, что, въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ въ ихъ деревняхъ, они отвѣтятъ ему своими головами. Тоже самое, по его приказанію, повторено было во всѣхъ городскихъ мечетяхъ Арзерума, а въ самый день праздника, когда здѣшній муфтій съ высшимъ духовенствомъ и почетными жителями явились къ пашѣ съ поздравленіями, онъ въ отвѣтной рѣчи имъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Честь нашего султана требуетъ, чтобы мусульмане относились къ христіанамъ дружелюбно, болѣе чѣмъ когда нибудь. Я, какъ представитель свѣтской власти, и ты муфтій, какъ глава духовенства, одинаково должны заботиться оправдать обѣщаніе нашего повелителя. Если же вопреки всѣмъ ожиданіямъ будетъ какое нибудь движеніе противъ общихъ нашихъ соотечественниковъ-христіанъ, то будь увѣренъ, муфтій, что сперва тебя повѣсятъ, ибо ты не съумѣлъ внушить народу должное, а потомъ меня, за то, что я не умѣлъ удержать ваши страсти оружіемъ“.

„Во все время праздника паша воспретилъ продажу горячихъ напитковъ, а также появленіе на улицахъ кого бы то ни было послѣ 8 часовъ вечера. Болѣе тысячи человѣкъ пѣхоты и конницы патрулировали по городу, и по дошедшимъ до меня слухамъ, въ первую же ночь арестовано было болѣе 40 подозрительныхъ турокъ, при которыхъ найдено было оружіе и матеріалы для поджоговъ. Вообще Арзерумъ подвергнутъ нынѣ всѣмъ стро-

гостямъ военнаго положенія, и войскамъ данъ приказъ употреблять въ крайнихъ случаяхъ оружіе“.

Лазаревъ благодарилъ Кундухова письмомъ за принятыя имъ мѣры, но въ то же время послалъ и энергическую телеграмму къ муширу Измаилу-пашѣ. „Васъ не нужно увѣрять, муширъ, „писалъ ему между прочимъ Лазаревъ, „что мнѣ стоитъ сказать слово“: переселяйтесь въ наши предѣлы,—и у васъ могутъ опустѣть цѣлыя провинціи, населенныя христіанами“...

Муширъ на этотъ разъ отнесся къ своимъ обязанностямъ болѣе строгимъ образомъ и телеграфировалъ Лазареву:

„Я получилъ депешу вашего превосходительства и приношу вамъ сердечную благодарность за заботы ваши о будущей и настоящей судьбѣ христіанъ. Для огражденія ихъ правъ, мною сдѣлано все, что слѣдуетъ, и надѣюсь, съ Божіею помощью, оправдать ваши ожиданія“. Въ то-же время онъ извѣстилъ Лазарева письмомъ, что въ Арзерумъ отправленъ Мусса-паша съ полномочіями, въ случаѣ малѣйшаго неповиновенія мусульманъ, по отношенію къ сохраненію порядка, казнить ихъ смертію.

Это была послѣдняя услуга, оказанная Лазаревымъ христіанскому населенію, оставшемуся по жребію войны за Турціей. Въ то-же время съ очищеніемъ Арзерума и завоеванныхъ нами территорій, перешедшихъ опять въ руки турецкаго правительства, частный арзерумскій отрядъ былъ упраздненъ, и войска, подъ начальствомъ Ивана Давыдовича, сосредоточились исключительно въ Карсской области.

Кампанія окончилась. Занавѣсъ опустился, и войска стали расходиться на свои зимовыя квартиры. Лазаревъ безпрерывно выѣзжалъ на смотры, прощался съ полками, благодарилъ ихъ за безпримѣрную службу и храбрость. Но особенно трогательно было прощаніе его съ 3-мъ Дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ. Это былъ

полкъ излюбленный Иваномъ Давыдовичемъ. Онъ былъ составленъ изъ тѣхъ самыхъ горцевъ, которыми когда-то Лазаревъ такъ долго начальствовалъ въ Дагестанѣ, и которые въ настоящей кампаніи, въ кровавой борьбѣ съ своими единовѣрцами, на его глазахъ, заслужили георгіевское знамя себѣ и георгіевскій крестъ храброму своему командиру подполковнику князю Чавчавадзе, какъ бы оправдывая тѣмъ старинныя попеченія о нихъ Лазарева. Вотъ что писалъ онъ въ своемъ прощальномъ приказѣ по Карсскому отряду:

„Прибывъ въ началѣ минувшей компаніи на театръ войны, 3-й Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ вскорѣ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, знаменуя ихъ подвигами наравнѣ съ прочими русскими войсками. При первой блокадѣ Карса, въ дѣлѣ 3-го Мая, при штурмѣ этой крѣпости, въ бою на Орлокскихъ высотахъ и въ кавалерійскомъ дѣлѣ подъ Базарджикомъ, вездѣ онъ отличался доблестною храбростью, и, усѣявъ поля битвъ костями своихъ всадниковъ, завоевалъ себѣ истинную военную славу.

„Рзставаясь нынѣ съ храбрымъ Дагестанскимъ полкомъ, и съ сожалѣніемъ вспоминая о тягостныхъ потеряхъ, понесенныхъ имъ въ теченіи кампаніи, я считаю своимъ долгомъ объявить подполковнику князю Чавчавадзе, достойному и храброму предводителю полка, и всѣмъ офицерамъ искреннюю мою благодарность, а всадникамъ сердечное спасибо.

„Дагестанцы! Возвратясь къ роднымъ очагамъ, разскажите вашимъ землякамъ о подвигахъ доблести и отваги, оказанныхъ совмѣстно съ прочими кавказскими войсками. Да послужатъ эти подвиги примѣромъ всѣмъ, и да укрѣпятъ узы, связующія вашу родину съ нашимъ общимъ отечествомъ“.

Не менѣе трогательно было прощаніе его и съ 40-ю дивизіей, которая, послѣ штурма Карса, сдѣлалась ему

какъ бы родною. Лазаревъ, видѣвшій на своемъ вѣку много геройскихъ подвиговъ, послѣ взятія Канлы, Хафиза и Карадага, сердечно привязался къ полкамъ этой дивизіи и неоднократно говаривалъ, обращаясь къ солдатамъ: „Много полковъ я видѣлъ, многими командовалъ самъ, но такихъ, какъ вы, еще никогда не видѣлъ“. Сердечное отношеніе это отразилось и въ томъ приказѣ, который отданъ былъ имъ по отряду 16-го Сентября 1878 года:

„Полки 40-й пѣхотной дивизіи!“

„Война окончена; тяжелое время пережито; вы возвращаетесь на родину. Разставаясь съ вами, мнѣ становится тяжело, какъ будто я прощаюсь съ горячо любимыми дѣтьми.

„Ваши геройскіе подвиги, ваше мужество и храбрость, ваша беззавѣтная покорность судьбѣ при тяжелыхъ испытаніяхъ,—заслуживаютъ удивленія и будутъ лучшимъ воспоминаніемъ моимъ до гробовой доски.

„Не мнѣ благодарить за службу героевъ, изумившихъ міръ своими подвигами и завоевавшихъ себѣ неувядаемую славу безпримѣрнымъ штурмомъ Карса и въ другихъ дѣлахъ, я только скажу вамъ, что буду считать себя счастливымъ, если мои родные дѣти будутъ такъ служить Царю и отечеству.

„Прощайте, съ Богомъ, въ путь!“

Иванъ Давыдовичъ находился все это время въ грустномъ расположеніи духа. „Война окончена, сказалъ онъ разъ Пржецлавскому: услуги наши становятся не нужными, да и мнѣ пора отдохнуть въ кругу моего семейства...“. Но этимъ надеждамъ Ивана Давыдовича не суждено было осуществиться. 17-го сентября, въ тотъ самый день, когда онъ прощался съ полками 40-й дивизіи, пришла телеграмма, извѣщавшая его объ опасномъ положеніи его супруги, Анны Давыдовны. Онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Тифлисъ, но не засталъ уже ее

въ живыхъ. Въ сердечной скорби Лазарева приняло участіе рѣшительно все общество. Похороны были торжественныя, и множество народа, знакомаго и незнакомаго, проводили гробъ ея до Ванкскаго собора, гдѣ въ церковной оградѣ приготовлена была для нея могила. Тогда же, какъ бы въ предчувствіи близкой своей кончины,—хотя желѣзный организмъ не подавалъ къ тому никакого повода,—Иванъ Давыдовичъ указалъ рядомъ съ нею мѣсто и для своего вѣчнаго успокоенія. Глубокая скорбь его о тяжкой утратѣ нашла себѣ глубокое отраженіе и въ чужомъ теперь Арзерумѣ, гдѣ имя его не переставало произноситься съ благоговѣніемъ. Даже самъ муширъ Измаилъ-паша счелъ нужнымъ выразить ему теплое участіе, „какъ старшему брату и другу". Русская миссія, остававшаяся еще въ столицѣ Анатоліи, также прислала ему сочувственную телеграмму: „Сегодня, сказано было въ этой депешѣ:—архіепископъ Арутинъ служилъ обѣдню и торжественную панихиду по усопшей вашей супругѣ. Трогательное слово архипастыря произвело глубокое впечатлѣніе на стекшійся въ громадномъ количествѣ народъ, искренно сочувствующій вашей тяжкой потерѣ".

Но душевное состояніе, которое переживалъ Иванъ Давыдовичъ, не помѣшало однако же его служебной дѣятельности. 28-го сентября онъ уже былъ опять въ Карсѣ и занимался составленіемъ проэкта объ управленіи, вновь присоединенной къ намъ Карсской области и части Батумскаго округа.

Основной принципъ управленія, вновь завоеваннымъ краемъ, долженъ былъ заключаться, по мнѣнію его, въ томъ, чтобы управленіе, вводимое въ тѣ области, которыя присоединены къ Россіи по Берлинскому трактату, не имѣли рѣзкаго различія отъ порядка, существовавшаго во время турецкаго владычества, но, конечно, въ лучшей и болѣе правильной формѣ. „Привычка народа

къ установившемуся управленію,—писалъ онъ,—обычаи и нравы, закрѣпившіеся въ немъ, такъ тѣсно связаны съ его бытовою жизнію и благосостояніемъ, что крутой поворотъ отъ одной формы управленія къ другой, хотя и полезной, не можетъ имѣть благодѣтельныхъ послѣдствій для самаго народа, въ пользу котораго вводится управленіе.

„Извѣстно, что при турецкомъ правительствѣ существовалъ въ означенныхъ провинціяхъ слѣдующій порядокъ: всѣ дѣла по взысканію податей, разныхъ сборовъ и т. д. лежали на обязанности лицъ административнаго вѣдомства; всѣ дѣла торговыя вѣдались коммерческими судами, а дѣла по маловажнымъ проступкамъ разбирались словесно и гласно въ окружныхъ и городскихъ меджлисахъ людьми, выбираемыми самимъ народомъ. Что же касается до дѣлъ уголовныхъ, то онѣ разсматривались уже въ меджлисахъ губернскихъ, и въ подлежащихъ случаяхъ утверждались совѣтомъ, состоящимъ при валіи.

„Этотъ краткій перечень, хотя не даетъ подробнаго и полнаго понятія о турецкомъ управленіи, но представляетъ достаточное основаніе безошибочно пологать, что, населяющія азіатскую Турцію, народности давно вышли изъ первобытнаго состоянія и способны къ воспринятію такого управленія, какое вообще существуетъ въ цивилизованныхъ государствахъ. Это тѣмъ болѣе, что здѣсь давно уже существуетъ, напр., сборъ за право торговли, тогда какъ подобный сборъ введенъ у насъ, въ Закавказскомъ краѣ, только въ 1875 году. Едвали поэтому будетъ правильно примѣнить къ завоеваннымъ нами провинціямъ военно-народное управленіе, какъ это сдѣлано въ Чечнѣ и Дагестанѣ, находившихся совершенно въ другихъ условіяхъ. Племена, населяющія эти мѣста, были въ дикомъ состояніи. У нихъ, строго говоря, не существовало никакого управленія. Воля имамовъ

и поставленныхъ ими правителей составляла законъ. Понятно, что при такомъ уровнѣ развитія народа установленіе въ Чечнѣ и Дагестанѣ военно-народнаго управленія было мѣрою благоразумною и имѣло успѣхъ; но то, что привилось къ Чечнѣ и Дагестану, едва-ли будетъ пригодно для азіатской Турціи, достигшей до извѣстной степени цивилизованнаго состоянія. Наконецъ, ожидаемое, въ силу Берлинскаго трактата, улучшеніе управленія въ сосѣднихъ съ нами пашалыкахъ, даютъ основаніе допустить, что военно-народное управленіе въ означенныхъ мѣстахъ не будетъ соотвѣтствовать ни понятію народа, ни той высокой миссіи, которую правительство имѣетъ въ виду въ отношеніи улучшенія быта народа и распространенія въ немъ цивилизаціи.

„По соображеніямъ признавалось-бы болѣе цѣлесообразнымъ введеніе въ здѣшнихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, вполнѣ гражданскаго управленія, вмѣстѣ съ положеніемъ о сельскомъ управленіи, которое съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть примѣнено къ селеніямъ, при соединеніи малочисленныхъ изъ нихъ въ одну общину, и съ гласнымъ судопроизводствомъ на тѣхъ началахъ, на какихъ введено оно въ Закавказскомъ краѣ. Можно-бы было допустить даже институтъ присяжныхъ, такъ какъ народные суды существовали въ азіатской Турціи, но въ виду того, что у насъ въ Закавказскомъ краѣ подобные суды еще не введены, мѣра эта представляется рановременной, пока не будетъ признано возможнымъ примѣнить судебные уставы уже къ цѣлому краю. Единообразная форма правленія есть прямой и легчайшій путь къ скорѣйшему объединенію окраинъ съ Россіей.

„Что же касается до высшаго административнаго лица въ губерніи, то безспорно оно должено быть обставлено нѣсколько иначе, чѣмъ губернаторъ въ Закавказскомъ краѣ. Такъ какъ въ сосѣднихъ съ нами

турецкихъ провинціяхъ, именно въ Арменіи, учреждено генералъ губернаторство, то и въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ необходимо учредить военнаго губернатора, съ нѣкоторыми болѣе широкими правами въ сферѣ его административной дѣятельности".

Эти въ высшей степени разумныя идеи были, такъ сказать, послѣднимъ выраженіемъ его кратковременнаго, но плодотворнаго командованія корпусомъ и управленія краемъ. 15-го Октября званіе начальника Карсскаго отряда было упразднено, и Иванъ Давыдовичъ, назначенный состоять при главнокомандующемъ кавказскою арміею, возвратился въ Тифлисъ.

„Разставаясь нынѣ съ вами, мои боевые товарищи, сподвижники и сослуживцы,—писалъ онъ въ своемъ прощальномъ приказѣ: „считаю священнымъ долгомъ, отъ всей души и отъ всего моего стараго солдатскаго сердца, благодарить всѣхъ и каждаго отъ генерала до солдата включительно, за безпримѣрную службу вашу государю и отечеству въ минувшую кампанію".

Вскорѣ послѣ того, какъ Иванъ Давыдовичъ возвратился въ Тифлисъ, наступилъ георгіевскій праздникъ, чествуемый въ этомъ году съ особенною пышностью въ столицѣ, куда вызваны были всѣ георгіевскіе кавалеры, какъ представители послѣднихъ подвиговъ, внесшихъ въ боевую лѣтопись Россіи не мало новыхъ славныхъ страницъ. Иванъ Давыдовичъ, какъ одинъ изъ выдающихся боевыхъ дѣятелей, носившій, въ числѣ немногихъ лицъ въ Россіи, Георгія 2-го класса, *) былъ также вызванъ въ Петербургъ, и въ самый день праздника, 26-го Ноября, во время большаго выхода въ зимнемъ дворцѣ, государь лично поздравилъ его генералъ-адьютантомъ.

---

*) Кавалеровъ Св. Георгія 2-го класса въ Россіи было въ то время только 11 человѣкъ: Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, князь Барятинскій, Лидерсъ, графъ Евдокимовъ, графъ Милютинъ, Непокойчицкій, Тотлебенъ, Радецкій, князь Святополкъ-Мірскій, Лорисъ-Меликовъ и Лазаревъ.

Вслѣдъ затѣмъ высочайшимъ приказомъ 1-го Февраля 1879 года генералъ-адьютантъ Лазаревъ назначенъ командиромъ 2-го Кавказскаго корпуса.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Арзерума, турецкій муширъ Измаилъ-паша телеграфировалъ Ивану Давыдовичу: „Сверхъ всѣхъ почестей, которыми Вы были осыпаны по вашимъ достоинствамъ, съ величайшимъ удовольствіемъ я узналъ о возведеніи васъ его величествомъ императоромъ въ званіе генералъ-адьютанта, а вслѣдъ затѣмъ съ еще большею радостію и сочувствіемъ слышалъ о назначеніи васъ командиромъ 2-го корпуса. Позволяю себѣ, по этому поводу, выразить вамъ свою живѣйшую радость и принести сердечное поздравленіе“.

Такимъ образомъ, Лазаревъ, проведшій девять лѣтъ въ совершенномъ бездѣйствіи, въ три мѣсяца войны получилъ ордена: Бѣлаго Орла, Георгія 3-й степени, Георгія 2-го класса, достигъ званія корпуснаго командира, назначенъ генералъ-адьютантомъ и получилъ иностранные ордена: Pour-le-mérite, орденъ Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго 2-го класса и золотую Черногорскую медаль „за храбрость“. Кромѣ того фортъ Канлы повелѣно именовать навѣчно „фортомъ Лазарева“.

Глава XXVIII.

(1879)

Причины, вызвавшія ахалъ-текинскую экспедицію.—Генералъ Ломакинъ.—Назначеніе Лазарева командующимъ войсками въ Закаспійскомъ краѣ.—Первый объѣздъ его края.—Сосредоточеніе войскъ въ Чикишлярѣ.—Предварительныя распоряженія къ экспедиціи.—Препятствія, встрѣчаемыя Лазаревымъ въ заготовкѣ провіанта.—Начало похода.

Едва окончилась турецкая война, какъ въ Тифлисѣ заговорили о большой экспедиціи въ средне-азіатскія степи. Слухи объ этомъ ходили смутные, но общій говоръ уже указывалъ на генералъ-адъютанта Лазарева, какъ на начальника, которому будетъ поручена экспедиція.

Мало по малу стали выясняться мотивы, принудившіе наше правительство озаботиться снаряженіемъ дорого стоящаго отряда *).

Изъ Закаспійскаго отдѣла приходили все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Командовавшій тамъ войсками генералъ Ломакинъ доносилъ о безпрерывныхъ нападеніяхъ текинцевъ не только на одиночныхъ людей, но даже на небольшія команды, высылаемыя изъ нашихъ укрѣпленій. Чикишляръ и Чатъ, стоявшіе на линіи Атрека, находились почти въ постоянной блокадѣ, и изъ нихъ никто не осмѣливался выѣзжать безъ сильнаго прикрытія. Высланная изъ Чата осенью 1878 года небольшая команда артиллеристовъ, тотчасъ подверглась нападенію, и пять человѣкъ уведены были въ плѣнъ. Ломакинъ задержалъ текинскій караванъ и при немъ 18 человѣкъ, которыхъ оставилъ въ качествѣ заложниковъ, впредь до освобожденія нашихъ плѣнныхъ. Но мѣра эта

*) На одни предварительныя приготовленія потребовалось около 2-хъ милліоновъ рублей (Ар. Кав. В. окр. Дѣло 1879 г. № 68).

оказалась мало дѣйствительною. 24 Декабря, въ рождественскій сочельникъ, туркмены сами атаковали чикишлярское укрѣпленіе, съ цѣлью истребить его гарнизонъ и находившіеся вблизи аулы. Нападеніе было отбито, но разбои продолжались цѣлую зиму, являясь помѣхой къ правильному движенію торговыхъ каравановъ въ Хиву и къ Красноводску. Было очевидно, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты рѣшительныя мѣры къ обузданію текинцевъ, ни какихъ правительственныхъ цѣлей въ этомъ краѣ мы достигнуть не можемъ. Хищническое гнѣздо ихъ оставалось единственной страной во всей средней Азіи, откуда безнаказанно выходили разбойничьи шайки, нападая на сосѣднія земли и преимущественно на пограничныя персидскія владѣнія. Вотъ что писалъ по этому поводу генералъ Ломакинъ: *) „Нельзя безъ ужаса слышать разсказовъ полковника Гродикова **), проѣхавшаго по окраинамъ ихъ земли, вдоль персидской границы: кругомъ, куда только достигали набѣги туркменъ, все истреблено, выжжено, разорено, и только рядъ могильныхъ холмовъ остаетея на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда были цвѣтущія села. Вся средняя Азія, Авганистанъ, Бухара и Хива смотрятъ на насъ и ждутъ, когда мы, наконецъ, покончимъ съ этимъ раз-

*) Письмо его къ начальнику штаба Кавказскаго Военнаго округа 2-го Января 1879 г. № 15.

**) Полковникъ Гродиковъ служилъ сперва на Кавказѣ, потомъ былъ начальникомъ штаба у генерала Скобелева въ Ферганской области, и, наконецъ, послѣ турецкой войны назначенъ былъ начальникомъ штаба тѣхъ войскъ, которыя собраны были въ Туркестанѣ для похода въ Индію, и даже, какъ пишетъ генералъ Духовской, тронулись въ походъ, но были остановлены съ открытіемъ Берлинскаго конгресса. Осенью 1878 года Гродиковъ, не мѣняя своего военнаго костюма, только съ тремя проводниками изъ туземцевъ, проѣхалъ изъ Самарканда прямою дорогой въ Гератъ, а оттуда черезъ Мешхедъ и Астрабадъ въ Красноводскъ. Описаніе этой поѣзки, съ весьма подробными свѣдѣніями о пройденномъ краѣ, путяхъ на немъ и объ отношеніи туркменъ къ сосѣднимъ съ ними авганскимъ и персидскимъ провинціямъ, тогда только что были напечатаны и возбуждали общее любопытство. (письмо Духовскаго къ И. Д. Лазареву).

бойничьимъ племенемъ. Въ послѣднее время оружіе ихъ обратилось почти исключительно противъ насъ, что объясняется съ одной стороны заложеніемъ нами передового укрѣпленія въ Чатѣ, которое значительно стѣснило ихъ дѣйствія, а съ другой—онѣ имѣютъ несомнѣнный источникъ въ подстрекательствѣ англичанъ, изъ которыхъ двое замѣчены были даже въ послѣднемъ дѣлѣ подъ Чикишляромъ, гдѣ они руководили текинцами. Съ этимъ соглашался и посланникъ нашъ въ Тегеранѣ. Онъ сообщалъ, что экспедиціи, предпринимаемыя нами до сихъ поръ въ Закаспійскомъ краѣ, не достигали главной своей цѣли—подчиненія текинцевъ нашему владычеству, а это производило въ Персіи весьма не выгодное впечатлѣніе, вызывая толки о нашихъ неудачахъ. Въ интересахъ русскаго вліянія нельзя было допускать подобнымъ убѣжденіямъ укореняться въ Персіи, особенно при соперничествѣ съ нами англичанъ, успѣхи которыхъ въ войнѣ противъ авганцевъ содѣйствовали быстрому возрастанію вліянія Англіи. Международныя причины до сихъ поръ не позволяли нашему правительству приступить къ какой нибудь рѣшительной политики относительно текинцевъ, но движеніе, предпринятое англичанами въ Кабулъ, развязало наконецъ намъ руки. Прочное занятіе ахалъ-текинскаго оазиса, приближая насъ къ границамъ Хоросана, должно было послужить противовѣсомъ, какъ возрастающему вліянію Англіи въ этихъ краяхъ, такъ и расширенію ея азіатскихъ владѣній.

Въ Петербургѣ сознавали, что до тѣхъ поръ пока въ туркменскихъ степяхъ будутъ кочевать племена, никому не подчиненныя и не признающія надъ собою никакой власти, спокойствіе не можетъ быть водворено, и что граница наша не можетъ быть прочно установлена, пока не дойдетъ до предѣловъ странъ, признающихъ между народные трактаты и отношенія. Въ этихъ видахъ,

по соглашенію съ персидскимъ правительствомъ, и была рѣшена экспедиція съ цѣлью занять ахалъ-текинскій оазисъ и окончательно подчинить нашей власти все его населеніе. Такъ какъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ этого оазиса, и главнымъ, такъ сказать, административнымъ центромъ, служила крѣпость Геокъ-тепе, находившаяся верстахъ въ шестидесяти отъ Асхабада, то къ овладѣнію ею и должны были направиться всѣ наши усилія. Тамъ скучивалось самое густое населеніе текинцевъ, тамъ находились богатыя ихъ пашни и обильныя пастбища, тамъ собирались народныя сходки и оттуда-же исходили обыкновенно всѣ крупныя и важныя предпріятія текинцевъ.

Такимъ образомъ, планъ экспедиціи былъ утвержденъ; оставалось только выбрать начальника, которому можно бы было поручить это трудное и сложное предпріятіе. Генералъ Ломакинъ, командовавшій уже девять лѣтъ войсками въ Закаспійскомъ отдѣлѣ, ближе другихъ стоялъ къ этому дѣлу, но послѣднее нападеніе туркменъ на Чикишляръ, о которомъ мы говорили, подорвало вѣру въ его энергію и распорядительность. Мнѣніе это раздѣлялось и главнымъ штабомъ, который въ своихъ соображеніяхъ, по вопросу объ усиленіи войскъ въ Закаспійскомъ краѣ, писалъ, между прочимъ, слѣдующее: *)

„Военныя дѣйствія въ Закаспійскомъ отдѣлѣ не прибавили блестящей страницы въ исторіи подвиговъ нашихъ войскъ въ Азіи. Кавказскія войска, прекрасныя по своему духу и достоинствамъ, но руководимыя въ Закаспійскомъ краѣ лицами, не понимающими характера туркменъ, не только не находятъ для себя въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Закаспійскомъ краѣ прекрасную боевую школу, какъ наши войска въ Туркестанѣ, но, можно думать, воспитываютъ въ себѣ превратное и

*) Письмо военнаго министра графа Милютина къ главнокомандующему кавказскою арміею 20-го февраля 1879 г, № 11,

вредное представленіе, какъ о нашихъ противникахъ въ Азіи, такъ и о собственной силѣ. Для примѣра укажемъ на слѣдующій фактъ:

„Въ концѣ декабря прошлаго 1878-го года на Чикишлярское укрѣпленіе было произведено нападеніе партіею текинцевъ. Сила этой партіи опредѣляется весьма различно. Въ первыхъ своихъ донесеніяхъ генералъ Ломакинъ и начальникъ чикишлярскаго гарнизона исчисляютъ ее отъ 8 до 12 тысячъ; впослѣдствіи цыфра эта уменьшена ими до тысячи человѣкъ. По донесенію командира казачьей сотни, высланной на другой день преслѣдовать непріятеля, туркменъ было всего до пятисотъ, и, наконецъ, по донесенію нашего посла въ Тегеранѣ, только до ста человѣкъ. Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, трехъ орудій и сотни казаковъ. Укрѣпленія Чикишляра имѣютъ солидную профиль.

„По донесеніямъ начальника гарнизона маіора Жуковскаго, командира сотни, и сообщенія нашего посланника въ Тегеранѣ, дѣло происходило такъ: туркмены (на коняхъ) бросились на исходящій уголъ укрѣпленія, но, встрѣченные артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, отступили, отогнавъ сотню верблюдовъ отъ кочевья мирныхъ туркменъ, находившагося въ тысячи шагахъ отъ укрѣпленія. Туркмены затѣмъ отошли на восемь верстъ и остановились на пути нашего сообщенія съ Чатомъ, ни кѣмъ не тревожимые. Два батальона пѣхоты, отбивъ нападеніе туркменъ, остались за валами укрѣпленія и не преслѣдовали непріятеля. Мы потерь въ этомъ дѣлѣ не имѣли (и не могли имѣть); у туркменъ потеря неизвѣстна; по донесенію—передъ укрѣпленіемъ туркмены оставили двѣ убитыхъ лошади.

„Это странное дѣло не могло не обратить вниманія кавказскаго начальства, и на донесеніи начальника Закаспійскаго военнаго отдѣла положена слѣдующая ре-

золюція командующаго войсками кавказской арміи: „Не понимаю, почему маіоръ Жуковскій, имѣя въ своемъ распоряженіи два батальона, не выступилъ рѣшительно противъ текинцевъ съ разсвѣтомъ 24-го декабря и не преслѣдовалъ ихъ съ помощью казаковъ и вѣрныхъ намъ туркменъ. Такой образъ дѣйствій далъ бы намъ въ результатѣ, по крайней мѣрѣ, нравственное преимущество. Резолюцію эту сообщить генералу Ломакину“.

„Можно утверждать, что полурота пѣхоты, подъ командой молодца—офицера, и не за валами укрѣпленія, а даже въ чистомъ полѣ могла бы съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ 8 ротъ, подъ командою маіора Жуковскаго, отбить туркменъ, нападавшихъ на чикишлярскій постъ и нанести имъ значительно большія потери, чѣмъ двѣ убитыхъ лошади“.

Имѣя все это въ виду, и представляя планъ будущихъ военныхъ дѣйствій, выработанный въ штабѣ Кавказскаго округа, князь Мирскій затруднился однако поручить экспедицію генералу Ломакину, а просилъ о назначеніи на его мѣсто генералъ-адъютанта Лазарева. „Если вашему высочеству“, писалъ онъ великому князю-главнокомандующему, находившемуся тогда въ Петербургѣ, „благоугодно будетъ окончательно остановиться на этомъ выборѣ, то не соблаговолите-ли телеграфировать генералу Лазареву о томъ прямо, или же поручите мнѣ передать ему приказаніе отъ вашего имени. Другаго подходящаго лица для такого назначенія, я въ виду не имѣю“. Письмо отправлено было 1-го февраля 1879 года, а 4-го марта состоялся приказъ о назначеніи командира 2-го Кавказскаго корпуса генералъ-адъютанта Лазарева и временно-командующимъ войсками Закаспійскаго Военнаго отдѣла.

Выбора болѣе подходящаго, какъ по боевымъ качествамъ, такъ и по умѣнью вести дѣла съ азіатцами, трудно было сдѣлать между нашими военачальниками. Нѣкоторые выражали сомнѣніе, что у генерала не

было опытности въ веденіи степной войны и въ совершеніи трудныхъ походовъ въ пустынѣ, такъ какъ всю свою боевую жизнь провелъ онъ въ горахъ; но этого взгляда держались не многіе. „Узнавъ о вашемъ назначеніи,—писалъ ему, между прочимъ, генералъ Духовской *),—я порадовался за вѣрный и прочный успѣхъ этого дѣла въ вашихъ сильныхъ рукахъ. Дай Богъ вамъ здоровья, а остальное придетъ у васъ само“. Такого было мнѣніе и большинства. Впрочемъ, назначеніе Лазарева явилось неожиданностію и для него самаго. „Экспедиція въ Ахалъ-теке,—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей,—возложена на меня внезапно. Я расчитывалъ отдохнуть послѣ кампаніи и провести лѣто на водахъ. Но коль скоро я взялся, то можешь быть увѣреннымъ, что покончу съ полнымъ достоинствомъ для правительства. Жаль, что наше управленіе тамъ было весьма слабо“.

Для ближайшаго ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, Лазаревъ предварительно рѣшилъ объѣхать восточный берегъ Каспійскаго моря и посѣтить Красноводскъ, Чикишляръ и Чатъ. Онъ даже намѣревался проѣхать въ Астрабадъ, но эту поѣздку отклонило уже персидское правительство, находя ее неудобной по нѣкоторымъ политическимъ соображеніямъ. Посланникъ нашъ въ Персіи просилъ, что бы всѣ сношенія производились письменно черезъ астрабадскаго губернатора, обѣщавшаго съ своей стороны полное содѣйствіе въ заготовкѣ для насъ провіанта, наймѣ перевозочныхъ средствъ и даже въ проложеніи телеграфной линіи отъ Чикишляра до Астрабада. Въ виду такихъ дружественныхъ отношеній Персіи, готовой косвен-

*) С. М. Духовской занималъ въ то время должность начальника штаба Московскаго Военнаго округа. Во время Турецкой войны онъ былъ на Кавказѣ сперва начальникомъ штаба дѣйствующаго корпуса, а потомъ Арзерумскимъ военнымъ губернаторомъ.

веннымъ образомъ содѣйствовать успѣху нашей экспедиціи, Лазареву вмѣнялось въ обязанность избѣгать всякаго рода дѣйствій, которыя могли бы дать поводъ къ упреку насъ въ нарушеніи нейтралитета Персіи, или затронуть ея интересы и возбудить подозрѣніе.

22-го марта Лазаревъ, въ сопровожденіи начальника штаба экспедиціоннаго отряда полковника Маломы, прибылъ въ Чикишляръ и прежде всего осмотрѣлъ войска, находившіяся въ его гарнизонѣ *). Онъ нашелъ ихъ въ отличномъ состояніи: духъ былъ превосходный и больныхъ мало. Здѣсь же ожидала его депутація отъ туркменъ-іомудовъ, кочующихъ въ нашихъ предѣлахъ, и прибыло нѣсколько ахалъ-текинцевъ, во главѣ которыхъ находился Акверды-ханъ, сынъ знаменитаго старшины изъ крѣпости Беурма, Тыкма-сардаря. Они привели съ собою двухъ плѣнныхъ солдатъ, изъ числа тѣхъ пяти, которые осенью прошлаго года были захвачены подъ Чатомъ. Лазаревъ благодарилъ депутатовъ за ихъ пріѣздъ, видя въ этомъ доказательство усердія ихъ къ службѣ Бѣлаго царя, но не счелъ нужнымъ скрывать отъ нихъ истинныя намѣренія правительства и объявилъ открыто, что прибылъ для приведенія ихъ въ подданство русскаго государя. Узнавъ, что 18 туркменъ, которыхъ Ломакинъ держалъ въ качествѣ заложниковъ, находятся въ лагерѣ, онъ приказалъ привести ихъ къ себѣ и въ присутствіи депутатовъ даровалъ имъ свободу. „Ступайте домой,—сказалъ онъ,—и объявите своимъ текинцамъ, что я намѣренъ скоро посѣтить ихъ. Четыре солдата для меня ничего не значатъ, 18 туркменъ—также. Когда я приду, то захвачу 18 тысячъ и не оставлю ни одного селенія во всей округѣ. Идите, и

---

*) Въ Закаспійскомъ отдѣлѣ находилось всего пять батальоновъ пѣхоты: два батальона Ширванскаго и по одному отъ полковъ Апшеронскаго, Самурскаго и Дагестанскаго; двѣ сотни Лабинскаго казачьяго полка, восемь орудій—4 полевыхъ и 4 горныхъ.

передайте это своему народу". Короткая и энергическая рѣчь, сказанная на татарскомъ языкѣ, произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Смотря на Лазарева, туркмены поняли, что этотъ генералъ не тратитъ словъ по-пустому, а что обѣщаетъ, то сдѣлаетъ уже навѣрное.

Послѣ освобожденія плѣнныхъ, послѣдовала раздача депутатамъ подарковъ, при чемъ серебряные и золотые часы, куски синяго и краснаго сукна, дорогіе пояса, черкесскіе кинжалы и другія цѣнныя вещи массами переходили въ ихъ руки. Щедрость, и на ряду съ нею суровыя слова, обращенныя къ депутатамъ, производили своего рода эффектъ, поразительно дѣйствовавшій на азіатцевъ. Впечатлѣніе это еще усилилось, когда Лазаревъ самъ объявилъ имъ содержаніе письма, отправляемаго съ ними къ Тыкмѣ-сардарю, какъ къ одному изъ вліятельнѣйшихъ людей въ оазисѣ. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Я, генералъ-адъютантъ Лазаревъ, назначенъ Бѣлымъ Царемъ, съ большимъ числомъ войскъ совершить походъ въ вашу степь. Ваши соплеменники нѣсколько лѣтъ тому назадъ нападали на нашъ отрядъ, расположенный у Михайловскаго залива; въ прошломъ году они сдѣлали нападеніе на Хаджамъ-кала и даже на Чикишляръ. По этому я долженъ смирить вашихъ разбойниковъ и водворить у васъ спокойствіе. Извѣщаю, что я иду на васъ открыто, и если вы будете воевать,— то очень этому радъ. Но въ коранѣ сказано: если врагъ твой окажется сильнѣе тебя, то подчинись ему, какъ Мнѣ, не смотря на его вѣру. Слова эти и совѣты мои передай текинскому народу. Я благополучно прибылъ въ Чикишляръ и засталъ тамъ твоего сына, Аквердыхана, что привело меня въ восторгъ. Я увидѣлъ, что ты поступилъ умно, и что имѣешь горячее желаніе служить нашему великому Бѣлому Царю. Настоящее письмо посылаю съ твоимъ же сыномъ для объявленія его

народу. Помни, что цѣль нашего похода въ Теке заключается въ томъ, чтобы водворить тишину и спокойствіе и усмирить непослушныхъ. Кто будетъ честно и усердно служить Бѣлому Царю, того я буду защищать; кто не будетъ повиноваться мнѣ, того накажу примѣрно. Будьте въ томъ увѣрены.

„Въ непродолжительномъ времени я съ войсками выступлю къ вамъ. Передай мои совѣты ахалъ-текинцамъ. Пусть они явятся съ покорностью, когда я прибуду въ ихъ землю. Если они не намѣрены явиться съ покорностью, то предупреди ихъ, чтобы потомъ не имѣли на меня претензіи. Мы всѣ дѣти пророка Адама. Каждый изъ насъ долженъ держать и хранить свою вѣру крѣпко. Намъ до вашей вѣры нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, мы любимъ тѣхъ, которые свято исполняютъ свои обряды. Я иду къ вамъ собственно для усмиренія вашихъ злыхъ и непослушныхъ. По прибытіи въ Чикишляръ я отпустилъ всѣхъ вашихъ плѣнныхъ. Въ настоящее время у васъ осталось два нашихъ солдата. Если возвратите ихъ мнѣ, то будетъ хорошо; если же не возвратите, то я ихъ самъ найду, хотя бы они были подъ землею“.

— „Какой отвѣтъ дастъ Тыкма-сардарь,—писалъ Лазаревъ къ князю Д. И. Мирскому,—разумѣется сказать нельзя; но пологаю во всякомъ случаѣ, что моя прокламація послужитъ лишнимъ шансомъ къ тому, чтобы покончить дѣло безъ излишняго пролитія крови. По крайней мѣрѣ, туркмены увидятъ изъ нея, что съ ними шутить не будутъ и почувствуютъ твердую власть, которая для нихъ только одна и имѣетъ обязательную силу закона...“. „Въ этомъ отношеніи,—пишетъ онъ далѣе,—считаю не безъ-интереснымъ обратить ваше вниманіе на положеніе туркменъ, кочующихъ въ сосѣдствѣ съ нами, между рѣками Атрекомъ и Гюргеномъ. Территорія эта считается принадлежащею Персіи, но персидское прави-

тельство, по своей слабости, не только не можетъ ввести между ними какое нибудь управленіе, но даже не позволяетъ себѣ и показываться среди ихъ кочевокъ. Туркмены этимъ пользуются и, производя безпорядки въ нашихъ предѣлахъ, безнаказанно укрываются на лѣвомъ берегу Атрека. Желательно бы было исходатайствовать намъ право переходить Атрекъ и простирать наши дѣйствія до самаго Гюргена...". „Впрочемъ,—добавляетъ онъ,—и наши отношенія къ туркменамъ-іомудамъ, кочующимъ въ районѣ нашего расположенія, настолько же неудовлетворительны, какъ и персидскія. Туркмены эти совершенно предоставлены самимъ себѣ. Наша администрація не смѣетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, и тѣмъ фактически показываетъ полную независимость ихъ отъ нашей власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣдко требуетъ отъ нихъ услугъ въ родѣ поставки верблюдовъ и т. п. Отсюда цѣлый рядъ взаимныхъ недоразумѣній. Такія отношенія установились здѣсь съ самаго начала занятія нами края, когда не выяснился еще взглядъ на положеніе наше въ степи".

Лазаревъ призналъ необходимымъ сразу придать этимъ отношеніямъ опредѣленную физіономію и назначилъ двухъ русскихъ приставовъ въ Чатъ и Чикишляръ, подчинивъ ихъ управленію туркменъ, кочевавшихъ близъ этихъ укрѣпленій. Онъ самъ объявилъ объ этомъ ихъ старшинамъ. „Вы живете,—сказалъ онъ,—на землѣ русскаго государства и, слѣдовательно, должны безпрекословно подчиняться установленнымъ властямъ и порядкамъ". Но и эту мѣру онъ считалъ только временною, предпологая въ будущемъ, по окончательномъ водвореніи въ степи нашего владычества, придать административному устройству края болѣе широкую и правильную организацію.

Изъ Чикишляра Лазаревъ отправился внутрь страны и посѣтилъ Чатъ—крайній передовой постъ, лежавшій

верстахъ въ полутораста отъ моря. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ-сотъ казаковъ и 80 киргизовъ и туркменовъ. „Мы путешествовали, говоритъ въ своихъ запискахъ Ржевусскій, со скоростью, доступной только туркменскимъ лошадямъ, которые могутъ оставаться безъ корма и питья по 12 часовъ къ ряду". Въ Чатъ Лазаревъ прибылъ на другой день и встрѣтилъ здѣсь новую депутацію отъ ахалъ-текинцевъ, которой объявилъ, что двинется съ войсками для занятія ихъ земли и водворенія въ ней русской власти. „Я предоставляю собственному вашему усмотрѣнію,—сказалъ онъ,—сопротивляться или покориться, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, воля государя будетъ исполнена". Здѣсь, также какъ и въ Чикишлярѣ, туркмены поняли, что слово и дѣло не расходятся у этого сардаря, про котораго слышали, что онъ умѣетъ водить войска къ побѣдамъ. Слава, пріобрѣтенная имъ на высотахъ Аладжи и при ночномъ штурмѣ Карса, достигла и до сыновъ пустыни, а наружный видъ генерала соотвѣтствовалъ его грозной извѣстности. „Исполинскій ростъ и массивное сложеніе, гордая осанка, важная и медленная поступь, постоянно нахмуренное чело, пытливый и строгій взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей, курчавые, слегка сѣдые волосы—все производило на туркменъ подавляющее впечатлѣніе." *) Такого грознаго начальника они еще никогда не видѣли, и названіе „батырь-сардаря" утвердилось за нимъ во всей средней Азіи.

При выѣздѣ изъ Чата, 26-го Марта, Лазаревъ получилъ извѣстіе о выступленіи значительной партіи текинцевъ, болѣе тысячи человѣкъ, на хивинскую дорогу съ цѣлью отбить верблюдовъ, которыхъ вели для нашего отряда. Лазаревъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ Ломакина, предписавъ ему принять самыя дѣятельныя и рѣшительныя мѣры къ пораженію этой партіи. Прошло

*) Военный сбор. 1888 г. № 5 Очеркъ экспедиціи въ Ахалъ-теке В. Н. Г.

послѣ того нѣсколько дней, и Лазаревъ получилъ донесеніе, что текинцы 7-го апрѣля сдѣлали нападеніе въ окрестностяхъ Красноводска, отбили до 10 тысячъ барановъ у мирныхъ туркменъ, захватили въ плѣнъ нѣсколько женщинъ и отогнали около сотни нашихъ верблюдовъ. Высланныя въ погоню двѣ роты, подъ командой капитана Теръ-Газарова, сдѣлали въ страшно-знойный день больше 30 верстъ по безводной степи, и вышли на перерѣзъ непріятелю. Туркмены, увидѣвъ передъ собою ничтожную горсть, (въ обоихъ ротахъ было не болѣе 170 штыковъ) три раза бросались въ шашки, но, отбитые съ огромнымъ урономъ, кинулись въ ущелье и заняли въ немъ крѣпкую позицію: ихъ фланги упирались въ крутыя, почти отвѣсныя горы, а фронтъ прикрывался живымъ заваломъ изъ верблюдовъ. Обойти эту позицію было нельзя, и Теръ-Газаровъ двинулся на приступъ. Мѣстность кругомъ лежала пересѣченная; изъ каждой балки, изъ каждаго оврага приходилось выбивать текинскихъ стрѣлковъ; каждый бугоръ приходилось очищать штыками. Между тѣмъ быстро темнѣло, и, когда наши роты приблизились наконецъ къ главной позиціи, была уже ночь. Тѣмъ не менѣе, капитанъ Теръ-Газаровъ продолжалъ наступленіе. Тогда текинцы дрогнули и обратились въ бѣгство. Преслѣдовать ихъ дальше съ измученной пѣхотой, сдѣлавшей 30 верстъ безъ воды и выдержавшей пяти часовую битву, было невозможно; роты остановились. Мы потеряли 4 человѣка убитыми, и ранеными: капитана Теръ-Газарова пулей въ плечо и 12 нижнихъ чиновъ. Отрядъ отбилъ назадъ 10 тысячь барановъ и плѣнныхъ, но верблюдовъ туркмены угнали.

Общій результатъ, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, вышелъ для насъ не совсѣмъ удачный. Но чтобы поддержать въ войскахъ подобную энергію и развить стремленіе къ наступательнымъ дѣйствіямъ, Лазаревъ постарался придать этому случаю даже нѣсколько боль-

шее значеніе, чѣмъ то, которое онъ могъ имѣть въ дѣйствительности. „Дѣло это, въ которомъ въ первый разъ пришлось нашимъ войскамъ атаковать текинцевъ, всегда успѣвавшихъ уходить изъ-подъ нашихъ ударовъ,—доносилъ онъ князю Мирскому,—не могло не оказать выгоднаго для насъ вліяніе въ степи. Необходимость занять крѣпкую позицію для племени, считавшагося въ степи непобѣдимымъ, и противъ непріятеля меньшей числительности, равносильно пораженію, и даже угонъ около сотни, забракованныхъ нами, и потому находившихся внѣ района нашего охраненія, верблюдовъ едва-ли ослабитъ впечатлѣніе, произведенное этимъ дѣломъ.“ Князь Мирскій хорошо понималъ ту цѣль, которую имѣлъ Лазаревъ, и потому отвѣчалъ ему: „Не могу вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Ивана Давыдовича о впечатлѣніи, которое могло произвести это дѣло на туркменъ, но признаю, что капитанъ Теръ-Газаровъ и ввѣренныя ему войска исполнили свой долгъ, сдѣлавъ все возможное, и потому нахожу справедливымъ разрѣшить представленіе къ наградамъ“.

Между тѣмъ, приготовляясь къ отъѣзду изъ Чикишляра въ Тифлисъ, Лазаревъ поручилъ генералу Ломакину, какъ начальнику, которому, по долговременному пребыванію въ краѣ, хорошо были извѣстны способы и средства страны:

1) Устроить въ Чикишлярѣ пристань для разгрузки судовъ и высадки войскъ.

2) Учредить въ Чатѣ главный складочный магазинъ, а по пути къ нему отъ Чикишляра на каждомъ переходѣ устроить колодцы.

3) Купить достаточное количество туркменскихъ кибитокъ для госпиталей и этаповъ.

4) Озаботиться наймомъ верблюдовъ и доставить изъ Петровска 1500 одноколокъ, а на случай движенія небольшихъ летучихъ колоннъ имѣть въ готовности 200 катеровъ подъ вьюки,—и

5) Для возки за отрядомъ воды заготовить 2000 бурдюковъ и 400 боченковъ.

Въ это же время Лазаревъ получилъ письмо отъ генералъ-маіора графа Борха, который сообщалъ ему послѣднія политическія новости изъ Авганистана, имѣвшія значеніе, какъ отголосокъ, уже установившагося на этотъ предметъ, общественнаго мнѣнія.

„Чѣмъ больше вглядываюсь я въ движеніе наше къ текинцамъ и на Мервъ“, писалъ графъ Борхъ, „тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ тревогѣ, которую поднимутъ англичане; шпіоны ихъ и теперь слѣдятъ за нами повсюду. Дѣла ихъ въ Авганистанѣ плохи, движеніе, предпринятое къ Герату, почему-то остановилось; Кабулъ до сего дня не занятъ; тылъ дѣйствующихъ войскъ не обезпеченъ; продовольственный вопросъ все болѣе и болѣе осложняется; исчезновеніе Шихъ-Али-хана какъ-то загадочно, а дѣйствія Якубъ-хана сомнительны. Мнѣ сдается, что весною этого года въ Авганистанѣ повторятся для нихъ бѣдствія 1842-го года. Рядъ неудачъ, къ которымъ только что присоединилась еще катастрофа для королевскаго оружія на югѣ Африки, на мысѣ Доброй Надежды, шаткое финансовое положеніе долга, неудовольствія общія внутри и внѣ страны, возня съ Турціей—все это вмѣстѣ дѣлаетъ ихъ еще болѣе завистливыми и не доброжелательными къ намъ. Поэтому намъ нужно спѣшить, что бы не помѣшали англичане“.

Въ Тифлисѣ также опасались англійскаго вмѣшательства и торопились съ экспедиціей, тѣмъ болѣе, что Лазаревъ считалъ военныя операціи въ текинскомъ оазисѣ вполнѣ возможными, при нѣкоторыхъ мѣрахъ осторожности, даже и въ лѣтнее время. „Послѣ свиданія съ генераломъ Ломакинымъ“, писалъ онъ князю Д. И. Мирскому, „для меня выяснились настолько нѣкоторые данные о мѣрахъ и средствахъ, какія необходимы къ предстоящему движенію въ степь, что считаю возможнымъ

теперь же приступить къ сосредоточенію войскъ въ Баку и Петровскѣ и къ доставкѣ предметовъ довольствія. Я бы желалъ, что бы къ 15 маю войска были бы уже въ Чатѣ, откуда немедленно пойдутъ въ землю ахалъ-текинцевъ для того, что бы захватить на корню посѣвы ячменя и пшеницы, или, по крайней мѣрѣ, явиться во-время уборки, такъ какъ въ оазисѣ хлѣба снимаются около Іюня, да и туркмены въ это время болѣе сгруппированы на своихъ кочевкахъ".

Всѣ предположенія Лазарева были одобрены. „Сколько можно судить по доходящимъ до меня слухамъ съ разныхъ сторонъ", писалъ князь Святополкъ-Мирскій Великому князю-главнокомандующему, „поѣздка Лазарева сдѣлала въ Закаспійскомъ краѣ отличное впечатлѣніе и открыла тамъ для войскъ и жителей, какъ бы новую эру".

Войска, назначенныя къ экспедиціи, уже были готовы, и въ началѣ апрѣля началось усиленное движеніе къ Баку и Петровску, гдѣ ожидали ихъ пароходы для транспортировки на восточный берегъ Каспійскаго моря. Въ составъ отряда назначено было 11 батальоновъ: сводно-стрѣлковый и по одному отъ полковъ: Эриванскаго, Грузинскаго, Новагинскаго, Куринскаго, Кабардинскаго, Апшеронскаго, Дагестанскаго, Самурскаго, Александропольскаго и Ахалцыхскаго, рота саперъ и 4-я батарея 20-ой артиллерійской бригады. Кавалерію составляли: дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ въ полномъ составѣ, по 4 сотни отъ казачьихъ полковъ Полтавскаго и Таманскаго, двѣ сотни волжцевъ, шесть сотенъ туркменской милиціи и сотня закавказскихъ татаръ, при четырехъ орудіяхъ конной батареи Терскаго войска и 12 ракетныхъ станкахъ. Подобный составъ отряда былъ принятъ для того, чтобы дать возможность командировать отдѣльныя части, не приводя цѣлые полки въ военный составъ, и въ тоже время устранить отъ

труднаго степнаго похода больныхъ и слабыхъ людей, которые не могли бы выдержать его безъ вреда для здоровья. Съ другой стороны имѣлось въ виду, чтобы большая часть кавказскихъ полковъ, имѣя въ отрядѣ своихъ представителей, ознакомилась бы съ условіями степной войны и жизни. Для командованія въ отрядѣ всею пѣхотой назначенъ былъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Борхъ, а кавалеріею — свѣтлѣйшій князь Витгенштейнъ.

Между тѣмъ различныя распоряженія по экспедиціи, заключеніе контрактовъ, расчеты съ интендантствомъ и инженернымъ вѣдомствомъ — все это задержало Лазарева въ Тифлисѣ на довольно продолжительное время, а рано наступившія чрезмѣрныя жары и трудный путь замедлили движеніе войскъ настолько, что объ открытіи кампаніи въ половинѣ мая не могло быть и рѣчи. Самъ Лазаревъ со всѣмъ своимъ штабомъ прибылъ въ Чикишляръ только 21-го мая, въ то время, когда войска находились еще въ движеніи, и даже нельзя было сказать навѣрное, когда они прибудутъ. При скудности перевозочныхъ средствъ, которыми распологала военная Каспійская флотилія и законтрактованное нами пароходное общество „Кавказъ и Меркурій“, одновременная перевозка продовольственныхъ запасовъ и войскъ оказалась немыслимою. Надо было остановиться на чемъ нибудь одномъ, — и въ Тифлисѣ предпочли войска, пологая, что если предварительно заняться перевозкой провіанта, то экспедицію придется отложить до будущаго года, что при тогдашнихъ отношеніяхъ нашихъ къ Англіи, казалось равносильнымъ совершенному отъ нея отказу. Лазареву предстояла трудная задача согласовать эти двѣ противоположныя между собою операціи, но онъ расчиталъ, что на первое время провіанта во всякомъ случаѣ хватитъ, а, впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія экспедиціи, будутъ постепенно подвозить его моремъ,

а въ случаѣ крайности запасы можно пополнить частію закупкою ихъ въ Персіи, а частію мѣстными средствами, которыя надѣялся найти въ самомъ оазисѣ.

Вслѣдствіе такихъ соображеній приступлено было немедленно къ перевозкѣ войскъ и тѣмъ не менѣе послѣднія части успѣли прибыть въ Чикишляръ только во второй половинѣ іюня мѣсяца; продовольствіе подвозилось еще медленнѣе, и на первыхъ порахъ потребовалось не мало заботъ, чтобы удержать равновѣсіе между потребностію въ хлѣбѣ и его подвозомъ. Главною помѣхою служили неудобства чикишлярскаго рейда, заставлявшаго грузовыя суда остонавливаться слишкомъ далеко въ морѣ, а это настолько затрудняло доставку грузовъ на берегъ, что одна шкуна едва-едва разгружалась въ три дня. Всѣ эти затрудненія сильно тревожили Лазарева. Вотъ что писалъ онъ въ это время къ помощнику главнокомандующаго князю Святополку-Мирскому:

„Здѣсь приходится бороться съ такими случайностями, предвидѣть которыя не въ силахъ человѣческихъ. Что ни день, то сюрпризъ, то непредвидѣнная случайность. Съ такими прекрасными войсками, можно сказать цвѣтомъ арміи, какія находятся у меня подъ командой, я бы давно покончилъ не только съ текинцами, но изъ Мервомъ, если бы было приказано; но мнѣ приходится бороться съ неисправностью морскихъ перевозочныхъ средствъ, съ моремъ, съ вѣтрами, вообще съ природой. Въ концѣ концовъ препятствія будутъ преодалѣны, но въ настоящую минуту онѣ сильно затрудняютъ и парализуютъ всѣ расчеты и предположенія. Напримѣръ, приходятъ суда съ довольствіемъ, ихъ нужно выгружать, но какъ разъ въ это время поднимается непогода, и выгрузка не возможна; затѣмъ погода устанавливается, но суда пропадаютъ неизвѣстно гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Есть верблюды—нечего перевозить; есть припасы—нѣтъ верблюдовъ и т. д. Ко-

нечно, я и не расчитывалъ, чтобы все шло, какъ по маслу, шероховатости неизбѣжны вообще на войнѣ, а въ пустынѣ тѣмъ болѣе, но я никогда не думалъ встрѣтить такую массу затрудненій. Самый главный врагъ— море; пришлось устроивать дамбу и пристань, но буря размывала всѣ работы; камышъ для фашинъ возили за тридцать верстъ. То баркасъ затонетъ, то у мелкосидящаго судна машина испортится и везутъ его въ Баку чинить. Въ Чикишлярѣ настоящая школа терпѣнія".

„Не могу похвалить", писалъ онъ въ другомъ письмѣ, „и поведеніе пограничныхъ персидскихъ губернаторовъ, такъ какъ самый простой вопросъ касательно найма катеровъ, даже въ самомъ ограниченномъ числѣ, встрѣчаетъ у нихъ затрудненіе"...

Не смотря на всѣ эти невзгоды, не ожидая даже общаго сбора войскъ, Лазаревъ 6 іюня выслалъ впередъ авангардъ, который, подъ командой командира Кабардинскаго полка флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова, въ составѣ трехъ батальоновъ пѣхоты, пяти сотенъ и двухъ орудій, расположился въ 47-ми верстахъ за Чатомъ, въ Дузъ-Олумѣ, а потомъ подвинулся еще на 30 верстъ до Терсъ-Окана. Цѣль авангарда заключалась въ томъ, что бы прикрыть самый Чатъ, гдѣ устроивался главный складочный пунктъ, а равно появленіемъ на пути къ оазису поддержать партію преданныхъ намъ людей среди ахалъ-текинцевъ. Кромѣ того, какъ Дузъ-Олумъ, такъ и Терсъ-Оканъ предпологалось впослѣдствіи обратить въ промежуточные пункты для удобнѣйшаго снабженія отряда довольствіемъ въ самомъ оазисѣ.

Главныя силы между тѣмъ по прежнему продолжали стоять у Чикишляра, гдѣ на пустынномъ морскомъ берегу образовался уже цѣлый городъ, даже съ главною улицей, носившей названіе „ахалъ-текинскаго проспекта". На этой улицѣ, начинавшейся у самой пристани, и красиво обставленной узорчатыми войлочными турк-

менскими кибитками, помѣщались всѣ чины отряднаго штаба, различныя канцеляріи, управленія, учрежденія и т. пд. а въ концѣ ея стояла ставка генерала Лазарева; рядомъ съ нею была устроена вышка, на которой постоянно ходилъ часовой, и тутъ же, подъ самою вышкой, стояла сигнальная пушка. На вышкѣ развѣвался трехцвѣтный флагъ, а по ночамъ зажигался фонарь съ рефлекторомъ, свѣтъ отъ котораго былъ видѣнъ на далекое пространство. Его такъ и прозвали „Чикишлярскою звѣздою“. Все это вмѣстѣ составляло главную квартиру, а вправо и влѣво отъ нея раскидывались лагери: направо пѣхотный, налѣво кавалерійскій.

Пока подвозились запасы и устраивались склады, Лазаревъ былъ озабоченъ дѣлами съ пограничными персидскими властями, которыя, находясь подъ англійскимъ вліяніемъ, не исполняли нашихъ требованій и даже не выпускали нанятыхъ уже нами катеровъ изъ своихъ владѣній; чиновники ихъ, появляясь на нашей территоріи, волновали туркменъ, увѣряя, что аулы ихъ лежатъ на персидской землѣ и намъ не подчиняются; а одинъ инженеръ-механикъ совсѣмъ уже собрался было строить крѣпость на нашей сторонѣ у Гасанъ-кулинскаго залива, но былъ привезенъ въ Чикишляръ и оттуда высланъ обратно за границу. Только съ большими усиліями, при посредствѣ нашего посланника въ Персіи, Лазареву удалось устранить всѣ эти затрудненія и даже добиться смѣны астрабадскаго губернатора.

Съ другой стороны до насъ доходили тревожныя свѣдѣнія, что ахалъ-текинцы дѣятельно готовятся къ войнѣ, поддерживаемые англійскими деньгами и обѣщаніями склонить на ихъ сторону мервцевъ, съ помощью которыхъ надѣялись выставить противъ насъ до 80 тысячъ пѣхоты и конницы. Ближайшіе къ намъ роды текинцевъ Софи-хана и Тыкма-сардаря пока еще колебались чью принять сторону. Послѣдній прислалъ даже

въ лагерь довѣренное лицо муллу Мурада съ письмомъ, которое служило отвѣтомъ на прокламацію Лазарева, посланную къ нему еще въ мартѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ туманныя выраженія этого письма ничего положительнаго не выясняли, то Лазаревъ приказалъ провести Мурада по лагерю, и затѣмъ спросилъ его: „Ну что, много видѣлъ войска?“ - „Много“.—„Знаешь-ли противъ кого собраны эти войска?“ — „Противъ текинцевъ“.—„Такъ и передай своимъ. Другого отвѣта на письмо Тыкма-сардаря не будетъ“.

Мурадъ уѣхалъ, а черезъ нѣсколько дней Лазаревъ узналъ, что Тыкма-сардарь съ своими текинцами сдѣлалъ набѣгъ на Хоросанскую провинцію и увелъ съ собой огромное количество плѣнныхъ. „Тыкма-сардарь“, сказалъ Лазаревъ, „не совсѣмъ хорошо понялъ смыслъ моего письма, хотя и начинаетъ свое письмо тѣмъ, что очень хорошо его понялъ. А впрочемъ, очень можетъ быть, что онъ считаетъ, что нападать нельзя только на русскихъ, а на персіянъ можно. Тогда онъ правъ, ибо въ коранѣ сказано: „Сильный да властвуетъ“. Текинцы считаютъ себя сильнѣе персіянъ, и потому не сомнѣваются въ правѣ ихъ бить“.

Слухамъ о сборѣ текинцевъ у насъ не придавали особаго значенія, но, тѣмъ не менѣе, они заставляли насъ торопиться походомъ, а Лазаревъ медлилъ, не желая начинать его, пока не будетъ вполнѣ обезпеченъ продовольственными средствами. „О моей экспедиціи“, писалъ онъ въ это время къ одному изъ старыхъ своихъ сослуживцевъ *)“, идутъ разные толки, да иначе и быть не можетъ. Она, экспедиція, до того серьезна, что мнѣ приходится бороться съ природой на сушѣ и на водѣ. Дѣло идетъ уже къ концу. Сколько было силъ успѣлъ: перевозочную часть сосредоточилъ—она самая главная; а продовольствіе заготовлено съ 1-го августа по 1-е ноября. Я веду дѣло такъ, чтобы явиться въ Те-

*) Генералу Узбашеву.

ке съ собственными средствами. Чтó тамъ найду—это другая статья. Хотя пограничныя владѣнія Персіи обѣщаютъ помощь въ продовольствіи, но я имъ не вѣрю; они подкуплены англичанами и не могутъ быть намъ полезными. Надѣюсь, по принятой мною системѣ, оставить ихъ въ дуракахъ. Въ первыхъ числахъ августа со всѣмъ выступлю. Благодаря Бога, до сихъ поръ не было ни одного солнечнаго удара, болѣзней особенныхъ также нѣтъ; духъ въ войскахъ отличный...“.

Одинъ англійскій корреспондентъ спросилъ у Лазарева: какъ можетъ долго продолжаться экспедиція? Лазаревъ отвѣтилъ, что это предвидѣть трудно. „Если“, сказалъ онъ, „туркмены дадутъ битву, то можно надѣяться, что вмѣстѣ съ тѣмъ рушится и всякое дальнѣйшее сопротивленіе; но если они станутъ уклоняться отъ рѣшительнаго боя, а начнутъ тревожить войска и транспорты, то, пожалуй, придется перезимовать въ глубинѣ степей“. „Впрочемъ“, добавилъ онъ, „я разгадалъ ихъ тактику и постараюсь развить самую широкую систему аванпостной службы для предупрежденія засадъ и ночныхъ нападеній. Во всякомъ случаѣ, я твердо рѣшилъ не возвращаться до тѣхъ поръ, пока не исполню возложенную на меня миссію—умиротворить край и присоединить его къ Россіи. Я сдѣлалъ уже всѣ распоряженія для продолжительнаго пребыванія въ степи...“.

„Одна изъ самыхъ интересныхъ сторонъ настоящей экспедиціи“, говоритъ тотъ же корреспондентъ, „заключается въ ея видахъ на Мервъ и въ вѣроятности занятія этого города русскими. Я спрашивалъ объ этомъ Лазарева. Онъ отвѣчалъ, что это будетъ зависить отъ обстоятельствъ. Если обладаніе Мервомъ сдѣлается необходимымъ, ради безопасности границъ,—онъ будетъ занятъ. Отсюда ясно, что занятіе Мерва русскими войсками нельзя считать такою далекою случайностью, какъ можетъ быть предпологаютъ нѣкоторые“.

Глава XXIX.

(1879)

Походъ въ оазисъ.—Неожиданная кончина генералъ-адъютанта Лазарева.—Печальныя послѣдствія этого событія для отряда.—Неудавшаяся экспедиція.—Причины нашего пораженія.—Перевезеніе тѣла Лазарева въ Тифлисъ и его погребеніе.

Въ концѣ іюля мѣсяца всѣ приготовленія къ походу были, наконецъ, окончены. Въ распоряженіи начальника экспедиціи находилось 6700 туркменскихъ верблюдовъ, (за исключеніемъ слабыхъ и негодныхъ), 337 катеровъ и 1500 одноконныхъ аробъ. Продовольствія заготовлено было на три мѣсяца, съ 1-го августа по 1-е ноября, а кромѣ того подвозъ изъ Баку и Петровска все еще продолжался. „Пріобрѣсти верблюдовъ больше,—сказано въ журналѣ военныхъ дѣйствій за іюль мѣсяцъ,—въ скорости не представлялось возможнымъ, такъ какъ пришлось бы ихъ выписывать изъ Персіи и частью изъ Закавказья, на что необходимо много времени; по этому, пользуясь сосредоточеніемъ въ продовольственныхъ складахъ отряда значительныхъ запасовъ, изъ которыхъ большое количество уже доставлено въ Чатъ и Дузъ-Олуму, а равно наступленіемъ болѣе благопріятнаго времени для похода въ пустынѣ, 27 іюля рѣшено немедленно начать наступленіе въ оазисъ“.

Къ подробнымъ распоряженіямъ Лазарева по этому поводу мы еще вернемся, а теперь замѣтимъ только въ общихъ чертахъ, что къ 8-му августу авангардъ долженъ былъ занять Бендесенъ,—урочище, лежащее у самой подошвы Копетдагскаго хребта, составляющаго естественную границу Текинскаго оазиса. Отсюда до Геокъ-тепе считалось 130 верстъ. Первые два эшелона, подъ командой генералъ-маіоровъ графа Борха и князя Витгенштейна, должны были прибыть около того же вре-

мени въ Хаджамъ-Кала, въ 24 верстахъ отъ границы, а главныя силы въ Дузъ-Олуму. На этихъ позиціяхъ войскамъ приказано было оставаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ перевезены запасы изъ Чата и Дузъ-Олуму въ Хаджи-Кала и Бендесенъ, гдѣ предпологалось учредить передовые склады. Только послѣ этого весь отрядъ сосредоточивается у Бендесена и, перейдя хребетъ, 27-го августа вступаетъ въ оазисъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, этотъ расчетъ пришлось измѣнить и вступленіе въ оазисъ отложено было Лазаревымъ до 3-го сентября.

Войска изъ Чикишляра начали движеніе по эшелонно, и 2-го августа выступила послѣдняя колонна, при которой слѣдовалъ весь штабъ экспедиціоннаго отряда. Лазаревъ былъ боленъ и оставался пока въ Чикишлярѣ. Болѣзнь его началась простымъ, по видимому, вередомъ на лѣвой лопаткѣ, и хотя доктора предписывали больному полный покой, онъ мало обращалъ вниманія на эти совѣты и продолжалъ свою усиленную дѣятельность; болѣзнь между тѣмъ развивалась и къ концу іюля приняла серьозный характеръ: вередъ обратился въ карбункулъ, сопровождаемый сильнымъ лихорадочнымъ состояніемъ, и Лазаревъ слегъ въ постель. Волненіе, въ которомъ онъ постоянно находился, желая какъ можно скорѣе выѣхать вслѣдъ за войсками, уже начавшими движеніе, усиливало пароксизмы. Тогда онъ приказалъ сдѣлать себѣ операцію, которая однако не принесла ему облегченія, а только еще болѣе ослабила силы. Тѣмъ не менѣе откладывать поѣздку онъ не хотѣлъ, и, не смотря на всѣ увѣщанія докторовъ и людей къ нему близкихъ, рѣшилъ выѣхать изъ Чикишляра 10-го августа.

„Сегодня“, писалъ онъ къ начальнику штаба кавказской арміи, „не взирая на полнѣйшую мою слабость, я выѣзжаю изъ Чикишляра, дабы, во что бы то ни стало, исполнить священнѣйшей долгъ быть во главѣ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, и самому руководить столь трудною

и важною экспедицiею, какъ настоящая“. Предчувствуя однако, что выздоровленiе его послѣдуетъ не скоро, онъ тѣмъ же письмомъ просилъ о назначенiи ему въ помощники начальника 21-ой пѣхотной дивизiи генералъ-лейтенанта Петрова, лично ему извѣстнаго по Дагестану. „Его энергiя, боевая долгая служба, опытность въ военномъ дѣлѣ и распорядительность,—писалъ Иванъ Давыдовичъ,—могутъ служить ручательствомъ, что въ немъ я найду генерала, способнаго замѣнить меня въ полѣ, гдѣ я, по слабости силъ своихъ, быть можетъ, и не въ состоянiи буду присутствовать. Съ назначенiемъ Петрова я могу быть увѣренъ, что сложная и трудная операцiя занятiя ахалъ-текинскаго оазиса совершится вполнѣ успѣшно“. Пока онъ писалъ, дорожные сборы были окончены, коляска подана и генералъ, въ сопровожденiи доктора Кельдыша и старшаго сына своего Александра, тогда еще корнета Лейбъ-гвардiи Уланскаго Его Величества полка, *) выѣхалъ изъ Чикишляра. Путь былъ трудный; ѣхали тихо, потому что каждый толчокъ экипажа, каждая качка его причиняли больному невыразимыя страданiя. Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы превозмочь болѣзнь, но когда на третiй день, 12-го августа, добрались наконецъ до Чата, силы его настолько ослабѣли, что онъ не могъ уже выйти изъ экипажа и вынесенъ былъ на рукахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ немедленно послалъ казака въ Дузъ-Олуму, до котораго считалось 48 верстъ, съ извѣстiемъ, что на слѣдующiй день прибудетъ въ отрядъ. Ночь проведена была имъ безъ сна въ нервномъ и тревожномъ состоянiи. Генерала, видимо, угнетала мысль, что въ его отсутствiи дѣла могутъ пойдти совсѣмъ не такъ, какъ онъ ихъ направилъ, а потому утромъ 13-го августа онъ снова потребовалъ лошадей, чтобы ѣхать дальше, но въ это время съ нимъ начался страшный лихорадочный пароксизмъ, и Лазаревъ

*) Нынѣ полковникъ, состоитъ при войскахъ Кавказскаго Военнаго Округа.

отдалъ приказаніе, что бы коляска была готова къ пяти часамъ утра. Но это было послѣднее приказаніе, послѣднія слова его: онъ впалъ въ забытье и болѣе уже не приходилъ въ себя. Всѣ доктора, находившіеся въ Чатѣ, собрались у постели больного и констатировали печальный фактъ—зараженія крови. Спасеніе болѣе не было. Началась агонія, и въ 4 часа утра 14-го августа этого могучаго, желѣзнаго человѣка не стало. Лазаревъ скончался 59 лѣтъ отъ роду.

Между тѣмъ въ Дузъ-Олумѣ войска съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда генерала. „13 го августа“, разсказываетъ Ржевусскій въ своихъ запискахъ, „у насъ, въ самомъ центрѣ бивуака, разбили для генерала палатку и выставили почетный караулъ отъ Дагестанскаго полка съ единственнымъ въ отрядѣ хоромъ музыкантовъ. По дорогѣ разставили конныхъ казаковъ для немедленнаго извѣщенія, когда покажется генеральскій поѣздъ. Около часа пополудни казаки дали знать, что генералъ ѣдетъ. Все засуетилось, караулъ сталъ въ ружье, и всѣ взоры обратились по направленію къ Чату. Но тревога оказалась фальшивою. Это шелъ, вздымая пыль, караванъ верблюдовъ. Такъ прошелъ день; въ лагерѣ пробили вечернюю зорю, и караулъ былъ распущенъ. Предположенія, почему не пріѣхалъ Лазаревъ, дѣлались различныя, но никому не приходила въ голову мысль о смерти того, чью колоссальную фигуру, казалось, ни какая болѣзнь не въ силахъ была побороть. На другой день ожиданія возобновились, какъ вдругъ, часу въ десятомъ утра прискакалъ казакъ съ письмомъ отъ доктора Кельдыша, извѣщавшаго, что генералъ скончался. Начальникъ штаба полковникъ Малома, состоявшій по особымъ порученіямъ при Лазаревѣ полковникъ Коргановъ и ординарцы его Колышкинъ, Александровскій и Келбалайханъ нахичеванскій немедленно поскакали въ Чатъ.

Неожиданная кончина Лазарева произвела на вой-

ска глубокое впечатлѣніе. Въ самую рѣшительную минуту отрядъ лишился начальника съ непреклоннымъ, самостоятельнымъ характеромъ, твердо державшаго въ рукахъ врученную ему власть, не допускавшаго ни колебаній, ни отступленій отъ разъ намѣченной цѣли. Командованіе отрядомъ послѣ него перешло въ руки генерала Ломакина. Между тѣмъ Великій князь главнокомандующій, получивъ извѣстіе о кончинѣ Лазарева, и зная, что движеніе въ оазисъ начнется еще только 3-го сентября, телеграфировалъ, что бы временное начальство надъ отрядомъ принялъ генералъ-маіоръ графъ Борхъ. Но въ командованіе имъ, какъ мы уже знаемъ, вступилъ генералъ Ломакинъ; тогда сочли неудобнымъ отстранить его, какъ старшаго, тѣмъ болѣе, что имѣлось въ виду послать на мѣсто покойнаго Лазарева генерала Тергукасова, одного изъ выдающихся дѣятелей минувшей турецкой кампаніи. По этому великій князь, оставляя командованіе за Ломакинымъ, подтвердилъ ему однако *слѣдовать въ точности всѣмъ предположеніямъ генералъ-адъютанта Лазарева.* Ни одно изъ этихъ предположеній исполнено не было. „Со смертію Лазарева“, пишетъ одинъ современникъ, „отлетѣла душа, оживлявшая все предпріятіе. Отрядъ распался на нѣсколько отдѣльныхъ членовъ, слабо направляемыхъ къ единой цѣли, и въ результатѣ—полная неудача экспедиціи“. Другой современникъ, командиръ Эриванскаго батальона подполковникъ Меликовъ, говоритъ слѣдующее: „15-го августа мы узнали въ Хаджамъ-Кале о смерти генерала Лазарева. Я нахожу лишнимъ говорить о томъ уныніи, въ которое впали всѣ офицеры и солдаты. Начальство наше отнеслось нѣсколько иначе къ этой потери; потому же случаю между начальствующими лицами произошло

*) Письмо его командиру полка полковнику Сколону. Въ письмѣ этомъ онъ, между прочимъ, пишетъ; „Спасибо графу Борху, спасибо и случаю, что мы состояли все время въ его колоннѣ. Онъ одинъ былъ нашимъ сторонникомъ“...

нѣкоторое замѣшательство – всякому хотѣлось командовать. Обстоятельство это говорило намъ, подчиненнымъ, что добра не будетъ“... И, дѣйствительно, войска, двинутыя мощною рукою Лазарева, дошли до назначеннаго пункта, но здѣсь, не управляемыя болѣе опытнымъ военачальникомъ, понесли пораженіе и отступили съ огромною потерею.

Неудача, постигшая наше оружіе въ Ахалъ-текинскомъ оазисѣ естественно должна была вызвать, и вызвала самые разнообразные толки. Каждый изъ участвовавшихъ въ этомъ походѣ объяснялъ эти причины по своему, сообразно своимъ личнымъ взглядамъ, и въ массѣ этихъ разсказовъ, разнорѣчивыхъ и сбивчивыхъ, трудно было доискаться истины. Въ чемъ-же однако заключались дѣйствительныя причины нашей неудачи? Отчего намъ не удалась зимовать въ оазисѣ, и, затративъ столько трудовъ, усилій и денегъ, мы очутились въ тѣхъ-же самыхъ границахъ, какія занимали до экспедиціи. Генералъ Ломакинъ въ своей запискѣ, поданной въ дополненіе къ донесенію о штурмѣ Геокъ-тепе, старается обяснить все предшествовавшими ошибками, которыя видитъ въ предварительныхъ распоряженіяхъ Лазарева. Нѣкоторые, не имѣвшіе случая познакомиться съ офиціальными документами, разбросанными по разнымъ архивамъ, и теперь еще склонны вѣрить этой записки, не смотря на ея несостоятельность. Наша задача заключается въ томъ, что бы возстановить истину, основываясь на цыфрахъ, взятыхъ нами изъ дѣлъ отряднаго штаба и на основаніи которыхъ дѣлались всѣ распоряженія покойнаго Лазарева. Эти цыфры показываютъ, что мы не только могли, но и должны были расчитывать на успѣхъ предпріятія. Почему же результаты получились обратные? Отвѣчать на это не трудно. Если мы измѣнимъ основаніе,—то всѣ послѣдующія положенія

и выводы уже будутъ невѣрны. Это аксіома, которая не требуетъ доказательствъ. Ломакинъ измѣнилъ всѣ распоряженія Лазарева въ самомъ ихъ основаніи, создалъ свой собственный планъ, за который и долженъ нести на себѣ отвѣтственность.

Планъ Лазарева, какъ извѣстно, заключался въ томъ, что бы выдвигать по пути слѣдованія магазины, и только по образованіи складовъ сначала въ Чатѣ и Дузъ-Олумѣ, а потомъ въ Бендесенѣ и Хаджамъ-кала, двинуться въ оазисъ. Въ этихъ видахъ сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

Авангардъ выступаетъ изъ Терсъ-Окана 1-го и прибываетъ въ Бендесенъ 8-го августа. Съ нимъ слѣдуетъ 1800 верблюдовъ съ довольствіемъ на сорокъ дней. Въ Бендесенѣ авангардъ останавливается и высылаетъ въ Дузъ-Олуму всѣхъ своихъ верблюдовъ, которые, поднявъ довольствіе еще на мѣсяцъ, возвращаются къ нему 19-го августа съ грузомъ въ 14 т. пудовъ.

Тоже самое исполняютъ колонны графа Борха и князя Витгенштейна, обѣ онѣ по прибытіи въ Хаджамъ-кала 12-го августа, высылаютъ 2268 верблюдовъ обратно въ Чатъ, которые возвращаются къ Хаджамъ-кала 26-го августа съ грузомъ въ 17 т. пудовъ.

Затѣмъ, къ этому же времени въ Бендесенъ прибываютъ и главныя силы, имѣя при себѣ еще 1260 верблюдовъ, нагруженныхъ 20-ти дневнымъ довольствіемъ.

Такимъ образомъ, вступая въ оазисъ, Лазаревъ расчитывалъ взять съ собою довольствіе на 20 дней, и на 30 дней оставить его въ складахъ на самой границѣ.

Дальнѣйшее обезпеченіе отряда предполагалось установить слѣдующимъ образомъ: по мѣрѣ израсходованія запасовъ въ передовыхъ магазинахъ, они своевременно пополняются изъ Чата и Дузъ-Олумы, а сюда подвозятся изъ Чикишляра. Для этого на линіи отъ Чикишляра до Чата, (140 верстъ), работаютъ 1500 одно-

конныхъ аробъ, которыя 7 сентября должны доставить въ Чатъ 60 т. пудовъ, т. е. двухъ-мѣсячную пропорцію. Отъ Чата до Дузъ-Олумы (47 верстъ) довольствіе подвозится на сорока войсковыхъ фургонахъ и на пятистахъ верблюдовъ, которые присылаются сюда изъ главнаго отряда. Наконецъ, на линіи отъ Чата и Дузъ-Олумы до Бендесена и Хаджамъ-кала (98 верстъ) работаютъ 2300 верблюдахъ, которые въ три или четыре рейса снова доставляютъ мѣсячную пропорцію. Кромѣ того, Лазаревъ распорядился собрать въ Дузъ-Олуму 800 слабыхъ верблюдовъ, расчитывая, что они въ теченіе мѣсяца поправятся на хорошихъ кормахъ и впослѣдствіи будутъ замѣнять собою другихъ, приходящихъ въ негодность; но такъ какъ для хорошаго корма требовалась прежде всего частая перемѣна пастбищъ, то приказано было отдѣлить отъ дѣйствующаго отряда двѣ роты Дагестанскаго полка и оставить ихъ въ Дузъ-Олумѣ спеціально для охраны и прикрытія верблюжьихъ табуновъ.

Въ заключеніе, Лазаревъ предпологалъ, по вступленіи въ Текинскій оазисъ, отправить въ Персію комиссіонера Таирова для закупки тамъ провіанта.

Не всѣ вышепомянутыя предположенія могли быть исполнены, не всѣ ожиданія сбылись, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ случайностей, неминуемыхъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ, но своевременныя мѣры, принимаемыя Лазаревымъ, ни въ чемъ не нарушали разъ принятаго имъ образа дѣйствій. Даже такое крупное происшествіе, какъ бѣгство съ дороги цѣлой тысячи верблюдовъ, случившееся по оплошности одного изъ начальниковъ, не измѣнило общаго плана движенія: только верблюжьи караваны, отправляемые съ передовыхъ позицій въ Дузъ-Олуму и Чатъ, должны были вмѣсто одного сдѣлать два рейса, а соотвѣтственно этому и самое вступленіе въ оазисъ отложено было Лаза-

ревымъ съ 26-го августа на 3-е сентября. Само собою понятно, что восемь лишнихъ дней, проведенныхъ на мѣстѣ, измѣняли общій расчетъ въ провіантѣ, но и за всѣмъ тѣмъ, отрядъ долженъ былъ выступить, имѣя при себѣ 14-ти дневный запасъ, и оставляя въ передовыхъ складахъ пропорцію слишкомъ на 22 дня. Естественно, что подобная перемѣна не могла повліять на успѣхъ экспедиціи, такъ какъ подвозъ въ тылу оставался безъ измѣненія, и даже былъ усиленъ нанятыми еще верблюдами.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ воловой расчетъ движенія и обезпеченіе отряда, на основаніи которыхъ признавалось возможнымъ приступить къ выполненію возложенной на отрядъ задачи. Все, что было можно, то было сдѣлано, и есть полное основаніе думать, что если бы придержались этого расчета и порядка движенія,—результаты были бы совершенно другіе.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда 14-го августа неожиданно скончался генералъ Лазаревъ. Начальникъ штаба полковникъ Малома въ тотъ же день выѣхалъ въ Чатъ, а по возвращеніи оттуда на другой день, въ ночь съ 15 на 16-е августа, узналъ, что въ его отсутствіи генералъ Ломакинъ, вступившій въ командованіе отрядомъ, уже сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Главныя силы выступаютъ изъ Дузъ-Олумы немедленно, утромъ 16-го августа, неожидая прибытія верблюдовъ изъ передовыхъ эшелоновъ.

2) Двумъ ротамъ Дагестанскаго полка, которыя оставлялись Лазаревымъ для прикрытія верблюжьяго табуна, присоединиться къ отряду.

3) Операціонную базу перемѣнить на Михайловскій заливъ, какъ ближайшій къ оазису, и затѣмъ туда же направить изъ Чикишляра единственный у насъ буксирный пароходъ—и

4) Комиссіонеру Таирову въ тотъ же день выѣхать въ Персію для закупки хлѣба и доставленія его прямо въ оазисъ.

Полковникъ Малома счелъ нужнымъ доложить генералу Ломакину, что всѣ эти распоряженія во первыхъ были не согласны съ видами генерала Лазарева, а во вторыхъ крайне ошибочны.

1) Выступая изъ Дузъ-Олумы, не ожидая прихода верблюдовъ, мы этимъ самымъ отказывались отъ мысли образованія складовъ въ Хаджамъ-калѣ и Бендесенѣ, лишаясь такимъ образомъ возможности пополнять запасы въ будущемъ, такъ какъ ближайшій складъ будетъ находиться отъ насъ въ двухъ-стахъ тридцати верстахъ. Во вторыхъ, за неприходомъ верблюдовъ колонна не можетъ поднять всего назначеннаго ей довольствія, и значительную часть его придется покинуть въ Дузъ-Олумѣ.

2) Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныхъ средствъ для поднятія даже собственнаго довольствія, колонна беретъ съ собой еще двѣ лишнія роты, которыя, не входя въ расчетъ провіанта и перевозочныхъ средствъ, составляютъ лишнюю обузу, нарушая общую систему довольствія. Кромѣ того, съ выступленіемъ дагестанскихъ ротъ, гарнизонъ Дузъ-Олумы ослаблялся настолько, что не имѣлъ уже возможности отдѣлять для верблюдовъ особаго прикрытія, и они въ теченіе цѣлаго мѣсяца должны будутъ пастись подъ самымъ укрѣпленіемъ на одной и той же, давно уже выбитой и лишенной травы, площадкѣ, вслѣдствіе чего не поправятся а ослабѣютъ еще болѣе *).

3) Неожиданная перемѣна операціонной базы требовала перемѣщенія всѣхъ запасовъ изъ Чикишляра къ Михайловскому заливу, на что мы не имѣли ни средствъ,

*) Это исполнилось, и всѣ 800 верблюдовъ пришли въ совершенную негодность.

ни времени, а, слѣдовательно, рисковали остаться вовсе безъ базы *).

Всѣ доводы начальника штаба, представленные по этому поводу, были отвергнуты. Одинъ изъ участниковъ похода подполковникъ П. пишетъ къ генералу Гурчину, что когда генералъ Ломакинъ, занявъ временно, по случаю смерти Лазарева, постъ начальника отряда, назначилъ немедленное движеніе впередъ, онъ, какъ старый его знакомый, убѣждалъ его не двигаться, пока не будутъ исполнены всѣ предъидущія предначертанія по устройству и снабженію отряда. „Но генералъ Ломакинъ", прибавляетъ онъ, „вѣроятно, не желая упустить промежутокъ времени до прибытія новаго настоящаго начальника, рѣшилъ покончить дѣло самъ и двинулъ противъ непріятеля отрядъ почти безъ всякихъ боевыхъ и продовольственныхъ средствъ" **).

Что же однако послужило причиной къ такимъ внезапнымъ перемѣнамъ всѣхъ распоряженій, и той лихорадочной поспѣшности, съ которою мы кинулись впередъ, не помышляя вовсе о томъ, что ожидаетъ насъ въ будущемъ. Причина тому была слѣдующая:

10-го августа изъ колонны князя Долгорукова, стоявшей въ Бендесенѣ, сдѣланъ былъ набѣгъ на текинскій оазисъ. Набѣгъ этотъ удался вполнѣ. Въ Бами казаки застали въ расплохъ часть населенія, отбили 800 верблюдовъ, 6 тысячь барановъ и выручили плѣннаго солдата. Успѣхъ этого набѣга вскружилъ всѣмъ головы. Колонные начальники писали Ломакину, подъ впечатлѣніемъ этого набѣга, что надо итти впередъ, какъ можно скорѣе, что среди текинцевъ паника, и что честь

---

*) Надо сказать: слава Богу, что мѣра эта была отмѣнена телеграммой изъ Тифлиса, но, тѣмъ не менѣе, отправка въ Михайловскій заливъ буксирнаго парохода лишила Чикишлярскій рейдъ содѣйствія его въ самую важную и нужную для насъ минуту.

**) Дѣло 1879 г. № 66.

и достоинство Россіи требуютъ немедленнаго вторженія въ оазисъ.

Вотъ эти-то письма, полученныя въ самый день смерти Лазарева, и были причиной внезапнаго выступленія Ломакина въ надеждѣ на легкіе и быстрые лавры.

„И такъ,—доносилъ впослѣдствіи полковникъ Малома, *)—мы выступили, уже не думая ни о какихъ запасахъ. Всякіе расчеты были оставлены, да ихъ не могло и быть, когда лозунгомъ нашимъ сдѣлалось слово „впередъ.“ Дѣйствительно, выступленіемъ торопились такъ, что авангардная колонна князя Долгорукова, выступая изъ Бендесена, оставила на мѣстѣ не только весь обозъ, который предпологалось употребить для перевозки запасовъ, но брошена была для облегченія даже часть продовольствія.

22-го августа войска перешли границу, а 27-го ночевали уже въ одномъ переходѣ отъ Геокъ-тепе, гдѣ сосредоточилась большая часть населенія текинскаго оазиса. Рождался вопросъ—что дѣлать дальше?

—Конечно, штурмовать завтра-же,—говорили колонные начальники на совѣщаніи у генерала Ломакина—иначе текинцы уйдутъ, и мы не успѣемъ нанести имъ рѣшительнаго удара.“ Начальникъ штаба полковникъ Малома заявилъ однако съ своей стороны, что генералъ Лазаревъ вовсе не расчитывалъ брать крѣпость стремительнымъ налетомъ, что онъ, напротивъ, хотѣлъ избѣгнуть кровопролитія, и, вызвавъ къ себѣ текинскихъ старшинъ, употребить въ переговорахъ съ ними все свое умѣнье и вліяніе, въ которыхъ отказать ему было нельзя. На это отвѣчали ему, что каждый день промедленія для отряда погубенъ, что мы рискуемъ остаться безъ провіанта, взятаго только на 15 дней, и что ближайшіе магазины остались за нами въ двухъ-стахъ верстахъ позади—„Объ этомъ нельзя не пожалѣть,—возра-

*) Рапортъ его отъ 8-го ноября.

зилъ полковникъ Малома,—но во всякомъ случаѣ, намъ слѣдуетъ занять позицію около аула Янги-кала, стать на водѣ, дать войскамъ отдохнуть, устроить вагенбургъ, и, наконецъ, произвести рекогносцировку, потому что мы не знаемъ вовсе, что такое Геокъ-тепе, что мы въ немъ найдемъ, и кого встрѣтимъ?“ Казалось, что это предложеніе было принято всѣми.

Съ разсвѣтомъ, 28-го августа, войска выступили съ ночлега тремя колоннами: впереди авангардъ, при которомъ находился Ломакинъ, потомъ главныя силы, подъ начальствомъ графа Борха, и, наконецъ, вагенбургъ. Приближаясь къ крѣпости, авангардъ не свернулъ однако на дорогу, ведущую къ Янги-кале, а двинулся прямо, расчитывая покончить съ текинцами одинъ, не ожидая даже главныхъ силъ, находившихся отъ него въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія. Такъ какъ рекогносцировки не было, то мы случайно вышли на самую сильную часть крѣпости, на сѣверо-западный уголъ ея, и хотя передовая позиція взята была, такъ сказать, съ одного удара, но на этомъ успѣхи наши и остановились; попытка ворваться въ крѣпость, по слѣдамъ бѣгущихъ текинцевъ, не удалась, и три слабые батальона, составлявшіе авангардъ, встрѣтивъ жестокій отпоръ, вынуждены были остановиться. Въ три съ половиной часа пополудни подошли наконецъ главныя силы. Начальника штаба въ это время не было; онъ поѣхалъ осматривать позицію, занятую кавалеріей въ тылу аула, и потому не участвовалъ въ военномъ совѣтѣ, происходившемъ у Ломакина. На этомъ совѣтѣ постановлено было штурмовать крѣпость немедленно. Графъ Борхъ настоятельно просилъ дать войскамъ необходимый отдыхъ, но въ этомъ ему было отказано. „Наступитъ ночь“, говорили ему, „и текинцы уйдутъ.“ Попытки къ этому, дѣйствительно, уже были сдѣланы: цѣлые караваны съ семьями потянулись было изъ Геокъ-тепе къ сторонѣ

Асхабада, но наша кавалерія силою возвратила ихъ обратно. Напрасно жители, какъ свидѣтельствуютъ многіе очевидцы, высылали своихъ депутатовъ, чтобы начать переговоры. У насъ увидѣли въ этомъ уловку затянуть время, и потому ни о какихъ переговорахъ не хотѣли слышать. Такимъ образомъ мы сдѣлали все, что бы заставитъ текинцевъ драться.

Штурмъ начался ровно въ 5 часовъ пополудни. Возвращаясь въ это время изъ своей поѣздки, полковникъ Малома былъ пораженъ канонадой, начавшейся подъ крѣпостью. Зная, что ни какихъ предварительныхъ распоряженіи о штурмѣ не было, онъ поскакалъ на выстрѣлы и наткнулся на нашу пѣхоту, уже разбитую и бѣгущую въ полномъ безпорядкѣ. Штурмъ, предпринятый съ утомленными войсками прямо послѣ 30-ти верстнаго тяжелаго перехода, безъ рекогносцировки и даже безъ диспозиціи, естественно, окончился полною для насъ неудачею. Изъ 1800 штыковъ, находившихся въ дѣлѣ, мы потеряли 26 офицеровъ и болѣе четырехъ сотъ нижнихъ чиновъ. Тѣла убитыхъ, ихъ оружіе, потроны, амуниція—все осталось въ рукахъ непріятеля.

Удержатся послѣ того въ оазисѣ намъ было не возможно и пришлось отступать форсированными маршами къ своей границѣ, а оттуда и далѣе, до самаго уже Терсъ-Окана.

Такъ окончилась эта бѣдственная экспедиція. Ломакинъ сложилъ однако всю вину въ неудачѣ на покойнаго генерала Лазарева.

„Съ самаго начала“, говоритъ онъ, „прискорбное состояніе нашей транспортной и продовольственной частей уже возбуждали во всѣхъ сильнѣйшее сомнѣніе въ благопріятномъ исходѣ экспедиціи. Ничего положительнаго, серьезнаго и прочнаго при нашихъ средствахъ предпринять было невозможно. Оставалось только одно: попытаться сдѣлать хоть что нибудь на легкихъ, съ не-

большимъ отрядомъ, что бы экспедиція имѣла хоть какой нибудь результатъ. Съ этой точки зрѣнія только и возможно смотрѣть на предпринятое Лазаревымъ движеніе въ Ахалъ-текинскій оазисъ. Вступивъ въ командованіе отрядомъ, я продолжалъ только осуществленіе въ точности всѣхъ его предположеній".

Неискренность этого донесенія слишкомъ очевидна, такъ какъ всѣмъ, начиная съ главнокомандующаго, было извѣстно, что Лазаревъ предпринимаетъ не пустую рекогносцировку, а прочное занятіе оазиса, и что всѣ его распоряженія клонятся именно къ этой цѣли. Къ этой же цѣли и съ тою же надеждой на успѣхъ, безъ всякаго сомнѣнія, стремился и Ломакинъ, хотя и пошелъ другими путями, нежели Лазаревъ; на это указываютъ и перемѣна базы на Михайловскій заливъ и командировка Таирова въ Персію,—обстоятельства, могшія оказать услугу намъ только при непремѣнномъ условіи занятія оазиса. Наконецъ, если намъ ничего нельзя было сдѣлать, какъ говоритъ Ломакинъ, то, кажется, не для чего было бы и вступать въ оазисъ. А для того, чтобы сдѣлать „что нибудь", естественно, нельзя было рисковать жизнію 500 человѣкъ. Это уже „не что нибудь". Очевидно, что штурмъ и не могъ быть предпринятъ иначе, какъ только съ явною надеждой на успѣхъ. Прибывшій на смѣну Ломакина генералъ Тергукасовъ умѣлъ открыть истинную причину нашей неудачи. Онъ пишетъ, что по смерти Лазарева „въ отрядѣ не стало никакого единства въ управленіи. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, а если не нравилось то или другое распоряженіе, то онъ или не исполнялъ его, или даже отмѣнялъ совсѣмъ, и никогда ни кому за это не было сдѣлано ни какихъ замѣчаній" *). Изъ этого становится ясно,

*) Донесеніе Тергукасова 18 октября 1879 г. № 3681. На подлинномъ положена резолюція: „Весьма интересное и назидательное, но и крайне грустное донесеніе... Да послужитъ это урокомъ всѣмъ намъ въ будущемъ".

что средства въ рукахъ у насъ были, но что распорядиться ими, послѣ смерти Лазарева, у насъ не умѣли.

Теперь вернемся къ печальнымъ днямъ кончины Ивана Давыдовича Лазарева. Тѣло его перевезено было изъ Чата въ Чикишляръ, а оттуда 19-го августа отправлено въ Баку на пароходѣ „Тамара", въ трехъ, поставленныхъ другъ въ друга, гробахъ. Его сопровождали сынъ покойнаго корнетъ Александръ Ивановичъ Лазаревъ и два адъютанта. Въ Баку прахъ Ивана Давыдовича перенесенъ былъ съ парохода въ армянскую церковь, гдѣ его опустили въ особо приготовленный для этого четвертый, свинцовый гробъ. На другой день отслужена была панихида, и этотъ массивный гробъ, не смотря на страшую его тяжесть, (болѣе 60 пудовъ), горожане все время несли на рукахъ до самой шемахинской заставы, гдѣ его установили въ траурный почтовый фургонъ, который долженъ былъ доставить тѣло въ Тифлисъ, согласно предсмертному желанію покойнаго.

Въ Тифлисъ печальная вѣсть о смерти Лазарева достигла только 22-го августа и вызвала общую нелицемѣрную скорбь, какъ въ войскахъ, такъ и въ народѣ, умѣвшихъ цѣнить одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ генераловъ. Вотъ что говорилось въ тогдашней газетѣ „Кавказъ": „Тифлису предстоитъ встрѣтить и проводить въ могилу тѣло одного изъ достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ уроженцевъ Закавказскаго края, генералъ-адъютанта Ивана Давыдовича Лазарева, того самаго героя-ветерана, котораго еще такъ недавно нашъ городъ провожалъ въ одну изъ труднѣйшихъ военныхъ экспедицій своимъ искреннимъ сочувствіемъ, благожеланіями и надеждами. Но судьбы Божіи неисповѣдимы. Не отъ вражескихъ пуль, не отъ тяжести походной жизни погибъ этотъ мужественный, желѣзный воинъ: сломила его внезапно тяжкая болѣзнь, не дав-

шая ему довести до конца возложенный на него трудный подвигъ... Съ глубокимъ сожалѣніемъ о преждевременной и чувствительной утратѣ опустимъ мы въ могилу гробъ твой, заслуженный воинъ. Благословенія и благодарныя воспоминанія о тебѣ арміи и общества, и признательныя строки въ исторіи края, да послужатъ утѣшеніемъ близкимъ къ тебѣ людямъ, пережившимъ тебя...“.

Печальная процессія вступила въ городъ 25-го августа вечеромъ. Мрачный фургонъ, запряженный шестерикомъ, предшествуемый духовенствомъ и сопровождаемый сотней казаковъ, тихо двигался по среди безчисленной массы народа, освѣщаемаго зловѣщимъ, багровымъ свѣтомъ колебавшихся факеловъ. Процессія направилась прямо въ Куки, гдѣ тѣло Лазарева предварительно поставлено было въ армянской церкви во имя Пресвятой Богородицы, чтобы дать возможность всѣмъ многочисленнымъ поклонникамъ покойнаго проститься съ его прахомъ. Похороны назначены были черезъ три дня. 27-го августа въ 10 часовъ утра похоронная процессія двинулась къ Ванкскому собору. Массивный гробъ, покрытый парчею, везли на богатой особо приготовленной для того траурной колесницѣ. Впереди шли амкары со своими знаменами, потомъ многочисленное армянское духовенство, имѣя во главѣ преосвященнаго епископа Григорія; за гробомъ шли представители военнаго и гражданскаго вѣдомства, войска, и тысячныя толпы народа, покрывавшаго собою всѣ улицы и крыши домовъ. Всѣ магазины не только по пути слѣдованія печальнаго кортежа, но и въ цѣломъ городѣ закрыты были на весь день. По вступленіи процессіи въ ограду Ванкскаго собора, гробъ сняли съ колесницы и поставили на краю широкой, приготовленной для него могилы. Здѣсь, въ присутствіи князя Григорія Димитріевича Орбеліани, князя Димитрія Ивановича Мирскаго,

экзарха Грузіи, главнаго священника арміи и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, армянское духовенство отслужило панихиду, по окончаніи которой преосвященный Григорій сказалъ горячее, живое слово, произведшее на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, объ утратѣ достославнаго бойца за царя и отечество. Генералъ Девель, старый сподвижникъ въ бояхъ Ивана Давыдовича, произнесъ также короткую, но полную значенія рѣчь, напомнивъ присутствующимъ, что только гражданскому мужеству князя Григорія Димитріевича и покойнаго Лазарева Россія обязана спасеніемъ Дагестана, а съ нимъ и цѣлаго Кавказа въ трудную эпоху Крымской войны *). Затѣмъ гробъ опустили въ могилу: грянулъ надъ ней троекратный залпъ, глухо прокатились по Курѣ раскаты пушечныхъ выстрѣловъ—и все земное окончилось.

Въ оградѣ Ванкскаго собора, въ этомъ палладіумѣ русскихъ героевъ-военачальниковъ, гдѣ покоятся графъ Лорисъ-Меликовъ, Тергукасовъ, Алхазовъ и Шелковниковъ, вы увидите массивный саркофагъ изъ сѣраго гранита, окруженный массивною же чугунною рѣшеткой. На гранитѣ лаконическая надпись: „Генералъ-адъютантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ 1820—1879 г.“. Рядомъ съ нимъ, за тою же оградой, другой такой же саркофагъ его супруги Анны Давыдовны. Развѣсистыя деревья, склонившіяся надъ ними, осѣняютъ собою этотъ пріютъ тишины и вѣчнаго покоя.

Гранитъ простоитъ вѣка, но еще крѣпче гранита будетъ живое слово, которое передастъ потомкамъ въ живыхъ и яркихъ краскахъ образъ этого замѣчательнаго полководца, гражданина и администратора.

---

*) Объ этомъ эпизодѣ разсказано въ XIII главѣ.